РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
БИБЛИОТЕКИ
ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абашидзе И. В.
Айтматов Ч.
Алексеев М. П.
Бажан М. П.
Благой Д. Д.
Брагинский И. С.
Бровка П. У.
Бурсов Б. И.
Бэкман В. Э.
Ванаг Ю. П.
Гамзатов Р.
Гафуров Б. Г.
Грабарь-Пассек М. Е.
Грибанов Б. Т.
Егоров А. Г.
Елистратова А. А.
Ибрагимов М.
Иванько С. С.
Кербабаев Б. М.
Косолапов В. А.
Лупан А. П.
Любимов Н. М.
Марков Г. М.
Межелайтис Э. Б.
Неупокоева И. Г.
Нечкина М. В.
Новиченко Л. Н.
Нурпеисов А. К.
Пузиков А. И.
Рашидов Ш. Р.
Реизов Б. Г.
Самарин Р. М.
Сомов В. С.
Сучков Б. Л.
Тихонов Н. С.
Турсун-заде М.
Федин К. А.
Федоренко Н. Т.
Федосеев П. Н.
Ханзадян С. Н.
Храпченко М. Б.
Черноуцан И. С.
Шамота Н. З.

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ XIX ВЕКА

ТОМ ВТОРОЙ

Ф. ТЮТЧЕВ
К. ПАВЛОВА
Е. ГРЕБЕНКА
И. МЯТЛЕВ
Э. ГУБЕР
Е. РОСТОПЧИНА
И. ТУРГЕНЕВ
Н. ОГАРЕВ
А. ПЛЕЩЕЕВ
А. МАЙКОВ
А. ФЕТ
А. ГРИГОРЬЕВ
Я. ПОЛОНСКИЙ
А. ТОЛСТОЙ
КОЗЬМА ПРУТКОВ
И. АКСАКОВ
Л. МЕЙ
Н. ЩЕРБИНА
А. РАЗОРЕНОВ
И. НИКИТИН
Н. ДОБРОЛЮБОВ
М. МИХАЙЛОВ
В. КУРОЧКИН
Д. МИНАЕВ
В. БОГДАНОВ
П. ВЕЙНБЕРГ
Л. ПАЛЬМИН
А. ЖЕМЧУЖНИКОВ
А. АММОСОВ
А. НАВРОЦКИЙ
П. ЛАВРОВ
И. ФЕДОРОВ (ОМУЛЕВСКИЙ)
Л. ТРЕФОЛЕВ
И. СУРИКОВ
С. ДРОЖЖИН
Д. САДОВНИКОВ
А. БОРОВИКОВСКИЙ
П. ЯКУБОВИЧ
В. ФИГНЕР
А. БАРЫКОВА
А. АПУХТИН
К. СЛУЧЕВСКИЙ
Н. МИНСКИЙ
В. СОЛОВЬЕВ
С. НАДСОН
К. ФОФАНОВ
М. ЛОХВИЦКАЯ
Л. РАДИН

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА · 1974

Составление
Е. Винокурова и В. Коровина

Р 1
Р 89

© Издательство «Художественная литература», 1974 г.

Р $\frac{0741\text{-}214}{028\,(01)\text{-}74}$ Подп. изд.

ПРОБЛЕСК

Слыхал ли в сумраке глубоком
Воздушной арфы легкий звон,
Когда полуночь, ненароком,
Дремавших струн встревожит сон?..

То потрясающие звуки,
То замирающие вдруг...
Как бы последний ропот муки,
В них отозвавшися, потух!

Дыханье каждое Зефира
Взрывает скорбь в ее струнах...
Ты скажешь: ангельская лира
Грустит, в пыли, по небесах!

О, как тогда с земного круга
Душой к бессмертному летим!
Минувшее, как призрак друга,
Прижать к груди своей хотим.

Как верим верою живою,
Как сердцу радостно, светло!
Как бы эфирною струею
По жилам небо протекло!

Но ах, не нам его судили;
Мы в небе скоро устаем,—
И не дано ничтожной пыли
Дышать божественным огнем.

Едва усилием минутным
Прервем на час волшебный сон
И взором трепетным и смутным,
Привстав, окинем небосклон,—

И отягченною главою,
Одним лучом ослеплены,
Вновь упадаем не к покою,
Но в утомительные сны.

⟨1825⟩

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.

Гремят раскаты молодые,
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит.

С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной и шум нагорный —
Все вторит весело громам.

Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

⟨1828, 1854⟩

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Уж солнца раскаленный шар
С главы своей земля скатила,
И мирный вечера пожар
Волна морская поглотила.

Уж звезды светлые взошли
И тяготеющий над нами
Небесный свод приподняли
Своими влажными главами.

Река воздушная полней
Течет меж небом и землею,
Грудь дышит легче и вольней,
Освобожденная от зною.

И сладкий трепет, как струя,
По жилам пробежал природы,
Как бы горячих ног ея
Коснулись ключевые воды.

〈1828〉

ВИДЕНИЕ

Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья,
И в оный час явлений и чудес
Живая колесница мирозданья
Открыто катится в святилище небес.

Тогда густеет ночь, как хаос на водах,
Беспамятство, как Атлас, давит сушу;
Лишь музы девственную душу
В пророческих тревожат боги снах!

〈1829〉

БЕССОННИЦА

Часов однообразный бой,
Томительная ночи повесть!
Язык для всех равно чужой
И внятный каждому, как совесть!

Кто без тоски внимал из нас,
Среди всемирного молчанья,
Глухие времени стенанья,
Пророчески прощальный глас?

Нам мнится: мир осиротелый
Неотразимый Рок настиг —
И мы, в борьбе, природой целой
Покинуты на нас самих;

И наша жизнь стоит пред нами,
Как призрак, на краю земли,
И с нашим веком и друзьями
Бледнеет в сумрачной дали;

И новое, младое племя
Меж тем на солнце расцвело,
А нас, друзья, и наше время
Давно забвеньем занесло!

Лишь изредка, обряд печальный
Свершая в полуночный час,
Металла голос погребальный
Порой оплакивает нас!

⟨1829⟩

УТРО В ГОРАХ

Лазурь небесная смеется,
Ночной омытая грозой,
И между гор росисто вьется
Долина светлой полосой.

Лишь высших гор до половины
Туманы покрывают скат,
Как бы воздушные руины
Волшебством созданных палат.

⟨1829⟩

СНЕЖНЫЕ ГОРЫ

Уже полдневная пора
Палит отвесными лучами,—
И задымилася гора
С своими черными лесами.

Внизу, как зеркало стальное,
Синеют озера струи,
И с камней, блещущих на зное,
В родную глубь спешат ручьи.

И между тем как полусонный
Наш дольний мир, лишенный сил,
Проникнут негой благовонной,
Во мгле полуденной почил,—

Горé, как божества родные,
Над издыхающей землей
Играют выси ледяные
С лазурью неба огневой.

〈1829〉

ПОСЛЕДНИЙ КАТАКЛИЗМ

Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Все зримое опять покроют воды,
И божий лик изобразится в них!

〈1829〉

* * *

Еще шумел веселый день,
Толпами улица блистала,
И облаков вечерних тень
По светлым кровлям пролетала.

И доносилися порой
Все звуки жизни благодатной —
И все в один сливалось строй,
Стозвучный, шумный и невнятный.

Весенней негой утомлен,
Я впал в невольное забвенье;
Не знаю, долог ли был сон,
Но странно было пробужденье...

Затих повсюду шум и гам,
И воцарилося молчанье —
Ходили тени по стенам
И полусонное мерцанье...

Украдкою в мое окно
Глядело бледное светило,
И мне казалось, что оно
Мою дремоту сторожило.

И мне казалось, что меня
Какой-то миротворный гений
Из пышно-золотого дня
Увлек, незримый, в царство теней.

⟨1829, 1851⟩

ВЕЧЕР

Как тихо веет над долиной
Далекий колокольный звон,
Как шорох стаи журавлиной,—
И в шуме листьев замер он.

Как море вешнее в разливе,
Светлея, не колыхнет день,—
И торопливей, молчаливей
Ложится по долине тень.

⟨1829⟩

ПОЛДЕНЬ

Лениво дышит полдень мглистый,
Лениво катится река,
И в тверди пламенной и чистой
Лениво тают облака.

И всю природу, как туман,
Дремота жаркая объемлет,
И сам теперь великий Пан
В пещере нимф покойно дремлет.

⟨1829⟩

ЛЕБЕДЬ

Пускай орел за облаками
Встречает молнии полет
И неподвижными очами
В себя впивает солнца свет.

Но нет завиднее удела,
О лебедь чистый, твоего —
И чистой, как ты сам, одело
Тебя стихией божество.

Она, между двойною бездной,
Лелеет твой всезрящий сон —
И полной славой тверди звездной
Ты отовсюду окружен.

〈1829〉

* * *

Ты зрел его в кругу большого света —
То своенравно-весел, то угрюм,
Рассеян, дик иль полон тайных дум,
Таков поэт — и ты презрел поэта!

На месяц взглянь: весь день, как облак тощий,
Он в небесах едва не изнемог,—
Настала ночь — и, светозарный бог,
Сияет он над усыпленной рощей!

〈1829—1830〉

* * *

В толпе людей, в нескромном шуме дня
Порой мой взор, движенья, чувства, речи
Твоей не смеют радоваться встрече —
Душа моя! о, не вини меня!..

Смотри, как днем туманисто-бело
Чуть брезжит в небе месяц светозарный,
Наступит ночь — и в чистое стекло
Вольет елей душистый и янтарный!

〈1829—1830〉

* * *

Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами;
Настанет ночь — и звучными волнами
Стихия бьет о берег свой.

То глас ее: он нудит нас и просит...
Уж в пристани волшебный ожил челн;
Прилив растет и быстро нас уносит
В неизмеримость темных волн.

Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины,—
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.

1830

* * *

За нашим веком мы идем,
Как шла Креуза за Энеем:
Пройдем немного — ослабеем,
Убавим шагу — отстаем.

1830

КОНЬ МОРСКОЙ

О рьяный конь, о конь морской,
С бледно-зеленой гривой,
То смирный, ласково-ручной,
То бешено-игривый!
Ты буйным вихрем вскормлен был
В широком божьем поле;
Тебя он прядать научил,
Играть, скакать по воле!

Люблю тебя, когда стремглав
В своей надменной силе,
Густую гриву растрепав
И весь в пару и мыле,
К брегам направив бурный бег,
С веселым ржаньем мчишься,
Копыта кинешь в звонкий брег
И — в брызги разлетишься!..

1830

* * *

Здесь, где так вяло свод небесный
На землю тощую глядит,—
Здесь, погрузившись в сон железный,
Усталая природа спит...

Лишь кой-где бледные березы,
Кустарник мелкий, мох седой,
Как лихорадочные грезы,
Смущают мертвенный покой.

1830

УСПОКОЕНИЕ

Гроза прошла — еще курясь, лежал
Высокий дуб, перунами сраженный,
И сизый дым с ветвей его бежал
По зелени, грозою освеженной.
А уж давно, звучнее и полней,
Пернатых песнь по роще раздалася,
И радуга концом дуги своей
В зеленые вершины уперлася.

1830

БЕЗУМИЕ

Там, где с землею обгорелой
Слился, как дым, небесный свод,—
Там в беззаботности веселой
Безумье жалкое живет.

Под раскаленными лучами,
Зарывшись в пламенных песках,
Оно стеклянными очами
Чего-то ищет в облаках.

То вспрянет вдруг и, чутким ухом
Припав к растреснутой земле,
Чему-то внемлет жадным слухом
С довольством тайным на челе.

И мнит, что слышит струй кипенье,
Что слышит ток подземных вод,
И колыбельное их пенье,
И шумный из земли исход!..

〈1830〉

ЦИЦЕРОН

Оратор римский говорил
Средь бурь гражданских и тревоги:
«Я поздно встал — и на дороге
Застигнут ночью Рима был!»
Так!.. но, прощаясь с римской славой,
С Капитолийской высоты
Во всем величье видел ты
Закат звезды ее кровавой!..

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.
Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был —
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил!

〈1830〉

* * *

Через ливонские я проезжал поля,
Вокруг меня все было так уныло...
Бесцветный грунт небес, песчаная земля —
Все на душу раздумье наводило.

Я вспомнил о былом печальной сей земли —
Кровавую и мрачную ту пору,
Когда сыны ее, простертые в пыли,
Лобзали рыцарскую шпору.

И, глядя на тебя, пустынная река,
И на тебя, прибрежная дуброва:
«Вы,— мыслил я,— пришли издалека,
Вы, сверстники сего былого!»

Так! вам одним лишь удалось
Дойти до нас с брегов другого света.
О, если б про него хоть на один вопрос
Мог допроситься я ответа!..

Но твой, природа, мир о днях былых молчит
С улыбкою двусмысленной и тайной,—
Так отрок, чар ночных свидетель быв случайный,
Про них и днем молчание хранит.

1830

* * *

Песок сыпучий по колени...
Мы едем — поздно — меркнет день,
И сосен, по дороге, тени
Уже в одну слилися тень.
Черней и чаще бор глубокий —
Какие грустные места!
Ночь хмурая, как зверь стоокий,
Глядит из каждого куста!

1830

ОСЕННИЙ ВЕЧЕР

Есть в светлости осенних вечеров
Умильная, таинственная прелесть:
Зловещий блеск и пестрота дерев,
Багряных листьев томный, легкий шелест,
Туманная и тихая лазурь
Над грустно-сиротеющей землею,
И, как предчувствие сходящих бурь,
Порывистый, холодный ветр порою,
Ущерб, изнеможенье — и на всем
Та кроткая улыбка увяданья,
Что в существе разумном мы зовем
Божественной стыдливостью страданья.

1830

MAL'ARIA[1]

Люблю сей божий гнев! Люблю сие, незримо
Во всем разлитое, таинственное Зло —
В цветах, в источнике прозрачном, как стекло,
И в радужных лучах, и в самом небе Рима.
Все та ж высокая, безоблачная твердь,
Все так же грудь твоя легко и сладко дышит,
Все тот же теплый ветр верхи дерев колышет,
Все тот же запах роз, и это все есть Смерть!..
Как ведать, может быть, и есть в природе звуки,
Благоухания, цвета и голоса,
Предвестники для нас последнего часа́
И усладители последней нашей муки.
И ими-то Судеб посланник роковой,
Когда сынов Земли из жизни вызывает,
Как тканью легкою свой образ прикрывает,
Да утаит от них приход ужасный свой!

1830

ВЕСЕННИЕ ВОДЫ

Еще в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят —
Бегут и будят сонный брег,
Бегут и блещут и гласят...

Они гласят во все концы:
«Весна идет, весна идет!
Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперед!»

Весна идет, весна идет!
И тихих, теплых, майских дней
Румяный, светлый хоровод
Толпится весело за ней.

⟨1830⟩

[1] Зараженный воздух *(итал.)*.

SILENTIUM![1]

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои —
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи,—
Любуйся ими — и молчи.

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи,—
Питайся ими — и молчи.

Лишь жить в себе самом умей —
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи,—
Внимай их пенью — и молчи!..

⟨1830⟩

* * *

Как над горячею золой
Дымится свиток и сгорает
И огнь, сокрытый и глухой,
Слова и строки пожирает,

Так грустно тлится жизнь моя
И с каждым днем уходит дымом;
Так постепенно гасну я
В однообразье нестерпимом!..

О небо, если бы хоть раз
Сей пламень развился по воле,
И, не томясь, не мучась доле,
Я просиял бы — и погас!

⟨1830⟩

[1] Молчание! *(лат.)*

* * *

На древе человечества высоком
Ты лучшим был его листом,
Воспитанный его чистейшим соком,
Развит чистейшим солнечным лучом!

С его великою душою
Созвучней всех на нем ты трепетал!
Пророчески беседовал с грозою
Иль весело с зефирами играл!

Не поздний вихрь, не буйный ливень летний
Тебя сорвал с родимого сучка:
Был многих краше, многих долголетней
И сам собою пал, как из венка!

1832

PROBLÈME[1]

С горы скатившись, камень лег в долине.
Как он упал? никто не знает ныне —
Сорвался ль он с вершины *сам* собой,
Иль был *низринут волею чужой?*
Столетье за столетьем пронеслося:
Никто еще не разрешил вопроса.

1833

СОН НА МОРЕ

И море и буря качали наш челн;
Я, сонный, был предан всей прихоти волн.
Две беспредельности были во мне,
И мной своевольно играли оне.
Вкруг меня, как кимвалы, звучали скалы,
Окликался ветры и пели валы.
Я в хаосе звуков лежал, оглушен,
Но над хаосом звуков носился мой сон.
Болезненно-яркий, волшебно-немой,
Он веял легко над гремящею тьмой.

[1] Проблема *(франц.)*.

В лучах огневицы развил он свой мир —
Земля зеленела, светился эфир,
Сады-лавиринфы, чертоги, столпы,
И сонмы кипели безмолвной толпы.
Я много узнал мне неведомых лиц,
Зрел тварей волшебных, таинственных птиц,
По высям творенья, как бог, я шагал,
И мир подо мною недвижный сиял.
Но все грезы насквозь, как волшебника вой,
Мне слышался грохот пучины морской,
И в тихую область видений и снов
Врывалася пена ревущих валов.

⟨1833⟩

* * *

Я лютеран люблю богослуженье,
Обряд их строгий, важный и простой —
Сих голых стен, сей храмины пустой
Понятно мне высокое ученье.

Не видите ль? Собравшися в дорогу,
В последний раз вам вера предстоит:
Еще она не перешла порогу,
Но дом ее уж пуст и гол стоит,—

Еще она не перешла порогу,
Еще за ней не затворилась дверь...
Но час настал, пробил... Молитесь богу,
В последний раз вы молитесь теперь.

1834

* * *

Я помню время золотое,
Я помню сердцу милый край.
День вечерел; мы были двое;
Внизу, в тени, шумел Дунай.

И на холму, там, где, белея,
Руина замка вдаль глядит,
Стояла ты, младая фея,
На мшистый опершись гранит,

Ногой младенческой касаясь
Обломков груды вековой;
И солнце медлило, прощаясь
С холмом, и замком, и тобой.

И ветер тихий мимолетом
Твоей одеждою играл
И с диких яблонь цвет за цветом
На плечи юные свевал.

Ты беззаботно вдаль глядела...
Край неба дымно гас в лучах;
День догорал; звучнее пела
Река в померкших берегах.

И ты с веселостью беспечной
Счастливый провожала день;
И сладко жизни быстротечной
Над нами пролетала тень.

〈1836〉

* * *

О чем ты воешь, ветр ночной?
О чем так сетуешь безумно?..
Что значит странный голос твой,
То глухо жалобный, то шумно?
Понятным сердцу языком
Твердишь о непонятной муке —
И роешь и взрываешь в нем
Порой неистовые звуки!..

О, страшных песен сих не пой
Про древний хаос, про родимый!
Как жадно мир души ночной
Внимает повести любимой!
Из смертной рвется он груди,
Он с беспредельным жаждет слиться!..
О, бурь заснувших не буди —
Под ними хаос шевелится!..

〈1836〉

* * *

Поток сгустился и тускнеет,
И прячется под твердым льдом,
И гаснет цвет, и звук немеет
В оцепененье ледяном,—
Лишь жизнь бессмертную ключа
Сковать всесильный хлад не может:
Она все льется — и, журча,
Молчанье мертвое тревожит.

Так и в груди осиротелой,
Убитой хладом бытия,
Не льется юности веселой,
Не блещет резвая струя,—
Но подо льдистою корой
Еще есть жизнь, еще есть ропот —
И внятно слышится порой
Ключа таинственного шепот.

〈1836〉

* * *

В душном воздуха молчанье,
Как предчувствие грозы,
Жарче роз благоуханье,
Звонче голос стрекозы...

Чу! за белой, дымной тучей
Глухо прокатился гром;
Небо молнией летучей
Опоясалось кругом...

Жизни некий преизбыток
В знойном воздухе разлит,
Как божественный напиток,
В жилах млеет и горит!

Дева, дева, что волнует
Дымку персей молодых?
Что мутится, что тоскует
Влажный блеск очей твоих?

Что, бледнея, замирает
Пламя девственных ланит?
Что так грудь твою спирает
И уста твои палит?..

Сквозь ресницы шелковые
Проступили две слезы...
Иль то капли дождевые
Зачинающей грозы?..

1836

* * *

Что ты клонишь над водами,
Ива, макушку свою?
И дрожащими листами,
Словно жадными устами,
Ловишь беглую струю?..

Хоть томится, хоть трепещет
Каждый лист твой над струей...
Но струя бежит и плещет,
И, на солнце нежась, блещет,
И смеется над тобой...

1836

* * *

Вечер мглистый и ненастный...
Чу, не жаворонка ль глас?..
Ты ли, утра гость прекрасный,
В этот поздний, мертвый час?..
Гибкий, резвый, звучно-ясный,
В этот мертвый, поздний час,
Как безумья смех ужасный,
Он всю душу мне потряс!..

1836

* * *

И гроб опущен уж в могилу,
И все столпилося вокруг...
Толкутся, дышат через силу,
Спирает грудь тлетворный дух...

И над могилою раскрытой,
В возглавии, где гроб стоит,
Ученый пастор, сановитый,
Речь погребальную гласит...

Вещает бренность человечью,
Грехопаденье, кровь Христа...
И умною, пристойной речью
Толпа различно занята...

А небо так нетленно-чисто,
Так беспредельно над землей...
И птицы реют голосисто
В воздушной бездне голубой...

〈1836〉

* * *

Как птичка, раннею зарей
Мир, пробудившись, встрепенулся...
Ах, лишь одной главы моей
Сон благодатный не коснулся!
Хоть свежесть утренняя веет
В моих всклокоченных власах,
На мне, я чую, тяготеет
Вчерашний зной, вчерашний прах!..

О, как пронзительны и дики,
Как ненавистны для меня
Сей шум, движенье, говор, крики
Младого, пламенного дня!..
О, как лучи его багровы,
Как жгут они мои глаза!..
О ночь, ночь, где твои покровы,
Твой тихий сумрак и роса!..

Обломки старых поколений,
Вы, пережившие свой век!
Как ваших жалоб, ваших пеней
Неправый праведен упрек!
Как грустно полусонной тенью,
С изнеможением в кости,
Навстречу солнцу и движенью
За новым племенем брести!..

〈1836〉

* * *

Душа моя — Элизиум теней,
Теней безмолвных, светлых и прекрасных,
Ни помыслам годины буйной сей,
Ни радостям, ни горю не причастных.

Душа моя — Элизиум теней,
Что общего меж жизнью и тобою!
Меж вами, призраки минувших, лучших дней,
И сей бесчувственной толпою?..

〈1836〉

* * *

Над виноградными холмами
Плывут златые облака.
Внизу зелеными волнами
Шумит померкшая река.
Взор постепенно из долины,
Подъемлясь, всходит к высотам
И видит на краю вершины
Круглообразный светлый храм.

Там, в горнем неземном жилище,
Где смертной жизни места нет,
И легче и пустынно-чище
Струя воздушная течет.
Туда взлетая, звук немеет,
Лишь жизнь природы там слышна
И нечто праздничное веет,
Как дней воскресных тишина.

〈1836〉

* * *

Зима недаром злится,
Прошла ее пора —
Весна в окно стучится
И гонит со двора.

И все засуетилось,
Все нудит Зиму вон —
И жаворонки в небе
Уж подняли трезвон.

Зима еще хлопочет
И на Весну ворчит.
Та ей в глаза хохочет
И пуще лишь шумит...

Взбесилась ведьма злая
И, снегу захватя,
Пустила, убегая,
В прекрасное дитя...

Весне и горя мало:
Умылася в снегу
И лишь румяней стала
Наперекор врагу.

1836

* * *

Нет, моего к тебе пристрастья
Я скрыть не в силах, мать-Земля!
Духов бесплотных сладострастья,
Твой верный сын, не жажду я.
Что пред тобой утеха рая,
Пора любви, пора весны,
Цветущее блаженство мая,
Румяный свет, златые сны?..

Весь день, в бездействии глубоком,
Весенний, теплый воздух пить,
На небе чистом и высоком
Порою облака следить;
Бродить без дела и без цели
И ненароком, на лету,
Набресть на свежий дух синели
Или на светлую мечту...

1836

* * *

Как сладко дремлет сад темно-зеленый,
Объятый негой ночи голубой,
Сквозь яблони, цветами убеленной,
Как сладко светит месяц золотой!..

Таинственно, как в первый день созданья,
В бездонном небе звездный сонм горит,
Музыки дальной слышны восклицанья,
Соседний ключ слышнее говорит...

На мир дневной спустилася завеса;
Изнемогло движенье, труд уснул...
Над спящим градом, как в вершинах леса,
Проснулся чудный, еженочный гул...

Откуда он, сей гул непостижимый?..
Иль смертных дум, освобожденных сном,
Мир бестелесный, слышный, но незримый,
Теперь роится в хаосе ночном?..

⟨1836⟩

* * *

Тени сизые смесились,
Цвет поблекнул, звук уснул —
Жизнь, движенье разрешились
В сумрак зыбкий, в дальний гул...
Мотылька полет незримый
Слышен в воздухе ночном...
Час тоски невыразимой!..
Всё во мне, и я во всем!..

Сумрак тихий, сумрак сонный,
Лейся в глубь моей души,
Тихий, томный, благовонный,
Все залей и утиши.
Чувства — мглой самозабвенья
Переполни через край!..
Дай вкусить уничтоженья,
С миром дремлющим смешай!

⟨1836⟩

* * *

С поляны коршун поднялся,
Высоко к небу он взвился;
Все выше, дале вьется он
И вот ушел за небосклон.

Природа-мать ему дала
Два мощных, два живых крыла —
А я здесь в поте и в пыли,
Я, царь земли, прирос к земли!..

〈1836〉

ФОНТАН

Смотри, как облаком живым
Фонтан сияющий клубится;
Как пламенеет, как дробится
Его на солнце влажный дым.
Лучом поднявшись к небу, он
Коснулся высоты заветной —
И снова пылью огнецветной
Ниспасть на землю осужден.

О смертной мысли водомет,
О водомет неистощимый!
Какой закон непостижимый
Тебя стремит, тебя мятет?
Как жадно к небу рвешься ты!
Но длань незримо-роковая,
Твой луч упорный преломляя,
Сверкает в брызгах с высоты.

〈1836〉

* * *

Душа хотела б быть звездой,
Но не тогда, как с неба полуночи
Сии светила, как живые очи,
Глядят на сонный мир земной,—

Но днем, когда, сокрытые, как дымом,
Палящих солнечных лучей,
Они, как божества, горят светлей
В эфире чистом и незримом.

〈1836〉

* * *

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Вы зрите лист и цвет на древе:
Иль их садовник приклеил?
Иль зреет плод в родимом чреве
Игрою внешних, чуждых сил?..

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Они не видят и не слышат,
Живут в сем мире, как впотьмах,
Для них и солнцы, знать, не дышат,
И жизни нет в морских волнах.

Лучи к ним в душу не сходили,
Весна в груди их не цвела,
При них леса не говорили
И ночь в звездах нема была!

И языками неземными,
Волнуя реки и леса,
В ночи не совещалась с ними
В беседе дружеской гроза!

Не их вина: пойми, коль может,
Органа жизнь глухонемой!
Увы, души в нем не встревожит
И голос матери самой!

<1836>

* * *

Еще земли печален вид,
А воздух уж весною дышит,
И мертвый в поле стебль колышет,
И елей ветви шевелит.
Еще природа не проснулась,
Но сквозь редеющего сна
Весну послышала она
И ей невольно улыбнулась...

Душа, душа, спала и ты...
Но что же вдруг тебя волнует,
Твой сон ласкает и целует
И золотит твои мечты?..
Блестят и тают глыбы снега,
Блестит лазурь, играет кровь...
Или весенняя то нега?..
Или то женская любовь?..

⟨1836⟩

* * *

И чувства нет в твоих очах,
И правды нет в твоих речах,
И нет души в тебе.

Мужайся, сердце, до конца:
И нет в творении творца!
И смысла нет в мольбе!

⟨1836⟩

* * *

Люблю глаза твои, мой друг,
С игрой их пламенно-чудесной,
Когда их приподымешь вдруг
И, словно молнией небесной,
Окинешь бегло целый круг...

Но есть сильней очарованья:
Глаза, потупленные ниц

В минуты страстного лобзанья,
И сквозь опущенных ресниц
Угрюмый, тусклый огнь желанья.

〈1836〉

29-ое ЯНВАРЯ 1837

Из чьей руки свинец смертельный
Поэту сердце растерзал?
Кто сей божественный фиал
Разрушил, как сосуд скудельный?
Будь прав или виновен он
Пред нашей правдою земною,
Навек он высшею рукою
В «*цареубийцы*» заклеймен.

Но ты, в безвременную тьму
Вдруг поглощенная со света,
Мир, мир тебе, о тень поэта,
Мир светлый праху твоему!..
Назло людскому суесловью
Велик и свят был жребий твой!..
Ты был богов орган живой,
Но с кровью в жилах... знойной кровью.

И сею кровью благородной
Ты жажду чести утолил —
И осененный опочил
Хоругвью горести народной.
Вражду твою пусть Тот рассудит,
Кто слышит пролитую кровь...
Тебя ж, как первую любовь,
России сердце не забудет!..

〈1837〉

ВЕСНА

Как ни гнетет рука судьбины,
Как ни томит людей обман,
Как ни браздят чело морщины
И сердце как ни полно ран;

Каким бы строгим испытаньям
Вы ни были подчинены,—
Что устоит перед дыханьем
И первой встречею весны!

Весна... она о вас не знает,
О вас, о горе и о зле;
Бессмертьем взор ее сияет,
И ни морщины на челе.
Своим законам лишь послушна,
В условный час слетает к вам,
Светла, блаженно-равнодушна,
Как подобает божествам.

Цветами сыплет над землею,
Свежа, как первая весна;
Была ль другая перед нею —
О том не ведает она:
По небу много облак бродит,
Но эти облака ея;
Она ни следу не находит
Отцветших весен бытия.

Не о былом вздыхают розы
И соловей в ночи поет;
Благоухающие слезы
Не о былом Аврора льет,—
И страх кончины неизбежной
Не свеет с древа ни листа:
Их жизнь, как океан безбрежный,
Вся в настоящем разлита.

Игра и жертва жизни частной!
Приди ж, отвергни чувств обман
И ринься, бодрый, самовластный,
В сей животворный океан!
Приди, струей его эфирной
Омой страдальческую грудь —
И жизни божеско-всемирной
Хотя на миг причастен будь!

⟨1838⟩

ДЕНЬ И НОЧЬ

На мир таинственный духов,
Над этой бездной безымянной,
Покров наброшен златотканый
Высокой волею богов.
День — сей блистательный покров —
День, земнородных оживленье,
Души болящей исцеленье,
Друг человеков и богов!

Но меркнет день — настала ночь;
Пришла — и с мира рокового
Ткань благодатную покрова,
Сорвав, отбрасывает прочь...
И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами —
Вот отчего нам ночь страшна!

⟨1839⟩

КОЛУМБ

Тебе, Колумб, тебе венец!
Чертеж земной ты выполнивший смело
И довершивший наконец
Судеб неконченое дело,
Ты завесу расторг божественной рукой —
И новый мир, неведомый, нежданный,
Из беспредельности туманной
На божий свет ты вынес за собой.

Так связан, съединен от века
Союзом кровного родства
Разумный гений человека
С творящей силой естества...
Скажи заветное он слово —
И миром новым естество
Всегда откликнуться готово
На голос родственный его.

1844

МОРЕ И УТЕС

И бунтует и клокочет,
Хлещет, свищет и ревет,
И до звезд допрянуть хочет,
До незыблемых высот...
Ад ли, адская ли сила
Под клокочущим котлом
Огнь геенский разложила —
И пучину взворотила,
И поставила вверх дном?

Волн неистовых прибоем
Беспрерывно вал морской
С ревом, свистом, визгом, воем
Бьет в утес береговой,—
Но, спокойный и надменный,
Дурью волн не обуян,
Неподвижный, неизменный,
Мирозданью современный,
Ты стоишь, наш великан!

И, озлобленные боем,
Как на приступ роковой,
Снова волны лезут с воем
На гранит громадный твой.
Но, о камень неизменный
Бурный натиск преломив,
Вал отбрызнул сокрушенный,
И струится мутной пеной
Обессиленный порыв...

Стой же ты, утес могучий!
Обожди лишь час, другой —
Надоест волне гремучей
Воевать с твоей пятой...
Утомясь потехой злою,
Присмиреет вновь она —
И без вою и без бою
Под гигантскою пятою
Вновь уляжется волна...

1848

* * *

Еще томлюсь тоской желаний,
Еще стремлюсь к тебе душой —
И в сумраке воспоминаний
Еще ловлю я образ твой...
Твой милый образ, незабвенный,
Он предо мной везде, всегда,
Недостижимый, неизменный,
Как ночью на небе звезда...

1848

* * *

Неохотно и несмело
Солнце смотрит на поля.
Чу, за тучей прогремело,
Принахмурилась земля.

Ветра теплого порывы,
Дальний гром и дождь порой...
Зеленеющие нивы
Зеленее под грозой.

Вот пробилась из-за тучи
Синей молнии струя —
Пламень белый и летучий
Окаймил ее края.

Чаще капли дождевые,
Вихрем пыль летит с полей,
И раскаты громовые
Все сердитей и смелей.

Солнце раз еще взглянуло
Исподлобья на поля,
И в сиянье потонула
Вся смятенная земля.

1849

* * *

Итак, опять увиделся я с вами,
Места немилые, хоть и родные,
Где мыслил я и чувствовал впервые
И где теперь туманными очами,
При свете вечереющего дня,
Мой детский возраст смотрит на меня.

О бедный призрак, немощный и смутный,
Забытого, загадочного счастья!
О, как теперь без веры и участья
Смотрю я на тебя, мой гость минутный,
Куда как чужд ты стал в моих глазах,
Как брат меньшой, умерший в пеленах...

Ах, нет, не здесь, не этот край безлюдный
Был для души моей родимым краем —
Не здесь расцвел, не здесь был величаем
Великий праздник молодости чудной.
Ах, и не в эту землю я сложил
Все, чем я жил и чем я дорожил!

1849

* * *

Тихой ночью, поздним летом,
Как на небе звезды рдеют,
Как под сумрачным их светом
Нивы дремлющие зреют...
Усыпительно-безмолвны,
Как блестят в тиши ночной
Золотистые их волны,
Убеленные луной...

1849

* * *

Когда в кругу убийственных забот
Нам все мерзит — и жизнь, как камней груда,
Лежит на нас,— вдруг, знает бог откуда,
Нам на душу отрадное дохнет,
Минувшим нас обвеет и обнимет
И страшный груз минутно приподнимет.

Так иногда, осеннею порой,
Когда поля уж пусты, рощи голы,
Бледнее небо, пасмурнее долы,
Вдруг ветр подует, теплый и сырой,
Опавший лист погонит пред собою
И душу нам обдаст как бы весною...

1849

* * *

По равнине вод лазурной
Шли мы верною стезей,—
Огнедышащий и бурный
Уносил нас змей морской.

С неба звезды нам светили,
Снизу искрилась волна,
И метелью влажной пыли
Обдавала нас она.

Мы на палубе сидели,
Многих сон одолевал...
Все звучней колеса пели,
Разгребая шумный вал...

Приутих наш круг веселый,
Женский говор, женский шум...
Подпирает локоть белый
Много милых, сонных дум.

Сны играют на просторе
Под магической луной —
И баюкает их море
Тихоструйною волной.

1849

* * *

Вновь твои я вижу очи —
И один твой южный взгляд
Киммерийской грустной ночи
Вдруг рассеял сонный хлад...

Воскресает предо мною
Край иной — родимый край —
Словно прадедов виною
Для сынов погибший рай...

Лавров стройных колыханье
Зыблет воздух голубой,
Моря тихое дыханье
Провевает летний зной,
Целый день на солнце зреет
Золотистый виноград,
Баснословной былью веет
Из-под мраморных аркад...

Сновиденьем безобразным
Скрылся север роковой,
Сводом легким и прекрасным
Светит небо надо мной.
Снова жадными очами
Свет живительный я пью
И под чистыми лучами
Край волшебный узнаю.

⟨1849⟩

* * *

Слезы людские, о слезы людские,
Льетесь вы ранней и поздней порой...
Льетесь безвестные, льетесь незримые,
Неистощимые, неисчислимые,—
Льетесь, как льются струи дождевые
В осень глухую, порою ночной.

1849

* * *

Как дымный столп светлеет в вышине!
Как тень внизу скользит неуловима!..
«Вот наша жизнь,— промолвила ты мне,-
Не светлый дым, блестящий при луне,
А эта тень, бегущая от дыма...»

⟨1848—1849⟩

РУССКОЙ ЖЕНЩИНЕ

Вдали от солнца и природы,
Вдали от света и искусства,
Вдали от жизни и любви
Мелькнут твои младые годы,
Живые помертвеют чувства,
Мечты развеются твои...

И жизнь твоя пройдет незрима,
В краю безлюдном, безымянном,
На незамеченной земле,—
Как исчезает облак дыма
На небе тусклом и туманном,
В осенней беспредельной мгле...

⟨1848—1849⟩

* * *

Святая ночь на небосклон взошла,
И день отрадный, день любезный,
Как золотой покров, она свила,
Покров, накинутый над бездной.
И, как виденье, внешний мир ушел...
И человек, как сирота бездомный,
Стоит теперь, и немощен и гол,
Лицом к лицу пред пропастию темной.

На самого себя покинут он —
Упразднен ум, и мысль осиротела —
В душе своей, как в бездне, погружен,
И нет извне опоры, ни предела...
И чудится давно минувшим сном
Ему теперь все светлое, живое...
И в чуждом, неразгаданном, ночном
Он узнает наследье родовое.

⟨1850⟩

ПОЭЗИЯ

Среди громов, среди огней,
Среди клокочущих страстей,
В стихийном, пламенном раздоре,
Она с небес слетает к нам —

Небесная к земным сынам,
С лазурной ясностью во взоре —
И на бунтующее море
Льет примирительный елей.

〈1850〉

РИМ НОЧЬЮ

В ночи лазурной почивает Рим.
Взошла луна и овладела им,
И спящий град, безлюдно-величавый,
Наполнила своей безмолвной славой...

Как сладко дремлет Рим в ее лучах!
Как с ней сроднился Рима вечный прах!..
Как будто лунный мир и град почивший —
Все тот же мир, волшебный, но отживший!..

〈1850〉

* * *

Кончен пир, умолкли хоры,
Опорожнены амфоры,
Опрокинуты корзины,
Не допиты в кубках вины,
На главах венки измяты,—
Лишь курятся ароматы
В опустевшей светлой зале...
Кончив пир, мы поздно встали —
Звезды на небе сияли,
Ночь достигла половины...

Как над беспокойным градом,
Над дворцами, над домами,
Шумным уличным движеньем
С тускло-рдяным освещеньем
И бессонными толпами,—
Как над этим дольным чадом,
В горнем выспреннем пределе
Звезды чистые горели,
Отвечая смертным взглядам
Непорочными лучами...

〈1850〉

* * *

Пошли, господь, свою отраду
Тому, кто в летний жар и зной,
Как бедный нищий, мимо саду
Бредет по жаркой мостовой;

Кто смотрит вскользь через ограду
На тень деревьев, злак долин,
На недоступную прохладу
Роскошных, светлых луговин.

Не для него гостеприимной
Деревья сенью разрослись,
Не для него, как облак дымный,
Фонтан на воздухе повис.

Лазурный грот, как из тумана,
Напрасно взор его манит,
И пыль росистая фонтана
Главы его не освежит.

Пошли, господь, свою отраду
Тому, кто жизненной тропой,
Как бедный нищий, мимо саду
Бредет по знойной мостовой.

1850

* * *

Как ни дышит полдень знойный
В растворенное окно,
В этой храмине спокойной,
Где все тихо и темно,

Где живые благовонья
Бродят в сумрачной тени,
В сладкий сумрак полусонья
Погрузись и отдохни.

Здесь фонтан неутомимый
День и ночь поет в углу
И кропит росой незримой
Очарованную мглу.

И в мерцанье полусвета,
Тайной страстью занята,
Здесь влюбленного поэта
Веет легкая мечта.

〈1850〉

* * *

Обвеян вещею дремотой,
Полураздетый лес грустит...
Из летних листьев разве сотый,
Блестя осенней позолотой,
Еще на ветви шелестит.

Гляжу с участьем умиленным,
Когда, пробившись из-за туч,
Вдруг по деревьям испещренным,
С их ветхим листьем изнуренным,
Молниевидный брызнет луч!

Как увядающее мило!
Какая прелесть в нем для нас,
Когда, что так цвело и жило,
Теперь, так немощно и хило,
В последний улыбнется раз!..

1850

ДВА ГОЛОСА

1

Мужайтесь, о други, боритесь прилежно,
Хоть бой и неравен, борьба безнадежна!
Над вами светила молчат в вышине,
Под вами могилы — молчат и оне.

Пусть в горнем Олимпе блаженствуют боги:
Бессмертье их чуждо труда и тревоги;
Тревога и труд лишь для смертных сердец...
Для них нет победы, для них есть конец.

2

Мужайтесь, боритесь, о храбрые други,
Как бой ни жесток, ни упорна борьба!
Над вами безмолвные звездные круги,
Под вами немые, глухие гроба.

Пускай олимпийцы завистливым оком
Глядят на борьбу непреклонных сердец.
Кто, ратуя, пал, побежденный лишь Роком,
Тот вырвал из рук их победный венец.

〈1850〉

* * *

Смотри, как на речном просторе,
По склону вновь оживших вод,
Во всеобъемлющее море
За льдиной льдина вслед плывет.

На солнце ль радужно блистая,
Иль ночью в поздней темноте,
Но все, неизбежимо тая,
Они плывут к одной мете.

Все вместе — малые, большие,
Утратив прежний образ свой,
Все — безразличны, как стихия,—
Сольются с бездной роковой!..

О, нашей мысли обольщенье,
Ты, человеческое Я,
Не таково ль твое значенье,
Не такова ль судьба твоя?

〈1851〉

* * *

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!

Давно ль, гордясь своей победой,
Ты говорил: она моя...
Год не прошел — спроси и сведай,
Что уцелело от нея?

Куда ланит девались розы,
Улыбка уст и блеск очей?
Все опалили, выжгли слезы
Горючей влагою своей.

Ты помнишь ли, при вашей встрече,
При первой встрече роковой,
Ее волшебный взор, и речи,
И смех младенчески живой?

И что ж теперь? И где все это?
И долговечен ли был сон?
Увы, как северное лето,
Был мимолетным гостем он!

Судьбы ужасным приговором
Твоя любовь для ней была,
И незаслуженным позором
На жизнь ее она легла!

Жизнь отреченья, жизнь страданья!
В ее душевной глубине
Ей оставались вспоминанья...
Но изменили и оне.

И на земле ей дико стало,
Очарование ушло...
Толпа, нахлынув, в грязь втоптала
То, что в душе ее цвело.

И что ж от долгого мученья,
Как пепл, сберечь ей удалось?
Боль, злую боль ожесточенья,
Боль без отрады и без слез!

О, как убийственно мы любим!
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!..

⟨1851⟩

ПЕРВЫЙ ЛИСТ

Лист зеленеет молодой.
Смотри, как листьем молодым
Стоят обвеяны березы,
Воздушной зеленью сквозной,
Полупрозрачною, как дым...

Давно им грезилось весной,
Весной и летом золотым,—
И вот живые эти грезы,
Под первым небом голубым,
Пробились вдруг на свет дневной...

О, первых листьев красота,
Омытых в солнечных лучах,
С новорожденною их тенью!
И слышно нам по их движенью,
Что в этих тысячах и тьмах
Не встретишь мертвого листа.

1851

ВОЛНА И ДУМА

Дума за думой, волна за волной —
Два проявленья стихии одной:
В сердце ли тесном, в безбрежном ли море,
Здесь — в заключении, там — на просторе,
Тот же все вечный прибой и отбой,
Тот же все призрак тревожно-пустой.

1851

* * *

Не остывшая от зною,
Ночь июльская блистала...
И над тусклою землею
Небо, полное грозою,
Все в зарницах трепетало...

Словно тяжкие ресницы
Подымались над землею,
И сквозь беглые зарницы
Чьи-то грозные зеницы
Загоралися порою...

1851

* * *

В разлуке есть высокое значенье:
Как ни люби, хоть день один, хоть век,
Любовь есть сон, а сон — одно мгновенье,
И рано ль, поздно ль пробужденье,
А должен наконец проснуться человек...

1851

* * *

Как весел грохот летних бурь,
Когда, взметая прах летучий,
Гроза, нахлынувшая тучей,
Смутит небесную лазурь
И опрометчиво-безумно
Вдруг на дубраву набежит,
И вся дубрава задрожит
Широколиственно и шумно!..

Как под незримою пятой,
Лесные гнутся исполины;
Тревожно ропщут их вершины,
Как совещаясь меж собой,—
И сквозь внезапную тревогу
Немолчно слышен птичий свист,
И кой-где первый желтый лист,
Крутясь, слетает на дорогу...

1851

* * *

День вечереет, ночь близка,
Длинней с горы ложится тень,
На небе гаснут облака...
Уж поздно. Вечереет день.

Но мне не страшен мрак ночной,
Не жаль скудеющего дня,—
Лишь ты, волшебный призрак мой,
Лишь ты не покидай меня!..

Крылом своим меня одень,
Волненья сердца утиши,
И благодатна будет тень
Для очарованной души.

Кто ты? Откуда? Как решить,
Небесный ты или земной?
Воздушный житель, может быть,—
Но с страстной женскою душой.

1851

ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕ

Любовь, любовь — гласит преданье —
Союз души с душой родной —
Их съединенье, сочетанье,
И роковое их слиянье,
И... поединок роковой...

И чем одно из них нежнее
В борьбе неравной двух сердец,
Тем неизбежней и вернее,
Любя, страдая, грустно млея,
Оно изноет наконец...

⟨1851—1852⟩

* * *

О, не тревожь меня укорой справедливой!
Поверь, из нас из двух завидней часть твоя:
Ты любишь искренно и пламенно, а я —
Я на тебя гляжу с досадою ревнивой.

И, жалкий чародей, перед волшебным миром,
Мной созданным самим, без веры я стою —
И самого себя, краснея, сознаю
Живой души твоей безжизненным кумиром.

⟨1851—1852⟩

* * *

Чему молилась ты с любовью,
Что, как святыню, берегла,
Судьба людскому суесловью
На поруганье предала.

Толпа вошла, толпа вломилась
В святилище души твоей,
И ты невольно постыдилась
И тайн и жертв, доступных ей.

Ах, если бы живые крылья
Души, парящей над толпой,
Ее спасали от насилья
Бессмертной пошлости людской!

⟨1851—1852⟩

* * *

Mobile comme l'onde [1]

Ты, волна моя морская,
Своенравная волна,
Как, покоясь иль играя,
Чудной жизни ты полна!

Ты на солнце ли смеешься,
Отражая неба свод,
Иль мятешься ты и бьешься
В одичалой бездне вод,—

Сладок мне твой тихий шепот,
Полный ласки и любви;
Внятен мне и буйный ропот,
Стоны вещие твои.

Будь же ты в стихии бурной
То угрюма, то светла,
Но в ночи твоей лазурной
Сбереги, что ты взяла.

[1] Непостоянная, как волна *(франц.)*.

Не кольцо, как дар заветный,
В зыбь твою я опустил,
И не камень самоцветный
Я в тебе похоронил.

Нет — в минуту роковую,
Тайной прелестью влеком,
Душу, душу я живую
Схоронил на дне твоем.

1852

* * *

Сияет солнце, воды блещут,
На всем улыбка, жизнь во всем,
Деревья радостно трепещут,
Купаясь в небе голубом.

Поют деревья, блещут воды,
Любовью воздух растворен,
И мир, цветущий мир природы,
Избытком жизни упоен.

Но и в избытке упоенья
Нет упоения сильней
Одной улыбки умиленья
Измученной души твоей...

1852

* * *

Чародейкою-Зимою
Околдован, лес стоит —
И под снежной бахромою,
Неподвижною, немою,
Чудной жизнью он блестит.

И стоит он, околдован,—
Не мертвец и не живой —
Сном волшебным очарован,
Весь опутан, весь окован
Легкой цепью пуховой...

Солнце зимнее ли мещет
На него свой луч косой —
В нем ничто не затрепещет,
Он весь вспыхнет и заблещет
Ослепительной красой.

1852

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!

Полнеба обхватила тень,
Лишь там, на западе, бродит сиянье,-
Помедли, помедли, вечерний день,
Продлись, продлись, очарованье.

Пускай скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...
О ты, последняя любовь!
Ты и блаженство и безнадежность.

⟨1852—1854⟩

* * *

Так, в жизни есть мгновения —
Их трудно передать,
Они самозабвения
Земного благодать.
Шумят верхи древесные
Высоко надо мной,
И птицы лишь небесные
Беседуют со мной.
Все пошлое и ложное
Ушло так далеко,
Все мило-невозможное
Так близко и легко.
И любо мне, и сладко мне,
И мир в моей груди,
Дремотою обвеян я —
О время, погоди!

⟨1855⟩

* * *

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде царь небесный
Исходил, благословляя.

1855

* * *

О вещая душа моя!
О сердце, полное тревоги,
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..

Так, ты — жилица двух миров,
Твой день — болезненный и страстный,
Твой сон — пророчески неясный,
Как откровение духов...

Пускай страдальческую грудь
Волнуют страсти роковые —
Душа готова, как Мария,
К ногам Христа навек прильнуть.

1855

* * *

Не богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые и злые,—
Все было ложь в тебе, всё призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей.

⟨1856⟩

* * *

Над этой темною толпой
Непробужденного народа
Взойдешь ли ты когда, Свобода,
Блеснет ли луч твой золотой?..

Блеснет твой луч и оживит,
И сон разгонит и туманы...
Но старые, гнилые раны,
Рубцы насилий и обид,

Растленье душ и пустота,
Что гложет ум и в сердце ноет,—
Кто их излечит, кто прикроет?..
Ты, риза чистая Христа...

1857

* * *

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора —
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...

Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто все — простор везде,—
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.

Пустеет воздух, птиц не слышно боле,
Но далеко еще до первых зимних бурь —
И льется чистая и теплая лазурь
На отдыхающее поле...

1857

* * *

Смотри, как роща зеленеет,
Палящим солнцем облита,
А в ней какою негой веет
От каждой ветки и листа!

Войдем и сядем над корнями
Дерев, поимых родником,—
Там, где, обвеянный их мглами,
Он шепчет в сумраке немом.

Над нами бредят их вершины,
В полдневный зной погружены,
И лишь порою крик орлиный
До нас доходит с вышины...

1857

* * *

Она сидела на полу
И груду писем разбирала
И, как остывшую золу,
Брала их в руки и бросала.

Брала знакомые листы
И чудно так на них глядела,
Как души смотрят с высоты
На ими брошенное тело...

О, сколько жизни было тут,
Невозвратимо пережитой!
О, сколько горестных минут,
Любви и радости убитой!..

Стоял я молча в стороне
И пасть готов был на колени,—
И страшно грустно стало мне,
Как от присущей милой тени.

1858

* * *

Осенней позднею порою
Люблю я царскосельский сад,
Когда он тихой полумглою
Как бы дремотою объят,
И белокрылые виденья,

На тусклом озера стекле,
В какой-то неге онеменья
Коснеют в этой полумгле...

И на порфирные ступени
Екатерининских дворцов
Ложатся сумрачные тени
Октябрьских ранних вечеров —
И сад темнеет, как дуброва,
И при звездах из тьмы ночной,
Как отблеск славного былого,
Выходит купол золотой...

1858

* * *

Хоть я и свил гнездо в долине,
Но чувствую порой и я,
Как животворно на вершине
Бежит воздушная струя,—
Как рвется из густого слоя,
Как жаждет горних наша грудь,
Как все удушливо-земное
Она хотела б оттолкнуть!

На недоступные громады
Смотрю по целым я часам,—
Какие росы и прохлады
Оттуда с шумом льются к нам!
Вдруг просветлеют огнецветно
Их непорочные снега:
По ним проходит незаметно
Небесных ангелов нога...

⟨1860⟩

* * *

Иным достался от природы
Инстинкт пророчески слепой —
Они им чуют, слышат воды
И в темной глубине земной...

Великой Матерью любимый,
Стократ завидней твой удел —
Не раз под оболочкой зримой
Ты самое ее узрел...

1862

* * *

Утихла биза... Легче дышит
Лазурный сонм женевских вод —
И лодка вновь по ним плывет,
И снова лебедь их колышет.

Весь день, как летом, солнце греет,
Деревья блещут пестротой,
И воздух ласковой волной
Их пышность ветхую лелеет.

А там, в торжественном покое,
Разоблаченная с утра,
Сияет Белая гора,
Как откровенье неземное.

Здесь сердце так бы все забыло,
Забыло б муку всю свою,
Когда бы там — в родном краю —
Одной могилой меньше было...

1864

* * *

Как неразгаданная тайна,
Живая прелесть дышит в ней —
Мы смотрим с трепетом тревожным
На тихий свет ее очей.

Земное ль в ней очарованье
Иль неземная благодать?
Душа хотела б ей молиться,
А сердце рвется обожать...

1864

* * *

О, этот юг, о, эта Ницца!..
О, как их блеск меня тревожит!
Жизнь, как подстреленная птица,
Подняться хочет — и не может...
Нет ни полета, ни размаху —
Висят поломанные крылья,
И вся она, прижавшись к праху,
Дрожит от боли и бессилья...

1864

* * *

Весь день она лежала в забытьи,
И всю ее уж тени покрывали.
Лил теплый летний дождь — его струи
По листьям весело звучали.

И медленно опомнилась она,
И начала прислушиваться к шуму,
И долго слушала — увлечена,
Погружена в сознательную думу...

И вот, как бы беседуя с собой,
Сознательно она проговорила
(Я был при ней, убитый, но живой):
«О, как все это я любила!»
. . . . . .

Любила ты, и так, как ты, любить —
Нет, никому еще не удавалось!
О господи!.. и это *пережить*...
И сердце на клочки не разорвалось...

1864

* * *

Как хорошо ты, о море ночное,—
Здесь лучезарно, там сизо-темно...
В лунном сиянии, словно живое,
Ходит, и дышит, и блещет оно...

На бесконечном, на вольном просторе
Блеск и движение, грохот и гром...
Тусклым сияньем облитое море,
Как хорошо ты в безлюдье ночном!

Зыбь ты великая, зыбь ты морская,
Чей это праздник так празднуешь ты?
Волны несутся, гремя и сверкая,
Чуткие звезды глядят с высоты.

В этом волнении, в этом сиянье,
Весь, как во сне, я потерян стою —
О, как охотно бы в их обаянье
Всю потопил бы я душу свою...

1865

* * *

Est in arundineis modulatio musica ripis [1]

Певучесть есть в морских волнах,
Гармония в стихийных спорах,
И стройный мусикийский шорох
Струится в зыбких камышах.

Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе,—
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею сознаем.

Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что море,
И ропщет мыслящий тростник?

1865

ДРУГУ МОЕМУ Я. П. ПОЛОНСКОМУ

Нет боле искр живых на голос твой приветный —
Во мне глухая ночь, и нет для ней утра...
И скоро улетит — во мраке незаметный —
Последний, скудный дым с потухшего костра.

1865

[1] Есть музыкальная стройность в прибрежных тростниках *(лат.)*.

* * *

Молчит сомнительно Восток,
Повсюду чуткое молчанье...
Что это? Сон иль ожиданье,
И близок день или далек?
Чуть-чуть белеет темя гор,
Еще в тумане лес и долы,
Спят города и дремлют селы,
Но к небу подымите взор...

Смотрите: полоса видна,
И, словно скрытной страстью рдея,
Она все ярче, все живее —
Вся разгорается она —
Еще минута, и во всей
Неизмеримости эфирной
Раздастся благовест всемирный
Победных солнечных лучей.

1865

* * *

Как неожиданно и ярко,
На влажной неба синеве,
Воздушная воздвиглась арка
В своем минутном торжестве!
Один конец в леса вонзила,
Другим за облака ушла —
Она полнеба обхватила
И в высоте изнемогла.

О, в этом радужном виденье
Какая нега для очей!
Оно дано нам на мгновенье,
Лови его — лови скорей!
Смотри — оно уж побледнело,
Еще минута, две — и что ж?
Ушло, как то уйдет всецело,
Чем ты и дышишь и живешь.

1865

* * *

Ночное небо так угрюмо,
Заволокло со всех сторон.
То не угроза и не дума,
То вялый, безотрадный сон.
Одни зарницы огневые,
Воспламеняясь чередой,
Как демоны глухонемые,
Ведут беседу меж собой.

Как по условленному знаку,
Вдруг неба вспыхнет полоса,
И быстро выступят из мраку
Поля и дальние леса.
И вот опять все потемнело,
Все стихло в чуткой темноте —
Как бы таинственное дело
Решалось там — на высоте.

1865

* * *

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

1866

* * *

Как ни тяжел последний час —
Та непонятная для нас
Истома смертного страданья,—
Но для души еще страшней
Следить, как вымирают в ней
Все лучшие воспоминанья...

1867

* * *

Опять стою я над Невой,
И снова, как в былые годы,
Смотрю и я, как бы живой,
На эти дремлющие воды.

Нет искр в небесной синеве,
Все стихло в бледном обаянье,
Лишь по задумчивой Неве
Струится лунное сиянье.

Во сне ль все это снится мне,
Или гляжу я в самом деле,
На что при этой же луне
С тобой живые мы глядели?

1868

* * *

В небе тают облака,
И, лучистая на зное,
В искрах катится река
Словно зеркало стальное...

Час от часу жар сильней,
Тень ушла к немым дубровам,
И с белеющих полей
Веет запахом медовым.

Чудный день! Пройдут века —
Так же будут, в вечном строе,
Течь и искриться река
И поля дышать на зное.

1868

* * *

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется,—
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...

1869

* * *

Природа — сфинкс. И тем она верней
Своим искусом губит человека,
Что, может статься, никакой от века
Загадки нет и не было у ней.

1869

К. Б.

Я встретил вас — и все былое
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил время золотое —
И сердцу стало так тепло...

Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то встрепенется в нас,—

Так, весь обвеян дуновеньем
Тех лет душевной полноты,
С давно забытым упоеньем
Смотрю на милые черты...

Как после вековой разлуки,
Гляжу на вас, как бы во сне,—
И вот — слышнее стали звуки,
Не умолкавшие во мне...

Тут не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь,—
И то же в вас очарованье,
И та ж в душе моей любовь!..

1870

* * *

От жизни той, что бушевала здесь,
От крови той, что здесь рекой лилась,
Что уцелело, что дошло до нас?
Два-три кургана, видимых поднесь...

Да два-три дуба выросли на них,
Раскинувшись и широко и смело,
Красуются, шумят,— и нет им дела,
Чей прах, чью память роют корни их.

Природа знать не знает о былом,
Ей чужды наши призрачные годы,
И перед ней мы смутно сознаем
Себя самих — лишь грезою природы.

Поочередно всех своих детей,
Свершающих свой подвиг бесполезный,
Она равно приветствует своей
Всепоглощающей и миротворной бездной.

1871

ДА ИЛЬ НЕТ

За листком листок срывая
С белой звездочки полей,
Ей шепчу, цветку вверяя,
Что скрываю от людей.
Суеверное мечтанье
Видит в нем себе ответ
На сердечное гаданье —
Будет *да* мне или *нет*?

Много в сердце вдруг проснется
Незабвенно давних грез,
Много из груди польется
Страстных просьб и горьких слез.
Но на детское моленье,
На порывы бурных лет
Сердцу часто провиденье
Молвит милостиво: *нет*!

Стихнут жажды молодые;
Может быть, зашепчут вновь
И мечтанья неземные,
И надежда, и любовь.
Но на зов видений рая,
Но на сладкий их привет
Сердце, жизнь воспоминая,
Содрогнувшись, молвит: *нет*!

1839

МОТЫЛЕК

Чего твоя хочет причуда?
Куда, мотылек молодой,
Природы блестящее чудо,
Взвился ты к лазури родной?
Не знал своего назначенья,
Был долго ты праха жилец;
Но время второго рожденья
Пришло для тебя наконец.
Упейся же чистым эфиром,
Гуляй же в небесной дали,
Порхай оживленным сапфиром,
Живи, не касаясь земли.

Не то ли сбылось и с тобою?
Не так ли, художник, и ты
Был скован житейскою мглою,
Был червем земной тесноты?
Средь грустного так же бессилья
Настал час урочный чудес:
Внезапно расширил ты крылья,
Узнал себя сыном небес.
Покинь же земную обитель
И участь прими мотылька;
Свободный, как он, небожитель,
На землю гляди с высока!

1840

Н. М. ЯЗЫКОВУ

Ответ

Невероятный и нежданный
Слетел ко мне певца привет,
Как лавра лист благоуханный,
Как южных стран прелестный цвет.
Там вы теперь — туда, бывало,
Просилась подышать и я,
И я мечтою улетала
В те благодатные края.

Но даром не проходит время,
Мне принесло свой плод оно,
И суетных желаний бремя
Я с сердца сбросила давно.
И примирилась я с Москвою,
С отчизной лени и снегов:
Везде есть небо над главою,
Везде есть много чудных снов;
Везде проходят звезды мимо,
Везде напрасно любишь их,
Везде душа неукротимо
В борьбах измучится пустых.
О Риме ныне не тоскуя,
Москве сравненьем не вредя,
Стихи здесь русские пишу я
При шуме русского дождя.
Покинув скромную столицу
Для полугородских полей,
Шлю из Сокольников я в Ниццу
Дань благодарности моей —
Слова сердечного ответа
В родной, далекой стороне
За сладкозвучный дар поэта,
За вспоминанье обо мне.

1840

10 НОЯБРЯ 1840

Среди забот и в людной той пустыне,
Свои мечты покинув и меня,
Успел ли ты былое вспомнить ныне?
Заветного ты не забыл ли дня?
Подумал ли, скажи, ты ныне снова,
Что с верою я детской, в оный час,
Из рук твоих свой жребий взять готова,
Тебе навек без страха обреклась?
Что свят тот миг пред божьим провиденьем,
Когда душа, глубоко полюбя,
С невольным скажет убежденьем
Душе чужой: я верую в тебя!
Что этот луч, ниспосланный из рая,—
Какой судьба дорогой ни веди,—

Как в камне искра спит живая,
В остылой будет спать груди;
Что не погубит горя бремя
В ней этой тайны неземной;
Что не истлеет это семя
И расцветет в стране другой.
Ты вспомнил ли, как я, при шуме бала,
Безмолвно назвалась твоей?
Как больно сердце задрожало,
Как гордо вспыхнул огнь очей?
Взносясь над всей тревогой света,
В тебе, хоть жизнь свое взяла,
Осталась ли минута эта
Средь измененного цела?

1840

ДУМА

Когда в раздор с самим собою
Мой ум бессильно погружен,
Когда лежит на нем порою
Уныло-праздный полусон,—

Тогда зашепчет вдруг украдкой,
Тогда звучит в груди моей
Какой-то отзыв грустно-сладкий
Далеких чувств, далеких дней.

Жаль небывалого мне снова,
Простор грядущего мне пуст:
Мелькнет призра́к, уронит слово,
И тщетный вздох сорвется с уст.

Но вдруг в час дум, в час грусти лживой,
Взяв право грозное свое,
Души усталой и ленивой
Перстом коснется бытие.

И в тайной силе, вечно юный,
Ответит дух мой на призыв;
Другие в нем проснутся струны,
Другой воскреснет в нем порыв.

Гляжу в лицо я жизни строгой
И познаю, что нас она
Недаром вечною тревогой
На бой тяжелый звать вольна;

И что не тщетно сердце любит
Средь горестных ее забот,
И что не всё она погубит,
И что не всё она возьмет.

1843

* * *

Преподаватель христианский,
Он духом тверд, он сердцем чист;
Не злой философ он германский,
Не беззаконный коммунист!

По собственному убежденью,
Стоит он скромно выше всех!..
Невыносим его смиренью
Лишь только ближнего успех.

⟨1845⟩

ДУМЫ

Я снова здесь, под сенью крова,
Где знала столько тихих грез...
И шепот слушаю я снова
Знакомых кедров и берез;
И, как прошедшею весною,
Несутся вновь издалека
Над их зыбучей головою
За облаками облака.

И вы опять несетесь мимо,
О тени лучших снов моих!
Опять в уста неотразимо
Играющий ложится стих;
Опять утихнувших волнений
Струя живая бьет в груди,

И много дум и вдохновений,
И много песен впереди!

Свершу ли их? Пойду ли смело,
Куда мне бог судил идти?
Увы! окрестность опустела,
Отзывы смолкли на пути.
Не вовремя стихов причуда,
Исчез поэтов хоровод,
И ветер русский ниоткуда
Волшебных звуков не несет.

Пришлось молчать мечтам заветным;
Зачем тому, кто духом нищ,
Тревожить ныне словом тщетным
Безмолвный мир святых кладбищ!..

1847

* * *

Среди событий ежечасных
Какой мне сон волнует ум?
Откуда взрыв давно безгласных,
И малодушных, и напрасных,
И неуместных ныне дум?

Из-под холодного покрова
Ужель встает немая тень?
Ужели я теперь готова,
Чрез двадцать лет, заплакать снова,
Как в тот весенний, грустный день?

Внимая гулу жизни шумной,
Твердя толпы пустой язык,
Боялась, словно вещи чумной,
Я этой горести безумной
Коснуться сердцем хоть на миг.

Ужель былое как отрада
Мне ныне помнится в тиши?
Ужели утолять я рада
Хоть этим кубком, полным яда,
Все жажды тщетные души!

1848

* * *

К ужасающей пустыне
Приведен путем своим,
Что мечтою ищет ныне
Утомленный пилигрим?

В темноте полярной ночи,
Позабыт и одинок,
Тщетно ты вперяешь очи
На белеющий восток.

Тщетно пышного рассвета
Сердце трепетное ждет:
Пропадет денница эта,
Это солнце не взойдет!

1849

* * *

Воет ветр в степи огромной,
И валится снег.
Там идет дорогой темной
Бедный человек.

В сердце радостная вера
Средь кручины злой,
И нависли тяжко, серо
Тучи над землей.

⟨1850⟩

СЕРЕНАДА

Ты все, что сердцу мило,
С чем я сжился́ умом;
Ты мне любовь и сила,—
Спи безмятежным сном!

Ты мне любовь, и сила,
И свет в пути моем,—
Все, что мне жизнь сулила,—
Спи безмятежным сном.

Все, что мне жизнь сулила
Напрасно с каждым днем,
Весь бред младого пыла,—
Спи безмятежным сном.

Весь бред младого пыла
О счастии земном
Судьба осуществила,—
Спи безмятежным сном.

Судьба осуществила
Все в образе одном,
Одно горит светило,—
Спи безмятежным сном!

Одно горит светило
Мне радостным лучом,
Как буря б ни грозила,—
Спи безмятежным сном!

Как буря б ни грозила,
Хотя б сквозь вихрь и гром
Неслось мое ветрило,—
Спи безмятежным сном!

1851

* * *

Не раз в душе познавши смело
Разврата темные дела,
Святое чувство уцелело
Одно, средь лютости и зла;

Как столб разрушенного храма,
Где пронеслося буйство битв,
Стоит один, глася средь срама
О месте веры и молитв!

1852

* * *

Salut, salut, consolatrice!
Ouvre tes bras, je viens chanter!
Musset [1]

Ты, уцелевший в сердце нищем,
Привет тебе, мой грустный стих!
Мой светлый луч над пепелищем
Блаженств и радостей моих!
Одно, чего и святотатство
Коснуться в храме не могло,—
Моя напасть! мое богатство!
Мое святое ремесло!

Проснись же, смолкнувшее слово!
Раздайся с уст моих опять;
Сойди к избраннице ты снова,
О роковая благодать!
Уйми безумное роптанье
И обреки все сердце вновь
На безграничное страданье,
На бесконечную любовь!

1854

К***

Когда шучу я наудачу,
Когда смеюся я с людьми
И ты лишь видишь, как я плачу,—
Тех слез значенье ты пойми.

Пойми, что в этот миг не надо
Велеть мне верх брать над собой;
Что в этом взрыве есть отрада
И примирение с судьбой.

Его прими ты как поруку,
Что всех простила я вполне,
Что протянул недаром руку
Так добросовестно ты мне;

[1] Привет, привет, утешительница! Раскрой объятия, я запою! *Мюссе (франц.).*

Что, весь свой век сражаясь с ложью,
В конце тяжелого пути
Могу признать я милость божью
И в гроб без ропота сойти,

Могу, в толпе не дрогнув бровью,
Томима ношею большой,
Заплакать с верой и любовью
Пред многолюбящей душой.

И шлет господь, быть может, эту
Нежданную мне благодать
За то, что каждому привету
Еще я смею доверять;

Что без опор и без приюта
Еще полна я сил былых;
Что слово горестное Брута
Из уст не вырвалось моих.

1854

* * *

О былом, о погибшем, о старом
Мысль немая душе тяжела;
Много в жизни я встретила зла,
Много чувств я истратила даром,
Много жертв невпопад принесла.

Шла я вновь после каждой ошибки,
Забывая жестокий урок,
Безоружно в житейские сшибки:
Веры в слезы, слова и улыбки
Вырвать ум мой из сердца не мог.

И душою, судьбе непокорной,
Средь невзгод, одолевших меня,
Убежденье в успех сохраня,
Как игрок ожидала упорный
День за днем я счастливого дня.

Смело клад я бросала за кладом —
И стою, проигравшися в пух;
И счастливцы, сидящие рядом,
Смотрят жадным, язвительным взглядом -
Изменяет ли твердый мне дух?

1854

* * *

Прошло сполна все то, что было,
Рассудок чувство покорил,
И одолела воли сила
Последний взрыв сердечных сил.

И как сегодня все далеко,
Что совершалося вчера:
Стремленье дум, борьбы без прока,
Души бедовая игра!

Как долго грудь роптала вздорно,
Кичливых прихотей полна;
И как все тихо, и просторно,
И безответно в ней до дна.

Я вспоминаю лишь порою
Про лучший сон мой, как про зло,
И мыслю с тяжкою тоскою
О том, что было, что прошло.

1855

* * *

Снова над бездной, опять на просторе,—
Дальше и дальше от тесных земель!
В широкошумном качается море
Снова со мной корабля колыбель.

Сильно качается; ветры востока
Веют навстречу нам буйный привет;
Зыбь разблажилась и воет глубоко,
Дерзко клокочет машина в ответ.

Рвутся и бьются, с досадою явной,
Силятся волны отбросить нас вспять.
Странно тебе, океан своенравный,
Воле и мысли людской уступать.

Громче все носится ропот подводный,
Бурных валов все сердитее взрыв;
Весело видеть их бой сумасбродный,
Радужный их перекатный отлив.

Так бы нестись, обо всем забывая,
В споре с насилием вьюги и вод,
Вечно к брегам небывалого края,
С вечною верой, вперед и вперед!

1857

* * *

Умолк шум улиц,— поздно;
Чернеет неба свод,
И тучи йдут грозно,
Как витязи в поход.

На темные их рати
Смотрю я из окна—
И вспомнились некстати
Другие времена,

Те дни — их было мало,—
Тот мимолетный срок,
Когда я ожидала —
И слышался звонок!

Та повесть без развязки!
Ужель и ныне мне
Всей этой старой сказки
Забыть нельзя вполне?

Я стихла, я довольна,
Безумие прошло —
Но все мне что-то больно
И что-то тяжело.

1858

ПЕСНЯ

Молода еще девица я была,
Наша армия в поход куда-то шла.
Вечерело. Я стояла у ворот —
А по улице все конница идет.
К воротáм подъехал барин молодой,
Мне сказал: «Напой, красавица, водой!»
Он напился, крепко руку мне пожал,
Наклонился и меня поцеловал...
Он уехал... долго я смотрела вслед,—
Жарко стало мне, в очах мутился свет,
Целу ноченьку мне спать было невмочь:
Раскрасавец барин снился мне всю ночь.

Вот недавно — я вдовой уже была,
Четырех уж дочек замуж отдала —
К нам заехал на квартиру генерал,
Весь простреленный, так жалобно стонал...
Я взглянула — встрепенулася душой:
Это он, красавец барин молодой;
Тот же голос, тот огонь в его глазах,
Только много седины в его кудрях.
И опять я целу ночку не спала,
Целу ночку молодой опять была.

⟨1841⟩

РОЗЫ

Как хороши, как свежи были розы
В моем саду! Как взор прельщали мой!
Как я молил весенние морозы
Не трогать их холодною рукой!

Как я берег, как я лелеял младость
Моих цветов заветных, дорогих;
Казалось мне, в них расцветала радость;
Казалось мне, любовь дышала в них.

Но в мире мне явилась дева рая,
Прелестная, как ангел красоты;
Венка из роз искала, молодая,
И я сорвал заветные цветы.

И мне в венке цветы еще казались
На радостном челе красивее, свежей;
Как хорошо, как мило сплетались
С душистою волной каштановых кудрей!

И заодно они цвели с девицей!
Среди подруг, средь плясок и пиров,
В венке из роз она была царицей,
Вокруг ее вилась и радость и любовь.

В ее очах веселье, жизни пламень,
Ей счастье долгое сулил, казалось, рок.
И где ж она?.. В погосте белый камень,
На камне — роз моих завянувший венок.

⟨1834⟩

ВЕТКА

«Что ты, ветка бедная,
Ты куда плывешь?
Берегись — сердитое
Море... Пропадешь!

Уж тебе не справиться
С бурною волной,
Как сиротке горькому
С хитростью людской.

Одолеет лютая,
Как ты ни трудись,
Далеко умчит тебя,
Ветка, берегись!»

«Для чего беречься мне? —
Ветки был ответ.—
Я уже иссохшая,
Во мне жизни нет.

От родного дерева
Ветер оторвал;
Пусть теперь несет меня,
Куда хочет, вал!

Я и не противлюся:
Мне чего искать?
Уж с родимым деревом
Не срастись опять!»

⟨1834⟩

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Быль на Руси

Приходит староста-пузан
И двадцать мужиков.
Се сон, же круа, ле пейзан
Де мадам Бурдюков[1].

[1] Это, я полагаю, крестьяне г-жи Бурдюковой *(франц.)*. Далее переводы с французского даются без оговорки «франц.».— *Ред.*

О них докладывать *Андре*
Идет, официант.
«*Дан л'антишамбр фет антре,*
Е дит лёр, к'иль з'атанд»[1].

Выходит барыня с гостьми
Через часочка два.
«*Бонжур, бонжур, ме бонз-ами!*
Ке ву ле ву де муа?»[2]

«Ну, староста! ты доложи»,—
Сказали мужики.
«*Э бьен, де куа донк иль с'ажи?*
Де куа? у бьен де ки?»[3]

И староста, отдав поклон,
Свой начал разговор.
Но барыня кричит: «*Алон!*
Не крие па си фор»[4].

«Мы яровое убрали́
И убрали́ траву».
«*Се тре жоли, се тре жоли!*
Коман ву порте ву?»[5]

«И нам теперь всем отдых дан;
Но аржаному срок».
«*Але ву з'ан, але ву з'ан!*
Ке дьябль, же ма'н мок!»[6]

«В продажу хлеб уже глядит,
Убрать бы поскорей».
«*Кес-ке ву дит? Кес-ке ву дит?*
Же круа, ву мюрмюре?»[7]

---

[1] Проведите в переднюю и скажите им, чтобы подождали.
[2] Здравствуйте, здравствуйте, добрые мои друзья. Чего вы от меня хотите?
[3] Однако о чем же идет речь? О чем? или, вернее, о ком?
[4] Ну, не кричите так громко.
[5] Прекрасно, прекрасно! Как вы поживаете?
[6] Вон, вон! К черту, наплевать!
[7] Что вы говорите? Что вы говорите? Мне кажется, вы ворчите?

«Как опоздаем, будет жаль;
Не довезем в Василь!»
«*Са м'ет егаль, са м'ет егаль.*
Ву з'ет де з'ембесиль»[1].

И выгнать всех велела вон
За хлебный магазин,
А гости крикнули: «*Се бон!*
Се тре бъен, ма кузин!»[2]

Вот управляют как у нас!
Всё — *минус*, а не *плюс*.
Ке ву ле ву, ке л'он фасс!
Он не се па ле рюсс![3]

<1838>

СЕНСАЦИИ И ЗАМЕЧАНИЯ ГОСПОЖИ КУРДЮКОВОЙ ЗА ГРАНИЦЕЮ — ДАН Л'ЭТРАНЖЕ[4]

Глава первая

ОТЪЕЗД

Мне сказали доктора:
«*Мадам Курдюков*! пора
Вам бы на́ воды в Германью.
Там найдете вы компанью
Лордов, графов и князей,
Препорядочных людей.
Вам понравится Европа.
Право, мешкать *иль не фо-па*[5],
А то будете *малад*;[6]
Отправляйтесь-ка в Кронштадт».

Вот в дорогу я пустилась:
В город Питер дотащилась
И промыслила билет

---

[1] Это мне безразлично, это мне безразлично. Вы глупцы.
[2] Хорошо! Превосходно, кузина!
[3] Что поделаешь! Русского языка не знают!
[4] За границей.
[5] Не следует.
[6] Больны.

Для себя *э пур*[1] *Анет*,
И *пур* Харитон *ле* медник
Сюр ле пироскаф[2] «Наследник».
Погрузила экипаж,
Приготовилась в *вояж*[3].

Но на Бердовой машине
Вздумалось моей кузине
Бедную меня, *малад*[4],
Проводить *жюска*[5] Кронштадт.
Берег весь кипит народом
Перед нашим пароходом:
Де мамзель, *де кавалье*[6],
Де попы, *дез офисье*[7],—
Де коляски, *де* кареты,
Де старушки, *де* кадеты —
Одним словом, всякий сброд.

Задымился пароход,
В колокольчик застучали,
Все платками замахали,
Завозились *ле мушуар*[8],
Все кричат: «*Адье*, *бонсуар*.
Ревене, *не м'ублие па!*»[9]
Отвязалася зацепа;
Мы пустились по водам,
Как старинная мадам
При начале менуэта.
Не догонит нас карета:
Мы летим, как соколы!
Рассекаются валы,
Дом за домом пропадает,
Меньше, меньше, убывает,
И *ле* Петербург исчез
В мрачной синеве небес.

---

[1] И для.
[2] На пароход.
[3] Путешествие.
[4] Больную.
[5] До.
[6] Девицы, кавалеры.
[7] Офицеры.
[8] Носовые платки.
[9] Прощайте, добрый вечер. Возвращайтесь, не забывайте меня!

Пригорюнясь об отчизне,
Я подумала о жизни.
Право, то ж бывает с ней:
Много в юности затей,
Передряг, любви,— невзгоды
Протекут, промчатся годы,
И вся эта кутерьма
Исчезает, как дома́.

Кстати, берег Петергофа
Нам синеется. Здорово,
Старый друг минувших лет!
Я была *эн пе кокет*![1]
Помню, NN волочился
И чуть-чуть... Но он женился,
Завладела им жена...
Я осталася верна
Господину Курдюкову.

Но *адье*[2] и Петергофу...
Вот является Кронштадт.
Сердцу русскому он клад...
Он Петра напоминает;
Дух Петра в нем обитает,
И теперь его гранит
«*Не ме туш па*»[3] — говорит.

Вот и *пироскаф* «Наследник»!
О великий проповедник
Всех морских тревог и мук,
Ты, *мусье*, капитан Кук!
Дай твое мне красноречье,
Дай перо нечеловечье
Описать на твой манер
Наше странствие *пар мер*[4].

Я взошла. Зовут обедать.
Хорошо б *дине*[5] отведать!
Но куда — уж места нет!

---

[1] Немножко кокетлива!
[2] Прощай.
[3] Не тронь меня.
[4] Морем.
[5] Обед.

Пропадает мой обед.
Я на палубу взбежала,
Капитана отыскала.
Говорю: «*Мон капитен...*»[1]
Он в ответ мне: «*Нихт феритейн...*»[2]
Немец, на беду, копченый,
По-французски не ученный,
Я не знаю *л'алеман*;[3]
Ну, признаться, *се шарман*[4].
Уж мне это компанейство!
Настоящее злодейство
Привилегию давать,
Чтоб меня не понимать,
Чтоб осталась я голодной.
Я с улыбкой благородной
Отошла, но мой обед
Отомстила *сюр*[5] *Анет*,—
С ней за все про все ругалась.
Тут с кузиной я рассталась;
Бердова машина прочь.

Солнце скрылось, вот уж ночь.
Что ж не едем? Там с паспóртом
Что-то возится над портом
Аккуратный капитан:
Хочет знать, *пуркуа*, *коман*[6]
Отправляемся в дорогу.
Было время, слава богу,
Рассмотреть, но ах, *гате*[7]
Всё у нас *формалите*[8].
Есть всегда крючок запасный.

Но вот полночь. Месяц ясный
Расходился в небесах,
И на дремлющих волнах
Он излил свое сиянье.

---

[1] Капитан.
[2] Не понимаю *(нем.)*.
[3] Немецкий язык.
[4] Это очаровательно.
[5] На.
[6] Почему, как.
[7] Портят.
[8] Формальности.

В сердце томное мечтанье
О былом, о старине;
Мне явились, как во сне,
Те боскеты, те приюты,
Роковые те минуты,
Где впервые Курдюков
Объявил мне про любовь.
Я жеманилась сначала,
Но потом сама сказала,
Поразнежась: «*Пуркуа па?*[1]
Адресуйтесь *а папá!*»[2]

Но вот подъезжает шлюпка.
В ней раздутый, точно губка,
Офицер сидит рябой.
«Отправляйся, бог с тобой,—
Он кричит, подав бумаги,—
Пассажиры не бродяги;
Капитейн, адье[3], *фар цу*»[4].
Дело, стало быть, к концу.
Точно, пароход дымится;
Мы идем, волна клубится
Под колесами у нас,
И Кронштадт пропал из глаз.

Посмотреть бы, компаньоны
Каковы, что за фасоны?
Одним словом, кто они?
А то боже сохрани!
Не диковинка, *пётетер*[5],
Так сказать, *се компрометер*[6].
Ну, приступим: *вуаси*[7]
Знатный барин *де Рюсси*[8].
Он в плаще, в очках, в фуражке,
Не узнаешь по замашке,
Кто такой. Но вот *малёр*[9],—

---

[1] Почему нет?
[2] К папеньке!
[3] Капитан, прощай.
[4] Отчаливай *(нем.)*.
[5] Может быть.
[6] Скомпрометировать себя.
[7] Вот.
[8] Из России.
[9] Беда.

С ним заговорил актер,
Просто из французской труппы.
А вот там какие группы!
Офицеры, шкипера,
Шамбеляны [1], повара,
Разночинство, развращенье,
Вавилонское смешенье!
Вот опять актер *франсе* [2]
Разговор *рекоманс* [3]
С графом, будто б с своим братом.
Я бы с этим сопостатом
Поступила, но гляжу —
Всюду то же нахожу:
В креслах Гамбсова изделья,
Что дарят для новоселья,
Дама знатная сидит.
С нею каждый говорит,
Всяк подходит, кто желает,
И с сигаркой подседает.
Вон с козлиной бородой,
Знать, французик молодой,
Во всю мочь горланит песни;
Не умолкнет он, хоть тресни.
А тут NN, балагур,
Что *а муа фезе ла кур* [4],
Говорит стихи плохие,
Иногда хоть и смешные,
Ме пуртан, се не ва па... [5]

Здесь фамилия [6] попа.
Для меня весьма забавный
Поп наш русский, православный.
Бритый, чесаный, одет,
Как отставленный корнет
За дурное поведенье,—
Ну какое здесь почтенье?
Поп, по мне, без бороды
Не годится никуды.

---

[1] Камергеры.
[2] Французский.
[3] Возобновил.
[4] За мной ухаживал.
[5] Но все это не годится...
[6] Семья (от *лат.* familia).

Ходит под руку с женою
Иль с сестричкой молодою.
Когда ж говорит *адью*[1],
Так целует попадью,
Что не знаешь, что и будет...
Ну а вдруг он честь забудет
И приличия? Тогда
Все мы денемся куда?
Дамам будет очень стыдно,
Даже несколько обидно:
Есть ведь дамы без мужей,—
Батька, *лесс бьен оближе*[2].

Тут толкуют о натуре,
Больше ж о литературе
Аматеры де вояж[3].
И какую ералашь!
То Вольтера, Ламартина,
То другого господина
Превозносят до небес;
То Байрóну перевес
Присуждают официяльно,
То Гюго бранят формально,
А там, далее от них,
Целый фронт старух больных
Чулки вяжут что есть мочи
С утра раннего до ночи.
Так успели надоесть,
Что не знаешь, где и сесть.
Тут гуляет горделиво
Цампа, что ли, Альмавива
В синей епанче одет?
Эн курье де кабинет[4],
Англичанин с рожей красной.
Верно, человек опасный!
Он ни с кем не говорит;
То сигарку закурит,
То присядет, то напьется,
То сам про себя смеется,

---

[1] Прощай.
[2] Большое спасибо.
[3] Любители путешествий.
[4] Дипломатический курьер.

То глядит на *фирмаман*[1]
И всегда *ан муверман*[2].

Так мы плыли двое суток;
Очень скучно, кроме шуток;
Как вдруг появился мне
Остров Борнгольм в стороне.
Остров Борнгольм! Кто не знает?
Русский всякий тут вздыхает,
Потому что Карамзин
Сочинил роман один—
Пречувствительный, презнатный
И притом весьма приятный.
Мне же — что таить грехи? —
Очень нравятся стихи:
«Законы осуждают
Предмет моей любви».
Они напоминают
Волнение в крови,
Когда, будучи при месте,
Кажется, рублей за двести
Мой супруг попал под суд,—
Как я их певала тут!
Как я в горести мечтала,
Что в Борнгольме я вздыхала!
В мыслях слились Курдюков,
И законы, и любовь.
Он не прав, конечно; что же,
Он мой муж, великий боже!
Я, законная жена,
Сожалеть о нем должна.

Но еще одна секунда —
И уж берег Травемюнда,
Наяву ли то, во сне?
Я в немецкой стороне!
Для меня все вещи новы:
И немецкие коровы,
И немецкая трава!
Закружилась голова;

[1] Небеса.
[2] В движении.

Вне себя от восхищенья...
Все предмет мне удивленья!

Но морской мой кончен путь,
И пора мне отдохнуть.

〈1840〉

ФОНАРИКИ

Фонарики-сударики,
Скажите-ка вы мне,
Что видели, что слышали
В ночной вы тишине?
Так чинно вы расставлены
По улицам у нас.
Ночные караульщики,
Ваш верен зоркий глаз!

Вы видели ль, приметили ль,
Как девушка одна,
На цыпочках, тихохонько
И робости полна,
Близ стенки пробирается,
Чтоб друга увидать
И шепотом, украдкою
«Люблю» ему сказать?

Фонарики-сударики
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль —
Того не говорят.

Вы видели ль, как юноша
Нетерпеливо ждет,
Как сердцем, взором, мыслию
Красавицу зовет?..
И вот они встречаются—,
И радость, и любовь;
И вот они назначили
Свиданье завтра вновь.

Фонарики-сударики
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль -
Того не говорят.

Вы видели ль несчастную,
Убитую тоской,
Как будто тень бродящую,
Как призрак гробовой,
Ту женщину безумную,—
Заплаканы глаза:
Ее все жизни радости
Разрушила гроза.

Фонарики-сударики
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль —
Того не говорят.

Вы видели ль преступника,
Как, в горести немой,
От совести убежища
Он ищет в час ночной?
Вы видели ль веселого
Гуляку, в сюртуке
Оборванном, запачканном,
С бутылкою в руке?

Фонарики-сударики
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль —
Того не говорят.

Вы видели ль сиротушку,
Прижавшись в уголок,
Как просит у прохожего,
Чтоб бедной ей помог;
Как горемычной холодно,
Как страшно в темноте.
Ужель никто не сжалится
И гибнуть сироте?

Фонарики-сударики
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль -
Того не говорят.

Вы видели ль мечтателя,
Поэта, в час ночной?

За рифмой своенравною
Гоняясь как шальной,
Он хочет муку тайную
И неба благодать
Толпе, ему внимающей,
Звучнее передать.

Фонарики-сударики
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль –
Того не говорят.

Быть может, не приметили...
Да им и дела нет;
Гореть им только велено,
Покуда будет свет.
Окутанный рогожею
Фонарщик их зажег;
Но чувства прозорливости
Им передать не мог!..

Фонарики-сударики
Народ всё деловой:
Чиновники, сановники,—
Всё люди с головой!
Они на то поставлены,
Чтоб видел их народ,
Чтоб величались, славились,
Но только без хлопот.

Им, дескать, не приказано
Вокруг себя смотреть,
Одна у них обязанность:
Стоять тут и гореть,
Да и гореть, покудова
Кто не задует их.
Так что же и тревожиться
О горестях людских!

Фонарики-сударики
Народ всё деловой:
Чиновники, сановники,—
Всё люди с головой!

1841

НОВГОРОД

Время пролетело,
Слава прожита,
Вече онемело,
Сила отнята.

Город воли дикой,
Город буйных сил,
Новгород великой
Тихо опочил.

Слава отшумела,
Время протекло,
Площадь опустела,
Вече отошло.

Вольницу избили,
Золото свезли,
Вече распустили,
Колокол снесли.

Порешили дело...
Все кругом молчит,
Только Волхов смело
О былом шумит.

Белой плачет кровью
О былых боях
И поет с любовью
О старинных днях.

Путник тихо внемлет
Песне ярых волн
И опять задремлет,
Тайной думы полн.

〈1838—1840〉

К СТРАДАЛЬЦАМ

Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?

Кондратий Рылеев

Соотчичи мои, заступники свободы,
О вы, изгнанники за правду и закон,
Нет, вас не оскорбят проклятием народы,
Вы не услышите укор земных племен!
Пусть вас гнетет, казнит отмщенье самовластья,
Пусть смеют вас винить тирановы рабы,—
Но ваш тернистый путь, ваш крест — он стоит счастья,
Он выше всех даров изменчивой судьбы.
Хоть вам не удалось исполнить подвиг мести
И рабства иго снять с России молодой,
Но вы страдаете для родины и чести,
И мы признания вам платим долг святой.
Удел ваш — не позор, а слава, уваженье,
Благословения правдивых сограждáн,
Спокойной совести, Европы одобренье,
И благодарный храм от будущих славян!
Ах, может быть, теперь, в горах Сибири диких
Увяли многие из вас, в плену, в цепях...
И воздух ссылочный, сей яд для душ великих,
Убил цвет бытия в изнывших их сердцах!..
Ни эпитафии, ни пышность мавзолеев
Их прах страдальческий, их память не почтут;
За гробом сторожит их зоркий глаз злодеев
И нам не даст убрать последний их приют...
Но да утешатся священные их тени!

Их памятник — в сердцах отечества сынов,
В неподкупны́х хвалах высоких песнопений,
В молитвах праведных, в почтеньях всех веков!
Мир им!.. А вы, друзья сподвижников несчастных,
Несите с мужеством ярмо судеб крутых!
Быть может, вам не век в плену, в горах ужасных
Терпеть ругательства гонителей своих...
Быть может... вам и нам настанет час блаженный
Паденья варварства, деспо́тства и царей,
И нам торжествовать придется пир священный
Свободы россиян и мщенья за друзей!
Тогда дойдут до вас восторженные клики
России, вспрянувшей от рабственного сна,
Тогда вас выручит, окончив бой великий,
Младых сообщников восставшая толпа;
Тогда в честь падших жертв, жертв чистых, благородных,
Мы тризну братскую достойно совершим,
И слезы сограждáн ликующих, свободных
Наградой славною да будут вечно им!

1831

НАСИЛЬНЫЙ БРАК

Старый барон

Сбирайтесь, слуги и вассалы,
На кроткий господина зов!
Судите, не боясь опалы,—
Я правду выслушать готов.
Судите спор вам всем знакомый:
Хотя могуч и славен я,
Хотя всесильным чтут меня—
Не властен у себя я дома:
Все непокорна мне она,
Моя мятежная жена.

Ее я при́зрел сиротою
И разоренной взял ее,
И дал державною рукою
Ей покровительство мое;
Одел ее парчой и златом,
Несметной стражей окружил,

И, враг ее чтоб не сманил,
Я сам над ней стою с булатом;
Но недовольна и грустна
Неблагодарная жена.

Я знаю — жалобой, наветом
Она везде меня клеймит;
Я знаю — перед целым светом
Она клянет мой кров и щит,
И косо смотрит исподлобья,
И, повторяя клятвы ложь,
Готовит козни, точит нож,
Вздувает огнь междоусобья;
С монахом шепчется она,
Моя коварная жена.

И, торжествуя и довольны,
Враги мои на нас глядят,
И дразнят гнев ее крамольный,
И суетной гордыне льстят.
Совет мне дайте благотворный,
Судите, кто меж нами прав?
Язык мой строг, но не лукав!
Теперь внемлите непокорной:
Пусть защищается она,
Моя преступная жена!

Ж е н а

Раба ли я или подруга —
То знает бог! Я ль избрала
Себе жестокого супруга?
Сама ли клятву я дала?
Жила я вольно и счастливо,
Свою любила волю я;
Но победил, пленил меня
Соседей злых набег хищливый.
Я предана, я продана —
Я узница, а не жена!

Напрасно иго роковое
Властитель мнит озолотить;
Напрасно мщенье, мне святое,
В любовь он хочет превратить.
Не нужны мне его щедроты,

Его я стражи не хочу —
Сама строптивых научу
Платить мне мирно долг почета.
Лишь им одним унижена,—
Я враг ему, а не жена.

Он говорить мне запрещает
На языке моем родном,
Знаменоваться мне мешает
Моим наследственным гербом;
Не смею перед ним гордиться
Старинным именем моим
И предков храмам вековым,
Как предки славные, молиться:
Иной устав принуждена
Принять несчастная жена.

Послал он в ссылку, в заточенье
Всех верных, лучших слуг моих;
Меня же предал притесненью
Рабов-лазутчиков своих.
Позор, гоненье и неволю
Мне в брачный дар приносит он —
И мне ли ропот запрещен?
Ужель, терпя такую долю,
Таить от всех ее должна
Насильно взятая жена?

1845

БАЛЛАДА

Перед воеводой молча он стоит;
Голову потупил — сумрачно глядит.

С плеч могучих сняли бархатный кафтан;
Кровь струится тихо из широких ран.

Скован по ногам он, скован по рукам:
Знать, ему не рыскать ночью по лесам!

Думает он думу — дышит тяжело:
Плохо!.. видно, время доброе прошло.

«Чтó, попался, парень? Долго ж ты гулял!
Долго мне в тенёта волк не забегал!

Что же приумолк ты? Слышал я не раз —
Песенки ты мастер петь в веселый час;

Ты на лад сегодня вряд ли попадешь...
Завтра мы услышим, как ты запоешь».

Взговорил он мрачно: «Не услышишь, нет!
Завтра петь не буду — завтра мне не след;

Завтра умирать мне смертию лихой;
Сам ты запоешь, чай, с радости такой!..

Мы певали песни, как из леса шли —
Как купцов с товаром мы в овраг вели...

Ты б нас тут послушал — ладно пели мы;
Да недолго песней тешились купцы...

Да еще певал я — в домике твоем;
Запивал я песни — всё твоим вином;

Заедал я чарку — барскою едой;
Целовался сладко — да с твоей женой».

⟨1841⟩

ОСЕНЬ

Как грустный взгляд, люблю я осень.
В туманный, тихий день хожу
Я часто в лес и там сижу —
На небо белое гляжу
Да на верхушки темных сосен.
Люблю, кусая кислый лист,
С улыбкой развалясь ленивой,
Мечтой заняться прихотливой
Да слушать дятлов тонкий свист.
Трава завяла вся... холодный,
Спокойный блеск разлит по ней...
И грусти тихой и свободной
Я предаюсь душою всей...
Чего не вспомню я? Какие
Меня мечты не посетят?
А сосны гнутся, как живые,
И так задумчиво шумят...
И, словно стадо птиц огромных,
Внезапно ветер налетит
И в сучьях спутанных и темных
Нетерпеливо прошумит.

1842

ВЕСЕННИЙ ВЕЧЕР

Гуляют тучи золотые
Над отдыхающей землей;
Поля просторные, немые
Блестят, облитые росой;
Ручей журчит во мгле долины —

Вдали гремит весенний гром,
Ленивый ветр в листах осины
Трепещет пойманным крылом.

Молчит и млеет лес высокий,
Зеленый, темный лес молчит.
Лишь иногда в тени глубокой
Бессонный лист прошелестит.
Звезда дрожит в огнях заката,
Любви прекрасная звезда,
А на душе легко и свято,
Легко, как в детские года.

1843

(В ДОРОГЕ)

Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые,
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые.

Вспомнишь обильные страстные речи,
Взгляды, так жадно, так робко ловимые,
Первые встречи, последние встречи,
Тихого голоса звуки любимые.

Вспомнишь разлуку с улыбкою странной,
Многое вспомнишь родное, далекое,
Слушая ропот колес непрестанный,
Глядя задумчиво в небо широкое.

1843

ФЕДЯ

Молча въезжает — да ночью морозной
Парень в село на лошадке усталой.
Тучи седые столпилися грозно,
Звездочки нет ни великой, ни малой.

Он у забора встречает старуху:
«Бабушка, здравствуй!»— «А, Федя! Откуда?

Где пропадал ты? Ни слуху ни духу!»
«Где я бывал — не увидишь отсюда!

Живы ли братья? Родная жива ли?
Наша изба все цела, не сгорела?
Правда ль, Параша — в Москве мне сказали
Наши ребята — постом овдовела?»

«Дом ваш как был — словно полная чаша,
Братья все живы, родная здорова,
Умер сосед — овдовела Параша,
Да через месяц пошла за другого».

Ветер подул... Засвистал он легонько;
На небо глянул и шапку надвинул,
Молча рукой он махнул и тихонько
Лошадь назад повернул — да и сгинул.

1843

* * *

К чему твержу я стих унылый,
Зачем, в полночной тишине,
Тот голос страстный, голос милый,
Летит и просится ко мне,—

Зачем? огонь немых страданий
В ее душе зажег не я...
В ее груди, в тоске рыданий
Тот стон звучал не для меня.

Так для чего же так безумно
Душа бежит к ее ногам,
Как волны моря мчатся шумно
К недостижимым берегам?

1843

* * *

Брожу над озером... Туманны
Вершины круглые холмов,
Темнеет лес, и звучно-странны
Ночные клики рыбаков.

Полна прозрачной, ровной тенью
Небес немая глубина...
И дышит холодом и ленью
Полузаснувшая волна.

Настала ночь; за ярким, знойным,
О сердце! за тревожным днем,—
Когда же ты заснешь спокойным,
Пожалуй, хоть последним сном?

1844

* * *

Люблю я вечером к деревне подъезжать,
Над старой церковью глазами провожать
Ворон играющую стаю;
Среди больших полей, заповедных лугов,
На тихих берегах заливов и прудов,
Люблю прислушиваться лаю

Собак недремлющих, мычанью тяжких стад,
Люблю заброшенный и запустелый сад
И лип незыблемые тени;
Не дрогнет воздуха стеклянная волна;
Стоишь и слушаешь — и грудь упоена
Блаженством безмятежной лени...

Задумчиво глядишь на лица мужиков —
И понимаешь их; предаться сам готов
Их бедному, простому быту...
Идет к колодезю старуха за водой;
Высокий шест скрипит и гнется; чередой
Подходят лошади к корыту...

Вот песню затянул проезжий... Грустный звук!
Но лихо вскрикнул он — и только слышен стук
Колес его телеги тряской;
Выходит девушка на низкое крыльцо —
И на зарю глядит... и круглое лицо
Зарделось алой, яркой краской.

Качаясь медленно, с пригорка, за селом,
Огромные возы спускаются гуськом

С пахучей данью пышной нивы;
За конопляником, зеленым и густым,
Бегут, одетые туманом голубым,
Степей широкие разливы.

Та степь — конца ей нет... раскинулась, лежит...
Струистый ветерок бежит, не пробежит...
Земля томится, небо млеет...
И леса длинного подернутся бока
Багрянцем золотым, и ропщет он слегка,
И утихает, и синеет...

〈1846〉

КРÒКЕТ В ВИНДЗОРЕ

Сидит королева в Виндзорском бору...
Придворные дамы играют
В вошедшую в моду недавно игру;
Ту кро́кет игру называют.
Катают шары и в отмеченный круг
Их гонят так ловко и смело...
Глядит королева, смеется... и вдруг
Умолкла... лицо побледнело.

Ей чудится: вместо точеных шаров,
Гонимых лопаткой проворной,—
Катаются целые сотни голов,
Обрызганных кровию черной...
То головы женщин, девиц и детей...
На лицах — следы истязаний,
И зверских обид, и звериных когтей —
Весь ужас предсмертных страданий.

И вот королевина младшая дочь —
Прелестная дева — катает
Одну из голов — и все далее, прочь —
И к царским ногам подгоняет.
Головка ребенка в пушистых кудрях....
И ротик лепечет укоры...
И вскрикнула тут королева — и страх
Безумный застлал ее взоры.

«Мой доктор! На помощь! скорей!» И ему
Она поверяет виденье...
Но он ей в ответ: «Не дивлюсь ничему;
Газет вас расстроило чтенье.
Толкует нам «Таймс», как болгарский народ
Стал жертвой турецкого гнева...
Вот капли... примите... все это пройдет!»
И в замок идет королева.

Вернулась домой — и в раздумье стоит...
Склонились тяжелые вежды...
О ужас! кровавой струею залит
Весь край королевской одежды!
«Велю это смыть! Я хочу позабыть!
На помощь, британские реки!»
«Нет, ваше величество! Вам уж не смыть
Той крови невинной вовеки!»

1876

ДРУГУ ГЕРЦЕНУ

Прими, товарищ добрый мой,
Души мечтающей признанья;
С тобой связал я жребий свой,
Мои — и радость и страданья.
Друг! все мое найдешь здесь ты:
И к миру лучшему стремленья,
О небе сладкие мечты
И на земле — разуверенья.

⟨1833(?)⟩

СТАРЫЙ ДОМ

Старый дом, старый друг, посетил я
Наконец в запустенье тебя,
И былое опять воскресил я,
И печально смотрел на тебя.

Двор лежал предо мной неметеный,
Да колодец валился гнилой,
И в саду не шумел лист зеленый —
Желтый тлел он на почве сырой.

Дом стоял обветшалый уныло,
Штукатурка обилась кругом,
Туча серая сверху ходила
И все плакала, глядя на дом.

Я вошел. Те же комнаты были;
Здесь ворчал недовольный старик;
Мы беседы его не любили,
Нас страшил его черствый язык.

Вот и комнатка: с другом, бывало,
Здесь мы жили умом и душой;
Много дум золотых возникало
В этой комнатке прежней порой.

В нее звездочка тихо светила,
В ней остались слова на стенах;
Их в то время рука начертила,
Когда юность кипела в душах.

В этой комнатке счастье былое,
Дружба светлая выросла там...
А теперь запустенье глухое,
Паутины висят по углам.

И мне страшно вдруг стало. Дрожал я,
На кладбище я будто стоял,
И родных мертвецов вызывал я,
Но из мертвых никто не восстал.

1839

ДЕРЕВЕНСКИЙ СТОРОЖ

Ночь темна, на небе тучи,
Белый снег кругом,
И разлит мороз трескучий
В воздухе ночном.

Вдоль по улице широкой
Избы мужиков.
Ходит сторож одинокой,
Слышен скрип шагов.

Зябнет сторож; вьюга смело
Злится вкруг него,
На морозе побелела
Борода его.

Скучно! радость изменила,
Скучно одному;
Песнь его звучит уныло
Сквозь метель и тьму.

Ходит он в ночи безлунной,
Бела утра ждет
И в края доски чугунной
С тайной грустью бьет,

И, качаясь, завывает
Звонкая доска...
Пуще сердце замирает,
Тяжелей тоска!

1840

* * *

Там на улице холодом веет,
Завывает метель под окном;
Еще ночь над землей тяготеет,
И все спит безмятежно кругом.

Я один до рассвета проснулся
И безмолвно камин затопил,
И трескучий огонь встрепенулся
И блуждающий отблеск разлил.

Тяжело мне и грустно мне стало,
И невольно на память пришло,
Как мне в детские годы бывало
У камина тепло и светло.

1840

ДРУЗЬЯМ

Мы в жизнь вошли с прекрасным упованьем,
Мы в жизнь вошли с неробкою душой,
С желаньем истины, добра желаньем,
С любовью, с поэтической мечтой,
И с жизнью рано мы в борьбу вступили,
И юных сил мы в битве не щадили.

Но мы вокруг не встретили участья,
И лучшие надежды и мечты,
Как листья средь осеннего ненастья,
Попадали, и сухи и желты,—
И грустно мы остались между нами,
Сплетяся дружно голыми ветвями.

И на кладбище стали мы похожи:
Мы много чувств, и образов, и дум
В душе глубоко погребли... И что же?
Упрек ли небу скажет дерзкий ум?
К чему упрек?.. Смиренье в душу вложим
И в ней затворимся — без желчи, если можем.

〈1840—1841〉

ПУТНИК

Дол туманен, воздух сыр,
Туча небо кроет,
Грустно смотрит тусклый мир,
Грустно ветер воет.

Не страшися, путник мой,
На земле все битва;
Но в тебе живет покой,
Сила да молитва.

〈1840—1841〉

ДОРОГА

Тускло месяц дальний
Светит сквозь тумана,
И лежит печально
Снежная поляна.

Белые с морозу,
Вдоль пути рядами
Тянутся березы
С голыми сучками.

Тройка мчится лихо,
Колокольчик звонок,
Напевает тихо
Мой ямщик спросонок.

Я в кибитке валкой
Еду да тоскую:
Скучно мне да жалко
Сторону родную.

1841

КАБАК

Выпьем, что ли, Ваня,
С холода да с горя;
Говорят, что пьяным
По колено море.
У Антона дочь-то
Девка молодая:
Очи голубые,
Славная такая.
Да богат он, Ваня;
Наотрез откажет;
Ведь сгоришь с стыда, брат,
Как на дверь укажет.
Что я ей за пара?
Скверная избушка...
А оброк-то, Ваня,
А кормить старушку!
Выпьем, что ли, с горя?
Эх, брат! да едва ли
Бедному за чаркой
Позабыть печали!

1841

ИЗБА

Небо в час дозора
Обходя, луна
Светит сквозь узора
Мерзлого окна.

Вечер зимний длится,
Дедушка в избе
На печи ложится
И уж спит себе.

Помоляся богу,
Улеглася мать;
Дети понемногу
Стали засыпать.

Только за работой
Молодая дочь
Борется с дремотой
Во всю долгу ночь.

И лучина бледно
Перед ней горит.
Все в избушке бедной
Тишиной томит;

Лишь звучит докучно
Болтовня одна
Прялки однозвучной
Да веретена.

〈1842〉

ОБЫКНОВЕННАЯ ПОВЕСТЬ

Была чудесная весна!
Они на берегу сидели —
Река была тиха, ясна,
Вставало солнце, птички пели;
Тянулся за рекою дол,
Спокойно, пышно зеленея;
Вблизи шиповник алый цвел,
Стояла темных лип аллея.

Была чудесная весна!
Они на берегу сидели —
Во цвете лет была она,
Его усы едва чернели.
О, если б кто увидел их
Тогда, при утренней их встрече,
И лица б высмотрел у них
Или подслушал бы их речи —
Как был бы мил ему язык,
Язык любви первоначальной!

Он, верно б, сам, на этот миг,
Расцвел на дне души печальной!..
Я в свете встретил их потом:
Она была женой другого,
Он был женат, и о былом
В помине не было ни слова.
На лицах виден был покой,
Их жизнь текла светло и ровно,
Они, встречаясь меж собой,
Могли смеяться хладнокровно...
А там, по берегу реки,
Где цвел тогда шиповник алый,
Одни простые рыбаки
Ходили к лодке обветшалой
И пели песни — и темно
Осталось, для людей закрыто,
Что было там говорено
И сколько было позабыто.

⟨1842⟩

* * *

К подъезду! — Сильно за звонок рванул я.-
Что, дома? — Быстро я взбежал наверх.
Уже ее я не видал лет десять;
Как хороша она была тогда!
Вхожу. Но в комнате все дышит скукой,
И плющ завял, и сторы спущены.
Вот у окна, безмолвно за газетой,
Сидит какой-то толстый господин.
Мы поклонились. Это муж. Как дурен!
Широкое и глупое лицо.
В углу сидит на креслах длинных кто-то,
В подушки утонув. Смотрю — не верю!
Она — вот эта тень полуживая?
А есть еще прекрасные черты!
Она мне тихо машет: «Подойдите!
Садитесь! рада я вам, старый друг!»
Рука как желтый воск, чуть внятен голос,
Взор мутен. Сердце сжалось у меня.
«Меня теперь вы, верно, не узнали...
Да — я больна; но это все пройдет:
Весной поеду непременно в Ниццу».

Что отвечать? Нельзя же показать,
Что слезы хлынули к глазам от сердца,
А слово так и мрет на языке.
Муж улыбнулся, что я так неловок.
Какую-то я пошлость ей сказал
И вышел. Трудно было оставаться —
Поехал. Мокрый снег мне бил в лицо,
И небо было тускло...

⟨1842⟩

ХАНДРА

Бывают дни, когда душа пуста;
Ни мыслей нет, ни чувств, молчат уста,
Равно печаль и радости постылы,
И в теле лень, и двигаться нет силы.
Напрасно ищешь, чем бы ум занять —
Противно видеть, слышать, понимать,
И только бесконечно давит скука,
И кажется, что жить такая мука!
Куда бежать? чем облегчить бы грудь?
Вот ночи ждешь — в постель! скорей заснуть!
И хорошо, что стало все беззвучно...
А сон нейдет, а тьма томит докучно!

⟨Начало 40-х годов⟩

* * *

Еще любви безумно сердце просит,
Любви взаимной, вечной и святой,
Которую ни время не уносит,
Ни губит свет мертвящей суетой;
Безумно сердце просит женской ласки,
И чудная мечта нашептывает сказки.

Но тщетно все!.. ответа нет желанью;
В испуге мысль опять назад бежит
И бродит трепетно в воспоминанье...
Но прошлого ничто не воскресит!
Замолкший звук опять звучать не может,
И память только он гнетет или тревожит.

И страх берет, что чувство схоронилось;
По нем в душе печально, холодно,
Как в доме, где утрата совершилась:
Хозяин умер — пусто и темно;
Лепечет поп надгробные страницы,
И бродят в комнатах всё пасмурные лицы.

⟨1844⟩

МОНОЛОГИ

1

И ночь и мрак! Как все томительно пустынно!
Бессонный дождь стучит в мое окно,
Блуждает луч свечи, меняясь с тенью длинной,
И на сердце печально и темно.
Былые сны! душе расстаться с вами больно;
Еще ловлю я призраки вдали,
Еще желание в груди кипит невольно;
Но жизнь и мысль убили сны мои.
Мысль, мысль! как страшно мне теперь твое движенье,
Страшна твоя тяжелая борьба!
Грозней небесных бурь несешь ты разрушенье,
Неумолима, как сама судьба.
Ты мир невинности давно во мне сломила,
Меня навек в броженье вовлекла,
За верой веру ты в моей душе сгубила,
Вчерашний свет мне тьмою назвала.
От прежних истин я отрекся правды ради,
Для светлых снов на ключ я запер дверь,
Лист за листом я рвал заветные тетради,
И все, и все изорвано теперь.
Я должен над своим бессилием смеяться
И видеть вкруг бессилие людей,
И трудно в правде мне внутри себя признаться,
А правду высказать еще трудней.
Пред истиной нагой исчез и призрак бога,
И гордость личная, и сны любви,
И впереди лежит пустынная дорога,
Да тщетный жар еще горит в крови.

2

Скорей, скорей топи средь диких волн разврата
И мысль и сердце, ношу чувств и дум;
Насмейся надо всем, что так казалось свято,
И смело жизнь растрать на пир и шум!
Сюда, сюда бокал с играющею влагой!
Сюда, вакханка! слух мне очаруй
Ты песней, полною разгульною отвагой!
На — золото, продай мне поцелуй...
Вино кипит во мне, и жжет меня лобзанье...
Ты хороша! о, слишком хороша!..
Зачем опять в груди проснулося страданье
И будто вздрогнула моя душа?
Зачем ты хороша? забытое мной чувство,
Красавица, зачем волнуешь вновь?
Твоих томящих ласк постыдное искусство
Ужель во мне встревожило любовь?
Любовь, любовь!.. о нет, я только сожаленье,
Погибший ангел, чувствую к тебе...
Поди, ты мне гадка! я чувствую презренье
К тебе, продажной, купленной рабе!
Ты плачешь? Нет, не плачь. Как? я тебя обидел?
Прости, прости мне — это пар вина;
Когда б я не любил, ведь я б не ненавидел.
Постой, душа к тебе привлечена —
Ты боле с уст моих не будешь знать укора.
Забудь всю жизнь, прожитую тобой,
Забудь весь грязный путь порока и позора,
Склонись ко мне прекрасной головой,—
Страдалица страстей, страдалица желанья,
Я на душу тебе навею сны,
Ее вновь оживит любви моей дыханье,
Как бабочку дыхание весны.
Что ж ты молчишь, дитя, и смотришь в удивленье,
А я не пью мой налитой бокал?
Проклятие! опять ненужное мученье
Внутри души я где-то отыскал!
Но на плечо ко мне она склоняся дремлет,
И что во мне — ей непонятно то;
Недвижно я гляжу, как сон ей грудь подъемлет,
И глупо трачу сердце за ничто!

3

Чего хочу?.. Чего?.. О! так желаний много,
Так к выходу их силе нужен путь,
Что кажется порой — их внутренней тревогой
Сожжется мозг и разорвется грудь.
Чего хочу? Всего со всею полнотою!
Я жажду знать, я подвигов хочу,
Еще хочу любить с безумною тоскою,
Весь трепет жизни чувствовать хочу!
А втайне чувствую, что все желанья тщетны,
И жизнь скупа, и внутренно я хил,
Мои стремления замолкнут, безответны,
В попытках я запас растрачу сил.
Я сам себе кажусь, подавленный страданьем,
Каким-то жалким, маленьким глупцом,
Среди безбрежности затерянным созданьем,
Томящимся в брожении пустом...
Дух вечности обнять за раз не в нашей доле,
А чашу жизни пьем мы по глоткам,
О том, что выпито, мы все жалеем боле,
Пустое дно все больше видно нам;
И с каждым днем душе тяжеле устарелость,
Больнее помнить и страшней желать,
И кажется, что жить — отчаянная смелость;
Но биться пульс не может перестать,
И дальше я живу в стремленье безотрадном,
И жизни крест беру я на себя,
И весь душевный жар несу в движенье жадном,
За мигом миг хватая и губя.
И все хочу!.. чего?.. О! так желаний много,
Так к выходу их силе нужен путь,
Что кажется порой — их внутренней тревогой
Сожжется мозг и разорвется грудь.

4

Как школьник на скамье, опять сижу я в школе
И с жадностью внимаю и молчу;
Пусть длинен знанья путь, но дух мой крепок волей,
Не страшен труд — я верю и хочу.
Вокруг всё юноши: учительское слово,
Как я, они все слушают в тиши;

Для них все истина, им все еще так ново,
В них судит пыл неопытной души.
Но я уже сюда явился с мыслью зрелой,
Сомнением испытанный боец,
Но не убитый им... Я с призраками смело
И искренно расчелся наконец;
Я отстоял себя от внутренней тревоги,
С терпением пустился в новый путь
И не собьюсь теперь с рассчитанной дороги —
Свободна мысль, и силой дышит грудь.
Что, Мефистофель мой, завистник закоснелый?
Отныне власть твою разрушил я,
Болезненную власть насмешки устарелой;
Я скорбью многой выкупил себя.
Теперь товарищ мне иной дух отрицанья;
Не тот насмешник черствый и больной,
Но тот всесильный дух движенья и созданья,
Тот вечно юный, новый и живой.
В борьбе бесстрашен он, ему губить — отрада,
Из праха он все строит вновь и вновь,
И ненависть его к тому, что рушить надо,
Душе свята так, как свята любовь.

⟨1844—1847⟩

ИСКАНДЕРУ

Я ехал по полю пустому;
И свеж и сыр был воздух, и луна,
Скучая, шла по небу голубому,
И плоская синелась сторона;
В моей душе менялись скорбь и сила,
И мысль моя с тобою говорила.

Все степь да степь! нет ни души, ни звука;
И еду вдаль я, горд и одинок —
Моя судьба во мне. Ни скорбь, ни скука
Не утомят меня. Всему свой срок.
Я правды речь вел строго в дружнем круге -
Ушли друзья в младенческом испуге.

И он ушел — которого, как брата
Иль как сестру, так нежно я любил!
Мне тяжела, как смерть, его утрата;

Он духом чист и благороден был,
Имел он сердце нежное, как ласка,
И дружба с ним мне памятна, как сказка.

Ты мне один остался неизменный,
Я жду тебя. Мы в жизнь вошли вдвоем;
Таков остался наш союз надменный!
Опять одни мы в грустный путь пойдем,
Об истине глася неутомимо,
И пусть мечты и люди идут мимо.

1846

УПОВАНИЕ

ГОД 1848

Anno cholerae morbi [1].

Все говорят, что ныне страшно жить,
Что воздух заражен и смертью веет;
На улицу боятся выходить.
Кто встретит гроб — трепещет и бледнеет.
Я не боюсь. Я не умру. Я дней
Так не отдам. Всей жизнью человека
Еще дышу я, всею мыслью века
Я жизненно проникнут до ногтей,
И впереди довольно много дела,
Чтоб мысль о смерти силы не имела.

Что мне чума? Я слышу чутким слухом
Со всех сторон знакомые слова:
Вблизи, вдали одним все полно духом,
Все воли ищут! Тихо голова
Приподнялась, проходит сон упрямый,
И человек на вещи смотрит прямо.
Встревожен он. На нем так много лет
Рука преданья дряхлого лежала,
Что страшно страшен новый свет сначала.
Но свыкнись, узник! Из тюрьмы на свет

[1] В холерный год *(лат.)*.

Когда выходят — взору трудно, больно,
А после станет ясно и раздольно!

О! из глуши моих родных степей
Я слышу вас, далекие народы,
И что-то бьется тут, в груди моей,
На каждый звук торжественный свободы.
Мне с юга моря синяя волна
Лелеет слух внезапным колыханьем...
Роскошных снов ленивая страна —
И ты полна вновь юным ожиданьем!
Еще уныл ave Maria глас
И дремлет вкруг семи холмов поляна,
Но втайне Цезарю в последний раз
Готовится проклятье Ватикана.
Что ж? Начинай! Уж гордый Рейн восстал,
От долгих грез очнулся тих, но страшен,
Упрямо воли жаждущий вассал
Грозит остаткам феодальных башен.
На западе каким-то новым днем,
Из хаоса корыстей величаво,
Как разум светлое, восходит право,
И нет застав, земля всем общий дом.
Как волхв, хочу с Востока в путь суровый
Идти и я, дабы вещать о том,
Что видел я, как мир родился новый!

И ты, о Русь! моя страна родная,
Которую люблю за то, что тут
Знал сердцу светлых несколько минут,
Еще за то, что, вместе изнывая,
С тобою я и плакал и страдал
И цепью нас одною рок связал,—
И ты под свод дряхлеющего зданья,
В глуши трудясь, подкапываешь взрыв?
Что скажешь миру ты? Какой призыв?
Не знаю я! Но все твои страданья
И весь твой труд готов делить с тобой
И верю, что пробьюсь, как наш народ родной,
В терпении и с твердостию многой
На новый свет неведомой дорогой!

1848

* * *

В пирах безумно молодость проходит;
Стаканов звон да шутки, смех да крик
Не умолкают. А меж тем не сходит
С души тоска ни на единый миг;
Меж тем и жизнь идет, и тяготеет
Над ней судьба, и страшной тайной веет.
Мне пир наскучил — он не шлет забвенья
Душевной скорби; судорожный смех
Не заглушает тайного мученья!..

⟨1848—1849(?)⟩

АРЕСТАНТ

Ночь темна. Лови минуты!
Но стена тюрьмы крепка,
У ворот ее замкнуты
Два железные замка.
Чуть дрожит вдоль коридора
Огонек сторожевой,
И звенит о шпору шпорой,
Жить скучая, часовой.

«Часовой!» — «Что, барин, надо?»
«Притворись, что ты заснул:
Мимо б я, да за ограду
Тенью быстрою мелькнул!
Край родной повидеть нужно
Да жену поцеловать,
И пойду под шелест дружный
В лес зеленый умирать!..»

«Рад помочь! Куда ни шло бы!
Божья тварь, чай, тож и я!
Пуля, барин, ничего бы,
Да боюся батожья!
Поседел под шум военный...
А сквозь полк как проведут,
Только ком окровавленный
На тележке увезут!»

Шепот смолк... Все тихо снова...
Где-то бог подаст приют?
То ль схоронят здесь живого?
То ль на каторгу ушлют?
Будет вечно цепь надета,
Да начальство станет бить...
Ни ножа! ни пистолета!..
И конца нет сколько жить!

1850

К Н. ⟨А. ТУЧКОВОЙ⟩

На наш союз святой и вольный —
Я знаю — с злобою тупой
Взирает свет самодовольный,
Бродя обычной колеей.

Грозой нам веет с небосклона!
Уже не раз терпела ты
И кару дряхлого закона,
И кару пошлой клеветы.

С улыбкой грустного презренья
Мы вступим в долгую борьбу,
И твердо вытерпим гоненья,
И отстоим свою судьбу.

Еще не раз весну мы встретим
Под говор дружных нам лесов
И жадно в жизни вновь отметим
Счастливых несколько часов.

И день придет: морские волны
Опять привет заплещут нам,
И мы умчимся, волей полны,
Туда — к свободным берегам.

⟨*Начало 50-х годов*⟩

* * *

Опять знакомый дом, опять знакомый сад
И счастья детские воспоминанья!
Я отвыкал от них... и снова грустно рад
Подслушивать неясный звук преданья.

Люблю ли я людей, которых больше нет,
Чья жизнь истлела здесь, в тиши досужной?
Но в памяти моей давно остыл их след,
Как след любви случайной и ненужной.
А все же здесь меня преследует тоска —
Припадок безыменного недуга,
Все будто предо мной могильная доска
Какого-то отвергнутого друга...

〈1856〉

DIE GESCHICHTE[1]

За днями и́дут дни, идет за годом год —
С вопросом на устах, в сомнении печальном
Слежу я робко их однообразный ход;
И будто где-то я затерян в море дальнем —
Все тот же гул, все тот же плеск валов
Без смысла, без конца, не видно берегов;
Иль будто грежу я во сне без пробужденья
И длинный ряд бесов мятется предо мной:
Фигуры дикие, тяжелого томленья
И злобы полные, враждуя меж собой,
В безвыходной и бесконечной схватке
Волнуются, кричат и гибнут в беспорядке.
И так за годом год идет, за веком век,
И дышит произвол, и гибнет человек.

〈1856〉

ПРЕДИСЛОВИЕ К «КОЛОКОЛУ»

Россия тягостно молчала,
Как изумленное дитя,
Когда, неистово гнетя,
Одна рука ее сжимала;
Но тот, который что есть сил
Ребенка мощного давил,
Он с тупоумием капрала
Не знал, что перед ним лежало,
И мысль его не поняла,

[1] История *(нем.)*.

Какая есть в ребенке сила:
Рука ее не задушила,—
Сама с натуги замерла.

В годину мрака и печали,
Как люди русские молчали,
Глас вопиющего в пустыне
Один раздался на чужбине;
Звучал на почве не родной —
Не ради прихоти пустой,
Не потому, что из боязни
Он укрывался бы от казни;
А потому, что здесь язык
К свободомыслию привык
И не касалася окова
До человеческого слова.

Привета с родины далекой
Дождался голос одинокой,
Теперь юней, сильнее он...
Звучит, раскачиваясь, звон,
И он гудеть не перестанет,
Пока — спугнув ночные сны —
Из колыбельной тишины
Россия бодро не воспрянет,
И крепко на ноги не станет,
И — непорывисто смела —
Начнет торжественно и стройно,
С сознаньем доблести спокойной
Звонить во все колокола.

1857

ОСЕНЬЮ

Как были хороши порой весенней неги —
И свежесть мягкая зазеленевших трав,
И листьев молодых душистые побеги
По ветвям трепетным проснувшихся дубрав,
И дня роскошное и теплое сиянье,
И ярких красок нежное слиянье!

Но сердцу ближе вы, осенние отливы,
Когда усталый лес на почву сжатой нивы
Свевает с шепотом пожелклые листы,

А солнце позднее с пустынной высоты,
Унынья светлого исполнено, взирает...
Так память мирная безмолвно озаряет
И счастье прошлое, и прошлые мечты.

〈1857—1858〉

СВОБОДА

(1858 ГОДА)

Когда я был отроком тихим и нежным,
Когда я был юношей страстно мятежным,
И в возрасте зрелом, со старостью смежном,—
Всю жизнь мне все снова, и снова, и снова
Звучало одно неизменное слово:
Свобода! Свобода!

Измученный рабством и духом унылый,
Покинул я край мой родимый и милый,
Что было мне можно, насколько есть силы,
С чужбины до самого края родного
Взывать громогласно заветное слово:
Свобода! Свобода!

И вот на чужбине, в тиши полунощной,
Мне издали голос послышался мощный...
Сквозь вьюгу сырую, сквозь мрак беспомощный,
Сквозь все завывания ветра ночного
Мне слышится с родины юное слово:
Свобода! Свобода!

И сердце, так дружное с горьким сомненьем,
Как птица из клетки, простясь с заточеньем,
Взыграло впервые отрадным биеньем,
И как-то торжественно, весело, ново
Звучит теперь с детства знакомое слово:
Свобода! Свобода!

И все-то мне грезится — снег и равнина,
Знакомое вижу лицо селянина,
Лицо бородатое, мощь исполина,
И он говорит мне, снимая оковы,
Мое неизменное, вечное слово:
Свобода! Свобода!

Но если б грозила беда и невзгода
И рук для борьбы захотела свобода,—
Сейчас полечу на защиту народа,
И если паду я средь битвы суровой,
Скажу, умирая, могучее слово:
Свобода! Свобода!

А если б пришлось умереть на чужбине,
Умру я с надеждой и верою ныне;
Но в миг передсмертный — в спокойной кручине
Не дай мне остынуть без звука святого,
Товарищ, шепни мне последнее слово:
Свобода! Свобода!

1858

* * *

Сторона моя родимая,
Велики твои страдания,
Но есть мощь неодолимая,
И полны мы упования:

Не сгубят указы царские
Руси силы молодецкие,
Ни помещики татарские,
Ни чиновники немецкие!

Не пойдет волной обратною
Волга-матушка раздольная,
И стезею благодатною
Русь вперед помчится — вольная!

1858

* * *

Свисти ты, о ветер, с бессонною силой
Во всю одинокую ночь,
Тоску твоей песни пустынно унылой
Еще я берусь превозмочь.

Я стану мечтать величаво и стройно
Про будущность нашей страны,—
В доверчивой мысли светло и спокойно.
Мне делом покажутся сны.

Я вспомню о прошлом, о жизни сердечной,
Таинственном шепоте дев,
И детской дремотой забудусь беспечно
Под твой похоронный напев.

1859

ПАМЯТИ РЫЛЕЕВА

В святой тиши воспоминаний
Храню я бережно года
Горячих первых упований,
Начальной жажды дел и знаний,
Попыток первого труда.
Мы были отроки. В то время
Шло стройной поступью бойцов —
Могучих деятелей племя
И сеяло благое семя
На почву юную умов.

Везде шепталися. Тетради
Ходили в списках по рукам;
Мы, дети, с робостью во взгляде,
Звучащий стих свободы ради,
Таясь, твердили по ночам.
Бунт, вспыхнув, замер. Казнь проснулась.
Вот пять повешенных людей...
В нас сердце молча содрогнулось,
Но мысль живая встрепенулась,
И путь означен жизни всей.

Рылеев мне был первым светом...
Отец! по духу мне родной —
Твое названье в мире этом
Мне стало доблестным заветом
И путеводною звездой.
Мы стих твой вырвем из забвенья,
И в первый русский вольный день,
В виду младого поколенья,

Восстановим для поклоненья
Твою страдальческую тень.

Взойдет гроза на небосклоне,
И волны на берег с утра
Нахлынут с бешенством погони,
И слягут бронзовые кони
И Николая и Петра.
Но образ смерти благородный
Не смоет грозная вода,
И будет подвиг твой свободный
Святыней в памяти народной
На все грядущие года.

1859

* * *

Среди сухого повторенья
Ночи за днем, за ночью дня —
Замолкших звуков пробужденье
Волнует сладостно меня.

Знакомый голос, милый лепет
И шелест тени дорогой —
В груди рождают прежний трепет
И проблеск страсти прожитой.

Подобно молодой надежде,
Встает забытая любовь,
И то, что чувствовалось прежде,
Все так же чувствуется вновь.

И, странной негой упоенный,
Я узнаю забытый рай...
О! погоди, мой сон блаженный,
Не улетай, не улетай!

В тоске обычного броженья
Смолкает сна минутный бред,
Но долго ласки и томленья
Лежит на сердце мягкий след.

Так, замирая постепенно,
Исполнен счастия и мук, —
Струны внезапно потрясенной
Трепещет долго тихий звук.

⟨1859—1860⟩

* * *

С какой тревогой ожиданья,
Биеньем сердца, час за час,
Я жаждал, не смыкая глаз,
Минуты раннего свиданья.

Чу! брезжит. Свежею струей
В дремотном воздухе пахнуло,
Лист шепчет; в чаще кустовой,
Чирикнув, пташка пропорхнула,
И галок кочевой народ
Пустился в утренний полет.

⟨1860—1861(?)⟩

МИХАЙЛОВУ

Сон был нарушен. Здесь и там
Молва бродила по устам,
Вспыхала мысль, шепталась речь —
Грядущих подвигов предтечь;
Но, робко зыблясь, подлый страх
Привычно жил еще в сердцах,
И надо было жертвы вновь —
Разжечь их немощную кровь.
Так, цепенея, ратный строй
Стоит и не вступает в бой;
Но вражий выстрел просвистал —
В рядах один из наших пал!..
И гнева трепет боевой
Объемлет вдохновенный строй.
Вперед, вперед! разрушен страх —
И гордый враг падет во прах.

Ты эта жертва. За тобой
Сомкнется грозно юный строй.

Не побоится палачей,
Ни тюрьм, ни ссылок, ни смертей.
Твой подвиг даром не пропал —
Он чары страха разорвал;
Иди ж на каторгу бодрей,
Ты дело сделал — не жалей!

Царь не посмел тебя казнить...
Ведь ты из фрачных... Может быть,
В среде господ себе отпор
Нашел бы смертный приговор...
Вот если бы тебя нашли
В поддевке, в трудовой пыли —
Тебя велел бы он схватить
И, как собаку, пристрелить.
Он слово «казнь» — не произнес,
Но до пощады не дорос.
Мозг узок, и душа мелка —
Мысль милосердья далека.
Но ты пройдешь чрез те места,
Где без могилы и креста
Недавно брошен свежий труп
Бойца, носившего тулуп.
Наш старший брат из мужиков,
Он первый встал против врагов,
И волей царскою был он
За волю русскую казнен.
Ты тихо голову склони
И имя брата помяни.

Закован в железы с тяжелою цепью,
Идешь ты, изгнанник, в холодную даль,
Идешь бесконечною снежною степью,
Идешь в рудокопы на труд и печаль.
Иди без унынья, иди без роптанья,
Твой подвиг прекрасен и святы страданья.

И верь неослабно, мой мученик ссыльный,
Иной рудокоп не исчез, не потух —
Незримый, но слышный, повсюдный, всесильный
Народной свободы таинственный дух.
Иди ж без унынья, иди без роптанья,
Твой подвиг прекрасен и святы страданья.

Он роется мыслью, работает словом,
Он юношей будит в безмолвье ночей,
Пророчит о племени сильном и новом,
Хоронит безжалостно ветхих людей.
Иди ж без унынья, иди без роптанья,
Твой подвиг прекрасен и святы страданья.

Он создал тебя и в плену не покинет,
Он стражу разгонит и цепь раскует,
Он камень от входа темницы отдвинет,
На праздник народный тебя призовет.
Иди ж без унынья, иди без роптанья,
Твой подвиг прекрасен и святы страданья.

⟨1861⟩

* * *

Мой русский стих, живое слово
Святыни сердца моего,
Как звуки языка родного,
Не тронет сердца твоего.
На буквы чуждые взирая
С улыбкой ясною,— умей,
Их странных форм не понимая,
Понять в них мысль любви моей.
Их звук пройдет в тиши глубокой,
Но я пишу их потому,
Что этот голос одинокой —
Он нужен чувству моему.
И я так рад уединенью:
Мне нужно самому себе
Сказать в словах, подобных пенью,
Как благодарен я тебе —
За мягкость ласки бесконечной;
За то, что с тихой простотой
Почтила ты слезой сердечной,
Твоей сочувственной слезой,—
Мое страданье о народе,
Мою любовь к моей стране
И к человеческой свободе...
За все доверие ко мне,
За дружелюбные названья,
За чувство светлой тишины,

За сердце, полное вниманья
И тайной, кроткой глубины.
За то, что нет сокрытых терний
В любви доверчивой твоей,
За то, что мир зари вечерней
Блестит над жизнию моей.

⟨1862—1864⟩

EXIL[1]

Я том моих стихотворений
Вчера случайно развернул,
И, весь исполненный волнений,
Я до рассвета не заснул.
Вся жизнь моя передо мною
Из мертвых грустной чередою
Вставала тихо день за днем,
С ее сердечной теплотою,
С ее сомненьем и тоскою,
С ее безумством и стыдом.
И я нашел такие строки,—
В то время писанные мной,
Когда не раз бледнели щеки
Под безотрадною слезой:
«Прощай! На жизнь, быть может, взглянем
Еще с улыбкой мы не раз,
И с миром оба да помянем
Друг друга мы в последний час».

Мне сердце ужасом сковало:
Как все прошло! Как все пропало!
Как все так выдохлось давно!
И стало ясно мне одно,
Что без любви иль горькой пени,
Как промелькнувшую волну,
Я просто вовсе бедной тени
В последний час не помяну.

1863

[1] Изгнание *(франц.)*.

IL GIORNO DI DANTE[1]

Суровый Дант не презирал сонета...
Пушкин

Италия! земного мира цвет,
Страна надежд великих и преданий,
Твоих морей плескание и свет
И синий трепет горных очертаний

Живут в тиши моих воспоминаний,
Подобно снам роскошных юных лет.
Италия! я шлю тебе привет
В великий день народных ликований!

Но в этот день поэта «вечной муки»
Готовь умы к концу твоих невзгод,
Чтоб вольности услышал твой народ

Заветные, торжественные звуки,
И пусть славян многоветвистый род
Свободные тебе протянет руки.

1865

СТУДЕНТ

Посвящается памяти моего друга Сергея Астракова

Он родился в бедной доле,
Он учился в бедной школе,
Но в живом труде науки
Юных лет он вынес муки.
В жизни стала год от году
Крепче преданность народу,
Жарче жажда общей воли,
Жажда общей, лучшей доли.

И, гонимый местью царской
И боязнию боярской,
Он пустился на скитанье,
На народное воззванье,

[1] День Данте *(итал.)*.

Кликнуть клич по всем крестьянам -
От Востока до Заката:
«Собирайтесь дружным станом.
Станьте смело брат за брата —
Отстоять всему народу
Свою землю и свободу».

Жизнь он кончил в этом мире —
В снежных каторгах Сибири.
Но, весь век нелицемерен,
Он борьбе остался верен.
До последнего дыханья
Говорил среди изгнанья:
«Отстоять всему народу
Свою землю и свободу».

1868

* * *

Вперед! без страха и сомненья
На подвиг доблестный, друзья!
Зарю святого искупленья
Уж в небесах завидел я!

Смелей! дадим друг другу руки
И вместе двинемся вперед.
И пусть под знаменем науки
Союз наш крепнет и растет.

Жрецов греха и лжи мы будем
Глаголом истины карать,
И спящих мы от сна разбудим
И поведем на битву рать!

Не сотворим себе кумира
Ни на земле, ни в небесах;
За все дары и блага мира
Мы не падем пред ним во прах!..

Провозглашать любви ученье
Мы будем нищим, богачам
И за него снесем гоненье,
Простив безумным палачам!

Блажен, кто жизнь в борьбе кровавой,
В заботах тяжких истощил;
Как раб ленивый и лукавый,
Талант свой в землю не зарыл!

Пусть нам звездою путеводной
Святая истина горит;
И, верьте, голос благородный
Не даром в мире прозвучит!

Внемлите ж, братья, слову брата,
Пока мы полны юных сил:
Вперед, вперед и без возврата,
Что б рок вдали нам ни сулил!

⟨1845—1846⟩

* * *

По чувствам братья мы с тобой,
Мы в искупленье верим оба,
И будем мы питать до гроба
Вражду к бичам страны родной.

Когда ж пробьет желанный час
И встанут спящие народы,—
Святое воинство свободы
В своих рядах увидит нас.

Любовью к истине святой
В тебе, я знаю, сердце бьется,
И, верно, отзыв в нем найдется
На неподкупный голос мой.

⟨1846⟩

* * *

Скучная картина!
Тучи без конца,
Дождик так и льется,
Лужи у крыльца...
Чахлая рябина
Мокнет под окном;
Смотрит деревушка
Сереньким пятном.
Что ты рано в гости,
Осень, к нам пришла?
Еще просит сердце
Света и тепла!

Все тебе не рады!
Твой унылый вид
Горе да невзгоды
Бедному сулит.
Слышит он заране
Крик и плач ребят;
Видит, как от стужи
Ночь они не спят;
Нет одежды теплой,
Нету в печке дров...
Ты на чей же, осень,
Поспешила зов?

Вот — и худ и бледен,
Сгорбился больной...
Как он рад был солнцу,
Как был бодр весной!
А теперь — наводит
Желтых листьев шум
На душу больную
Рой зловещих дум!
Рано, рано, осень,
В гости к нам пришла...
Многим не дождаться
Света и тепла!

⟨1860⟩

* * *

Отдохну-ка, сяду у лесной опушки;
Вон вдали — соломой крытые избушки,
И бегут над ними тучи вперегонку
Из родного края в дальнюю сторонку.
Белые березы, жидкие осины,
Пашни да овраги — грустные картины;
Не пройдешь без думы без тяжелой мимо,
Что же к ним все тянет так неодолимо?

Ведь на свете белом всяких стран довольно,
Где и солнце ярко, где и жить привольно.
Но и там, при блеске голубого моря,
Наше сердце ноет от тоски и горя,
Что не видят взоры ни берез плакучих,

Ни избушек этих серепьких, как тучи;
Что же в них так сердцу дорого и мило?
И какая манит тайная к ним сила?

〈1861〉

РОДНОЕ

Свесилась уныло
Над оврагом ива,
И все дно оврага
Поросло крапивой.

В стороне могила
Сиротеет в поле:
Кто-то сам покончил
С горемычной долей!

Вон вдали чернеют,
Словно пни, избушки;
Не из той ли был он
Бедной деревушки?

Там, чай, труд да горе,
Горе без исхода...
И кругом такая
Скудная природа!

Рытвины да кочки,
Даль полей немая;
И летит над ними
С криком галок стая...

Надрывает сердце
Этот вид знакомый...
Грустно на чужбине,
Тяжело и дома!

〈1862〉

* * *

Теплый день весенний.
Солнышко блестит,
Птичка, заливаясь,
В поле всех манит.

Улицы, бульвары
Запрудил народ.
Пестрыми толпами
За город идет.

Праздничные лица
Радостно глядят;
Редко, редко встретишь
Невеселый взгляд.

Словно всем живется
Так легко, что нет
У толпы нарядной
Ни забот, ни бед.

Только мне с тоскою
Справиться невмочь,
Как ее прогнать я
Ни стараюсь прочь.

Где б я ни был,— всюду
Шепчет мне она:
«А твоя навеки
Отцвела весна!»

Зашумит ли в роще
Яркая листва,
Мне и в этом шуме
Слышатся слова:

«Нечего от жизни
Ждать тебе. Твой путь
Пройден,— не пора ли
Навсегда уснуть?

И когда сойдешь ты
В землю, над тобой
Зеленеть мы будем
Каждою весной!»

〈1873〉

СТАРИК

У лесной опушки домик небольшой
Посещал я часто прошлою весной.

В том домишке бедном жил седой лесник.
Памятен мне долго будешь ты, старик.

Как приходу гостя радовался ты!
Вижу, как теперь, я добрые черты...

Вижу я улыбку на лице твоем —
И морщинкам мелким нет числа на нем!

Вижу армячишко рваный на плечах,
Шапку на затылке, трубочку в зубах;

Помню смех твой тихий, взгляд потухших глаз,
О житье минувшем сбивчивый рассказ.

По лесу бродили часто мы вдвоем;
Старику там каждый кустик был знаком.

Знал он, где какая птичка гнезда вьет,
Просеки, тропинки знал наперечет.

А какой охотник был до соловьев!
Всю-то ночь, казалось, слушать он готов,

Как в зеленой чаще песни их звучат;
И еще любил он маленьких ребят,

На своем крылечке сидя, каждый день,
Ждет, бывало, деток он из деревень.

Много их сбегалось к деду вечерком;
Щебетали, словно птички перед сном:

«Дедушка, голубчик, сделай мне свисток».
«Дедушка, найди мне беленький грибок».

«Ты хотел мне нынче сказку рассказать».
«Посулил ты белку, дедушка, поймать».

«Ладно, ладно, детки, дайте только срок,
Будет вам и белка, будет и свисток!»

И, смеясь, рукою дряхлой гладил он
Детские головки, белые, как лен.

Ждал поры весенней с нетерпеньем я:
Думал, вот приеду снова в те края

И отправлюсь к другу старому скорей.
Он навстречу выйдет с трубочкой своей

И начнет о сельских новостях болтать.
По лесу бродить с ним будем мы опять,

Слушая, как в чаще свищут соловьи...
Но, увы! желанья не сбылись мои.

Как с деревьев падать начал лист сухой,
Смерть подкралась к деду тихою стопой.

Одинок угас он в домике своем,
И горюют детки больше всех по нем.

«Кто поймает белку, сделает свисток?»
Долго будет мил им добрый старичок.

И где спит теперь он непробудным сном,
Часто голоса их слышны вечерком...

〈1877〉

СОН

Когда ложится тень прозрачными клубами
На нивы желтые, покрытые скирдами,
На синие леса, на влажный злак лугов;
Когда над озером белеет столп паров
И в редком тростнике, медлительно качаясь,
Сном чутким лебедь спит, на влаге отражаясь,—
Иду я под родной соломенный свой кров,
Раскинутый в тени акаций и дубов;
И там, в урочный час, с улыбкой уст приветных,
В венце дрожащих звезд и маков темноцветных,
С таинственных высот воздушною стезей
Богиня мирная, являясь предо мной,
Сияньем палевым главу мне обливает,
И очи тихою рукою закрывает,
И, кудри подобрав, главой склонясь ко мне,
Лобзает мне уста и очи в тишине.

1839

СОМНЕНИЕ

Пусть говорят — поэзия мечта,
Горячки сердца бред ничтожный,
Что мир ее есть мир пустой и ложный
И бледный вымысл — красота;
Пусть нет для мореходцев дальных
Сирен опасных, нет дриад
В лесах густых, в ручьях кристальных
Золотовласых нет наяд;

Пусть Зевс из длани не низводит
Разящей молнии поток
И на ночь Гелиос не сходит
К Фетиде в пурпурный чертог;
Пусть так! но в полдень листьев шепот
Так полон тайны, шум ручья
Так сладкозвучен, моря ропот
Глубокомыслен, солнце дня
С такой любовию приемлет
Пучина моря, лунный лик
Так сокровен, что сердце внемлет
Во всем таинственный язык;
И ты невольно сим явленьям
Даруешь жизни красоты,
И этим милым заблужденьям
И веришь и не веришь ты!

1839

* * *

На мысе сем диком, увенчанном бедной осокой,
Покрытом кустарником ветхим и зеленью сосен,
Печальный Мениск, престарелый рыбак, схоронил
Погибшего сына. Его возлелеяло море,
Оно же его и прияло в широкое лоно,
И на берег бережно вынесло мертвое тело.
Оплакавши сына, отец под развесистой ивой
Могилу ему ископал и, накрыв ее камнем,
Плетеную вершу из ивы над нею повесил —
Угрюмой их бедности памятник скудный!

1840

СВИРЕЛЬ

Вот тростник сухой и звонкой...
Добрый Пан! Перевяжи
Осторожно нитью тонкой
И в свирель его сложи!
Поделись со мной искусством
Трели в ней перебирать,
Оживлять их мыслью, чувством,
Понижать и повышать,

Чтоб мне в зной полдня́ златого
Рощи, горы усыпить
И из волн ручья лесного
В грот наяду приманить.

1840

ОКТАВА

Гармонии стиха божественные тайны
Не думай разгадать по книгам мудрецов:
У брега сонных вод, один бродя, случайно,
Прислушайся душой к шептанью тростников,
Дубравы говору; их звук необычайный
Прочувствуй и пойми... В созвучии стихов
Невольно с уст твоих размерные октавы
Польются, звучные, как музыка дубравы.

1841

* * *

Я в гроте ждал тебя в урочный час.
Но день померк; главой качаясь сонной,
Заснули тополи, умолкли гальционы, —
Напрасно!.. Месяц встал, сребрился и угас;
Редела ночь; любовница Кефала,
Облокотясь на рдяные врата
Младого дня, из кос своих роняла
Златые зерна перлов и опала
На синие долины и леса,—
Ты не являлась...

1841

ВАКХАНКА

Тимпан, и звуки флейт, и плески вакханалий
Молчанье дальних гор и рощей потрясали.
Движеньем утомлен, я скрылся в мрак дерев,
А там, раскинувшись на мягкий бархат мхов,
У грота темного вакханка молодая
Покоилась, к руке склонясь, полунагая.

По жаркому лицу, по мраморной груди
Луч солнца, тень листов скользили, трепетали;
С аканфом и плющом власы ее спадали
На кожу тигрову, как резвые струи;
Там тирс изломанный, там чаша золотая...
Как дышит виноград на персях у нея,
Как алые уста, улыбкою играя,
Лепечут, полные томленья и огня!
Как тихо все вокруг! лишь слышны из-за дали
Тимпан, и звуки флейт, и плески вакханалий...

1841

БАРЕЛЬЕФ

Вот безжизненный отрубок
Серебра: стопи его
И вместительный мне кубок
Слей искусно из него.
Ни Кипридиных голубок,
Ни медведиц, ни плеяд
Не лепи по стенкам длинным.
Отчекань: в саду пустынном,
Между лоз, толпы менад,
Выжимающих созрелый,
Налитой и пожелтелый
С пышной ветки виноград;
Вкруг сидят умно и чинно
Дети возле бочки винной;
Фавны с хмелем на челе;
Вакх под тигровою кожей
И Силен румянорожий
На споткнувшемся осле.

1842

* * *

Пусть гордится старый дед
Внуков резвою семьею,
Витязь — пленников толпою
И трофеями побед;
Красота морей зыбучих —
Паруса судов летучих;

Честь народов — мудрый круг
Патриархов в блеске власти;
Для меня ж милей, мой друг,
В пору бури и ненастий,
В теплой хижине очаг,
Пня дубового отрубок
Да в руках тяжелый кубок,
В кубке хмель и хмель в речах.

1843

CAMPAGNA DI ROMA[1]

Пора, пора! Уж утро славит птичка,
И свежестью пахнуло мне в окно.
Из города зовет меня давно
К полям широким старая привычка.
Возьмем коней, оставим душный Рим,
И ряд дворцов его тяжеловесных,
И пеструю толпу вдоль улиц тесных
И воздухом подышим полевым.

О! как легко! как грудь свободно дышит!
Широкий горизонт расширил душу мне...
Мой конь устал... мысль бродит в тишине,
Земля горит, и небо зноем пышет...
Сабинских гор неровные края,
И Апеннин верхи снеговенчанны,
Шум мутных рек, бесплодные поля,
И, будто нищий с ризою раздранной,
Обломок башни, обвитой плющом,
Разбитый храм с остатком смелых сводов
Да бесконечный ряд водопроводов
Открылися в тумане голубом...
Величие и ужас запустенья...
Угрюмого источник вдохновенья...
Все тяжко спит, все умерло почти...
Лишь простучит на консульском пути
По гладким плитам конь поселянина,
И долго дикий всадник за горой
Виднеется в плаще, и с палкой длинной,
И в шапке острой... Вот в тени руины

[1] Римская Кампанья *(итал.)*.

Еще монах усталый и босой,
Окутавшись широким капюшоном,
Заснул, склонясь на камень головой,
А вдалеке, под синим небосклоном,
На холме мазанка из глины и ветвей,
И кипарис чернеется над ней...

Измученный полудня жаром знойным,
Вошел я внутрь руин, безвестных мне.
Я был объят величьем их спокойным.
Глядеть и слушать в мертвой тишине
Так сладостно!.. Тут целый мир видений!
То цирк был некогда; теперь он опустел,
Полынь и терн уселись на ступени,
Там, где народ ликующий шумел;
Близ ложи цезарей еще лежали
Куски статуй, курильниц и амфор,
Как будто бы они здесь восседали
Еще вчера, увеселяя взор
Ристанием... но по арене длинной
Цветистый мак пестреет меж травой,
И тростником, и розой полевой;
И рыщет ветр, один, что конь пустынный.
Лохмотьями прикрыт, полунагой,
Глаза как смоль и с молниею взгляда,
С чернокудрявой, смуглой головой,
Пасет ребенок коз пугливых стадо.
Трагически ко мне он руку протянул:
«Я голоден,— со злобою взывая.—
Я голоден!..» Невольно я вздохнул
И, нищего и цирк обозревая,
Промолвил: «Вот она — Италия святая!»

1844

* * *

Ах, чудное небо, ей-богу, над этим классическим Римом!
Под этаким небом невольно художником станешь.
Природа и люди здесь будто другие, как будто картины
Из ярких стихов антологии Древней Эллады.
Ну вот, поглядите: по каменной белой ограде разросся
Блуждающий плющ, как развешанный плащ иль завеса;
В средине, меж двух кипарисов, глубокая темная ниша,

Откуда глядит голова с преуродливой миной
Тритона. Холодная влага из пасти, звеня, упадает.
К фонтану альбанка (ах, что за глаза из-под тени
Покрова сияют у ней! что за стан в этом алом корсете!),
Подставив кувшин, ожидает, как скоро водою
Наполнится он, а другая подруга стоит неподвижно,
Рукой охватив осторожно кувшин на облитой
Вечерним лучом голове... Художник (должно быть, германец)
Спешит срисовать их, довольный, что случай нежданно
В их позах сюжет ему дал для картины, и вовсе не мысля,
Что я срисовал в то же время и чудное небо,
И плющ темнолистый, фонтан и свирепую рожу тритона,
Альбанок и даже— его самого с его кистью!

1844

* * *

На дальнем севере моем
Я этот вечер не забуду.
Смотрели молча мы вдвоем
На ветви ив, прилегших к пруду;
Вдали синел лавровый лес,
И олеандр блестел цветами;
Густого мирта был над нами
Непроницаемый навес;
Синели горные вершины;
Тумана в золотой пыли
Как будто плавали вдали
И акведуки и руины...
При этом солнце огневом,
При шуме водного паденья,
Ты мне сказала в упоенье:
«Здесь можно умереть вдвоем...»

1844

AMOROSO[1]

Выглянь, милая соседка,
В окна комнаты своей!
Душит запертая клетка
Птичку вольную полей.

[1] Любовник *(итал.)*.

Выглянь! Солнце, потухая,
Лик твой ясный озарит
И угаснет, оживляя
Алый блеск твоих ланит.

Выглянь! глазками легонько
Или пальчиком грозя,
Где ревнивец твой, тихонько
Дай мне знать, краса моя!

О, как много б при свиданье
Я хотел тебе сказать;
Слышать вновь твое признанье
И ревнивца поругать...

Чу! твой голос! песни звуки...
И гитары тихий звон...
Усыпляй его, баюкай...
Тише... Что?.. заснул уж он?

Ты в мантилье, в маске черной
Промелькнула пред окном;
Слышу, с лестницы проворно
Застучала башмачком...

1845

FORTUNATA[1]

Ах, люби меня без размышлений,
Без тоски, без думы роковой,
Без упреков, без пустых сомнений!
Что тут думать? Я твоя, ты мой!

Все забудь, все брось, мне весь отдайся!..
На меня так грустно не гляди!
Разгадать, что в сердце,— не пытайся!
Весь ему отдайся — и иди!

Я любви не числю и не мерю;
Нет, любовь есть вся моя душа.
Я люблю — смеюсь, клянусь и верю...
Ах, как жизнь, мой милый, хороша!..

[1] Счастливая *(итал.)*.

Верь в любви, что счастью не умчаться,
Верь, как я, о гордый человек,
Что нам ввек с тобой не расставаться
И не кончить поцелуя ввек...

1845

* * *

Еще я полн, о друг мой милый,
Твоим явленьем, полн тобой!..
Как будто ангел легкокрылый
Слетал беседовать со мной,—

И, проводив его в преддверье
Святых небес, я без него
Сбираю выпавшие перья
Из крыльев радужных его...

1852

ПЕЙЗАЖ

Люблю дорожкою лесною,
Не зная сам куда, брести;
Двойной глубокой колеею
Идешь — и нет конца пути...
Кругом пестреет лес зеленый;
Уже румянит осень клены,
А ельник зелен и тенист;
Осинник желтый бьет тревогу;
Осыпался с березы лист
И, как ковер, устлал дорогу...
Идешь как будто по водам —
Нога шумит... а ухо внемлет
Малейший шорох в чаще, там,
Где пышный папоротник дремлет,
А красных мухоморов ряд
Что карлы сказочные спят...
Уж солнца луч ложится косо...
Вдали проглянула река...
На тряской мельнице колеса
Уже шумят издалека...
Вот на дорогу выезжает
Тяжелый воз — то промелькнет

На солнце вдруг, то в тень уйдет...
И криком кляче помогает
Старик, а на возу — дитя,
И деда страхом тешит внучка;
А, хвост пушистый опустя,
Вкруг с лаем суетится жучка,
И звонко в сумраке лесном
Веселый лай идет кругом.

1853

* * *

Весна! выставляется первая рама —
И в комнату шум ворвался,
И благовест ближнего храма,
И говор народа, и стук колеса.

Мне в душу повеяло жизнью и волей:
Вон — даль голубая видна...
И хочется в поле, в широкое поле,
Где, шествуя, сыплет цветами весна!

1854

* * *

Боже мой! вчера — ненастье,
А сегодня — что за день!
Солнце, птицы! блеск и счастье!
Луг росист, цветет сирень...

А еще ты в сладкой лени
Спишь, малютка!.. О, постой!
Я пойду, нарву сирени,
Да холодною росой

Вдруг на сонную-то брызну...
То-то сладко будет мне
Победить в ней укоризну
Свежей вестью о весне!

1855

ЖУРАВЛИ

От грустных дум очнувшись, очи
Я подымаю от земли:
В лазури темной к полуночи
Летят станицей журавли.

От криков их на небе дальном
Как будто благовест идет —
Привет лесам патриархальным,
Привет знакомым плесам вод!..

Здесь этих вод и лесу вволю,
На нивах сочное зерно...
Чего ж еще? ведь им на долю
Любить и мыслить не дано...

1855

МЕЧТАНИЯ

Пусть пасмурный октябрь осенней дышит стужей,
Пусть сеет мелкий дождь или порою град
В окошки звякает, рябит и пенит лужи,
Пусть сосны черные, качаяся, шумят,
И даже без борьбы, покорно, незаметно,
Сдает угрюмый день, больной и бесприветный,
Природу грустную ночной холодной мгле,—
Я одиночества не знаю на земле.
Забившись на диван, сижу; воспоминанья
Встают передо мной; слагаются из них
В волшебном очерке чудесные созданья,
И люди движутся, и глубже каждый миг
Я вижу души их, достоинства их мерю,
И так уж наконец в присутствие их верю,
Что даже кажется, их видит черный кот,
Который, поместясь на стол, под образами,
Подымет морду вдруг и желтыми глазами
По темной комнате, мурлыча, поведет...

1855

РЫБНАЯ ЛОВЛЯ

Посвящается С. Т. Аксакову, Н. А. Майкову, А. Н. Островскому, И. А. Гончарову, С. С. Дудышкину, А. И. Халанскому и всем понимающим дело

Себя я помнить стал в деревне под Москвою.
Бывало, ввечеру поудить карасей
Отец пойдет на пруд, а двое нас, детей,
Сидим на берегу под елкою густою,
Добычу из ведра руками достаем
И шепотом о ней друг с другом речь ведем...
С летами за отцом по ручейкам пустынным
Мы стали странствовать... Теперь то время мне
Является всегда каким-то утром длинным,
Особым уголком в безвестной стороне,
Где вечная заря над головой струится,
Где в поле по росе мой след еще хранится...
В столицу приведен насильно точно я;
Как будто всем чужой, сижу на чуждом пире,
И, кажется, опять я дома в божьем мире,
Когда лишь заберусь на бережок ручья,
Закину удочки, сижу в траве высокой...
Полдневный пышет жар — с зарей я поднялся,—
Откинешься на луг, и смотришь в небеса,
И слушаешь стрекоз, покуда сон глубокой
Под теплый пар земли глаза мне не сомкнет...
О, чудный сон! душа бог знает где, далеко,
А ты во сне живешь, как все вокруг живет...

Но близкие мои — увы! — всё горожане...
И странствовать в лесу, поднявшися с зарей,
Иль в лодке осенью сидеть в сыром тумане,
Иль мокнуть на дожде, иль печься в летний зной —
Им дико кажется, и всякий раз я знаю,
Что если с вечера я лесы разверну
И новые крючки навязывать начну,
Я тем до глубины души их огорчаю;
И лица важные нередко страсть мою
Корят насмешками: «Грешно, мол, для поэта
Позабывать Парнас и огорчать семью».
Я с горя пробовал послушать их совета —
Напрасно!.. Вот вчера, чтоб только сон прогнать,

Пошел на озеро; смотрю — какая гладь!
Лесистых берегов обрывы и изгибы,
Как зеркалом, водой повторены. Везде
Полоски светлые от плещущейся рыбы
Иль ласточек, крылом коснувшихся к воде...
Смотрю — усач-солдат сложил шинель на травку,
Сам до колен в воде и удит на булавку.
«Что, служба?» — крикнул я. «Пришли побаловать
Маленько»,— говорит. «Нет, клев-то как, служивый?»
«А клев-то? Да такой тут вышел стих счастливый,
Что в час-то на уху успели натаскать».

Ну, кто бы устоять тут мог от искушенья?
Закину, думаю, я разик — и назад!
Есть место ж у меня заветное: там скат
От самых камышей и мелкие каменья.
Тихонько удочки забравши, впопыхах
Бегу я к пристани. Вослед мне крикнул кто-то,
Но быстро оттолкнул челнок я свой от плота
И, гору обогнув, зарылся в камышах.

Злодеи-рыбаки уж тут давно: вон с челном
Запрятался в тростник, тот шарит в глубине...
Есть что-то страстное в вниманье их безмолвном,
Есть напряжение в сей людной тишине:
Лишь свистнет в воздухе леса волосяная
Да вздох послышится — упорно все молчат
И зорко издали друг за́ другом следят.
Меж тем живет вокруг равнина водяная,
Стрекозы синие колеблют поплавки,
И тощие кругом шныряют пауки,
И кружится, сребрясь, снетков веселых стая
Иль брызнет в стороны, от щуки исчезая.

Но вот один рыбак вскочил, и, трепеща,
Все смотрят на него в каком-то страхе чутком;
Он, в обе руки взяв, на удилище гнутком
Выводит на воду упорного леща.
И черно-золотой красавец повернулся
И вдруг взмахнул хвостом — испуганный, рванулся,—
«Отдай, отдай!» — кричат, и снова в глубину
Идет чудовище, и ходит, вся в струну
Натянута, леса... дрожь вчуже пробирает!..
А тут мой поплавок мгновенно исчезает.

Тащу — леса в воде описывает круг,
Уже зияет пасть зубастая — и вдруг
Взвилась моя леса, свистя над головою...
Обгрызла!.. Господи!.. но, зная норов щук,
Другую удочку за тою же травою
Тихонько завожу и жду, едва дыша...
Клюет... Напрягся я и, со всего размаха,
Исполненный надежд, волнуяся от страха,
Выкидываю вверх — чуть видного ерша...
О, тварь негодная!.. От злости чуть не плачу;
Кляну себя, людей и мир за неудачу
И, как на угольях, закинув вновь, сижу,
И только комары, облипшие мне щеки,
Обуздывают гнев на промах мой жестокий.

Чтобы вздохнуть, кругом я взоры обвожу.
Как ярки горы там при солнце заходящем!
Как здесь, вблизи меня, с своим шатром сквозящим,
Краснеют темных сосн сторукие стволы
И отражаются внизу в заливе черном,
Где белый пар уже бежит к подножьям горным.
С той стороны село. Среди сребристой мглы
Окошки светятся, как огненные точки;
Купанье там идет: чуть слышен визг живой,
Чуть-чуть белеются по берегу сорочки,
Меж тем как слышится из глубины лесной
Кукушка поздняя да дятел молодой...
Картины бедные полунощного края!
Где б я ни умирал, вас вспомню, умирая:
От сердца пылкого все злое прочь гоня,
Не вы ль, миря с людьми, учили жить меня!..

Но вот уж смерклося. Свежеет. Вкруг ни звука.
На небе и водах погас пурпурный блеск.
Чу... тянут якоря! Раздался весел плеск...
Нет, видно, не возьмет теперь ни лещ, ни щука!
Вот если бы чем свет забраться в тростники,
Когда лишь по заре заметишь поплавки,
И то почти к воде припавши... тут охота!..
Что ж медлить? Завтра же... Меж тем все челноки,
Толкаясь, пристают у низенького плота,
И громкий переклик несется на водах
О всех событьях дня, о порванных лесах,
И брань и похвальба, исполненные страсти.

На плечи, разгрузясь, мы взваливаем снасти,
И плещет ходкий плот, качаясь под ногой.
Идем. Под мокрою одеждой уж прохладно;
Зато как дышится у лодок над водой,
Где пахнет рыбою и свежестью отрадной,
Меж тем как из лесу чуть слышным ветерком,
Смолой напитанным, потянет вдруг теплом!..

О милые мои! Ужель вам не понятно,
Вам странно, отчего в тот вечер благодатный
С любовию в душе в ваш круг вбегаю я
И, весело садясь за ужин деревенской,
С улыбкой слушаю нападки на меня —
Невинную грозу запальчивости женской?
Бывало, с милою свиданье улучив
И уж обдумавши к свиданью повод новый,
Такой же приходил я к вам... Но что вы? что вы?
Что значит этот клик и смеха дружный взрыв?
Нет, полно! вижу я, не сговорить мне с вами!
Истома сладкая ко сну меня зовет.
Прощайте! добрый сон!.. уже двенадцать бьет...

Иду я спать... И вот опять перед глазами
Все катится вода огнистыми струями,
И ходят поплавки. На миг лишь задремал —
И кажется, клюет!.. Тут, полно, сон пропал;
Пылает голова, и сердце бьется с болью.
Чуть показался свет, на цыпочках, как вор,
Я крадусь из дому и лезу чрез забор,
Взяв хлеба про запас с кристальной крупной солью.
Но на небе серо, и мелкий дождь идет,
И к стуже в воздухе заметен поворот;
Чуть видны берегов ближайшие извивы;
Не шелохнется лес, ни птица не вспорхнет,—
Но чувствую уже, что будет лов счастливый.

И точно. Дождь потом зашлепал все сильней;
Вскипело озеро от белых пузырей,
И я промок насквозь, окостенели руки;
Но окунь — видно, стал бодрее с холодком —
Со дна и поверху гнался за червяком,
И ловко выхватил я прямо в челн две щуки...
Тут ветер потянул — и золотым лучом
Деревню облило. Э, солнце как высоко!

Уж дома самовар, пожалуй, недалеко...
Домой! и в комнату, пронизанный дождем,
С пылающим лицом, с душой и мыслью ясной.
Две щуки на шнурке, вхожу я с торжеством...
И криком все меня встречают: «Ах, несчастный!..»

Непосвященные! напрасен с ними спор!
Искусства нашего непризнанную музу
И грек не приобщил к парнасскому союзу!
Нет, муза чистая, витай между озер!
И пусть бегут твои балованные сестры
На шумных поприщах гражданственности пестрой
За лавром, и хвалой, и памятью веков,—
Ты, ночью звездною, на мельничной плотине,
В сем царстве свай, колес, и плесени, и мхов,
Таинственностью дух питай в святой пустыне!
Заслыша, что к тебе в тот час взываю я,
Заманивай меня по берегу ручья,
В высокой о́соке протоптанной тропинкой,
В дремучий, темный лес; играй, резвись со мной;
Облей в пути лицо росистою рябинкой;
Учи переходить по жердочке живой
Ручей и, усадив за ольхой серебристой
Над ямой, где лопух разросся круглолистый,
Где рыбе в затиши прохлада есть и тень,
Показывай мне, как родится новый день;
И в миг, когда спадет с природы тьмы завеса
И солнце вспыхнет вдруг на пурпуре зари,
Со всеми криками и шорохами леса
Сама в моей душе ты с богом говори!
Да, просветлен тобой, дыша, как часть природы,
Исполнюсь мощью я и счастьем той свободы,
В которой праотец народов, дни катя
К сребристой старости, был весел, как дитя!

1855

БОЛОТО

Я целый час болотом занялся.
Там белоус торчит, как щетка, жесткий;
Там точно пруд зеленый разлился;
Лягушка, взгромоздясь, как на подмостки,
На старый пень, торчащий из воды,

На солнце нежится и дремлет... Белым
Пушком одеты тощие цветы;
Над ними мошки вьются роем целым;
Лишь незабудок сочных бирюза
Кругом глядит умильно мне в глаза,
Да оживляют бедный мир болотный
Порханье белой бабочки залетной
И хлопоты стрекозок голубых
Вокруг тростинок тощих и сухих.
Ах! прелесть есть и в этом запустенье!..
А были дни, мое воображенье
Пленял лишь вид подобных тучам гор,
Небес глубоких праздничный простор,
Монастыри да белых вилл ограда
Под зеленью плюща и винограда...
Или луны торжественный восход
Между колонн руины молчаливой,
Над серебром с горы падучих вод...
Мне в чудные гармоний переливы
Слагался рев катящихся зыбей;
В какой-то мир вводил он безграничный,
Где я робел душою непривычной
И радостно присутствие людей
Вдруг ощущал, сквозь этот гул упорный,
По погремушкам вьючных лошадей,
Тропинкою спускающихся горной...
И вот — теперь такою же мечтой
Душа полна, как и в былые годы,
И так же здесь заманчиво со мной
Беседует таинственность природы.

1856

ПОД ДОЖДЕМ

Помнишь: мы не ждали ни дождя, ни грома,
Вдруг застал нас ливень далеко от дома;
Мы спешили скрыться под мохнатой елью...
Не было конца тут страху и веселью!
Дождик лил сквозь солнце, и под елью мшистой
Мы стояли, точно в клетке золотистой;
По земле вокруг нас точно жемчуг прыгал;
Капли дождевые, скатываясь с игол,

Падали, блистая, на твою головку,
Или с плеч катились прямо под снуровку...
Помнишь — как все тише смех наш становился...
Вдруг над нами прямо гром перекатился —
Ты ко мне прижалась, в страхе очи жмуря...
Благодатный дождик! золотая буря!

1856

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

«Золото, золото падает с неба!» —
Дети кричат и бегут за дождем...
— Полноте, дети, его мы сберем,
Только сберем золотистым зерном
В полных амбарах душистого хлеба!

1856

СЕНОКОС

Пахнет сеном над лугами...
В песне душу веселя,
Бабы с граблями рядами
Ходят, сено шевеля.

Там — сухое убирают:
Мужички его кругом
На воз вилами кидают...
Воз растет, растет, как дом...

В ожиданье конь убогий,
Точно вкопанный, стоит...
Уши врозь, дугою ноги
И как будто стоя спит...

Только жучка удалая
В рыхлом сене, как в волнах,
То взлетая, то ныряя,
Скачет, лая впопыхах.

⟨1856⟩

ЛАСТОЧКИ

Мой сад с каждым днем увядает;
Помят он, поломан и пуст,
Хоть пышно еще доцветает
Настурций в нем огненный куст...

Мне грустно! меня раздражает
И солнца осеннего блеск,
И лист, что с березы спадает,
И поздних кузнечиков треск.

Взгляну ль, по привычке, под крышу -
Пустое гнездо над окном;
В нем ласточек речи не слышу;
Солома обветрилась в нем...

А помню я, как хлопотали
Две ласточки, строя его!
Как прутики глиной скрепляли
И пуху таскали в него!

Как весел был труд их, как ловок!
Как любо им было, когда
Пять маленьких, быстрых головок
Выглядывать стали с гнезда!

И целый-то день говоруньи,
Как дети, вели разговор...
Потом полетели, летуньи!
Я мало их видел с тех пор!

И вот — их гнездо одиноко!
Они уж в иной стороне —
Далеко, далеко, далеко...
О, если бы крылья и мне!

1856

ОСЕНЬ

Кроет уж лист золотой
  Влажную землю в лесу...
Смело топчу я ногой
  Вешнюю леса красу.

С холоду щеки горят:
Любо в лесу мне бежать,
Слышать, как сучья трещат,
Листья ногой загребать!

Нет мне здесь прежних утех!
Лес с себя тайну совлек:
Сорван последний орех,
Свянул последний цветок;

Мох не приподнят, не взрыт
Грудой кудрявых груздей;
Около пня не висит
Пурпур брусничных кистей.

Долго на листьях лежит
Ночи мороз, и сквозь лес
Холодно как-то глядит
Ясность прозрачных небес...

Листья шумят под ногой;
Смерть стелет жатву свою...
Только я весел душой —
И, как безумный, пою!

Знаю, недаром средь мхов
Ранний подснежник я рвал;
Вплоть до осенних цветов
Каждый цветок я встречал:

Что им сказала душа,
Что ей сказали они,—
Вспомню я, счастьем дыша,
В зимние ночи и дни!

Листья шумят под ногой;
Смерть стелет жатву свою...
Только я весел душой —
И, как безумный, пою!

1856

РОЗЫ

Вся в розах — на груди, на легком платье белом,
На черных волосах, обвитых жемчугами, —
Она покоилась, назад движеньем смелым
Откинув голову с открытыми устами.
Сияло чудное лицо живым румянцем...
Остановился бал, и музыка молчала,
И — соблазнительным ошеломленный танцем,
Я на другом конце блистательного зала
С красавицею вдруг очами повстречался...
И — как и отчего, не знаю! — мне в мгновенье
Сорренто голубой залив нарисовался,
Пестумский красный храм в туманном отдаленье,
И вилла, сад и пир времен горацианских...
И по заливу вдруг, на золотой галере,
Плывет среди толпы невольниц африканских,
Вся в розах — Лидия, подобная Венере...
И что ж? обманутый блистательной мечтою,
Почти с признанием очнулся я от грезы
У ног красавицы... Ах, вы всему виною,
О розы Пестума, классические розы!...

1857

СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ

Апол. Алекс. Григорьеву

Долго ночью вчера я заснуть не могла,
Я вставала, окно отворяла...
Ночь немая меня и томила и жгла,
Ароматом цветов опьяняла...

Только вдруг шелестнули кусты под окном,
Распахнулась, шумя, занавеска —
И влетел ко мне юноша — светел лицом,
Точно весь был из лунного блеска.

Раздвинулись стены светлицы моей,
Колоннады за ними открылись;
В пирамидах из роз вереницы огней
В алебастровых вазах светились...

Чудный гость подходил все к постели моей;
Говорил он мне с кроткой улыбкой:
«Отчего предо мною в подушки скорей
Ты нырнула испуганной рыбкой!

Оглянися — я бог, бог видений и грез,
Тайный друг я застенчивой девы...
И блаженство небес я впервые принес
Для тебя, для моей королевы...»

Говорил — и лицо он мое отрывал
От подушки тихонько руками;
И щеки моей край горячо целовал,
И искал моих уст он устами...

Под дыханьем его обессилела я...
На груди разомкнулися руки...
И звучало в ушах: «Ты моя! ты моя!»,
Точно арфы далекие звуки...

Протекали часы... я открыла глаза...
Мой покой уж был облит зарею...
Я одна... вся дрожу... распустилась коса...
Я не знаю, что было со мною...

⟨1857⟩

ВЕСНА

Голубенький, чистый
Подснежник-цветок!
А подле сквозистый,
Последний снежок...

Последние слезы
О горе былом,
И первые грезы
О счастье ином...

1857

* * *

Всё вокруг меня как прежде —
Пестрота и блеск в долинах...
Лес опять тенист и зелен,
И шумит в его вершинах.

Отчего ж так сердце ноет,
И стремится, и болеет,
Неиспытанного просит
И о прожитом жалеет?

Не начать ведь жизнь с начала —
Даром сила растерялась,
Да и попусту растратишь
Ту, которая осталась...

А вокруг меня, как прежде,
Пестрота и блеск в долинах!
Лес опять тепист и зелен,
И шумит в его вершинах!..

1857

* * *

Поле зыблется цветами...
В небе льются света волны...
Вешних жаворонков пенья
Голубые бездны полны.

Взор мой тонет в блеске полдня...
Не видать певцов за светом...
Так надежды молодые
Тешат сердце мне приветом...

И откуда раздаются
Голоса их, я не знаю...
Но, им внемля, взоры к небу,
Улыбаясь, обращаю.

1857

* * *

Она еще едва умеет лепетать,
Чуть бегать начала, но в маленькой плутовке
Кокетства женского уж видимы уловки.
Зову ль ее к себе, хочу ль поцеловать,
И трачу весь запас ласкающих названий —
Она откинется, смеясь, на шею няни,

Старушку обовьет руками горячо,
И обе щеки ей целует без пощады,
Лукаво на меня глядит через плечо
И тешится моей ревнивою досадой.

1857

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Спи, дитя мое, усни!
Сладкий сон к себе мани:
В няньки я тебе взяла
Ветер, солнце и орла.

Улетел орел домой;
Солнце скрылось под водой;
Ветер, после трех ночей,
Мчится к матери своей.

Ветра спрашивает мать:
«Где изволил пропадать?
Али звезды воевал?
Али волны всё гонял?»

«Не гонял я волн морских,
Звезд не трогал золотых;
Я дитя оберегал,
Колыбелечку качал!»

1858

* * *

Ласточка примчалась
Из-за бела моря,
Села и запела:
Как февраль ни злися,
Как ты, март, ни хмурься,
Будь хоть снег, хоть дождик –
Все весною пахнет!

1858

ТАРАНТЕЛЛА

(На голос: «Cià la luna è mezz'al mare...» [1]*)*

Нина, Нина, тарантелла!
Старый Чьеко уж идет!
Вон уж скрипка загудела!
В круг становится народ!
Приударил Чьеко старый.
Точно птички на зерно,
Отовсюду мчатся пары!..
Вон — уж кружатся давно!

Как стройна, гляди, Аглая!
Вот помчались, в круг живой —
Очи долу, ударяя
В тамбурин над головой!
Ловок с нею и Дженнаро!..
Вслед за ними нам — смотри!
После тотчас третья пара...
Ну, Нинета... раз, два, три...

Завязалась, закипела,
Все идет живей, живей,
Обуяла тарантелла
Всех отвагою своей...
Эй, простору! шибче, скрипки!
Юность мчится! с ней цветы,
Беззаботные улыбки,
Беззаветные мечты!

Эй, синьор, синьор! угодно
Вам в кружок наш, может быть?
Иль свой сан в толпе народной
Вы боитесь уронить?
Ну, так мимо!.. шибче, скрипки!
Юность мчится! с ней цветы,
Беззаботные улыбки,
Беззаветные мечты!

---

[1] Уже луна посреди моря... *(итал.)*

Вы, синьора? Вы б и рады,
К нам сердечко вас зовет...
Да снуровка без пощады
Вашу грудь больную жмет...
Ну, так мимо!.. шибче, скрипки!
Юность мчится! с ней цветы,
Беззаботные улыбки,
Беззаветные мечты!

Вы, философ! дайте руки!
Не угодно ль к нам сюда!
Иль, кто раз вкусил науки,
Не смеется никогда?
Ну, так мимо!.. шибче, скрипки!
Юность мчится! с ней цветы,
Беззаботные улыбки,
Беззаветные мечты!

Ты что смотришь так сурово,
Босоногий капуцин!
В сердце памятью былого,
Чай, отдался тамбурин?
Ну — так к нам — и шибче, скрипки!
Юность мчится! с ней цветы,
Беззаботные улыбки,
Беззаветные мечты!

Словно в вихре мчатся пары,
Не сидится старикам...
Расходился Чьеко старый
И подплясывает сам...
Мудрено ль! вкруг старой скрипки
Так и носятся цветы,
Беззаботные улыбки,
Беззаветные мечты!

Не робейте! смейтесь дружно!
Пусть детьми мы будем век!
Человеку знать не нужно,
Что такое человек!..
Что тут думать!.. шибче, скрипки!
Наши — юность и цветы,
Беззаботные улыбки,
Беззаветные мечты!

1858

* * *

Душно! иль опять сирокко?
И опять залив кипит,
И дыхание Сахары
В бурых тучах вихорь мчит?

В лицах страх, недоуменье...
Средь безмолвных площадей
Люди ждут в томленье страстном,
Грянул гром бы поскорей...

Чу! уж за морем он грянул!
И Сицилия горит!
Знамя светлое свободы
Уж над островом стоит!

Миг еще — конец тревоги,
Ожиданья и тоски,
И народ вкруг Гарибальди
Кинет в воздух колпаки!

1858

АЛЬПИЙСКИЕ ЛЕДНИКИ

Сырая мгла лежит в ущелье,
А там, как призраки легки,
В стыдливом девственном веселье,
В багрянцах утра — ледники!

Какою жизнью веет новой
Мне с этой снежной вышины,
Из этой чистой, бирюзовой
И света полной глубины!

Там, знаю, ужас обитает,
И нет людского там следа,—
Но сердце точно отвечает
На чей-то зов: «Туда! Туда!»

1859

ПРИДАНОЕ

По городу плач и стенанье...
Стучит гробовщик день и ночь...
Еще бы ему не работать!
Просватал красавицу дочь!

Сидит гробовщица за крепом,
И шьет — а в глазах, как узор,
По черному так и мелькает
В цветах подвенечный убор.

И думает: «Справлю ж невесту,
Одену ее, что княжну,—
Княжон повидали мы вдоволь —
На днях хоронили одну:

Всё розаны были на платье,
Почти под венцом померла;
Так, в брачном наряде, и клали
Во гроб-то... красотка была!

Оденем и Глашу не хуже,
А в церкви все свечи зажжем;
Подумают: графская свадьба!
Уж в грязь не ударим лицом!..»

Мечтает старушка — у двери ж
Звонок за звонком... «Ну, житье!
Заказов-то — господи боже!
Знать, Глашенька, счастье твое!»

1859

МАДОННА

Стою пред образом Мадонны.
Его писал монах святой,
Старинный мастер, не ученый:
Видна в нем робость, стиль сухой.

Но робость кисти лишь сугубит
Величье Девы: так она
Вам сострадает, так вас любит,
Такою благостью полна,

Что веришь, как гласит преданье,
Перед художником святым
Сама Пречистая в сиянье
Являлась, видима лишь им...

Измучен подвигом духовным,
Постом суровым изнурен,
Не раз на помосте церковном
Был поднят иноками он,

И, призван к жизни их мольбами,
Еще глаза открыть боясь,
Он братью раздвигал руками
И шел к холсту, душой молясь.

Брался за кисть, и в умиленье
Он кистью то изображал,
Что от небесного виденья
В воспоминанье сохранял.

И слезы тихие катились
Вдоль бледных щек... И, страх тая,
Монахи вкруг него молились
И плакали, как плачу я...

1859

ПРИГОВОР

(Легенда о Констанцском соборе)

На соборе на Констанцском
Богословы заседали;
Осудив Йогана Гуса,
Казнь ему изобретали.

В длинной речи доктор черный,
Перебрав все истязанья,
Предлагал ему соборно
Присудить колесованье,

Сердце, зла источник, кинуть
На съеденье псам поганым,
А язык, как зла орудье,
Дать склевать нечистым вранам;

Самый труп — предать сожженью,
Наперед прокляв трикраты,
И на все четыре ветра
Бросить прах его проклятый...

Так, по пунктам, на цитатах,
На соборных уложеньях,
Приговор свой доктор черный
Строил в твердых заключеньях;

И, дивясь, как все он взвесил
В беспристрастном приговоре,
Восклицали: «Bene, bene!»[1] —
Люди, опытные в споре;

Каждый чувствовал, что смута
Многих лет к концу приходит
И что доктор из сомнений
Их, как из лесу, выводит...

И не чаяли, что тут же
Ждет еще их испытанье...
И соблазн великий вышел!
Так гласит повествованье:

Был при кесаре в тот вечер
Пажик розовый, кудрявый;
В речи доктора не много
Он нашел себе забавы;

Он глядел, как мрак густеет
По готическим карнизам;
Как скользят лучи заката
Вкруг по мантиям и ризам;

Как рисуются на мраке,
Красным светом облитые,
Ус задорный, череп голый,
Лица добрые и злые...

---

[1] Хорошо, хорошо! *(лат.)*

Вдруг в открытое окошко
Он взглянул и — оживился;
За пажом невольно кесарь
Поглядел, развеселился;

За владыкой — ряд за рядом,
Словно нива от дыханья
Ветерка, оборотилось
Тихо к саду все собранье:

Грозный сонм князей имперских,
Из Сорбонны депутаты,
Трирский, Люттихский епископ,
Кардиналы и прелаты,

Оглянулся даже папа!
И суровый лик дотоле
Мягкой, старческой улыбкой
Озарился поневоле;

Сам оратор, доктор черный,
Начал путаться, сбиваться,
Вдруг умолкнул и в окошко
Стал глядеть и — улыбаться!

И чего ж они так смотрят?
Что могло привлечь их взоры?
Разве небо голубое?
Или розовые горы?

Но — они таят дыханье
И, отдавшись сладким грезам,
Точно следуют душою
За искусным виртуозом...

Дело в том, что в это время
Вдруг запел в кусту сирени
Соловей пред темным замком,
Вечер празднуя весенний;

Он запел — и каждый вспомнил
Соловья такого ж точно,
Кто в Неаполе, кто в Праге,
Кто над Рейном, в час урочный,

Кто — таинственную маску,
Блеск луны и блеск залива,
Кто — трактиров швабских Гебу,
Разливательницу пива...

Словом — всем пришли на память
Золотые сердца годы,
Золотые грезы счастья,
Золотые дни свободы...

И — история не знает,
Сколько длилося молчанье,
И в каких странах витали
Души черного собранья...

Был в собранье этом старец:
Из пустыни вызван папой
И почтен за строгость жизни
Кардинальской, красной шляпой.—

Вспомнил он, как там, в пустыне,
Мир природы, птичек пенье
Укрепляли в сердце силу
Примиренья и прощенья;

И как шепот раздается
По пустой, огромной зале,
Так в душе его два слова:
«Жалко Гуса» — прозвучали;

Машинально, безотчетно
Поднялся он — и, объятья
Всем присущим открывая,
Со слезами молвил: «Братья!»

Но, как будто перепуган
Звуком собственного слова,
Костылем ударил об пол
И упал на место снова;

«Пробудитесь! — возопил он,
Бледный, ужасом объятый.—
Дьявол, дьявол обошел нас!
Это глас его проклятый!..

Каюсь вам, отцы святые!
Льстивой песнью обаянный,
Позабыл я пребыванье
На молитве неустанной —

И вошел в меня нечистый!
К вам простер мои объятья,
Из меня хотел воскликнуть:
«Гус невинен». Горе, братья!..»

Ужаснулося собранье,
Встало с мест своих, и хором
«Да воскреснет бог» запело
Духовенство всем собором,—

И, очистив дух от беса
Покаяньем и проклятьем,
Все упали на колени
Пред серебряным распятьем —

И, восстав, Йогана Гуса,
Церкви божьей во спасенье,
В назиданье христианам,
Осудили — на сожженье...

Так святая ревность к вере
Победила ковы ада!
От соборного проклятья
Дьявол вылетел из сада,

И над озером Констанцским,
В виде огненного змея,
Пролетел он над землею,
В лютой злобе искры сея.

Это видели: три стража,
Две монахини-старушки
И один констанцский ратман,
Возвращавшийся с пирушки.

1860

* * *

Я б тебя поцеловала,
Да боюсь, увидит месяц,
Ясны звездочки увидят;
С неба звездочка скатится
И расскажет синю морю,
Сине море скажет веслам,
Весла — Яни-рыболову,
А у Яни — люба Мара;
А когда узнает Мара —
Все узнают в околотке,
Как тебя я ночью лунной
В благовонный сад впускала,
Как ласкала, целовала,
Как серебряная яблонь
Нас цветами осыпала.

⟨1858—1862⟩

РАССВЕТ

Вот — полосой зеленоватой
Уж обозначился восток;
Туда — тепло и ароматы
Помчал со степи ветерок;

Бледнеют тверди голубые;
На горизонте — всё черней
Фигуры, словно вырезные,
В степи пасущихся коней...

1863

ПОЛДЕНЬ

Пар полуденный, душистый
Подымается с земли...
Что ж за звуки в серебристой
Всё мне чудятся дали?

И в душе моей, как тени
По степи от облаков,
Ряд проносится видений,
Рой каких-то давних снов.

Орды ль идут кочевые?
Рев верблюдов, скрип телег?..
Не стрельцы ль сторожевые?
Не казацкий ли набег?

Полоняночка ль родная
Песню жалкую поет
И, тата́рченка качая,
Голос милым подает?..

1863

* * *

Осенние листья по ветру кружат,
Осенние листья в тревоге вопят:
«Все гибнет, все гибнет! ты черен и гол,
О лес наш родимый, конец твой пришел!»

Не слышит тревоги их царственный лес.
Под темной лазурью суровых небес
Его спеленали могучие сны,
И зреет в нем сила для новой весны.

1864

КТО ОН?

Лесом частым и дремучим,
По тропинкам и по мхам,
Ехал всадник, пробираясь
К светлым невским берегам.

Только вот — рыбачья хата;
У реки старик стоял,
Челн осматривал дырявый,
И бранился, и вздыхал.

Всадник подле — он не смотрит.
Всадник молвил: «Здравствуй, дед!»
А старик в сердцах чуть глянул
На приветствие в ответ.

Все ворчал себе он под нос:
«Поздоровится тут, жди!
Времена уж не такие...
Жди да у моря сиди.

Вам ведь все ничто, боярам,
А челнок для рыбака
То ж, что бабе веретёна
Али конь для седока.

Шведы ль, наши ль шли тут утром,
Кто их знает — ото всех
Нынче пахнет табачищем...
Ходит в мире, ходит грех!

Чуть кого вдали завидишь —
Смотришь, в лес бы... Ведь грешно!..
Лодка, вишь, им помешала,
И давай рубить ей дно...

Да, уж стала здесь сторонка
За теперешним царем!..
Из-под Пскова ведь на лето
Промышлять сюда идем».

Всадник прочь с коня и молча
За работу принялся;
Живо дело закипело
И поспело в полчаса.

Сам топор вот так и ходит,
Так и тычет долото —
И челнок на славу вышел,
А ведь был что решето.

«Ну, старик, теперь готово,
Хоть на Ладогу ступай,
Да закинуть сеть на счастье
На Петрово попытай».

«На Петрово! эко слово
Молвил! — думает рыбак.—
С топором гляди как ловок...
А по речи... Как же так?..»

И развел старик руками,
Шапку снял и смотрит в лес,
Смотрит долго в ту сторонку,
Где чудесный гость исчез.

1868

* * *

Возвышенная мысль достойной хочет брони;
Богиня строгая — ей нужен пьедестал,
И храм, и жертвенник, и лира, и кимвал,
И песни сладкие, и волны благовоний...

Малейшую черту обдумай строго в ней,
Чтоб выдержан был строй в наружном беспорядке,
Чтобы божественность сквозила в каждой складке,
И образ весь сиял — огнем души твоей!..

Исполнен радости, иль гнева, иль печали,
Пусть вдруг он выступит из тьмы перед тобой —
И ту рассеет тьму — прекрасный сам собой
И бесконечностью за ним лежащей дали...

1869

ЕМШАН[1]

Степной травы пучок сухой,
Он и сухой благоухает!
И разом степи надо мной
Все обаянье воскрешает...

Когда в степях, за станом стан,
Бродили орды кочевые,
Был хан Отро́к и хан Сырчан,
Два брата, ба́тыри лихие.

И раз у них шел пир горой —
Велик полон был взят из Руси!
Певец им славу пел, рекой
Лился кумыс во всем улусе.

[1] Рассказ этот взят из Волынской летописи. *Емшан* — название душистой травы, растущей в наших степях,— вероятно, полынок.

Вдруг шум, и крик, и стук мечей,
И кровь, и смерть, и нет пощады!
Все врозь бежит, что лебедей
Ловцами спугнутое стадо.

То с русской силой Мономах
Всесокрушающий явился —
Сырчан в донских залег мелях,
Отро́к в горах кавказских скрылся!

И шли года... Гулял в степях
Лишь буйный ветер на просторе...
Но вот — скончался Мономах,
И по Руси — туга и горе.

Зовет к себе певца Сырчан
И к брату шлет его с наказом:
«Он там богат, он царь тех стран,
Владыка надо всем Кавказом.

Скажи ему, чтоб бросил все,
Что умер враг, что спали цепи,
Чтоб шел в наследие свое,
В благоухающие степи!

Ему ты песен наших спой,—
Когда ж на песнь не отзовется,
Свяжи в пучок емшан степной
И дай ему — и он вернется».

Отро́к сидит в златом шатре,
Вкруг — рой абхазянок прекрасных;
На золоте и серебре
Князей он чествует подвластных.

Введен певец. Он говорит,
Чтоб в степи шел Отро́к без страха,
Что путь на Русь кругом открыт,
Что нет уж больше Мономаха!

Отро́к молчит, на братнин зов
Одной усмешкой отвечает —
И пир идет, и хор рабов
Его, что солнце, величает.

Встает певец, и песни он
Поет о былях половецких,
Про славу дедовских времен
И их набегов молодецких,—

Отро́к угрюмый принял вид
И, на певца не глядя, знаком,
Чтоб увели его — велит
Своим послушливым кунакам.

И взял пучок травы степной
Тогда певец и подал хану,—
И смотрит хан — и, сам не свой,
Как бы почуя в сердце рану,

За грудь схватился... Все глядят —
Он грозный хан, что ж это значит?
Он, пред которым все дрожат,—
Пучок травы целуя, плачет!

И вдруг, взмахнувши кулаком:
«Не царь я больше вам отныне! —
Воскликнул.— Смерть в краю родном
Милей, чем слава на чужбине!»

Наутро, чуть осел туман
И озлатились гор вершины,
В горах идет уж караван —
Отро́к с немногою дружиной.

Минуя гору за горой,
Все ждет он — скоро ль степь родная -
И вдаль глядит, травы степной
Пучок из рук не выпуская.

1874

ИЗ ГАФИЗА

Встрепенись, взмахни крылами,
Торжествуй, о сердце, пой,
Что опутано сетями
Ты у розы огневой,
Что ты в сети к ней попалось,

А не в сети к мудрецам,
Что не им внимать досталось
Дивным песням и слезам;
И хоть слез, с твоей любовью,
Ты моря у ней прольешь
И из ран горячей кровью
Все по капле изойдешь,—
Но зато умрешь мгновенно
Вместе с песнею своей
В самый пыл — как вдохновенный
Умирает соловей.

1875

ВЕСНА

Посвящается Коле Трескину

Уходи, Зима седая!
Уж красавицы Весны
Колесница золотая
Мчится с горной вышины!

Старой спорить ли, тщедушной,
С ней — царицею цветов,
С целой армией воздушной
Благовонных ветерков!

А что́ шума, что́ гуденья,
Теплых ливней и лучей,
И чиликанья, и пенья!..
Уходи себе скорей!

У нее не лук, не стрелы,
Улыбнулась лишь — и ты,
Подобрав свой саван белый,
Поползла в овраг, в кусты!..

Да найдут и по оврагам!
Вон уж пчел рои шумят,
И летит победным флагом
Пестрых бабочек отряд!

1881

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ПУШКИНА

Его стихи читая — точно я
Переживаю некий миг чудесный —
Как будто надо мной гармонии небесной
Вдруг понеслась нежданная струя...

Нездешними мне кажутся их звуки:
Как бы влиясь в его бессмертный стих,
Земное все — восторги, страсти, муки —
В небесное преобразилось в них!

1887

* * *

Мысль поэтическая,— нет! —
В душе мелькнув, не угасает!
Ждет вдохновенья много лет
И — вспыхнув вдруг — как бы в ответ
Призыву свыше — воскресает...

Дать надо времени протечь,
Нужна, быть может, в сердце рана —
И не одна,— чтобы облечь
Мысль эту в образ и извлечь
Из первобытного тумана...

1887

ГРОЗА

Кругом царила жизнь и радость,
И ветер нес ржаных полей
Благоухание и сладость
Волною мягкою своей.

Но вот, как бы в испуге, тени
Бегут по золотым хлебам —
Промчался вихрь — пять-шесть мгновений -
И, в встречу солнечным лучам,

Встают с серебряным карнизом
Чрез все полнеба ворота,
И там, за занавесом сизым,
Сквозят и блеск и темнота.

Вдруг словно скатерть парчевую
Поспешно сдернул кто с полей,
И тьма за ней в погоню злую,
И все свирепей и быстрей.

Уж расплылись давно колонны,
Исчез серебряный карниз,
И гул пошел неугомонный,
И огнь и воды полились...

Где царство солнца и лазури!
Где блеск полей, где мир долин!
Но прелесть есть и в шуме бури,
И в пляске ледяных градин!

Их нахватать — нужна отвага!
И — вон как дети в удальце
Ее честят! как вся ватага
Визжит и скачет на крыльце!

1887

* * *

Уж побелели неба своды...
Промчался резвый ветерок...
Передрассветный сон природы
Уже стал чуток и легок.
Блеснуло солнце: гонит ночи
С нее последнюю дрему —
Она, вздрогнув, открыла очи
И улыбается ему.

1887

ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ

Все готово. Мусикийский
Дан сигнал... сердца дрожат...
По арене олимпийской
Колесниц помчался ряд...
Трепеща, народ и боги
Смотрят, сдерживая крик...
Шибче, кони быстроноги!

Шибче!.. близко... страшный миг!
Главк... Евмолп... опережают...
Не смотри на отсталых!
Эти... близко... подъезжают...
Ну — который же из них?
«Главк!» — кричат... и вон он, гордый,
Шагом едет взять трофей,
И в пыли чуть видны морды
Разозлившихся коней.

1887

СТАРЫЙ ДОЖ

«Ночь светла; в небесном поле
Ходит Веспер золотой;
Старый дож плывет в гондоле
С догарессой молодой...»[1]

Занимает догарессу
Умной речью дож седой...
Слово каждое по весу —
Что червонец дорогой...

Тешит он ее картиной,
Как Венеция, тишком,
Весь, как тонкой паутиной,
Мир опутала кругом:

«Кто сказал бы в дни Аттилы,
Чтоб из хижин рыбарей
Всплыл на отмели унылой
Этот чудный перл морей!

Чтоб укрывшийся в лагуне
Лев святого Марка стал
Выше всех владык — и втуне
Рев его не пропадал!

Чтоб его тяжелой лапы
Мощь почувствовать могли
Императоры, и папы,
И султан, и короли?

[1] Эти четыре строчки найдены в бумагах Пушкина как начало чего-то. Да простит мне тень великого поэта попытку угадать: что же было дальше?

Подал знак — гремят перуны,
Всюду смута настает,
А к нему — в его лагуны —
Только золото плывет!..»

Кончил он, полусмеяся,
Ждет улыбки, но — глядит —
На плечо его склоняся,
Догаресса — мирно спит!..

«Все дитя еще!» — с укором,
Полным ласки, молвил он —
Только слышит — вскинул взором -
Чье-то пенье... цитры звон...

И все ближе это пенье
К ним несется над водой,
Рассыпаясь в отдаленье
В голубой простор морской...

Дожу вспомнилось былое...
Море зыбилось едва...
Тот же Веспер... «Что такое?
Что за глупые слова!»

Вздрогнул он, как от укола
Прямо в сердце... Глядь: плывет,
Обгоняя их, гондола,
Кто-то в маске там поет:

«С старым дожем плыть в гондоле...
Быть — его и — не любить...
И к другому, в злой неволе,
Тайный помысел стремить...

Тот «другой» — о догаресса!..—
Самый ад не сладит с ним!
Он безумец, он повеса,—
Но он — любит и — любим!..»

Дож рванул усы седые...
Мысль за мыслью, целый ад,
Словно молний стрелы злые,
Душу мрачную браздят...

А она — так ровно дышит,
На плече его лежит...
«Что же?.. Слышит иль не слышит?
Спит она — или не спит?!»

1888

* * *

Вчера — и в самый миг разлуки
Я вдруг обмолвился стихом —
Исчезли слезы, стихли муки,
И точно солнечным лучом
И близь и даль озолотило...
Но не кори меня, мой друг!
Венец свой творческая сила
Кует лишь из душевных мук!
Глубоким выхвачен он горем
Из недр души заповедных —
Как жемчуг, выброшенный морем
Под грохот бури — этот стих!

1889

* * *

Печальная береза
У моего окна,
И прихотью мороза
Разубрана она.

Как гроздья винограда,
Ветвей концы висят,—
И радостен для взгляда
Весь траурный наряд.

Люблю игру денницы
Я замечать на ней,
И жаль мне, если птицы
Стряхнут красу ветвей.

⟨1842⟩

* * *

Кот поет, глаза прищуря,
Мальчик дремлет на ковре,
На дворе играет буря,
Ветер свищет на дворе.

«Полно тут тебе валяться,
Спрячь игрушки да вставай!
Подойди ко мне прощаться,
Да и спать себе ступай».

Мальчик встал. А кот глазами
Поводил и все поет;
В окна снег валит клоками,
Буря свищет у ворот.

〈1842〉

* * *

Чудная картина,
Как ты мне родна:
Белая равнина,
Полная луна,

Свет небес высоких,
И блестящий снег,
И саней далеких
Одинокий бег.

〈1842〉

* * *

Стихом моим незвучным и упорным
Напрасно я высказывать хочу
Порыв души, но, звуком непокорным
Обманутый, душой к тебе лечу.

Мне верится, что пламенную веру
В душе твоей возбудит тайный стих,
Что грустию невольною размеру
Она должна сочувствовать на миг.

Да, ты поймешь, поймешь — я это знаю —
Все, чем душа родная прожила,—
Ведь я ж всегда по чувству угадаю
Твой след везде, где ты хоть раз была.

〈1842〉

* * *

Зеркало в зеркало, с трепетным лепетом,
Я при свечах навела;
В два ряда свет — и таинственным трепетом
Чудно горят зеркала.

Страшно припомнить душой оробелою:
Там, за спиной, нет огня...
Тяжкое что-то над шеею белою
Плавает, давит меня!

Ну как уставят гробами дубовыми
Весь этот ряд между свеч!
Ну как лохматый с глазами свинцовыми
Выглянет вдруг из-за плеч!

Ленты да радуги, ярче и жарче дня...
Дух захватило в груди...
Суженый! золото, се́ребро!.. Чур меня,
Чур меня — сгинь, пропади!

⟨1842⟩

AVE MARIA

Ave Maria — лампада тиха,
В сердце готовы четыре стиха:

Чистая дева, скорбящего мать,
Душу проникла твоя благодать.
Неба царица, не в блеске лучей,
В тихом предстань сновидении ей!

Ave Maria — лампада тиха,
Я прошептал все четыре стиха.

⟨1842⟩

* * *

Как много, боже мой, за то б я отдал дней,
Чтоб вечер северный прожить тихонько с нею
И все пересказать ей языком очей,
Хоть на вечер один назвав ее своею,

Чтоб на главе моей лилейная рука,
Небрежно потонув, власы приподнимала,
Чтоб от меня была забота далека,
Чтоб счастью одному душа моя внимала,

Чтобы в очах ее слезинка родилась —
Та, над которой я так передумал много,—
Чтобы душа моя на все отозвалась —
На все, что было ей даровано от бога!

⟨1842⟩

* * *

На заре ты ее не буди,
На заре она сладко так спит;
Утро дышит у ней на груди,
Ярко пышет на ямках ланит.

И подушка ее горяча,
И горяч утомительный сон,
И, чернеясь, бегут на плеча
Косы лентой с обеих сторон.

А вчера у окна ввечеру
Долго-долго сидела она
И следила по тучам игру,
Что, скользя, затевала луна.

И чем ярче играла луна,
И чем громче свистал соловей,
Все бледней становилась она,
Сердце билось больней и больней.

Оттого-то на юной груди,
На ланитах так утро горит.
Не буди ж ты ее, не буди...
На заре она сладко так спит!

⟨1842⟩

* * *

Не отходи от меня,
Друг мой, останься со мной!
Не отходи от меня:
Мне так отрадно с тобой...

Ближе друг к другу, чем мы,—
Ближе нельзя нам и быть;
Чище, живее, сильней
Мы не умеем любить.

Если же ты — предо мной,
Грустно головку склоня,—
Мне так отрадно с тобой:
Не отходи от меня!

〈1842〉

* * *

Тихая, звездная ночь,
Трепетно светит луна;
Сладки уста красоты
В тихую, звездную ночь.

Друг мой! в сиянье ночном
Как мне печаль превозмочь?..
Ты же светла, как любовь,
В тихую, звездную ночь.

Друг мой, я звезды люблю —
И от печали не прочь...
Ты же еще мне милей
В тихую, звездную ночь.

〈1842〉

* * *

Буря на нéбе вечернем,
Моря сердитого шум —
Буря на море и думы,
Много мучительных дум —
Буря на море и думы,
Хор возрастающих дум —
Черная туча за тучей,
Моря сердитого шум.

〈1842〉

* * *

Теплым ветром потянуло,
Смолк далекий гул,
Поле тусклое уснуло,
Гуртовщик уснул.

В загородке улеглися
И жуют волы,
Звезды частые зажглися
По навесу мглы.

Только выше все всплывает
Месяц золотой,
Только стадо обегает
Пес сторожевой.

Редко, редко кочевая
Тучка бросит тень...
Неподвижная, немая,
Ночь светла, как день.

⟨1842⟩

* * *

Право, от полной души я благодарен соседу:
Славная вещь — под окном в клетке держать соловья.
Грустно в неволе певцу, но чары сильны у природы:
Только прощальным огнем озлатятся кресты на церквах
И в расцветающий сад за высоким, ревнивым забором
Вечера свежесть вдыхать выйдет соседка одна,—
Тени ночные в певце пробудят желание воли,
И под окном соловей громко засвищет любовь.
Что за головка у ней, за белые плечи и руки!
Что за янтарный отлив на роскошных извивах волос!
Стан — загляденье! притом какая лукавая ножка!
Будто бы дразнит, мелькая...
Но вечер давно уж настал...
Что ж не поет соловей или что ж не выходит соседка?..
Может, сегодня мы все трое друг друга поймем.

⟨1842⟩

* * *

Скучно мне вечно болтать о том, что высоко, прекрасно;
Все эти толки меня только к зевоте ведут...
Бросив педантов, бегу с тобой побеседовать, друг мой;
Знаю, что в этих глазах, черных и умных глазах,
Больше прекрасного, чем в нескольких стах фолиантах,
Знаю, что сладкую жизнь пью с этих розовых губ.
Только пчела узнает в цветке затаенную сладость,
Только художник на всем чует прекрасного след.

⟨1842⟩

* * *

Я жду... Соловьиное эхо
Несется с блестящей реки,
Трава при луне в бриллиантах,
На тмине горят светляки.

Я жду... Темно-синее небо
И в мелких и в крупных звездах,
Я слышу биение сердца
И трепет в руках и в ногах.

Я жду... Вот повеяло с юга;
Тепло мне стоять и идти;
Звезда покатилась на запад...
Прости, золотая, прости!

⟨1842⟩

* * *

Шумела полночная вьюга
В лесной и глухой стороне.
Мы сели с ней друг подле друга.
Валежник свистал на огне.

И наших двух теней громады
Лежали на красном полу,
А в сердце ни искры отрады,
И нечем прогнать эту мглу!

Березы скрипят за стеною,
Сук ели трещит смоляной...
О друг мой, скажи, что́ с тобою?
Я знаю давно, что́ со мной!

1842

ВАКХАНКА

Под тенью сладостной полуденного сада,
В широколиственном венке из винограда
И влаги вакховой томительной полна,
Чтоб дух перевести, замедлилась она.
Закинув голову, с улыбкой опьяненья,
Прохладного она искала дуновенья,
Как будто волосы уж начинали жечь
Горячим золотом ей розы пышных плеч.
Одежда жаркая все ниже опускалась,
И молодая грудь все больше обнажалась,
А страстные глаза, слезой упоены,
Вращались медленно, желания полны.

1843

* * *

Облаком волнистым
Пыль встает вдали;
Конный или пеший —
Не видать в пыли!

Вижу: кто-то скачет
На лихом коне.
Друг мой, друг далекий,
Вспомни обо мне!

1843

УЗНИК

Густая крапива
Шумит под окном,
Зеленая ива
Повисла шатром;

Веселые лодки
В дали голубой;
Железо решетки
Визжит под пилой.

Бывалое горе
Уснуло в груди,
Свобода и море
Горят впереди.

Прибавилось духа,
Затихла тоска,
И слушает ухо,
И пилит рука.

⟨1843⟩

* * *

Я долго стоял неподвижно,
В далекие звезды вглядясь,—
Меж теми звездами и мною
Какая-то связь родилась.

Я думал... не помню, что думал;
Я слушал таинственный хор,
И звезды тихонько дрожали,
И звезды люблю я с тех пор...

⟨1843⟩

* * *

Я пришел к тебе с приветом,
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листам затрепетало;

Рассказать, что лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полон жаждой;

Рассказать, что с той же страстью,
Как вчера, пришел я снова,
Что душа все так же счастью
И тебе служить готова;

Рассказать, что отовсюду
На меня весельем веет,
Что не знаю сам, что́ буду
Петь,— но только песня зреет.

〈1843〉

* * *

Не ворчи, мой кот-мурлыка,
В неподвижном полусне:
Без тебя темно и дико
В нашей стороне;

Без тебя все та же печка,
Те же окна, как вчера,
Те же двери, та же свечка,
И опять хандра...

〈1843〉

СЕРЕНАДА

Тихо вечер догорает,
Горы золотя;
Знойный воздух холодает,—
Спи, мое дитя.

Соловьи давно запели,
Сумрак возвестя;
Струны робко зазвенели,—
Спи, мое дитя.

Смотрят ангельские очи,
Трепетно светя;
Так легко дыханье ночи,—
Спи, мое дитя.

〈1844〉

* * *

Уж верба вся пушистая
Раскинулась кругом;
Опять весна душистая
Повеяла крылом.

Станицей тучки носятся,
Тепло озарены,
И в душу снова просятся
Пленительные сны.

Везде разнообразною
Картиной занят взгляд,
Шумит толпою праздною
Народ, чему-то рад...

Какой-то тайной жаждою
Мечта распалена —
И над душою каждою
Проносится весна.

〈1844〉

* * *

Как мошки зарею,
Крылатые звуки толпятся;
С любимой мечтою
Не хочется сердцу расстаться.

Но цвет вдохновенья
Печален средь будничных терний;
Былое стремленье
Далеко, как отблеск вечерний.

Но память былого
Все крадется в сердце тревожно...
О, если б без слова
Сказаться душой было можно!

1844

* * *

О, долго буду я, в молчанье ночи тайной,
Коварный лепет твой, улыбку, взор случайный,
Перстам послушную волос густую прядь
Из мыслей изгонять и снова призывать;
Дыша порывисто, один, никем не зримый,
Досады и стыда румянами палимый,
Искать хотя одной загадочной черты
В словах, которые произносила ты;
Шептать и поправлять былые выраженья
Речей моих с тобой, исполненных смущенья,
И в опьянении, наперекор уму,
Заветным именем будить ночную тьму.

〈1844〉

* * *

Когда мои мечты за гранью прошлых дней
Найдут тебя опять за дымкою туманной,
Я плачу сладостно, как первый иудей
На рубеже земли обетованной.

Не жаль мне детских игр, не жаль мне тихих снов,
Тобой так сладостно и больно возмущенных
В те дни, как постигал я первую любовь
По бунту чувств неугомонных,

По сжатию руки, по отблеску очей,
Сопровождаемым то вздохами, то смехом,
По ропоту простых, незначащих речей,
Лишь нам звучавших страсти эхом.

〈1844〉

* * *

Ночь светла, мороз сияет,
Выходи — снежок хрустит;
Пристяжная озябает
И на месте не стоит.

Сядем, полость застегну я,—
Ночь светла, и ровен путь.
Ты ни слова,— замолчу я,
И — пошел куда ни будь!

1847

* * *

На двойном стекле узоры
Начертил мороз,
Шумный день свои дозоры
И гостей унес;

Смолкнул яркий говор сплетней,
Скучный голос дня:
Благодатней и приветней
Все кругом меня.

Пред горящими дровами
Сядем — там тепло.
Месяц быстрыми лучами
Пронизал стекло.

Ты хитрила, ты скрывала,
Ты была умна;
Ты давно не отдыхала,
Ты утомлена.

Полон нежного волненья,
Сладостной мечты,
Буду ждать успокоенья
Чистой красоты.

1847

ФАНТАЗИЯ

Мы одни; из сада в стекла окон
Светит месяц... тусклы наши свечи;
Твой душистый, твой послушный локон,
Развиваясь, падает на плечи.

Что ж молчим мы? Или самовластно
Царство тихой, светлой ночи мая?
Иль поет и ярко так и страстно
Соловей, над розой изнывая?

Иль проснулись птички за кустами,
Там, где ветер колыхал их гнезды,
И, дрожа ревнивыми лучами,
Ближе, ближе к нам нисходят звезды?

На суку извилистом и чудном,
Пестрых сказок пышная жилица,
Вся в огне, в сиянье изумрудном,
Над водой качается жар-птица;

Расписные раковины блещут
В переливах чудной позолоты,
До луны жемчужной пеной мещут
И алмазной пылью водометы.

Листья полны светлых насекомых,
Все растет и рвется вон из меры,
Много снов проносится знакомых,
И на сердце много сладкой веры.

Переходят радужные краски,
Раздражая око светом ложным;
Миг еще — и нет волшебной сказки,
И душа опять полна возможным.

Мы одни; из сада в стекла окон
Светит месяц... тусклы наши свечи;
Твой душистый, твой послушный локон,
Развиваясь, падает на плечи.

〈1847〉

* * *

Спи — еще зарею
Холодно и рано;
Звезды за горою
Блещут средь тумана;

Петухи недавно
В третий раз пропели,

С колокольни плавно
Звуки пролетели.

Дышат лип верхушки
Негою отрадной,
А углы подушки —
Влагою прохладной.

〈1847〉

* * *

Свеж и душист твой роскошный венок,
Всех в нем цветов благовония слышны,
Кудри твои так обильны и пышны,
Свеж и душист твой роскошный венок.

Свеж и душист твой роскошный венок,
Ясного взора губительна сила,—
Нет, я не верю, чтоб ты не любила:
Свеж и душист твой роскошный венок.

Свеж и душист твой роскошный венок,
Счастию сердце легко предается:
Мне близ тебя хорошо и поется.
Свеж и душист твой роскошный венок.

〈1847〉

* * *

Как отрок зарею
Лукавые сны вспоминает,
Я звука душою
Ищу, что в душе обитает.

Хоть в сердце нет веры
В живое преданий наследство,
Люблю я химеры,
Где рдеет румяное детство.

Быть может, что сонный
Со сном золотым встрепенется
Иль стих благовонный
Из уст разомкнутых польется.

〈1847〉

* * *

Летний вечер тих и ясен;
Посмотри, как дремлют ивы;
Запад неба бледно-красен,
И реки блестят извивы.

От вершин скользя к вершинам,
Ветр ползет лесною высью.
Слышишь ржанье по долинам?
То табун несется рысью.

〈1847〉

ЗМЕЙ

Чуть вечернею росою
Осыпается трава,
Чешет косу, моет шею
Чернобровая вдова.

И не сводит у окошка
С неба темного очей,
И летит, свиваясь в кольца,
В ярких искрах длинный змей.

И шумит все ближе, ближе,
И над вдовьиным двором,
Над соломенною крышей
Рассыпается огнем.

И окно тотчас затворит
Чернобровая вдова;
Только слышатся в светлице
Поцелуи да слова.

〈1847〉

* * *

Когда мечтательно я предан тишине
И вижу кроткую царицу ясной ночи,
Когда созвездия заблещут в вышине
И сном у Аргуса начнут смыкаться очи,

И близок час уже, условленный тобой,
И ожидание с минутой возрастает,
И я стою уже безумный и немой,
И каждый звук ночной смущенного пугает;

И нетерпение сосет больную грудь,
И ты идешь одна, украдкой озираясь,
И я спешу в лицо прекрасной заглянуть,
И вижу ясное,— и тихо, улыбаясь,

Ты на слова любви мне говоришь «люблю!»,
А я бессвязные связать стараюсь речи,
Дыханьем пламенным дыхание ловлю,
Целую волоса душистые и плечи

И долго слушаю, как ты молчишь,— и мне
Ты предаешься вся для страстного лобзанья,—
О друг, как счастлив я, как счастлив я вполне!
Как жить мне хочется до нового свиданья!

⟨1847⟩

* * *

Постой! здесь хорошо! зубчатой и широкой
Каймою тень легла от сосен в лунный свет...
Какая тишина! Из-за горы высокой
Сюда и доступа мятежным звукам нет.

Я не пойду туда, где камень вероломный,
Скользя из-под пяты с отвесных берегов,
Летит на хрящ морской; где в море вал огромный
Придет — и убежит в объятия валов.

Одна передо мной, под мирными звездами,
Ты здесь, царица чувств, властительница дум...
А там придет волна — и грянет между нами...
Я не пойду туда: там вечный плеск и шум!

⟨1847, 1855⟩

* * *

Ее не знает свет,— она еще ребенок;
Но очерк головы у ней так чист и тонок
И столько томности во взгляде кротких глаз,
Что детства мирного последний близок час.
Дохнет тепло любви,— младенческое око
Лазурным пламенем засветится глубоко,
И гребень, ласково-разборчив, будто сам
Пойдет медлительней по пышным волосам,
Персты румяные, бледнея, подлиннеют...
Блажен, кто замечал, как постепенно зреют
Златые гроздия, и знал, что, виноград
Сбирая, он вопьет их сладкий аромат!

⟨1847⟩

* * *

Тебе в молчании я простираю руку
И детских укоризн в грядущем не страшусь.
Ты втайне поняла души смешную муку,
Усталых прихотей ты разгадала скуку;
Мы вместе — и судьбе я молча предаюсь.

Без клятв и клеветы ребячески невинной
Сказала жизнь за нас последний приговор.
Мы оба молоды, но с радостью старинной
Люблю на локон твой засматриваться длинный;
Люблю безмолвных уст и взоров разговор.

Как в дни безумные, как в пламенные годы,
Мне жизни мировой святыня дорога;
Люблю безмолвие полунощной природы,
Люблю ее лесов лепечущие своды,
Люблю ее степей алмазные снега.

И снова мне легко, когда, святому звуку
Внимая не один, я заживо делюсь;
Когда, за честный бой с тенями взяв поруку,
Тебе в молчании я простираю руку
И детских укоризн в грядущем не страшусь.

⟨1847⟩

* * *

Я болен, Офелия, милый мой друг!
Ни в сердце, ни в мысли нет силы.
О, спой мне, как носится ветер вокруг
Его одинокой могилы.

Душе раздраженной и груди больной
Понятны и слезы и стоны.
Про иву, про иву зеленую спой,
Про иву сестры Дездемоны.

〈1847〉

ДИАНА

Богини девственной округлые черты,
Во всем величии блестящей наготы,
Я видел меж дерев над ясными водами.
С продолговатыми, бесцветными очами
Высоко поднялось открытое чело,—
Его недвижностью вниманье облегло,
И дев молению в тяжелых муках чрева
Внимала чуткая и каменная дева.
Но ветер на заре между листов проник,—
Качнулся на воде богини ясный лик;
Я ждал,— она пойдет с колчаном и стрелами,
Молочной белизной мелькая меж древами,
Взирать на сонный Рим, на вечный славы град,
На желтоводный Тибр, на группы колоннад,
На стогны длинные... По мрамор недвижимый
Белел передо мной красой непостижимой.

〈1847〉

* * *

Уснуло озеро; безмолвен черный лес;
Русалка белая небрежно выплывает;
Как лебедь молодой, луна среди небес
Скользит и свой двойник на влаге созерцает.

Уснули рыбаки у сонных огоньков;
Ветрило бледное не шевельнет ни складкой;
Порой тяжелый карп плеснет у тростников,
Пустив широкий круг бежать по влаге гладкой.

Как тихо... Каждый звук и шорох слышу я;
Но звуки тишины ночной не прерывают,—
Пускай живая трель ярка у соловья,
Пусть травы на воде русалки колыхают...

1847

* * *

Поделись живыми снами,
Говори душе моей;
Что не выскажешь словами —
Звуком на́ душу навей.

1847

* * *

Полно спать: тебе две розы
Я принес с рассветом дня.
Сквозь серебряные слезы
Ярче нега их огня.

Вешних дней минутны грозы,
Воздух чист, свежей листы...
И роняют тихо слезы
Ароматные цветы.

1847

* * *

О, не зови! Страстей твоих так звонок
Родной язык.
Ему внимать и плакать, как ребенок,
Я так привык!

Передо мной дай волю сердцу биться
И не лукавь,
Я знаю край, где все, что может сниться,
Трепещет въявь.

Скажи, не я ль на первые воззванья
Страстей в ответ
Искал блаженств, которым нет названья
И меры нет?

Что ж? Рухнула с разбега колесница,
Хоть цель вдали,
И, распростерт, заносчивый возница
Лежит в пыли.

Я это знал — с последним увлеченьем
Конец всему;
Но самый прах с любовью, с наслажденьем
Я обойму.

Так предо мной дай волю сердцу биться
И не лукавь!
Я знаю край, где все, что может сниться,
Трепещет въявь.

И не зови — но песню наудачу
Любви запой;
На первый звук я, как дитя, заплачу —
И за тобой!

〈1847〉

ВЕСЕННИЕ МЫСЛИ

Снова птицы летят издалека
К берегам, расторгающим лед,
Солнце теплое ходит высоко
И душистого ландыша ждет.

Снова в сердце ничем не умеришь
До ланит восходящую кровь,
И душою подкупленной веришь,
Что, как мир, бесконечна любовь.

Но сойдемся ли снова так близко
Средь природы разнеженной мы,
Как видало ходившее низко
Нас холодное солнце зимы?

〈1848〉

* * *

Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья,

Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица,

В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слезы,
И заря, заря!..

〈1850〉

* * *

Какие-то носятся звуки
И льнут к моему изголовью.
Полны они томной разлуки,
Дрожат небывалой любовью.

Казалось бы, что ж? Отзвучала
Последняя нежная ласка,
По улице пыль пробежала,
Почтовая скрылась коляска...

И только... Но песня разлуки
Несбыточной дразнит любовью,
И носятся светлые звуки
И льнут к моему изголовью.

〈1853〉

* * *

Люди спят; мой друг, пойдем в тенистый сад.
Люди спят; одни лишь звезды к нам глядят.
Да и те не видят нас среди ветвей
И не слышат — слышит только соловей...
Да и тот не слышит,— песнь его громка;
Разве слышат только сердце да рука:
Слышит сердце, сколько радостей земли,
Сколько счастия сюда мы принесли;
Да рука, услыша, сердцу говорит,

Что чужая в ней пылает и дрожит,
Что и ей от этой дрожи горячо,
Что к плечу невольно клонится плечо...

〈1853〉

* * *

Растут, растут причудливые тени,
В одну сливаясь тень...
Уж позлатил последние ступени
Перебежавший день.

Что звало жить, что силы горячило —
Далеко за горой.
Как призрак дня, ты, бледное светило,
Восходишь над землей.

И на тебя как на воспоминанье
Я обращаю взор...
Смолкает лес, бледней ручья сиянье,
Потухли выси гор;

Лишь ты одно скользишь стезей лазурной;
Недвижно все окрест...
Да сыплет ночь своей бездонной урной
К нам мириады звезд.

〈1853〉

СТЕПЬ ВЕЧЕРОМ

Клубятся тучи, млея в блеске алом,
Хотят в росе понежиться поля,
В последний раз, за третьим перевалом,
Пропал ямщик, звеня и не пыля.

Нигде жилья не видно на просторе.
Вдали огня иль песни — и не ждешь!
Все степь да степь. Безбрежная, как море,
Волнуется и наливает рожь.

За облаком до половины скрыта,
Луна светить еще не смеет днем.
Вот жук взлетел и прожужжал сердито,
Вот лунь проплыл, не шевеля крылом.

Покрылись нивы сетью золотистой,
Там перепел откликнулся вдали,
И слышу я, в изложине росистой
Вполголоса скрипят коростели.

Уж сумраком пытливый взор обманут.
Среди тепла прохладой стало дуть.
Луна чиста. Вот с неба звезды глянут,
И, как река, засветит Млечный Путь.

〈1854〉

ЛЕС

Куда ни обращаю взор,
Кругом синеет мрачный бор
И день права свои утратил.
В глухой дали стучит топор,
Вблизи стучит вертлявый дятел.

У ног гниет столетний лом,
Гранит чернеет, и за пнем
Прижался заяц серебристый,
А на сосне, поросшей мхом,
Мелькает белки хвост пушистый.

И путь заглох и одичал,
Позеленелый мост упал
И лег, скосясь, во рву размытом,
И конь давно не выступал
По нем подкованным копытом.

〈1854〉

* * *

Какое счастие: и ночь, и мы одни!
Река — как зеркало и вся блестит звездами;
А там-то... голову закинь-ка да взгляни:
Какая глубина и чистота над нами!

О, называй меня безумным! Назови
Чем хочешь; в этот миг я разумом слабею
И в сердце чувствую такой прилив любви,
Что не могу молчать, не стану, не умею!

Я болен, я влюблен; но, мучась и любя,—
О, слушай! о, пойми! — я страсти не скрываю,
И я хочу сказать, что я люблю тебя —
Тебя, одну тебя люблю я и желаю!

⟨1854⟩

ПЧЕЛЫ

Пропаду от тоски я и лени,
Одинокая жизнь не мила,
Сердце ноет, слабеют колени,
В каждый гвоздик душистой сирени,
Распевая, вползает пчела.

Дай хоть выйду я в чистое поле
Иль совсем потеряюсь в лесу...
С каждым шагом не легче на воле,
Сердце пышет все боле и боле,
Точно уголь в груди я несу.

Нет, постой же! С тоскою моею
Здесь расстанусь. Черемуха спит.
Ах, опять эти пчелы под нею!
И никак я понять не умею,
На цветах ли, в ушах ли звенит.

⟨1854⟩

ИВА

Сядем здесь, у этой ивы.
Что за чудные извивы
На коре вокруг дупла!
А под ивой как красивы
Золотые переливы
Струй дрожащего стекла!

Ветви сочные дугою
Перегнулись над водою,
Как зеленый водопад;
Как живые, как иглою,
Будто споря меж собою,
Листья воду бороздят.

В этом зеркале под ивой
Уловил мой глаз ревнивый
Сердцу милые черты...
Мягче взор твой горделивый...
Я дрожу, глядя, счастливый,
Как в воде дрожишь и ты.

〈1854〉

* * *

Еще весны душистой нега
К нам не успела низойти,
Еще овраги полны снега,
Еще зарей гремит телега
На замороженном пути.

Едва лишь в полдень солнце греет,
Краснеет липа в высоте,
Сквозя, березник чуть желтеет,
И соловей еще не смеет
Запеть в смородинном кусте.

Но возрожденья весть живая
Уж есть в пролетных журавлях,
И, их глазами провожая,
Стоит красавица степная
С румянцем сизым на щеках.

〈1854〉

БУРЯ

Свежеет ветер, меркнет ночь,
А море злей и злей бурлит,
И пена плещет на гранит —
То прянет, то отхлынет прочь.

Все раздражительней бурун;
Его шипучая волна
Так тяжела и так плотна,
Как будто в берег бьет чугун.

Как будто бог морской сейчас,
Всесилен и неумолим,
Трезубцем пригрозя своим,
Готов воскликнуть: «Вот я вас!»

〈1854〉

ПЕРВЫЙ ЛАНДЫШ

О первый ландыш! Из-под снега
Ты просишь солнечных лучей;
Какая девственная нега
В душистой чистоте твоей!

Как первый луч весенний ярок!
Какие в нем нисходят сны!
Как ты пленителен, подарок
Воспламеняющей весны!

Так дева в первый раз вздыхает —
О чем — неясно ей самой,—
И робкий вздох благоухает
Избытком жизни молодой.

〈1854〉

* * *

Жди ясного на завтра дня.
Стрижи мелькают и звенят.
Пурпурной полосой огня
Прозрачный озарен закат.

В заливе дремлют корабли,—
Едва трепещут вымпела.
Далеко небеса ушли —
И к ним морская даль ушла.

Так робко набегает тень,
Так тайно свет уходит прочь,
Что ты не скажешь: минул день,
Не говоришь: настала ночь.

1854

* * *

Как здесь свежо под липою густою —
Полдневный зной сюда не проникал,
И тысячи висящих надо мною
Качаются душистых опахал.

А там, вдали, сверкает воздух жгучий,
Колебляся, как будто дремлет он.
Так резко-сух снотворный и трескучий
Кузнечиков неугомонный звон.

За мглой ветвей синеют неба своды,
Как дымкою подернуты слегка,
И, как мечты почиющей природы,
Волнистые проходят облака.

〈1854〉

* * *

Над озером лебедь в тростник протянул,
В воде опрокинулся лес,
Зубцами вершин он в заре потонул,
Меж двух изгибаясь небес.

И воздухом чистым усталая грудь
Дышала отрадно. Легли
Вечерние тени. Вечерний мой путь
Краснел меж деревьев вдали.

А мы — мы на лодке сидели вдвоем,
Я смело налег на весло,
Ты молча покорным владела рулем,
Нас в лодке, как в люльке, несло.

И детская челн направляла рука
Туда, где, блестя чешуей,
Вдоль сонного озера быстро река
Бежала, как змей золотой.

Уж начали звезды мелькать в небесах...
Не помню, как бросил весло,
Не помню, что пестрый нашептывал флаг,
Куда нас потоком несло!

〈1854〉

* * *

Ласточки пропали,
А вчера зарей
Всё грачи летали
Да, как сеть, мелькали
Вон над той горой.

С вечера все спится,
На дворе темно.
Лист сухой валится,
Ночью ветер злится
Да стучит в окно.

Лучше б снег да вьюгу
Встретить грудью рад!
Словно как с испугу
Раскричавшись, к югу
Журавли летят.

Выйдешь — поневоле
Тяжело — хоть плачь!
Смотришь — через поле
Перекати-поле
Прыгает, как мяч.

⟨1854⟩

СОСНЫ

Средь кленов девственных и плачущих берез
Я видеть не могу надменных этих сосен;
Они смущают рой живых и сладких грез,
И трезвый вид мне их несносен.

В кругу воскреснувших соседей лишь оне
Не знают трепета, не шепчут, не вздыхают
И, неизменные, ликующей весне
Пору зимы напоминают.

Когда уронит лес последний лист сухой
И, смолкнув, станет ждать весны и возрожденья,-
Они останутся холодною красой
Пугать иные поколенья.

⟨1854⟩

ВЕСНА НА ДВОРЕ

Как дышит грудь свежо и емко —
Слова не выразят ничьи!
Как по оврагам в полдень громко
На пену прядают ручьи!

В эфире песнь дрожит и тает,
На глыбе зеленеет рожь —
И голос нежный напевает:
«Еще весну переживешь!»

〈1855〉

ВЕЧЕР

Прозвучало над ясной рекою,
Прозвенело в померкшем лугу,
Прокатилось над рощей немою,
Засветилось на том берегу.

Далеко, в полумраке, луками
Убегает на запад река.
Погорев золотыми каймами,
Разлетелись, как дым, облака.

На пригорке то сыро, то жарко,
Вздохи дня есть в дыханье ночном,-
Но зарница уж теплится ярко
Голубым и зеленым огнем.

〈1855〉

* * *

Заревая вьюга
Все позамела,
А ревнивый месяц
Смотрит вдоль села.

Подойти к окошку —
Долго ль до беды?
А проснутся завтра —
Разберут следы.

В огород — собаки
Изорвут, гляди.
«Приходи сегодня» —
И нельзя нейти!

По плетню простенком
Проберусь как раз,—
Ни свекровь, ни месяц
Не увидят нас!

⟨1855⟩

ПРИМЕТЫ

И тихо и светло — до сумерек далеко;
Как в дымке голубой и небо и вода,—
Лишь облаков густых с заката до востока
Лениво тянется лиловая гряда.

Да, тихо и светло; но ухом напряженным
Смятенья и тоски ты крики разгадал:
То чайки скли́кались над морем усыпленным
И, в воздухе кружась, летят к навесам скал.

Ночь будет страшная, и буря будет злая,
Сольются в мрак и гул и небо и земля...
А завтра, может быть, вот здесь волна седая
На берег выбросит обломки корабля.

⟨1854—1855⟩

* * *

В темноте, на треножнике ярком
Мать варила черешни вдали...
Мы с тобой отворили калитку
И по темной аллее пошли.

Шли мы розно. Прохлада ночная
Широко между нами плыла.
Я боялся, чтоб в помысле смелом
Ты меня упрекнуть не могла.

Как-то странно мы оба молчали
И странней сторонилися прочь...
Говорила за нас и дышала
Нам в лицо благовонная ночь.

⟨1856⟩

ВЕНЕРА МИЛОССКАЯ

И целомудренно и смело,
До чресл сияя наготой,
Цветет божественное тело
Неувядающей красой.

Под этой сенью прихотливой
Слегка приподнятых волос
Как много неги горделивой
В небесном лике разлилось!

Так, вся дыша пафосской страстью,
Вся млея пеною морской
И всепобедной вея властью,
Ты смотришь в вечность пред собой.

⟨1856⟩

У КАМИНА

Тускнеют угли. В полумраке
Прозрачный вьется огонек.
Так плещет на багряном маке
Крылом лазурным мотылек.

Видений пестрых вереница
Влечет, усталый теша взгляд,
И неразгаданные лица
Из пепла серого глядят.

Встает ласкательно и дружно
Былое счастье и печаль,
И лжет душа, что ей не нужно
Всего, чего глубоко жаль.

⟨1856⟩

* * *

Только станет смеркаться немножко,
Буду ждать, не дрогнет ли звонок,
Приходи, моя милая крошка,
Приходи посидеть вечерок.

Потушу перед зеркалом свечи,—
От камина светло и тепло;
Стану слушать веселые речи,
Чтобы вновь на душе отлегло.

Стану слушать те детские грезы,
Для которых — все блеск впереди;
Каждый раз благодатные слезы
У меня закипают в груди.

До зари осторожной рукою
Вновь платок твой узлом завяжу,
И вдоль стен, озаренных луною,
Я тебя до ворот провожу.

⟨1856(?)⟩

ЕЩЕ МАЙСКАЯ НОЧЬ

Какая ночь! На всем какая нега!
Благодарю, родной полночный край!
Из царства льдов, из царства вьюг и снега
Как свеж и чист твой вылетает май!

Какая ночь! Все звезды до единой
Тепло и кротко в душу смотрят вновь,
И в воздухе за песнью соловьиной
Разносится тревога и любовь.

Березы ждут. Их лист полупрозрачный
Застенчиво манит и тешит взор.
Они дрожат. Так деве новобрачной
И радостен и чужд ее убор.

Нет, никогда нежней и бестелесней
Твой лик, о ночь, не мог меня томить!
Опять к тебе иду с невольной песней,
Невольной — и последней, может быть.

⟨1857⟩

ПЕВИЦЕ

Уноси мое сердце в звенящую даль,
Где как месяц за рощей печаль;
В этих звуках на жаркие слезы твои
Кротко светит улыбка любви.

О дитя! как легко средь незримых зыбей
Доверяться мне песне твоей:
Выше, выше плыву серебристым путем,
Будто шаткая тень за крылом.

Вдалеке замирает твой голос, горя,
Словно за морем ночью заря,—
И откуда-то вдруг, я понять не могу,
Грянет звонкий прилив жемчугу.

Уноси ж мое сердце в звенящую даль,
Где кротка, как улыбка, печаль,
И все выше помчусь серебристым путем
Я, как шаткая тень за крылом.

⟨1857⟩

* * *

На стоге сена ночью южной
Лицом ко тверди я лежал,
И хор светил, живой и дружный,
Кругом раскинувшись, дрожал.

Земля, как смутный сон немая,
Безвестно уносилась прочь,
И я, как первый житель рая,
Один в лицо увидел ночь.

Я ль несся к бездне полуночной,
Иль сонмы звезд ко мне неслись?
Казалось, будто в длани мощной
Над этой бездной я повис.

И с замиранием и смятеньем
Я взором мерил глубину,
В которой с каждым я мгновеньем
Все невозвратнее тону.

⟨1857⟩

БАЛ

Когда трепещут эти звуки
И дразнит ноющий смычок,
Слагая на коленях руки,
Сажусь в забытый уголок.

И, как зари румянец дальный
Иль дней былых немая речь,
Меня пленяет вихорь бальный
И шевелит мерцанье свеч.

О, как, ничем неукротимо,
Уносит к юности былой
Вблизи порхающее мимо
Круженье пары молодой!

Чего хочу? Иль, может статься,
Бывалой жизнию дыша,
В чужой восторг переселяться
Заране учится душа?

⟨1857⟩

* * *

Какая ночь! Как воздух чист,
Как серебристый дремлет лист,
Как тень черна прибрежных ив,
Как безмятежно спит залив,
Как не вздохнет нигде волна,
Как тишиною грудь полна!
Полночный свет, ты тот же день:
Белей лишь блеск, чернее тень,
Лишь тоньше запах сочных трав,
Лишь ум светлей, мирнее нрав,
Да вместо страсти хочет грудь
Вот этим воздухом вздохнуть.

⟨1857(?)⟩

ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ

Еще светло перед окном,
В разрывы облак солнце блещет,
И воробей своим крылом,
В песке купаяся, трепещет.

А уж от неба до земли,
Качаясь, движется завеса,
И будто в золотой пыли
Стоит за ней опушка леса.

Две капли брызнули в стекло,
От лип душистым медом тянет,
И что-то к саду подошло,
По свежим листьям барабанит.

⟨1857(?)⟩

* * *

Морская даль во мгле туманной;
Там парус тонет, как в дыму,
А волны в злобе постоянной
Бегут к прибрежью моему.

Из них одной, избранной мною,
Навстречу пристально гляжу
И за грядой ее крутою
До камня влажного слежу.

К ней чайка плавная спустилась,–
Не дрогнет острое крыло.
Но вот громада докатилась,
Тяжеловесна, как стекло;

Плеснула в каменную стену,
Вот звонко грянет на плиту —
А уж подкинутую пену
Разбрызнул ветер на лету.

⟨1857(?)⟩

* * *

Нет, не жди ты песни страстной,
Эти звуки — бред неясный,
Томный звон струны;
Но, полны тоскливой муки,
Навевают эти звуки
Ласковые сны.

Звонким роем налетели,
Налетели и запели
В светлой вышине.
Как ребенок им внимаю,
Что́ сказалось в них — не знаю,
И не нужно мне.

Поздним летом в окна спальной
Тихо шепчет лист печальный,
Шепчет не слова;
Но под легкий шум березы
К изголовью, в царство грезы
Никнет голова.

⟨1858⟩

ЦВЕТЫ

С полей несется голос стада,
В кустах малиновки звенят,
И с побелевших яблонь сада
Струится сладкий аромат.

Цветы глядят с тоской влюбленной,
Безгрешно чисты, как весна,
Роняя с пылью благовонной
Плодов румяных семена.

Сестра цветов, подруга розы,
Очами в очи мне взгляни,
Навей живительные грезы
И в сердце песню зарони.

⟨1858⟩

* * *

Заря прощается с землею,
Ложится пар на дне долин,
Смотрю на лес, покрытый мглою,
И на огни его вершин.

Как незаметно потухают
Лучи и гаснут под конец!
С какою негой в них купают
Деревья пышный свой венец!

И все таинственней, безмерней
Их тень растет, растет, как сон;
Как тонко по заре вечерней
Их легкий очерк вознесен!

Как будто, чуя жизнь двойную
И ей овеяны вдвойне,—
И землю чувствуют родную,
И в небо просятся оне.

⟨1858⟩

* * *

Скрип шагов вдоль улиц белых,
Огоньки вдали;
На стенах оледенелых
Блещут хрустали.

От ресниц нависнул в очи
Серебристый пух,
Тишина холодной ночи
Занимает дух.

Ветер спит, и все немеет,
Только бы уснуть;
Ясный воздух сам робеет
На мороз дохнуть.

⟨1858(?)⟩

* * *

Ярким солнцем в лесу пламенеет костер,
И, сжимаясь, трещит можжевельник;
Точно пьяных гигантов столпившийся хор
Раскрасневшись, шатается ельник.

Я и думать забыл про холодную ночь,—
До костей и до сердца прогрело;
Что смущало, колеблясь умчалося прочь,
Будто искры в дыму, улетело.

Пусть на зорьке, все ниже спускаясь, дымок
Над золою замрет сиротливо;
Долго-долго, до поздней поры огонек
Будет теплиться скупо, лениво.

И лениво и скупо мерцающий день
Ничего не укажет в тумане;
У холодной золы изогнувшийся пень
Прочернеет один на поляне.

Но нахмурится ночь — разгорится костер,
И, виясь, затрещит можжевельник,
И, как пьяных гигантов столпившийся хор,
Покраснев, зашатается ельник.

〈1859〉

* * *

Опять незримые усилья,
Опять невидимые крылья
Приносят северу тепло;
Все ярче, ярче дни за днями,
Уж солнце черными кругами
В лесу деревья обвело.

Заря сквозит оттенком алым,
Подернут блеском небывалым
Покрытый снегом косогор;
Еще леса стоят в дремоте,
Но тем слышнее в каждой ноте
Пернатых радость и задор.

Ручьи, журча, и извиваясь,
И меж собой перекликаясь,
В долину гулкую спешат,
И разыгравшиеся воды
Под беломраморные своды
С веселым грохотом летят.

А там по нивам на просторе
Река раскинулась, как море,
Стального зеркала светлей,
И речка к ней на середину
За льдиной выпускает льдину,
Как будто стаю лебедей.

⟨1859⟩

* * *

Как ярко полная луна
Посеребрила эту крышу!
Мы здесь под тенью полотна,
Твое дыхание я слышу.

У неостывшего гнезда
Ночная песнь гремит и тает.
О, погляди, как та звезда
Горит, горит и потухает.

Понятен блеск ее лучей
И полночь с песнию своею,
Но что горит в груди моей —
Тебе сказать я не умею.

Вся эта ночь у ног твоих
Воскреснет в звуках песнопенья,
Но тайну счастья в этот миг
Я унесу без выраженья.

⟨1859(?)⟩

* * *

Зреет рожь над жаркой нивой,
И от нивы и до нивы
Гонит ветер прихотливый
Золотые переливы.

Робко месяц смотрит в очи,
Изумлен, что день не минул,
Но широко в область ночи
День объятия раскинул.

Над безбрежной жатвой хлеба
Меж заката и востока
Лишь на миг смежает небо
Огнедышащее око.

⟨Конец 50-х годов⟩

* * *

Влачась в бездействии ленивом
Навстречу осени своей,
Нам с каждым молодым порывом,
Что день, встречаться веселей.

Так в летний зной, когда в долины
Съезжают бережно снопы
И в зрелых жатвах круговины
Глубоко врезали серпы,

Прорвешь случайно повилику
Нетерпеливою ногой —
И вдруг откроешь землянику,
Красней и слаще, чем весной.

⟨Конец 50-х годов⟩

* * *

Какая грусть! Конец аллеи
Опять с утра исчез в пыли,
Опять серебряные змеи
Через сугробы поползли.

На небе ни клочка лазури,
В степи все гладко, все бело,
Один лишь ворон против бури
Крылами машет тяжело.

И на душе не рассветает,
В ней тот же холод, что кругом,
Лениво дума засыпает
Над умирающим трудом.

А все надежда в сердце тлеет,
Что, может быть, хоть невзначай,
Опять душа помолодеет,
Опять родной увидит край,

Где бури пролетают мимо,
Где дума страстная чиста,—
И посвященным только зримо
Цветет весна и красота.

〈1862〉

* * *

Чем тоске, и не знаю, помочь;
Грудь прохлады свежительной ищет,
Окна настежь, уснуть мне невмочь,
А в саду над ручьем во всю ночь
Соловей разливается-свищет.

Стройный тополь стоит под окном,
Листья в воздухе все онемели.
Точно думы всё те же и в нем,
Точно судит меня он с певцом,—
Не проронит ни вздоха, ни трели.

На заре только клонит ко сну,
Но лишь яркий багрянец замечу —
Разгорюсь — и опять не усну.
Знать, в последний встречаю весну
И тебя на земле уж не встречу.

〈1862〉

* * *

Не избегай; я не молю
Ни слез, ни сердца тайной боли,
Своей тоске хочу я воли
И повторять тебе: «люблю».

Хочу нестись к тебе, лететь,
Как волны по равнине водной,
Поцеловать гранит холодный,
Поцеловать — и умереть!

⟨1862(?)⟩

* * *

Не первый год у этих мест
Я в час вечерний проезжаю,
И каждый раз гляжу окрест,
И над березами встречаю
Все тот же золоченый крест.

Среди зеленой густоты
Карнизов обветшалых пятна,
Внизу могилы и кресты,
И мне — мне кажется понятно,
Что́ шепчут куполу листы.

Еще колеблясь и дыша
Над дорогими мертвецами,
Стремлюсь куда-то, вдаль спеша,
Но встречу с тихими гробами
Смиренно празднует душа.

⟨1864⟩

* * *

Жизнь пронеслась без явного следа.
Душа рвалась — кто скажет мне куда?
С какой заране избранною целью?
Но все мечты, все буйство первых дней
С их радостью — все тише, все ясней
К последнему подходят новоселью.

Так, заверша беспутный свой побег,
С нагих полей летит колючий снег,
Гонимый ранней, буйною метелью,
И, на лесной остановясь глуши,
Сбирается в серебряной тиши
Глубокой и холодною постелью.

⟨1864⟩

* * *

Die Gleichmäßigkeit des Laufes der Zeit in allen Köpfen beweist mehr, als irgend etwas, daß wir Alle in denselben Traum versenkt sind, ja daß es Ein Wesen ist, welches ihn träumt.

Schopenhauer [1]

1

Измучен жизнью, коварством надежды,
Когда им в битве душой уступаю,
И днем и ночью смежаю я вежды
И как-то странно порой прозреваю.

Еще темнее мрак жизни вседневной,
Как после яркой осенней зарницы,
И только в небе, как зов задушевный,
Сверкают звезд золотые ресницы.

И так прозрачна огней бесконечность,
И так доступна вся бездна эфира,
Что прямо смотрю я из времени в вечность
И пламя твое узнаю, солнце мира.

И неподвижно на огненных розах
Живой алтарь мирозданья курится,
В его дыму, как в творческих грезах,
Вся сила дрожит и вся вечность снится.

И все, что мчится по безднам эфира,
И каждый луч, плотско́й и бесплотный,—
Твой только отблеск, о солнце мира,
И только сон, только сон мимолетный.

И этих грез в мировом дуновенье
Как дым, несусь я и таю невольно,
И в этом прозренье, и в этом забвенье
Легко мне жить и дышать мне не больно.

---

[1] Равномерность течения времени во всех головах доказывает более, чем что-либо другое, что мы все погружены в один и тот же сон; более того, что все видящие этот сон являются единым существом.

Шопенгауэр (нем.).

В тиши и мраке таинственной ночи
Я вижу блеск приветный и милый,
И в звездном хоре знакомые очи
Горят в степи над забытой могилой.

Трава поблекла, пустыня угрюма,
И сон сиротлив одинокой гробницы,
И только в небе, как вечная дума,
Сверкают звезд золотые ресницы.

И снится мне, что ты встала из гроба
Такой же, какой ты с земли отлетела,
И снится, снится: мы молоды оба,
И ты взглянула, как прежде глядела.

⟨1864(?)⟩

* * *

Кому венец: богине ль красоты
Иль в зеркале ее изображенью?
Поэт смущен, когда дивишься ты
Богатому его воображенью.

Не я, мой друг, а божий мир богат,
В пылинке он лелеет жизнь и множит,
И что один твой выражает взгляд,
Того поэт пересказать не может.

⟨1865⟩

* * *

Истрепалися сосен мохнатые ветви от бури,
Изрыдалась осенняя ночь ледяными слезами,
Ни огня на земле, ни звезды в овдовевшей лазури,
Все сорвать хочет ветер, все смыть хочет ливень ручьями.

Никого! Ничего! Даже сна нет в постели холодной,
Только маятник грубо-насмешливо меряет время.
Оторвись же от тусклой свечи ты душою свободной!
Или тянет к земле роковое, тяжелое бремя?

О, войди ж в этот мрак, улыбнись, благосклонная фея,
И всю жизнь в этот миг я солью, этим мигом измерю,
И, речей благовонных созвучием слух возлелея,
Не признаю часов и рыданьям ночным не поверю!

⟨Конец 60-х годов(?)⟩

МАЙСКАЯ НОЧЬ

Отсталых туч над нами пролетает
Последняя толпа.
Прозрачный их отрезок мягко тает
У лунного серпа.

Царит весны таинственная сила
С звездами на челе.—
Ты, нежная! Ты счастье мне сулила
На суетной земле.

А счастье где? Не здесь, в среде убогой,
А вон оно — как дым.
За ним! за ним! воздушною дорогой —
И в вечность улетим!

1870

ОСЕНЬЮ

Когда сквозная паутина
Разносит нити ясных дней
И под окном у селянина
Далекий благовест слышней,

Мы не грустим, пугаясь снова
Дыханья близкого зимы,
А голос лета прожитого
Яснее понимаем мы.

⟨1870(?)⟩

* * *

Всю ночь гремел овраг соседний,
Ручей, бурля, бежал к ручью,
Воскресших вод напор последний
Победу разглашал свою.

Ты спал. Окно я растворила,
В степи кричали журавли,
И сила думы уносила
За рубежи родной земли,

Лететь к безбрежью, бездорожью,
Через леса, через поля,—
А подо мной весенней дрожью
Ходила гулкая земля.

Как верить перелетной тени?
К чему мгновенный сей недуг,
Когда ты здесь, мой добрый гений,
Бедами искушенный друг?

1872

* * *

В дымке-невидимке
Выплыл месяц вешний,
Цвет садовый дышит
Яблонью, черешней.
Так и льнет, целуя
Тайно и нескромно.
И тебе не грустно?
И тебе не томно?

Истерзался песней
Соловей без розы.
Плачет старый камень,
В пруд роняя слезы.
Уронила косы
Голова невольно.
И тебе не томно?
И тебе не больно?

1873

* * *

Только встречу улыбку твою
Или взгляд уловлю твой отрадный,-
Не тебе песнь любви я пою,
А твоей красоте ненаглядной.

Про певца по зарям говорят,
Будто розу влюбленною трелью
Восхвалять неумолчно он рад
Над душистой ее колыбелью.

Но безмолвствует, пышно чиста,
Молодая владычица сада:
Только песне нужна красота,
Красоте же и песен не надо.

〈1873(?)〉

ГРАФУ Л. Н. ТОЛСТОМУ

Как ястребу, который просидел
На жердочке суконной зиму в клетке,
Питаяся настрелянною птицей,
Весной охотник голубя несет
С надломленным крылом — и, оглядев
Живую пищу, старый ловчий щурит
Зрачок прилежный, поджимает перья
И вдруг нежданно, быстро, как стрела,
Вонзается в трепещущую жертву,
Кривым и острым клювом ей взрезает
Мгновенно грудь и, весело раскинув
На воздух перья, с алчностью забытой
Рвет и глотает трепетное мясо,—
Так бросил мне кавказские ты песни,
В которых бьется и кипит та кровь,
Что мы зовем поэзией. Спасибо,
Полакомил ты старого ловца!

1875

СРЕДИ ЗВЕЗД

Пусть мчитесь вы, как я, покорны мигу,
Рабы, как я, мне прирожденных числ,
Но лишь взгляну на огненную книгу,
Не численный я в ней читаю смысл.

В венцах, лучах, алмазах, как калифы,
Излишние средь жалких нужд земных,
Незыблемой мечты иероглифы,
Вы говорите: «Вечность — мы, ты — миг.

Нам нет числа. Напрасно мыслью жадной
Ты думы вечной догоняешь тень;
Мы здесь горим, чтоб в сумрак непроглядный
К тебе просился беззакатный день.

Вот почему, когда дышать так трудно,
Тебе отрадно так поднять чело
С лица земли, где все темно и скудно,
К нам, в нашу глубь, где пышно и светло».

1876

* * *

Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали
Лучи у наших ног в гостиной без огней.
Рояль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали,
Как и сердца у нас за песнию твоей.

Ты пела до зари, в слезах изнемогая,
Что ты одна — любовь, что нет любви иной,
И так хотелось жить, чтоб, звука не роняя,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой.

И много лет прошло, томительных и скучных,
И вот в тиши ночной твой голос слышу вновь,
И веет, как тогда, во вздохах этих звучных,
Что ты одна — вся жизнь, что ты одна — любовь.

Что нет обид судьбы и сердца жгучей муки,
А жизни нет конца, и цели нет иной,
Как только веровать в рыдающие звуки,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой!

1877

ALTER EGO[1]

Как лилея глядится в нагорный ручей,
Ты стояла над первою песней моей,
И была ли при этом победа, и чья,—
У ручья ль от цветка, у цветка ль от ручья?

[1] Второе я *(лат.)*.

Ты душою младенческой все поняла,
Что́ мне высказать тайная сила дала,
И хоть жизнь без тебя суждено мне влачить,
Но мы вместе с тобой, нас нельзя разлучить.

Та трава, что вдали на могиле твоей,
Здесь на сердце, чем старе оно, тем свежей,
И я знаю, взглянувши на звезды порой,
Что взирали на них мы как боги с тобой.

У любви есть слова, те слова не умрут.
Нас с тобой ожидает особенный суд;
Он сумеет нас сразу в толпе различить,
И мы вместе придем, нас нельзя разлучить!

1878

* * *

Ты отстрадала, я еще страдаю,
Сомнением мне суждено дышать,
И трепещу, и сердцем избегаю
Искать того, чего нельзя понять.

А был рассвет! Я помню, вспоминаю
Язык любви, цветов, ночных лучей.
Как не цвести всевидящему маю
При отблеске родном таких очей!

Очей тех нет — и мне не страшны гробы,
Завидно мне безмолвие твое,
И, не судя ни тупости, ни злобы,
Скорей, скорей в твое небытие!

1878

СМЕРТЬ

«Я жить хочу! — кричит он, дерзновенный.—
Пускай обман! О, дайте мне обман!»
И в мыслях нет, что это лед мгновенный,
А там, под ним,— бездонный океан.

Бежать? Куда? Где правда, где ошибка?
Опора где, чтоб руки к ней простерть?
Что ни расцвет живой, что ни улыбка,—
Уже под ними торжествует смерть.

Слепцы напрасно ищут, где дорога,
Доверясь чувств слепым поводырям;
Но если жизнь — базар крикливый бога,
То только смерть — его бессмертный храм.

1878

А. Л. БРЖЕСКОЙ

Далекий друг, пойми мои рыданья,
Ты мне прости болезненный мой крик.
С тобой цветут в душе воспоминанья,
И дорожить тобой я не отвык.

Кто скажет нам, что жить мы не умели,
Бездушные и праздные умы,
Что в нас добро и нежность не горели
И красоте не жертвовали мы?

Где ж это все? Еще душа пылает,
По-прежнему готова мир объять.
Напрасный жар! Никто не отвечает,
Воскреснут звуки — и замрут опять.

Лишь ты одна! Высокое волненье
Издалека мне голос твой принес.
В ланитах кровь, и в сердце вдохновенье.—
Прочь этот сон,— в нем слишком много слез!

Не жизни жаль с томительным дыханьем,
Что жизнь и смерть? А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем,
И в ночь идет, и плачет, уходя.

1879

НИКОГДА

Проснулся я. Да, крыша гроба. Руки
С усильем простираю и зову
На помощь. Да, я помню эти муки
Предсмертные. Да, это наяву!
И без усилий, словно паутину,
Сотлевшую раздвинул домовину

И встал. Как ярок этот зимний свет
Во входе склепа! Можно ль сомневаться?
Я вижу снег. На склепе двери нет.
Пора домой. Вот дома изумятся!
Мне парк знаком, нельзя с дороги сбиться.
А как он весь успел перемениться!

Бегу. Сугробы. Мертвый лес торчит
Недвижными ветвями в глубь эфира,
Но ни следов, ни звуков. Все молчит,
Как в царстве смерти сказочного мира.
А вот и дом. В каком он разрушенье!
И руки опустились в изумленье.

Селенье спит под снежной пеленой,
Тропинки нет по всей степи раздольной.
Да, так и есть: над дальнею горой
Узнал я церковь с ветхой колокольней.
Как мерзлый путник в снеговой пыли,
Она торчит в безоблачной дали.

Ни зимних птиц, ни мошек на снегу.
Все понял я: земля давно остыла
И вымерла. Кому же берегу
В груди дыханье? Для кого могила
Меня вернула? И мое сознанье
С чем связано? И в чем его призванье?

Куда идти, где некого обнять,
Там, где в пространстве затерялось время?
Вернись же, смерть, поторопись принять
Последней жизни роковое бремя.
А ты, застывший труп земли, лети,
Неся мой труп по вечному пути!

⟨1879⟩

* * *

Глубь небес опять ясна,
Пахнет в воздухе весна,
Каждый час и каждый миг
Приближается жених.

Спит во гробе ледяном
Очарованная сном,—
Спит, нема и холодна,
Вся во власти чар она.

Но крылами вешних птиц
Он свевает снег с ресниц,
И из стужи мертвых грез
Проступают капли слез.

1879

* * *

Не тем, господь, могуч, непостижим
Ты пред моим мятущимся сознаньем,
Что в звездный день твой светлый серафим
Громадный шар зажег над мирозданьем

И мертвецу с пылающим лицом
Он повелел блюсти твои законы,
Все пробуждать живительным лучом,
Храня свой пыл столетий миллионы.

Нет, ты могуч и мне непостижим
Тем, что я сам, бессильный и мгновенный,
Ношу в груди, как оный серафим,
Огонь сильней и ярче всей вселенной.

Меж тем как я — добыча суеты,
Игралище ее непостоянства,—
Во мне он вечен, вездесущ, как ты,
Ни времени не знает, ни пространства.

1879

* * *

Это утро, радость эта,
Эта мощь и дня и света,
Этот синий свод,
Этот крик и вереницы,
Эти стаи, эти птицы,
Этот говор вод,

Эти ивы и березы,
Эти капли — эти слезы,
Этот пух — не лист,
Эти горы, эти долы,
Эти мошки, эти пчелы,
Этот зык и свист,

Эти зори без затменья,
Этот вздох ночной селенья,
Эта ночь без сна,
Эта мгла и жар постели,
Эта дробь и эти трели,
Это все — весна.
⟨1881(?)⟩

МУЗЕ

Пришла и села. Счастлив и тревожен,
Ласкательный твой повторяю стих;
И если дар мой пред тобой ничтожен,
То ревностью не ниже я других.

Заботливо храня твою свободу,
Непосвященных я к тебе не звал,
И рабскому их буйству я в угоду
Твоих речей не осквернял.

Все та же ты, заветная святыня,
На облаке, незримая земле,
В венце из звезд, нетленная богиня,
С задумчивой улыбкой на челе.
⟨1882⟩

* * *

Встречу ль яркую в небе зарю,
Ей про тайну мою говорю,
Подойду ли к лесному ключу,
И ему я про тайну шепчу.

А как звезды в ночи задрожат,
Я всю ночь им рассказывать рад;
Лишь когда на тебя я гляжу,
Ни за что ничего не скажу.
⟨1882⟩

ТЕПЕРЬ

Мой прах уснет, забытый и холодный,
А для тебя настанет жизни май;
О, хоть на миг душою благородной
Тогда стихам, звучавшим мне, внимай!

И вдумчивым и чутким сердцем девы
Безумных снов волненья ты поймешь.
И от чего в дрожащие напевы
Я уходил — и ты за мной уйдешь.

Приветами, встающими из гроба,
Сердечных тайн бессмертье ты про
Вневременной повеем жизнью оба,
И ты и я — мы встретимся — теперь!

〈1883〉

* * *

Только в мире и есть что тенистый
Дремлющих кленов шатер.
Только в мире и есть что лучистый
Детски задумчивый взор.
Только в мире и есть что душистый
Милой головки убор.
Только в мире и есть этот чистый
Влево бегущий пробор.

1883

ОСЕНЬ

Как грустны сумрачные дни
Беззвучной осени и хладной!
Какой истомой безотрадной
К нам в душу просятся они!

Но есть и дни, когда в крови
Золотолиственных уборов
Горящих осень ищет взоров
И знойных прихотей любви.

Молчит стыдливая печаль,
Лишь вызывающее слышно,
И, замирающей так пышно,
Ей ничего уже не жаль.

1883

НА КНИЖКЕ СТИХОТВОРЕНИЙ ТЮТЧЕВА

Вот наш патент на благородство,—
Его вручает нам поэт;
Здесь духа мощного господство,
Здесь утонченной жизни цвет.

В сыртах не встретишь Геликона,
На льдинах лавр не расцветет,
У чукчей нет Анакреона,
К зырянам Тютчев не придет.

Но муза, правду соблюдая,
Глядит — а на весах у ней
Вот эта книжка небольшая
Томов премногих тяжелей.

1883

* * *

Учись у них — у дуба, у березы.
Кругом зима. Жестокая пора!
Напрасные на них застыли слезы,
И треснула, сжимаясь, кора.

Все злей метель и с каждою минутой
Сердито рвет последние листы,
И за сердце хватает холод лютый;
Они стоят, молчат; молчи и ты!

Но верь весне. Ее промчится гений,
Опять теплом и жизнию дыша.
Для ясных дней, для новых откровений
Переболит скорбящая душа.

1883

ЛАСТОЧКИ

Природы праздный соглядатай,
Люблю, забывши все кругом,
Следить за ласточкой стрельчатой
Над вечереющим прудом.

Вот понеслась и зачертила —
И страшно, чтобы гладь стекла
Стихией чуждой не схватила
Молниевидного крыла.

И снова то же дерзновенье
И та же темная струя,—
Не таково ли вдохновенье
И человеческого *я*?

Не так ли я, сосуд скудельный,
Дерзаю на запретный путь,
Стихии чуждой, запредельной,
Стремясь хоть каплю зачерпнуть?

〈1884〉

БАБОЧКА

Ты прав. Одним воздушным очертаньем
Я так мила.
Весь бархат мой с его живым миганьем —
Лишь два крыла.

Не спрашивай: откуда появилась?
Куда спешу?
Здесь на цветок я легкий опустилась
И вот — дышу.

Надолго ли, без цели, без усилья,
Дышать хочу?
Вот-вот сейчас, сверкнув, раскину крылья
И улечу.

〈1884〉

* * *

Сад весь в цвету,
Вечер в огне,
Так освежительно-радостно мне!

Вот я стою,
Вот я иду,
Словно таинственной речи я жду.

Эта заря,
Эта весна
Так непостижна, зато так ясна!

Счастья ли полн,
Плачу ли я,
Ты — благодатная тайна моя.

⟨1884⟩

* * *

Страницы милые опять персты раскрыли;
Я снова умилен и трепетать готов,
Чтоб ветер иль рука чужая не сронили
Засохших, одному мне ведомых цветов.

О, как ничтожно все! От жертвы жизни целой,
От этих пылких жертв и подвигов святых —
Лишь тайная тоска в душе осиротелой
Да тени бледные у лепестков сухих.

Но ими дорожит мое воспоминанье;
Без них все прошлое — один жестокий бред,
Без них — один укор, без них — одно терзанье,
И нет прощения, и примиренья нет!

⟨1884⟩

* * *

Еще одно забывчивое слово,
Еще один случайный полувздох —
И тосковать я сердцем стану снова,
И буду я опять у этих ног.

Душа дрожит, готова вспыхнуть чище,
Хотя давно угас весенний день
И при луне на жизненном кладбище
Страшна и ночь, и собственная тень.

(1884)

* * *

Солнца луч промеж лип был и жгуч и высок,
Пред скамьей ты чертила блестящий песок,
Я мечтам золотым отдавался вполне,—
Ничего ты на все не ответила мне.

Я давно угадал, что мы сердцем родня,
Что ты счастье свое отдала за меня,
Я рвался, я твердил о не нашей вине,—
Ничего ты на все не ответила мне.

Я молил, повторял, что нельзя нам любить,
Что минувшие дни мы должны позабыть,
Что в грядущем цветут все права красоты,—
Мне и тут ничего не ответила ты.

С опочившей я глаз был не в силах отвесть,—
Всю погасшую тайну хотел я прочесть.
И лица твоего мне простили ль черты? —
Ничего, ничего не ответила ты!

(1885)

* * *

Есть ночи зимней блеск и сила,
Есть непорочная краса,
Когда под снегом опочила
Вся степь, и кровли, и леса.

Сбежали тени ночи летней,
Тревожный ропот их исчез,
Но тем всевластней, тем заметней
Огни безоблачных небес.

Как будто волею всезрящей
На этот миг ты посвящен
Глядеть в лицо природы спящей
И понимать всемирный сон.

⟨1885⟩

* * *

Я тебе ничего не скажу,
И тебя не встревожу ничуть,
И о том, что́ я молча твержу,
Не решусь ни за что намекнуть.

Целый день спят ночные цветы,
Но лишь солнце за рощу зайдет,
Раскрываются тихо листы,
И я слышу, как сердце цветет.

И в больную, усталую грудь
Веет влагой ночной... я дрожу,
Я тебя не встревожу ничуть,
Я тебе ничего не скажу.

1885

В ЛУННОМ СИЯНИИ

Выйдем с тобой побродить
В лунном сиянии!
Долго ли душу томить
В темном молчании!

Пруд как блестящая сталь,
Травы в рыдании,
Мельница, речка и даль
В лунном сиянии.

Можно ль тужить и не жить
Нам в обаянии?
Выйдем тихонько бродить
В лунном сиянии!

1885

НА РАССВЕТЕ

Плавно у ночи с чела
Мягкая падает мгла;
С поля широкого тень
Жмется под ближнюю сень;
Жаждою света горя,
Выйти стыдится заря;
Холодно, ясно, бело,
Дрогнуло птицы крыло...
Солнца еще не видать,
А на душе благодать.

1886

* * *

Из дебрей туманы несмело
Родное закрыли село;
Но солнышком вешним согрело
И ветром их вдаль разнесло.

Знать, долго скитаться наскуча
Над ширью земель и морей,
На родину тянется туча,
Чтоб только поплакать над ней.

1886]

ОСЕННЯЯ РОЗА

Осыпал лес свои вершины,
Сад обнажил свое чело,
Дохнул сентябрь, и георгины
Дыханьем ночи обожгло.

Но в дуновении мороза
Между погибшими одна,
Лишь ты одна, царица-роза,
Благоуханна и пышна.

Назло жестоким испытаньям
И злобе гаснущего дня
Ты очертаньем и дыханьем
Весною веешь на меня.

1886

* * *

Жду я, тревогой объят,
Жду тут на самом пути:
Этой тропой через сад
Ты обещалась прийти.

Плачась, комар пропоет,
Свалится плавно листок...
Слух, раскрываясь, растет,
Как полуночный цветок.

Словно струну оборвал
Жук, налетевши на ель;
Хрипло подругу позвал
Тут же у ног коростель.

Тихо под сенью лесной
Спят молодые кусты...
Ах, как пахнуло весной!..
Это наверное ты!

1886

* * *

Когда читала ты мучительные строки,
Где сердца звучный пыл сиянье льет кругом
И страсти роковой вздымаются потоки,—
Не вспомнила ль о чем?

Я верить не хочу! Когда в степи, как диво,
В полночной темноте безвременно горя,
Вдали перед тобой прозрачно и красиво
Вставала вдруг заря

И в эту красоту невольно взор тянуло,
В тот величавый блеск за темный весь предел,—
Ужель ничто тебе в то время не шепнуло:
Там человек сгорел!

1887

* * *

Что за звук в полумраке вечернем? Бог весть,—
То кулик простонал или сыч.
Расставанье в нем есть, и страданье в нем есть,
И далекий неведомый клич.

Точно грезы больные бессонных ночей
В этом плачущем звуке слиты,—
И не нужно речей, ни огней, ни очей —
Мне дыхание скажет, где ты.

1887

* * *

Как беден наш язык! Хочу и не могу.
Не передать того ни другу, ни врагу,
Что буйствует в груди прозрачною волною.
Напрасно вечное томление сердец,
И клонит голову маститую мудрец
Пред этой ложью роковою.

Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук
Хватает на лету и закрепляет вдруг
И темный бред души, и трав неясный запах;
Так, для безбрежного покинув скудный дол,
Летит за облака Юпитера орел,
Сноп молнии неся мгновенный в верных лапах.

1887

* * *

Одним толчком согнать ладью живую
С наглаженных отливами песков,
Одной волной подняться в жизнь иную,
Учуять ветр с цветущих берегов,

Тоскливый сон прервать единым звуком,
Упиться вдруг неведомым, родным,
Дать жизни вздох, дать сладость тайным мукам,
Чужое вмиг почувствовать своим,

Шепнуть о том, пред чем язык немеет,
Усилить бой бестрепетных сердец —
Вот чем певец лишь избранный владеет,
Вот в чем его и признак и венец!

1887

* * *

Не нужно, не нужно мне проблесков счастья,
Не нужно мне слова и взора участья,
Оставь и дозволь мне рыдать!
К горячему снова прильнув изголовью,
Позволь мне моей нераздельной любовью,
Забыв все на свете, дышать!

Когда бы ты знала, каким сиротливым,
Томительно-сладким, безумно-счастливым
Я горем в душе опьянен,—
Безмолвно прошла б ты воздушной стопою,
Чтоб даже своей благовонной стезею
Больной не смутила мой сон.

Не так ли, чуть роща одеться готова,
В весенние ночи,— светила дневного
Боится крылатый певец?
И только что сумрак разгонит денница,
Смолкает зарей отрезвленная птица,—
И счастью и песне конец.

1887

* * *

Прости! во мгле воспоминанья
Все вечер помню я один,—
Тебя одну среди молчанья
И твой пылающий камин.

Глядя в огонь, я забывался,
Волшебный круг меня томил,
И чем-то горьким отзывался
Избыток счастия и сил.

Что за раздумие у цели?
Куда безумство завлекло?
В какие дебри и метели
Я уносил твое тепло?

Где ты? Ужель, ошеломленный,
Кругом не видя ничего,
Застывший, вьюгой убеленный,
Стучусь у сердца твоего?..

1888

* * *

На кресле отвалясь, гляжу на потолок,
Где, на задор воображенью,
Над лампой тихою подвешенный кружок
Вертится призрачною тенью.

Зари осенней след в мерцанье этом есть:
Над кровлей, кажется, и садом,
Не в силах улететь и не решаясь сесть,
Грачи кружатся темным стадом...

Нет, то не крыльев шум, то кони у крыльца!
Я слышу трепетные руки...
Как бледность холодна прекрасного лица!
Как шепот горестен разлуки!..

Молчу, потерянный, на дальний путь глядя
Из-за темнеющего сада,—
И кружится еще, приюта не найдя,
Грачей встревоженное стадо.

1890

* * *

Опять осенний блеск денницы
Дрожит обманчивым огнем,
И уговор заводят птицы
Умчаться стаей за теплом.

И болью сладостно-суровой
Так радо сердце вновь заныть,
И в ночь краснеет лист кленовый,
Что, жизнь любя, не в силах жить.

1891

* * *

Ель рукавом мне тропинку завесила.
Ветер. В лесу одному
Шумно, и жутко, и грустно, и весело,—
Я ничего не пойму.

Ветер. Кругом все гудет и колышется,
Листья кружатся у ног.
Чу, там вдали неожиданно слышится
Тонко взывающий рог.

Сладостен зов мне глашатая медного!
Мертвые что мне листы!
Кажется, издали странника бедного
Нежно приветствуешь ты.

1891

* * *

Не отнеси к холодному бесстрастью,
Что на тебя безмолвно я гляжу;
Ступенями к томительному счастью
Не меньше я, чем счастьем, дорожу.

С собой самим мне сладко лицемерить,
Хоть я давно забыл о всем ином,
И верится, и не хочу я верить,
Что нет преград, что мы одни вдвоем.

Мой поцелуй, и пламенный и чистый,
Не вдруг спешит к устам или щеке;
Жужжанье пчел над яблонью душистой
Отрадней мне замолкнувших в цветке.

1892

* * *

Не могу я слышать этой птички,
Чтобы тотчас сердцем не вспорхнуть;
Не могу, наперекор привычке,
Как войдешь,— хоть молча не вздохнуть.

Ты не вспыхнешь, ты не побледнеешь,
Взоры полны тихого огня;
Больно видеть мне, как ты умеешь
Не видать и не слыхать меня.

Я тебя невольно беспокою,
Торжество должна ты искупить:
На заре без туч нельзя такою
Молодой и лучезарной быть!

1892

* * *

Нет, за тебя молиться я не мог,
Держа венец над головой твоею.
Страдал ли я иль просто изнемог,
Тебе теперь сказать я не умею,—
Но за тебя молиться я не мог.

И помню я — чела убор венчальный
Измять венцом мне было жаль: к тебе
Так шли цветы... Усталый и печальный,
Я позабыл в то время о мольбе
И все берег чела убор венчальный.

За что цветов тогда мне было жаль —
Бог ведает: за то ль, что без расцвета
Им суждено погибнуть, за тебя ль —
Не знаю я... в прошедшем нет ответа...
А мне цветов глубоко было жаль...

1842

КОМЕТА

Когда средь сонма звезд, размеренно и стройно,
Как звуков перелив, одна вослед другой,
Определенный путь свершающих спокойно,
Комета полетит неправильной чертой,
Недосозда́нная, вся полная раздора,
Невзнузданных стихий неистового спора,
Горя еще сама и на пути своем
Грозя иным звездам стремленьем и огнем,

Что́ нужды ей тогда до общего смущенья,
До разрушения гармонии?.. Она
Из лона отчего, из родника творенья
В созданья стройный круг борьбою послана,
Да совершит путем борьбы и испытанья
Цель очищения и цель самосозданья.

1843

* * *

О, сжалься надо мной!.. Значенья слов моих
В речах отрывочных, безумных и печальных
Проникнуть не ищи... Воспоминаний дальных
Не думай подстеречь в таинственности их.
Но если на устах моих разгадки слово,
Полусорвавшись с языка,
Недореченное замрет на них сурово
Иль беспричинная тоска
Из гру́ди, сдавленной бессвязными речами,
Невольно вырвется... молю тебя, шепчи
Тогда слова молитв безгрешными устами,
Как перед призраком, блуждающим в ночи.
Но знай, что тяжела отчаянная битва
С глаголом тайны роковой,
Что для тебя одной спасительна молитва,
Не разделяемая мной...

1843

* * *

Над тобою мне тайная сила дана,
Это — сила звезды роковой.
Есть преданье — сама ты преданий полна,—
Так послушай: бывает порой,
В небесах загорится, средь сонма светил,
Небывалое вдруг иногда,
И гореть ему ярко господь присудил —
Но падучая это звезда...
И сама ли нечистым огнем сожжена,
Или, звездному кругу чужда,
Серафимами свержена с неба она,—
Рассыпается прахом звезда;

И дано, говорят, той печальной звезде
Искушенье посеять одно,
Да лукавые сны, да страданье везде,
Где рассыпаться ей суждено.

Над тобою мне тайная сила дана,
Эту силу я знаю давно:
Так уносит в безбрежное море волна
За собой из залива судно́,
Так, от дерева лист оторвавши, гроза
В вихре пыли его закружит,
И, с участьем следя, не увидят глаза,
Где кружится, куда он летит...
Над тобою мне тайная сила дана,
И тебя мне увлечь суждено,
И пускай ты горда, и пускай ты скрытна,—
Эту силу я понял давно.

1843

К ЛАВИНИИ

Для себя мы не просим покоя
И не ждем ничего от судьбы,
И к небесному своду мы двое
Не пошлем бесполезной мольбы...
Нет! пусть сам он над нами широко
Разливается яркой зарей,
Чтобы в грудь нам входили глубоко
Бытия полнота и покой...
Чтобы тополей старых качанье,
Обливаемых светом луны,
Да лепечущих листьев дрожанье
Навевали нам детские сны...
Чтобы ухо средь чуткой дремоты,
В хоре вечном зиждительных сил,
Примирения слышало ноты
И гармонию хода светил;
Чтобы, вечного шума значенье
Разумея в таинственном сне,
Мы хоть раз испытали забвенье
О прошедшем и будущем дне.
Но доколе страданьем и страстью
Мы объяты безумно равно

И доколе не верим мы счастью,
Нам понятно проклятье одно.
И, проклятия право святое
Сохраняя средь гордой борьбы,
Мы у неба не просим покоя
И не ждем ничего от судьбы...

1843

БОРЬБА

1

Я ее не люблю, не люблю...
Это — сила привычки случайной!
Но зачем же с тревогою тайной
На нее я смотрю, ее речи ловлю?

Что мне в них, в простодушных речах
Тихой девочки с женской улыбкой?
Что в задумчиво-робко смотрящих очах
Этой тени, воздушной и гибкой?

Отчего же — и сам не пойму —
Мне при ней как-то сладко и больно,
Отчего трепещу я невольно,
Если руку ее на прощанье пожму?

Отчего на прозрачный румянец ланит
Я порою гляжу с непонятною злостью
И боюсь за воздушную гостью,
Что, как призрак, она улетит.

И спешу насмотреться, и жадно ловлю
Мелодически милые, детские речи;
Отчего я боюся и жду с нею встречи?..
Ведь ее не люблю я, клянусь, не люблю.

<1853, 1857>

2

Я измучен, истерзан тоскою...
Но тебе, ангел мой, не скажу
Никогда, никогда, отчего я,
Как помешанный, днями брожу.

Есть минуты, что каждое слово
Мне отрава твое и что рад
Я отдать все, что есть дорогого,
За пожатье руки и за взгляд.

Есть минуты мучений и злобы,
Ночи стонов безумных таких,
Что, бог знает, не сделал чего бы,
Лишь упасть бы у ног у твоих.

Есть минуты, что я не умею
Скрыть безумия страсти своей...
О, молю тебя — будь холоднее,
И меня и себя пожалей!

⟨1857⟩

3

Я вас люблю... что делать — виноват!
Я в тридцать лет так глупо сердцем молод,
Что каждый ваш случайный, беглый взгляд
Меня порой кидает в жар и холод...
И в этом вы должны меня простить,
Тем более что запретить любить
Не может власть на свете никакая;
Тем более что, мучась и пылая,
Ни слова я не смею вам сказать
И принужден молчать, молчать, молчать!..

Я знаю сам, что были бы преступны
Признанья или смысла лишены:
Затем, что для меня вы недоступны,
Как недоступен рай для сатаны.
Цепями неразрывными окован,
Не смею я, когда порой, взволнован,
Измучен весь, к вам робко подхожу
И подаю вам руку на прощанье,
Сказать простое слово: до свиданья!
Иль, говоря,— на вас я не гляжу.

К чему они, к чему свиданья эти?
Бессонницы — расплата мне за них!
А между тем, как зверь, попавший в сети,
Я тщетно злюсь на крепость уз своих.

Я к ним привык, к мучительным свиданьям...
Я опиум готов, как турок, пить,
Чтоб муку их в душе своей продлить,
Чтоб дольше жить живым воспоминаньем...
Чтоб грезить ночь и целый день бродить
В чаду мечты, под сладким обаяньем
Задумчиво опущенных очей!
Мне жизнь темна без света их лучей.

Да... я люблю вас... так глубоко, страстно,
Давно... И страсть безумную свою
От всех, от вас особенно таю.
От вас, ребенок чистый и прекрасный!
Не дай вам бог, дитя мое, узнать,
Как тяжело любить такой любовью,
Рыдать без слов, метаться, ощущать,
Что кровь свинцом расплавленным, не кровью,
Бежит по жилам, рваться, проклинать,
Терзаться ночи, дни считать тревожно,
Бояться встреч и ждать их, жадно ждать;
Беречься каждой мелочи ничтожной,
Дрожать за каждый шаг неосторожный,
Над пропастью бездонною стоять
И чувствовать, что надо погибать,
И знать, что бегство больше невозможно.

⟨1857⟩

4

Опять, как бывало, бессонная ночь!
Душа поняла роковой приговор:
Ты Евы лукавой лукавая дочь,
Ни хуже, ни лучше ты прочих сестер.

Чего ты хотела?.. Чтоб вовсе с ума
Сошел я?.. чтоб все, что кругом нас, забыл?
Дитя, ты сама б испугалась, сама,
Когда бы в порыве я искренен был.
Ты знаешь ли все, что творилось со мной,
Когда не холодный, насмешливый взор,
Когда не суровость, не тон ледяной,
Когда не сухой и язвящий укор,
Когда я не то, что с отчаяньем ждал,

Во встрече признал и в очах увидал,
В приветно-тревожных услышал речах?
Я был уничтожен, я падал во прах...
Я падал во прах, о мой ангел земной,
Пред женственно-нежной души чистотой,
Я падал во прах пред тобой, пред тобой,
Пред искренней, чистой, глубокой, простой!
Я так тебя сам беззаветно любил,
Что бодрость мгновенно в душе ощутил,
И силу сковать безрассудную страсть,
И силу бороться, и силу не пасть.
Хоть весь в лихорадочном был я огне,
Но твердости воли достало во мне —
Ни слова тебе по душе не сказать
И даже руки твоей крепче не сжать!
Зато человека, чужого почти,
Я встретил, как брата лишь встретить мог брат,
С безумным восторгом, кипевшим в груди...
По-твоему ж, был я умен невпопад.

Дитя, разве можно иным было быть,
Когда я не смею, не вправе любить?
Когда каждый миг должен я трепетать,
Что завтра, быть может, тебя не видать,
Когда я по скользкому должен пути,
Как тать, озираясь, неслышно идти,
Бессонные ночи в тоске проводить,
Но бодро и весело в мир твой входить.
Пускай он доверчив, сомнений далек,
Пускай он нисколько не знает тебя...
Но сам в этот тихий земли уголок
Вхожу я с боязнью, не веря в себя.

А ты не хотела, а ты не могла
Понять, что творилось со мною в тот миг,
Что если бы воля мне только была,
Упал бы с тоской я у ног у твоих
И током бы слез, не бывалых давно,
Преступно-заглохшую душу омыл...
Мой ангел... так свято, глубоко, полно
Ведь я никого никогда не любил!..

При новой ты встрече была холодна,
Насмешливо-зла и досады полна,

Меня уничтожить хотела совсем...
И точно!.. Я был безоружен и нем.
Мне раз изменила лишь нервная дрожь,
Когда я в ответ на холодный вопрос,
На взгляд, где сверкал мне крещенский мороз,—
Борьба — так борьба! — думал грустно,— ну что ж!
И ты тоже Евы лукавая дочь,
Ни хуже, ни лучше ты прочих сестер.
И снова бессонная, длинная ночь,—
Душа поняла роковой приговор.

⟨1847(?)⟩

5

Oh! Qui que vous soyez,
jeune ou vieux, riche ou sage.
V. Hugo [1]

О! кто бы ни был ты, в борьбе ли муж созрелый
Иль пылкий юноша, богач или мудрец —
Но если ты порой ненастный вечер целый
Вкруг дома не бродил, чтоб ночью наконец,
Прильнув к стеклу окна, с тревожной лихорадкой
Мечтать, никем не зрим и в трепете, что вот
Ты девственных шагов услышишь шелест сладкий,
Что милой речи звук поймаешь ты украдкой,
Что за гардиною задернутой мелькнет
Хоть очерк образа неясным сновиденьем
И в сердце у тебя след огненный прожжет
Мгновенный метеор отрадным появленьем...

Но если знаешь ты по слуху одному
Иль по одним мечтам поэтов вдохновенных
Блаженство, странное для всех непосвященных
И непонятное холодному уму,
Блаженство мучиться любви палящей жаждой,
Гореть на медленном, томительном огне,
Очей любимых взгляд ловить случайный каждый,
Блаженство ночь не спать, а днем бродить во сне...

Но если никогда, печальный и усталый,
Ты ночь под окнами сиявшей ярко залы

[1] О, кем бы вы ни были, молодыми или старыми, богатыми или мудрыми. *В. Гюго (франц.).*

Неведомых тебе палат не проводил,
Доколе музыка в палатах не стихала,
Доколь урочный час разъезда не пробил
И освещенная темнеть не стала зала;
Дыханье затаив и кутаясь плащом,
За двери прыгая, не ожидал потом,
Как, отделяяся от пошлой черни светской,
Вся розово-светла, мелькнет она во мгле,
С усталостью в очах, с своей улыбкой детской,
С цветами смятыми на девственном челе...

Но если никогда ты не изведал муки,
Всей муки ревности, когда ее другой
Свободно увлекал в безумный вальс порой,
И обвивали стан ее чужие руки,
И под томительно-порывистые звуки
Обоих уносил их вихорь круговой,
А ты стоял вдали, ревнующий, несчастный,
Кляня веселый бал и танец сладострастный...

Но если никогда, в часы, когда заснет
С дворцами, башнями, стенами вековыми
И с колокольнями стрельчатыми своими
Громадный город весь, усталый от забот,
Под мрачным пологом осенней ночи темной,
В часы, как смолкнет все и с башни лишь огромной,
Покрытой сединой туманною веков,
Изборожденной их тяжелыми стопами,
Удары мерные срываются часов,
Как будто птицы с крыш неровными толпами;

В часы, когда на все наляжет тишина,
В часы, когда, дитя безгрешное, она
Заснет под сенью крил хранителей незримых,
Ты, обессилевший от мук невыразимых,
В подушку жаркую скрываясь, не рыдал
И имя милое сто раз не повторял,
Не ждал, что явится она на зов мученья,
Не звал на помощь смерть, не проклинал рожденья...

И если никогда не чувствовал, что взгляд,
Взгляд женщины, как луч таинственный сияя,
Жизнь озарил тебе, раскрыл все тайны рая;
Не чувствовал порой, что за нее ты рад,
За эту девочку, готовую смеяться

При виде жгучих слез иль мук твоих немых,
Колесования мученьям подвергаться,—
Ты не любил еще, ты страсти не постиг.

⟨1853, 1857⟩

6

Прости меня, мой светлый серафим,
Я был на шаг от страшного признанья;
Отдавшись снам обманчивым моим,
Едва я смог смирить в себе желанье
С рыданием упасть к ногам твоим.
Я изнемог в борьбе с безумством страсти,
Я позабыл, что беспощадно строг
Закон судьбы неумолимой власти,
Что мера мук и нравственных несчастий
Еще не вся исполнилась... Я мог
За звук один, за милый звук привета,
За робкий звук, слетевший с уст твоих
В доверчивый самозабвенья миг,—
Взять на душу тяжелый гнет ответа
Перед судом небесным и земным
В судьбе твоей, мой светлый серафим!
Мне снился сон далеких лет волшебный,
И речь младенчески приветная твоя
В больную грудь мне влагою целебной
Лилась, как животворная струя...
Мне грезилось, что вновь я молод и свободен...
Но если б я свободен даже был...
Бог и тогда б наш путь разъединил,
И был бы прав суровый суд господень!
Не мне удел с тобою был бы дан...
Я веком развращен, сам внутренне развратен;
На сердце у меня глубоких много ран
И несмываемых на жизни много пятен...
Пускай могла б их смыть одна слеза твоя,—
Ее не принял бы правдивый судия!

⟨1857⟩

7

Доброй ночи!.. Пора!
Видишь: утра роса небывалая там
Раскидала вдали озера...
И холмы поднялись островами по тем озерам.

Доброй ночи!.. Пора!
Посмотри: зажигается яркой каймой
На востоке рассвета заря...
Как же ты хороша, освещенная утра зарей!

Доброй ночи!.. Пора!
Слышишь утренний звон с колоколен церквей;
Тени ночи спешат до утра,
До урочного часа вернуться в жилище теней...

Доброй ночи!.. Засни.
Ночи тайные гости боятся росы заревой,
До луны не вернутся они...
Тихо спи, освещенная розовой утра зарей.

1843, ⟨1857⟩

8

Вечер душен, ветер воет,
Воет пес дворной;
Сердце ноет, ноет, ноет,
Словно зуб больной.

Небосклон туманно-серый,
Воздух так сгущен...
Весь дыханием холеры,
Смертью дышит он.

Всё одна другой страшнее
Грезы предо мной;
Всё слышнее и слышнее
Похоронный вой.

Или нервами больными
Сон играет злой?
Но запели: «Со святыми,—
Слышу,— упокой!»

Все сильнее ветер воет,
В окна дождь стучит...
Сердце ломит, сердце ноет,
Голова горит!

Вот с постели поднимают,
Вот кладут на стол...
Руки бледные сжимают
На груди крестом.

Ноги лентою обвили,
А под головой
Две подушки положили
С длинной бахромой.

Тёмно, тёмно... Ветер воет...
Воет где-то пес...
Сердце ноет, ноет, ноет...
Хоть бы капля слез!

Вот теперь одни мы снова,
Не услышат нас...
От тебя дождусь ли слова
По душе хоть раз?

Нет! навек сомкнула вежды,
Навсегда нема...
Навсегда! и нет надежды
Мне сойти с ума!

Говори, тебя молю я,
Говори теперь...
Тайну свято сохраню я
До могилы, верь.

Я любил тебя такою
Страстию немой,
Что хоть раз ответа стою...
Сжалься надо мной.

Не сули мне счастье встречи
В лучшей стороне...
Здесь — хоть звук бывалой речи
Дай услышать мне.

Взгляд один, одно лишь слово...
Холоднее льда!

Боязлива и сурова
Так же, как всегда!

Ночь темна и ветер воет,
Глухо воет пес...
Сердце ломит, сердце ноет!..
Хоть бы капля слез!..

〈1857〉

9

«Надежду!» — тихим повторили эхом
Брега, моря, дубравы... и не прежде
Конрад очнулся. «Где я? — с диким смехом
Воскликнул он.— Здесь слышно о надежде!
Но что же песня?.. Помню без того я
Твое, дитя, счастливое былое...
Три дочери у матери вас было,
Тебе судьба столь многое сулила...
Но горе к вам, цветы долины, близко:
В роскошный сад змея уже проникла,
И все, чего коснулась грудью склизкой,
Трава ль, цветы ль — краса и прелесть сада,—
Все высохло, поблекло и поникло,
И замерло, как от дыханья хлада...
О да! стремись к минувшему мечтою,
Припоминай те дни, что над тобою
Неслись доселе б весело и ясно,
Когда б... молчишь?.. Запой же песнь проклятья:
Я жду ее, я жду слезы ужасной,
Что и гранит прожечь, упавши, может...
На голову ее готов принять я:
Пусть падает, пускай палит чело мне,
Пусть падает! Пусть червь мне сердце гложет,
И пусть я все минувшее припомню
И все, что ждет в аду меня, узнаю!»

«Прости, прости! я виновата, милый!
Пришел ты поздно, ждать мне грустно было:
Невольно песнь какая-то былая...
Но прочь ее!.. Тебя ли упрекну я?
С тобой, о мой желанный, прожила я
Одну минуту... но и той одною

Не поменялась бы с людской толпою
На долгий век томлений и покоя...
Сам говорил ты, что судьба людская
Обычная — судьба улиток водных:
На мутном дне печально прозябая,
В часы одних волнений непогодных,
Однажды в год, быть может, даже реже,
Наверх они, на вольный свет проглянут,
Вдохнут в себя однажды воздух свежий,
И вновь на дно своей могилы канут...
Не для такой судьбы сотворена я:
Еще в отчизне, девочкой, играя
С толпой подруг, о чем-то я, бывало,
Вздыхала тайно, смутно тосковала...
Во мне тревожно сердце трепетало!
Не раз, от них отставши, я далеко
На холм один взбегала на высокой
И, стоя там, просила со слезами,
Чтоб божьи пташки по перу мне дали
Из крыл своих — и, размахнув крылами,
Порхнула б я к небесной синей дали...
С горы бы я один цветок с собою,
Цвет незабудки унесла, высоко
За тучи, с их пернатою толпою
Помчалася — и в вышине далекой
Исчезла!.. Ты, паря над облаками,
Услышал сердца пылкое желанье
И, обхватив орлиными крылами,
Унес на небо слабое созданье!
И пташек не завидую я доле...
Куда лететь? исполнено не все ли,
Чего просили сердца упованья?
Я божье небо в сердце ощутила,
Я человека на земле любила!»

⟨1857⟩

10

Прощай, прощай! О, если б знала ты,
Как тяжело, как страшно это слово...
От муки разорваться грудь готова,
А в голове больной бунтуют снова
Одна другой безумнее мечты.

Я гнал их прочь, обуздывая властью
Моей любви, глубокой и святой;
В борьбу и в долг я верил, веря счастью;
Из тьмы греха исторгнут чистой страстью,
Я был царем над ней и над собой.

Я, мучася, ревнуя и пылая,
С тобою был спокоен, чист и тих,
Я был с тобою свят, моя святая!
Я не роптал — главу во прах склоняя,
Я горько плакал о грехах своих.

Прощай! прощай!.. Вновь осужден узнать я
На тяжкой жизни тяжкую печать
Не смытого раскаяньем проклятья...
Но, испытавший сердцем благодать, я
Теперь иду безропотно страдать.

⟨1857⟩

11

Ничем, ничем в душе моей
Заветной веры ты не сгубишь...
Ты можешь полюбить сильней,
Но так легко ты не разлюбишь.
Мне вера та — заветный клад,
Я обхватил его руками...
И, если руки изменят,
Вопьюсь в безумии зубами.
Та вера — жизнь души моей,
Я даром не расстанусь с ней.

Тебя любил я так смиренно,
Так глубоко и так полно,
Как жизнью новой озаренной
Душе лишь раз любить дано.
Я все, что в сердце проникало
Как мира высшего отзыв,
Что ум восторгом озаряло,—
Передавал тебе, бывало,
И ты на каждый мой порыв
Созвучьем сердца отвечала.

Как в книге, я привык читать
В душе твоей и мог по воле
Всем дорогим мне наполнять
Страницы, белые дотоле.
И с тайной радостью следил,
Как цвет и плод приносит ныне
То, что вчера я насадил
В заветной, девственной святыне.

Я о любви своей молчал,
Ее таил, как преступленье...
И жизни строгое значенье
Перед тобой разоблачал.
А все же чувствовали сами
Невольно оба мы не раз,
Что душ таинственная связь
Образовалась между нами.
Тогда... хотелось мне упасть
К твоим ногам в порыве страсти...
Но сила непонятной власти
Смиряла бешеную страсть.

Нет! Не упал бы я к ногам,
Не целовал бы след твой милый,
Храня тебя, хранимый сам
Любви таинственною силой...
Один бы взгляд, один бы звук,
Одно лишь искреннее слово —
И бодро я пошел бы снова
В путь одиночества и мук.

Но мы расстались без прощанья,
С тоской суровой и немой,
И в час случайного свиданья
Сошлись с холодностью сухой;
Опущен взгляд, и чинны речи,
Рука как мрамор холодна...
А я, безумный, ждал той встречи,
Я думал, мне простит она
Мою тоску, мои мученья,
Невольный ропот мне простит
И вновь в молитву обратит
Греховный стон ожесточенья!

⟨1857⟩

Мой ангел света! Пусть перед тобою
Стихает все, что в сердце накипит;
Немеет все, что без тебя порою
Душе тревожной речью говорит.

Ты знаешь все... Когда благоразумной,
Холодной речью я хочу облечь,
Оледенить души порыв безумный —
Лишь для других не жжется эта речь!

Ты знаешь все... Ты опускаешь очи,
И долго их не в силах ты поднять,
И долго ты темней осенней ночи,
Хоть никому тебя не разгадать.

Один лишь я в душе твоей читаю,
Непрошенный, досадный чтец порой...
Ты знаешь все... Но я, я также знаю
Все, что живет в душе твоей больной.

И я и ты равно друг друга знаем,
А между тем наедине молчим,
И я и ты — мы поровну страдаем
И скрыть равно страдание хотим.

Не видясь, друг о друге мы не спросим
Ни у кого, хоть спросим обо всем;
При встрече взгляда лишнего не бросим,
Руки друг другу крепче не пожмем.

В толпе ли шумной встретимся с тобою,
Под маскою ль подашь ты руку мне —
Нам тяжело идти рука с рукою,
Как тяжело нам быть наедине.

И чинны ледяные наши речи,
Хоть, кажется, молчать нет больше сил,
Хоть так и ждешь, что в миг подобной встречи
Все выскажешь, что на сердце таил.

А между тем и ты и я — мы знаем,
Что мучиться одни осуждены,
И чувствуем, что поровну страдаем,
На жизненном пути разделены.

Молились мы молитвою единой,
И общих слез мы знали благодать:
Тому, кто раз встречался с половиной
Своей души,— иной не отыскать!

⟨1857⟩

13

О, говори хоть ты со мной,
Подруга семиструнная!
Душа полна такой тоской,
А ночь такая лунная!

Вон там звезда одна горит
Так ярко и мучительно,
Лучами сердце шевелит,
Дразня его язвительно.

Чего от сердца нужно ей?
Ведь знает без того она,
Что к ней тоскою долгих дней
Вся жизнь моя прикована...

И сердце ведает мое,
Отравою облитое,
Что я впивал в себя ее
Дыханье ядовитое...

Я от зари и до зари
Тоскую, мучусь, сетую...
Допой же мне — договори
Ты песню недопетую.

Договори сестры твоей
Все недомолвки странные...
Смотри: звезда горит ярчей...
О, пой, моя желанная!

И до зари готов с тобой
Вести беседу эту я...
Договори лишь мне, допой
Ты песню недопетую!

〈1857〉

14

ЦЫГАНСКАЯ ВЕНГЕРКА

Две гитары, зазвенев,
Жалобно заныли...
С детства памятный напев,
Старый друг мой — ты ли?

Как тебя мне не узнать?
На тебе лежит печать
Буйного похмелья,
Горького веселья!

Это ты, загул лихой,
Ты — слиянье грусти злой
С сладострастьем баядерки,—
Ты, мотив венгерки!

Квинты резко дребезжат,
Сыплют дробью звуки...
Звуки ноют и визжат,
Словно стоны муки.

Что за горе? Плюнь, да пей!
Ты завей его, завей
Веревочкой горе!
Топи тоску в море!

Вот проходка по баскам
С удалью небрежной,
А за нею — звон и гам
Буйный и мятежный.

Перебор... и квинта вновь
Ноет-завывает;
Приливает к сердцу кровь,
Голова пылает.

Чибиряк, чибиряк, чибиряшечка,
С голубыми ты глазами, моя душечка!

Замолчи, не занывай,
Лопни, квинта злая!
Ты про них не поминай...
Без тебя их знаю!
В них хоть раз бы поглядеть
Прямо, ясно, смело...
А потом и умереть —
Плевое уж дело.
Как и вправду не любить?
Это не годится!
Но, что сил хватает жить,
Надо подивиться!
Соберись и умирать,
Не придет проститься!
Станут люди толковать:
Это не годится!
Отчего б не годилóсь,
Говоря примерно?
Значит, просто все хоть брось...
Оченно уж скверно!
Доля ж, доля ты моя,
Ты лихая доля!
Уж тебя сломил бы я,
Кабы только воля!
Уж была б она моя,
Крепко бы любила...
Да лютая та змея,
Доля,— жизнь сгубила.
По рукам и по ногам
Спутала-связала,
По бессонным ночам
Сердце иссосала!
Как болит, то ли болит,
Болит сердце — ноет...
Вот что квинта говорит,
Что басок так воет.

. . . . . .
. . . . . .
Шумно скачут сверху вниз
Звуки врассыпную,

Зазвенели, заплелись
В пляску круговую.
Словно табор целый здесь,
С визгом, свистом, криком
Заходил с восторгом весь
В упоенье диком.
Звуки шепотом журчат
Сладострастной речи...
Обнаженные дрожат
Груди, руки, плечи.
Звуки все напоены
Негою лобзаний.
Звуки воплями полны
Страстных содроганий...
Ба́сан, ба́сан, басана́,
Басана́та, басана́та,
Ты другому отдана
Без возврата, без возврата...
Что за дело? ты моя!
Разве любит он, как я?
Нет — уж это дудки!
Доля злая ты моя,
Глупы эти шутки!
Нам с тобой, моя душа,
Жизнью жить одною,
Жизнь вдвоем так хороша,
Порознь — горе злое!
Эх ты, жизнь, моя жизнь...
К сердцу сердцем прижмись!
На тебе греха не будет,
А меня пусть люди судят,
Меня бог простит...

Что же ноешь ты, мое
Ретиво сердечко?
Я увидел у нее
На руке колечко!..
Ба́сан, ба́сан, басана́,
Басана́та, басана́та!
Ты другому отдана
Без возврата, без возврата!
Эхма, ты завей
Веревочкой горе...

Загуляй да запей,
Топи тоску в море!
Вновь унылый перебор,
Звуки плачут снова...
Для чего немой укор?
Вымолви хоть слово!
Я у ног твоих — смотри —
С смертною тоскою,
Говори же, говори,
Сжалься надо мною!
Неужель я виноват
Тем, что из-за взгляда
Твоего я был бы рад
Вынесть муки ада?
Что тебя сгубил бы я,
И себя с тобою...
Лишь бы ты была моя,
Навсегда со мною.
Лишь не знать бы только нам
Никогда, ни здесь, ни там,
Расставанья муки...
Слышишь... вновь бесовский гам,
Вновь стремятся звуки...
В безобразнейший хаос
Вопля и стенанья
Все мучительно слилось.
Это — миг прощанья.
Уходи же, уходи,
Светлое виденье!..
У меня огонь в груди
И в крови волненье.
Милый друг, прости-прощай,
Прощай — будь здорова!
Занывай же, занывай,
Злая квинта, снова!
Как от муки завизжи,
Как дитя от боли,
Всею скорбью дребезжи
Распроклятой доли!
Пусть больнее и больней
Занывают звуки,
Чтобы сердце поскорей
Лопнуло от муки!

⟨1857⟩

Будь счастлива... Забудь о том, что было,
Не отравлю я счастья твоего,
Не вспомяну, как некогда любила,
Как некогда для сердца моего
Твое так безрассудно сердце жило.

Не вспомяну... что было, то прошло...
Пусть светлый сон души рассеять больно,
Жизнь лучше снов — гляди вперед светло.
Безумством грез нам тешиться довольно.
Отри слезу и подними чело.

К чему слеза? раскаянье бесплодно...
Раскаянье — удел души больной,
Твое же сердце чисто и свободно,
И пусть мое измучено борьбой,
Но понесет свой жребий благородно...

О, полюби, коль можешь ты, опять,
Люби сильней и глубже, чем любила...
Не дай лишь сердца силам задремать,
Живым душам бесстрастие — могила,
А на твоей — избрания печать.

Будь счастлива... В последний раз мне руку
Свою подай; прижав ее к устам,
Впервые и на вечную разлуку
В лобзанье том тебе я передам
Души своей безвыходную муку.

В последний раз натешу сердце сном,
Отдамся весь обманчивому счастью,
В последний раз в лобзании одном
Скажусь тебе всей затаенной страстью
И удалюсь в страдании немом.

И никогда, ни стоном, ни мольбою,
Не отравлю покоя твоего...
Я требую всего иль ничего...
Прости, прости! да будет бог с тобою!

〈1857〉

В час томительного бденья,
В ночь бессонного страданья
За тебя мои моленья,
О тебе мои страданья!

Все твои сияют очи
Мне таинственным приветом,
Если звезды зимней ночи
Светят в окна ярким светом.
Тесно связанный с тобою,
Возникает мир бывалый,
Вновь таинственной мечтою
Он звучит душе усталой.
Вереницей ряд видений
Призван к жизни странной властью:
Неотвязчивые тени
С неотвязчивою страстью!

Пред душевными очами
Вновь развернут свиток длинный...
Вот с веселыми жильцами
Старый дом в глуши пустынной,
Вот опять большая зала
Пред моим воспоминаньем,
Облитая, как бывало,
Бледных сумерек мерцаньем;
И старик, на спинку кресел
Головой склонясь седою,
О бывалом; тих и весел,
Говорит опять со мною;
Скорой смерти приближенье
Он встречает беззаботно.
От него и поученье
Принимаешь так охотно!

И, у ног его склоняся,
Вся полна мечты случайной,
Ты впервые отдалася
Грез волшебных силе тайной,
Бледных сумерек мерцанью
Простодушно доверяясь,
Подчинилась обаянью,

Не лукавя, не пугаясь,
Ты мне долго смотришь в очи,
Смотришь кротко и приветно,
Позабыв, что лунной ночи
Свет подкрался незаметно,
Что в подобные мгновенья
Ясно все без разговора,
Что таится преступленье
Здесь в одном обмене взора.

О ребенок! ты не знала,
Что одним приветным взглядом
Ты навеки отравляла
Жизнь чужую сладким ядом.
Так меня воспоминанья
В ночь бессонную терзают,
И тебя мои стенанья
Снова тщетно призывают,
И тебя, мой ангел света,
Озарить молю я снова
Грустный путь лучом привета,
Звуком ласкового слова...

Но мольбы и стоны тщетны:
С неба синего сверкая,
Звезды хладно-безответны,
Безответна ночь глухая.

Только сердце страшно ноет,
Вызывая к жизни тени,
Да собака дико воет,
Чуя близость привидений.

〈1857〉

17

Благословение да будет над тобою,
Хранительный покров святых небесных сил,
Останься навсегда той чистою звездою,
Которой луч мне мрак душевный осветил.

А я сознал уже правдивость приговора,
Произнесенного карающей судьбой
Над бурной жизнию, не чуждою укора,—
Под правосудный меч склонился головой.

Разумен строгий суд, и вопли бесполезны,
Я стар, как грех, а ты, как радость, молода,
Я долго проходил все развращенья бездны,
А ты еще светла, и жизнь твоя чиста.

Суд рока праведный душа предузнавала,
Недаром встреч с тобой боялся я искать:
Я должен был бежать, бежать еще сначала,
Привычке вырасти болезненной не дать.

Но я любил тебя... Твоею чистотою
Из праха поднятый, с тобой был чист и свят,
Как только может быть с любимою сестрою
К бесстрастной нежности привыкший с детства брат.

Когда наедине со мною ты молчала,
Поняв глубокою, хоть детскою душой,
Какая страсть меня безумная терзала,
Я речь спокойную умел вести с тобой.

Душа твоя была мне вверенной святыней,
Благоговейно я хранить ее умел...
Другому вверено хранить ее отныне,
Благословен ему назначенный удел.

Благословение да будет над тобою,
Хранительный покров святых небесных сил,
Останься лишь всегда той чистою звездою,
Которой краткий свет мне душу озарил!

⟨1857⟩

18

О, если правда то, что помыслов заветных
Возможен и вдали обмен с душой родной...
Скажи: ты слышала ль моих призывов тщетных
Безумный стон в ночи глухой?

Скажи: ты знала ли, какою скорбью лютой
Терзается душа разбитая моя,
Ты слышала ль во сне иль наяву минутой,
Как проклинал и плакал я?

Ты слышала ль порой рыданья, и упреки,
И зов по имени, далекий ангел мой?
И между строк для всех порой читала ль строки,
Незримо полные тобой?

И поняла ли ты, что жар и сила речи,
Что всякий в тех строках заветнейший порыв
И правда смелая — все нашей краткой встречи
Неумолкающий отзыв?

Скажи: ты слышала ль? Скажи: ты поняла ли?
Скажи — чтоб в жизнь души я верить мог вполне
И знал, что светишь ты из-за туманной дали
Звездой таинственною мне!

〈1857〉

ЖНИЦЫ

Пой, пой, свирель!.. Погас последний луч денницы...
Вон, в сумраке долин, идут толпами жницы,
На месяце блестят и серп их, и коса;
Пыль мягкая чуть-чуть дымится под ногами,
Корзины их шумят тяжелыми снопами,
Далеко звонкие их слышны голоса...
Идут... прошли... чуть слышно их... Бог с ними!
Я жду ее одну, с приветом на устах,
В венке из полевых цветов, с серпом в руках,
Обремененную плодами золотыми...
Пой, пой, свирель!..

1840

ДОРОГА

Глухая степь — дорога далека,
Вокруг меня волнует ветер поле,
Вдали туман — мне грустно поневоле,
И тайная берет меня тоска.

Как кони ни бегут — мне кажется, лениво
Они бегут. В глазах одно и то ж —
Все степь да степь, за нивой снова нива —
«Зачем, ямщик, ты песни не поешь?»

И мне в ответ ямщик мой бородатый:
«Про черный день мы песню бережем».
«Чему ж ты рад?» — «Недалеко до хаты —
Знакомый шест мелькает за бугром».

И вижу я: навстречу деревушка,
Соломой крыт, стоит крестьянский двор,
Стоят скирды.— Знакомая лачужка,
Жива ль *она*, здорова ли с тех пор?

Вот крытый двор. Покой, привет и ужин
Найдет ямщик под кровлею своей.
А я устал — покой давно мне нужен;
Но нет его... Меняют лошадей.

Ну-ну, живей! Долга моя дорога!
Сырая ночь — ни хаты, ни огня.
Ямщик поет — в душе опять тревога —
Про черный день нет песни у меня.

〈1842〉

* * *

Пришли и стали тени ночи
На страже у моих дверей!
Смелей глядит мне прямо в очи
Глубокий мрак ее очей;
Над ухом шепчет голос нежный,
И змейкой бьется мне в лицо
Ее волос моей небрежной
Рукой измятое кольцо.

Помедли, ночь! густою тьмою
Покрой волшебный мир любви!
Ты, время, дряхлою рукою
Свои часы останови!

Но покачнулись тени ночи,
Бегут, шатаяся, назад.
Ее потупленные очи
Уже глядят и не глядят;
В моих руках рука застыла,
Стыдливо на моей груди
Она лицо свое сокрыла...
О солнце, солнце! Погоди!

〈1842〉

ТИШЬ

Душный зной над океаном,
Небеса без облаков;
Сонный воздух не колышет
Ни волны, ни парусов.
Мореплаватель, сердито
В даль пустую не гляди:
В тишине, быть может, буря
Притаилась, погоди!

⟨1843⟩

ЗИМНИЙ ПУТЬ

Ночь холодная мутно глядит
Под рогожу кибитки моей,
Под полозьями поле скрипит,
Под дугой колокольчик гремит,
А ямщик погоняет коней.

За горами, лесами, в дыму облаков
Светит пасмурный призрак луны.
Вой протяжный голодных волков
Раздается в тумане дремучих лесов.
Мне мерещатся странные сны.

Мне все чудится: будто скамейка стоит,
На скамейке старуха сидит,
До полуночи пряжу прядет,
Мне любимые сказки мои говорит,
Колыбельные песни поет.

И я вижу во сне, как на волке верхом
Еду я по тропинке лесной
Воевать с чародеем-царем
В ту страну, где царевна сидит под замком,
Изнывая за крепкой стеной.

Там стеклянный дворец окружают сады,
Там жар-птицы поют по ночам
И клюют золотые плоды,
Там журчит ключ живой и ключ мертвой воды -
И не веришь и веришь очам.

А холодная ночь так же мутно глядит
Под рогожу кибитки моей,
Под полозьями поле скрипит,
Под дугой колокольчик гремит,
И ямщик погоняет коней.

〈1844〉

В ГОСТИНОЙ

. . . . . .

В гостиной сидел за раскрытым столом мой отец,
Нахмуривши брови, сурово хранил он молчанье;
Старуха, надев как-то набок нескладный чепец,
Гадала на картах; он слушал ее бормотанье.
Немного подальше, тайком говоря меж собой,
Две гордые тетки на пышном диване сидели,
Две гордые тетки глазами следили за мной
И, губы кусая, с насмешкой в лицо мне глядели.
А в темном углу, опустя голубые глаза,
Не смея поднять их, недвижно сидела блондинка.
На бледных ланитах ее трепетала слеза,
На жаркой груди высоко поднималась косынка.

〈1844〉

* * *

Уже над ельником из-за вершин колючих
Сияло золото вечерних облаков,
Когда я рвал веслом густую сеть плавучих
Болотных трав и водяных цветов.

То окружая нас, то снова расступаясь,
Сухими листьями шумели тростники;
И наш челнок шел, медленно качаясь,
Меж топких берегов извилистой реки.

От праздной клеветы и злобы черни светской
В тот вечер наконец мы были далеко —
И смело ты могла с доверчивостью детской
Себя высказывать свободно и легко.

И голос твой пророческий был сладок,
Так много в нем дрожало тайных слез,
И мне пленительным казался беспорядок
Одежды траурной и светло-русых кос.

Но грудь моя тоской невольною сжималась,
Я в глубину глядел, где тысяча корней
Болотных трав невидимо сплеталась,
Подобно тысяче живых зеленых змей.

И мир иной мелькал передо мною —
Не тот прекрасный мир, в котором ты жила;
И жизнь казалась мне суровой глубиною
С поверхностью, которая светла.

⟨1844⟩

ВЫЗОВ

За окном в тени мелькает
Русая головка.
Ты не спишь, мое мученье!
Ты не спишь, плутовка!

Выходи ж ко мне навстречу!
С жаждой поцелуя
К сердцу сердце молодое
Пламенно прижму я.

Ты не бойся, если звезды
Слишком ярко светят:
Я плащом тебя одену
Так, что не заметят!

Если сторож нас окликнет —
Назовись солдатом;
Если спросят, с кем была ты,—
Отвечай, что с братом!

Под надзором богомолки
Ведь тюрьма наскучит;
А неволя поневоле
Хитрости научит!

1844

* * *

Развалину башни, жилище орла,
Седая скала высоко подняла
И вся наклонилась над бездной морской,
Как старец под ношей ему дорогой.

И долго та башня уныло глядит
В глухое ущелье, где ветер свистит;
И слушает башня — и слышится ей
Веселое ржанье и топот коней.

И смотрит седая скала в глубину,
Где ветер качает и гонит волну,
И видит — в обманчивом блеске волны
Шумят и мелькают трофеи войны.

⟨1845⟩

ЗАТВОРНИЦА

В одной знакомой улице
Я помню старый дом,
С высокой темной лестницей,
С завешенным окном.
Там огонек, как звездочка,
До полночи светил,
И ветер занавескою
Тихонько шевелил.
Никто не знал, какая там
Затворница жила,
Какая сила тайная
Меня туда влекла
И что за чудо-девушка
В заветный час ночной
Меня встречала, бледная,
С распущенной косой.
Какие речи детские
Она твердила мне:
О жизни неизведанной,
О дальней стороне.
Как не по-детски пламенно,
Прильнув к устам моим,
Она, дрожа, шептала мне:
«Послушай, убежим!

Мы будем птицы вольные —
Забудем гордый свет...
Где нет людей прощающих,
Туда возврата нет...»
И тихо слезы капали —
И поцелуй звучал —
И ветер занавескою
Тревожно колыхал.

1846

ТАТАРСКАЯ ПЕСНЯ[1]

Посв. Г. П. Данилевскому

Он у каменной башни стоял под стеной;
И я помню, на нем был кафтан дорогой;
И мелькала под красным сукном
Голубая рубашка на нем...
Презирайте за то, что его я люблю!
Злые люди, грозите судом —
Я суда не боюсь и вины не таю!

Не бросай в меня ка́мнями!..
Я и так уже ранена...

Золотая граната растет под стеной;
Всех плодов не достать никакою рукой;
Всех красивых мужчин для чего
Стала б я привораживать! Но
Приютила б я к сердцу, во мраке ночей
Приголубила б только его —
И уж больше любви мне не нужно ничьей!

Не бросай в меня камнями!..
Я и так уже ранена...

Разлучили, сгубили нас горы, холмы
Эриванские! Вечно холодной зимы
Вечным снегом покрыты оне!
Говорят, на чужой стороне

[1] Татарская песня эта была доставлена покойным Абаз-Кули-Ханом одному польскому поэту, Ладо-Заблоцкому. Он перевел эту песню по-польски, прозой; я, как умел, русскими стихами...

Девы Грузии блеском своей красоты
Увлекают сердца... Обо мне
В той стране, милый мой, не забудешь ли ты?

Не бросай в меня камнями!..
Я и так уже ранена...

Говорят, злая весть к нам оттуда пришла;
За горами кровавая битва была;
Там засада была... Говорят,
Будто наших сарбазов[1] отряд
Истреблен ненавистной изменою... Чу!
Кто-то скачет... копыта стучат...
Пыль столбом... Я дрожу и молитву шепчу...

Не бросай в меня камнями!..
Я и так уже ранена...

〈1846〉

НИЩИЙ

Знавал я нищего: как тень,
С утра, бывало, целый день
Старик под окнами бродил
И подаяния просил...
Но все, что в день ни собирал,
Бывало, к ночи раздавал
Больным, калекам и слепцам —
Таким же нищим, как и сам.

В наш век таков иной поэт.
Утратив веру юных лет,
Как нищий старец изнурен,
Духовной пищи просит он.
И все, что жизнь ему ни шлет,
Он с благодарностью берет —
И душу делит пополам
С такими ж нищими, как сам...

〈1847〉

[1] Сарбазы — персидские солдаты.

НЕ ЖДИ

Я не приду к тебе... Не жди меня! Недаром,
Едва потухло зарево зари,
Всю ночь зурна звучит за Авлабаром[1],
Всю ночь за банями поют сазандари[2].

Здесь теплый свет луны позолотил балконы,
Там углубились тени в виноградный сад,
Здесь тополи стоят, как темные колонны,
А там, вдали, костры веселые горят,—

Пойду бродить! Послушаю, как льется
Нагорный ключ во мгле заснувших Саллалак[3],
Где звонкий голос твой так часто раздается,
Где часто, вижу я, мелькает твой личак[4].

Не ты ли там стоишь на кровле под чадрою,
В сиянье месячном?! Не жди меня, не жди!
Ночь слишком хороша, чтоб я провел с тобою
Часы, когда душе простора нет в груди;

Когда сама душа — сама душа не знает,
Какой любви, каких еще чудес
Просить или желать,— но просит — но желает —
Но молится пред образом небес

И чувствует, что уголок твой душен,
Что не тебе моим моленьям отвечать,—
Не жди! я в эту ночь к соблазнам равнодушен —
Я в эту ночь к тебе не буду ревновать.

⟨1849⟩

КАЧКА В БУРЮ

Посв. М. Л. Михайлову

Гром и шум. Корабль качает;
Море темное кипит;
Ветер парус обрывает
И в снастях свистит.

---

[1] А в л а б а р — часть города Тифлиса.
[2] С а з а н д а р — певец.
[3] С а л л а л а к и — юго-западная часть Тифлиса.
[4] Л и ч а к — головной убор грузинки, в виде длинной вуали, обыкновенно откинутой назад.

Помрачился свод небесный,
И, вверяясь кораблю,
Я дремлю в каюте тесной...
Закачало — сплю.

Вижу я во сне: качает
Няня колыбель мою
И тихонько запевает:
«Баюшки-баю!»

Свет лампады на подушках;
На гардинах свет луны...
О каких-то все игрушках
Золотые сны.

Просыпаюсь... Что случилось?
Что такое? Новый шквал?
«Плохо — стеньга обломилась,
Рулевой упал».

Что же делать? Что могу я?
И, вверяясь кораблю,
Вновь я лег, и вновь дремлю я...
Закачало — сплю.

Снится мне: я свеж и молод,
Я влюблен, мечты кипят...
От зари роскошный холод
Проникает в сад.

Скоро ночь — темнеют ели...
Слышу ласково-живой,
Тихий лепет: «На качели
Сядем, милый мой!»

Стан ее полувоздушный
Обвила моя рука,
И качается послушно
Зыбкая доска...

Просыпаюсь... Что случилось?
«Руль оторван; через нос
Вдоль волна перекатилась,
Унесен матрос!»

Что же делать? Будь что будет!
В руки бога отдаюсь:
Если смерть меня разбудит —
Я не здесь проснусь.

1850

НОЧЬ НА ВОСТОЧНОМ БЕРЕГУ ЧЕРНОГО МОРЯ

Чу! — выстрел — встань! Быть может, нападенье...
Не разбудить ли казаков?..
Быть может, пароход заходит в укрепленье
Подать письмо с родимых берегов.
Открой окно! Ни зги! Желанных парусов
Кто в эту ночь увидит приближенье?
Луну заволокла громада облаков.
Не гром ли? Нет — не гром — игра воображенья..
Зачем проснулись мы, увы, кто скажет нам!
Одни валы шумят и плачут без ответа...

Так часто, в наши дни, в немой душе поэта
Проходят образы, незримые очам,
Но вожделенные — подобно парусам,
Идущим в пристань до рассвета.

1850

* * *

Не мои ли страсти
Поднимают бурю?
С бурями бороться
Не в моей ли власти?..

Пронеслася буря —
И дождем и градом
Пролилася туча
Над зеленым садом.

Боже! на листочках
Облетевшей розы,
Как алмазы, блещут
Не мои ли слезы?

Или у природы,
Как у сердца в жизни,
Есть своя улыбка
И свои невзгоды?

〈1850〉

ВЕСНА

Воротилась весна, воротилась!
Под окном я встречаю весну.
Просыпаются силы земные,
А усталого клонит ко сну.

И напрасно черемухи запах
Мне приносит ночной ветерок;
Я сижу и тружусь; сердце плачет,
А нужда задает мне урок.

Ты, любовь, праздной жизни подруга,
Не сумела ужиться с трудом...
Со слезами со мной ты простилась —
И другим улыбнулась тайком...

〈1853〉

ПЕСНЯ ЦЫГАНКИ

Мой костер в тумане светит;
Искры гаснут на лету...
Ночью нас никто не встретит;
Мы простимся на мосту.

Ночь пройдет — и спозаранок
В степь, далеко, милый мой,
Я уйду с толпой цыганок
За кибиткой кочевой.

На прощанье шаль с каймою
Ты на мне узлом стяни:
Как концы ее, с тобою
Мы сходились в эти дни.

Кто-то мне судьбу предскажет?
Кто-то завтра, сокол мой,
На груди моей развяжет
Узел, стянутый тобой?

Вспоминай, коли другая,
Друга милого любя,
Будет песни петь, играя
На коленях у тебя!

Мой костер в тумане светит;
Искры гаснут на лету...
Ночью нас никто не встретит;
Мы простимся на мосту.

〈1853〉

КОЛОКОЛЬЧИК

Улеглася метелица... путь озарен...
Ночь глядит миллионами тусклых очей...
Погружай меня в сон, колокольчика звон!
Выноси меня, тройка усталых коней!

Мутный дым облаков и холодная даль
Начинают яснеть; белый призрак луны
Смотрит в душу мою — и былую печаль
Наряжает в забытые сны.

То вдруг слышится мне — страстный голос поет,
С колокольчиком дружно звеня:
«Ах, когда-то, когда-то мой милый придет —
Отдохнуть на груди у меня!

У меня ли не жизнь!.. чуть заря на стекле
Начинает лучами с морозом играть,
Самовар мой кипит на дубовом столе,
И трещит моя печь, озаряя в угле,
За цветной занавеской, кровать!..

У меня ли не жизнь!.. ночью ль ставень открыт,
По стене бродит месяца луч золотой,
Забушует ли вьюга — лампада горит,
И, когда я дремлю, мое сердце не спит,
Все по нем изнывая тоской».

То вдруг слышится мне — тот же голос поет,
С колокольчиком грустно звеня:
«Где-то старый мой друг?.. Я боюсь, он войдет
И, ласкаясь, обнимет меня!

Что за жизнь у меня! и тесна, и темна,
И скучна моя горница; дует в окно.
За окошком растет только вишня одна,
Да и та за промерзлым стеклом не видна
И, быть может, погибла давно!..

Что за жизнь!.. полинял пестрый полога цвет,
Я больная брожу и не еду к родным,
Побранить меня некому — милого нет,
Лишь старуха ворчит, как приходит сосед,
Оттого что мне весело с ним!..»

1854

У АСПАЗИИ

Гость

Что б это значило — вижу, сегодня ты
Дом свой, как храм, убрала:
Между колонн занавесы приподняты,
Благоухает смола.
Цитра настроена; свитки разбросаны;
У посыпающих пол
Смуглых рабынь твоих косы расчесаны...
Ставят амфоры на стол.
Ты же бледна,— словно всеми забытая,
Молча стоишь у дверей.

Аспазия

Площадь отсюда видна мне, покрытая
Тенью сквозных галерей,
Шум ее замер — и это молчание
В полдень так странно, что вновь
Сердце мне мучит тоска ожидания,
Радость, тревога, любовь.
Буйных Афин тишину изучила я:
Это Перикл говорит;
Если бледна и молчит его милая,
Значит, весь город молчит...

Чу! шум на площади — рукоплескания —
Друга венчает народ,—
Но и в лавровом венке из собрания
Он к этой двери придет.

〈1855〉

* * *

Моя судьба, старуха, нянька злая,
И безобразная, и глупая, за мной
Следит весь день и, под руку толкая,
Надоедает мне своею болтовней.
Когда-то в карты мне она гадала
И мне сулила много светлых дней;
Я, как ребенок, верил ей сначала,
Доверчив был и уживался с ней.
То штопая, то делая заплаты,
Она не раз при мне ворчала на беду:
«Вот погоди! как будем мы богаты,
Я от тебя сама уйду...»
А между тем несутся дни и годы —
Старуха все еще в моем углу ворчит,
Во все мешается, хлопочет и, свободы
Лишая разум, сердце злит.
И жизнь моя невольно, как-то странно
Слилась с ее житьем-бытьем,
И где бы ни был я, один ли — беспрестанно
Мне кажется: мы с ней вдвоем.
Проснусь ли я душою, озаренный
Внезапной мыслию иль новой красотой,
Плаксивое лицо старухи раздраженной,
Как желтое пятно, мелькает предо мной.
Хочу любить... «Нет,— говорит,— не вправе,
Не смеешь ты, не должен ты любить».
Уединясь, мечтаю ли о славе,
Она, как мальчика, придет меня дразнить.
И болен я — и нет мне сил подняться,
И слышу я: старуха, головой
Качая, говорит, что вряд ли мне дождаться
Когда-нибудь судьбы иной.

〈1855〉

* * *

Мое сердце — родник, моя песня — волна,
Пропадая вдали,— разливается...
Под грозой — моя песня, как туча, темна,
На заре — в ней заря отражается.
Если ж вдруг вспыхнут искры нежданной любви
Или на́ сердце горе накопится —
В лоно песни моей льются слезы мои,
И волна уносить их торопится.

⟨1856⟩

* * *

«Подойди ко мне, старушка,
Я давно тебя ждала».
И косматая, в лохмотьях,
К ней цыганка подошла.
«Я скажу тебе всю правду;
Дай лишь на руку взглянуть:
Берегись, тебя твой милый
Замышляет обмануть...»

И она в открытом поле
Сорвала себе цветок
И лепечет, обрывая
Каждый белый лепесток:
«Любит — нет — не любит — любит».
И, оборванный кругом,
«Да» сказал цветок ей темным,
Сердцу внятным языком.

На устах ее — улыбка,
В сердце — слезы и гроза.
С упоением и грустью
Он глядит в ее глаза.
Говорит она: «Обман твой
Я предвижу — и не лгу,
Что тебя возненавидеть
И хочу и не могу».

Он глядит все так же грустно,
Но лицо его горит...

Он, к плечу ее устами
Припадая, говорит:
«Берегись меня! Я знаю,
Что тебя я погублю,
Оттого что я безумно,
Горячо тебя люблю!..»

〈1856〉

НА ЖЕНЕВСКОМ ОЗЕРЕ

На Женевском озере
Лодочка плывет —
Едет странник в лодочке,
Тяжело гребет.
Видит он — по злачному
Скату берегов
Много в темной зелени
Прячется домов.
Видит — под окошками
Возле синих вод
В виноградном садике
Красный мак цветет.
Видит — из-за домиков,
В вековой пыли,
Колокольни серые
Подняли шпили,
А за ними — вечные
В снежных пеленах
Выси допотопные
Тонут в облаках.
И душой мятежною
Погрузился он
О далекой родине
В неотвязный сон —
У него на родине
Ни озер, ни гор,
У него на родине
Степи да простор.
Из простора этого
Некуда бежать,
Думы с ветром носятся,
Ветра не догнать.

〈1858〉

* * *

Признаться сказать, я забыл, господа,
Что думает алая роза, когда
Ей где-то во мраке поет соловей,
И даже не знаю, поет ли он ей.
Но знаю, что думает русский мужик,
Который и думать-то вовсе отвык...
Освобождаемый добрым царем,
Всё розги да розги он видит кругом.
И думает он: «То-то станут нас бить,
Как мы захотим на свободе-то жить...»

Признаться, забыл я — не знаю, о чем
Беседуют звезды на небе ночном
И точно ли жаждут упиться росой
Цветы полевые в полуденный зной.
Но знаю, о чем тайно плачет бедняк,
Когда, запирая свой пыльный чердак,
Лежит он, и мрачен и зол оттого,
Что даже не смеет любить никого,
И зол он на звезды — что с неба глядят,
Как люди глядят — и помочь не хотят.

Я вам признаюсь, что я знать не могу,
Что думает птица, когда на лугу
Холодный туман начинает бродить,
А солнце встает и не смеет светить.
Но знаю, ох знаю, что мыслит поэт,
Когда для него гаснет солнечный свет.
«Ведь я у цензуры слуга крепостной»,—
Так думает он — и, холодной рукой
Сдавя свою голову, тихо поет,
Когда его музу цензура сечет.

Признаться, не знаю, что думает пес,
Когда птички крáдут в навозе овес,
Когда кот пушистым виляет хвостом,
Не знаю, что думают мыши об нем,
Но знаю, что думают слуги царя,
Ближайшие слуги!
Усердьем горя,
Они день и ночь молят господа сил,
Чтоб он взволновать им народ пособил:

«Дай, боже! царя убедить нам хоть раз,
Что плохо бы было престолу без нас;
Ведь эдакий глупый, презренный народ:
Как хочешь дразни — ничего не берет».

1861

БЕГЛЫЙ

«Ты куда, удалая ты башка?
Уходи ты к лесу темному пока:
Не сегодня-завтра свяжут молодца.
Не ушел ли ты от матери-отца?
Не гулял ли ты за Волгой в степи?
Не сидел ли ты в остроге на цепи?»

«Я сидел и в остроге на цепи,
Я гулял и за Волгой в степи,
Да наскучила мне волюшка моя,
Воля буйная, чужая, не своя.
С горя, братцы, изловить себя я дал —
Из острога, братцы, с радости бежал.

Как в остроге-то послышалося нам,
Что про волю-то читают по церквам,—
Уж откуда сила-силушка взялась:
Цепь железная и та, вишь, порвалась!
И задумал я на родину бежать;
Божья ночка обещалась покрывать.

Я бежал — ног не чуял под собой...
Очутился на сторонушке родной,
Тут за речкой моя матушка живет,
Не разбойничка, а сына в гости ждет.
Я сначала постучуся у окна —
«Выходи, скажу, на улицу, жена!

Ты не спрашивай, в лицо мне не гляди,
От меня, жена, гостинчика не жди.
Много всяких я подарков тебе нес,
Да, вишь, как-то по дороге все растрес;
Я вина не пил — с воды был пьян,
Были деньги — не зашил карман».

Как нам волю-то объявят господа,
Я с воды хмелен не буду никогда;
Как мне землю-то отмерят на миру,
Я в кармане-то зашью себе дыру.
Буду в праздники царев указ читать...
Кто же, братцы, меня может забижать?»

«Ты куда, удалая ты башка?
Уходи ты к лесу темному пока.
Хоть родное-то гнездо недалеко,—
Ночь-то месячна: признать тебя легко.
Знать, тебе в дому хозяином не быть,
По дорогам, значит, велено ловить».

⟨1861⟩

ПОЦЕЛУЙ

И рассудок, и сердце, и память губя,
Я недаром так жарко целую тебя:
Я целую тебя и за ту, перед кем
Я таил мои страсти — был робок и нем,
И за ту, что меня обожгла без огня,
И смеялась, и долго терзала меня,
И за ту, чья любовь мне была бы щитом,
Да, убитая, спит под могильным крестом.
Все, что в сердце моем загоралось для них,
Догорая, пусть гаснет в объятьях твоих.

⟨1862⟩

* * *

Чтобы песня моя разлилась, как поток,
Ясной зорьки она дожидается:
Пусть не темная ночь, пусть горящий восток
Отражается в ней, отливается.
Пусть чиликают вольные птицы вокруг,
Сонный лес пусть проснется-наря́дится,
И сова — пусть она не тревожит мой слух
И, слепая, подальше усядется.

⟨1864⟩

ПОСЛЕДНИЙ ВЗДОХ

«Поцелуй меня...
Моя грудь в огне...
Я еще люблю...
Наклонись ко мне».
Так в прощальный час
Лепетал и гас
Тихий голос твой,
Словно тающий
В глубине души
Догорающей.
Я дышать не смел —
Я в лицо твое,
Как мертвец, глядел —
Я склонил мой слух...
Но, увы! мой друг,
Твой последний вздох
Мне любви твоей
Досказать не мог.
И не знаю я,
Чем развяжется
Эта жизнь моя!
Где доскажется
Мне любовь твоя!

⟨1864⟩

* * *

Заплетя свои темные косы венцом,
Ты напомнила мне полудетским лицом
Все то счастье, которым мы грезим во сне,
Грезы детской любви ты напомнила мне.

Ты напомнила мне зноем темных очей
Лучезарные тени восточных ночей —
Мрак цветущих садов — бледный лик при луне,-
Бури первых страстей ты напомнила мне.

Ты напомнила мне много милых теней
Простотой, темным цветом одежды твоей.
И могилу, и слезы, и бред в тишине
Одиноких ночей ты напомнила мне.

Все, что в жизни с улыбкой навстречу мне шло,
Все, что время навек от меня унесло,
Все, что гибло, и все, что стремилось любить,—
Ты напомнила мне. Помоги позабыть!

〈1864〉

* * *

И в праздности горе, и горе в труде...
Откликнитесь, где вы, счастливые, где?
Довольные, бодрые, где вы?
Кто любит без боли, кто мыслит без страха?
Кого не тревожит упрек или плач?
Суда и позора боится палач —
Свободе мерещится плаха...
Хоть сотую долю тяжелых задач
Реши ты нам, жизнь бестолковая,
Некстати к нам нежная,
Некстати суровая,
Слепая,— беспутно мятежная!..

〈1865〉

МУЗА

В туман и холод, внемля стуку
Колес по мерзлой мостовой,
Тревоги духа, а не скуку
Делил я с музой молодой.

Я с ней делил неволи бремя —
Наследье мрачной старины,
И жажду пересилить время —
Уйти в пророческие сны.
Ее нервического плача
Я был свидетелем не раз —
Так тяжела была для нас
Нам жизнью данная задача!
Бессилья крик иль неудача
Людей, сочувствующих нам,
По девственным ее чертам
Унылой тенью пробегала,
Дрожала бледная рука

И олимпийского венка
С досадой листья обрывала.
Зато печаль моя порой
Ее безжалостно смешила,
Она в венок лавровый свой
Меня, как мальчика, рядила.
Без веры в ясный идеал
Смешно ей было вдохновенье,
И звонкий голос заглушал
Мое рифмованное пенье.
Смешон ей был весь наш Парнас
И нами пойманная кляча —
Давно измученный Пегас;
Но этот смех — предвестник плача -
Ни разу не поссорил нас.

И до сего дня муза эта
Приходит тайно разделять
Тревоги бедного поэта,
Бодрит и учит презирать
Смех гаера и холод света.

⟨1867⟩

В АЛЬБОМ К. Ш...

Писатель, если только он
Волна, а океан — Россия,
Не может быть не возмущен,
Когда возмущена стихия.
Писатель, если только он
Есть нерв великого народа,
Не может быть не поражен,
Когда поражена свобода.

⟨Конец 60-х годов⟩

* * *

Когда октава за октавой
Неслась и голос твой звучал
Далекой, отзвучавшей славой,—
Верь, не о славе я мечтал!

Нет! воротясь к весне погибшей,
Моя мечта ласкала вновь
Цветущий образ, переживший
В душе погибшую любовь.

Опять остывшей скорби сила
Сжимала сердце — и опять
Меня гармония учила
По-человечески страдать...

⟨Конец 60-х годов⟩

ИЗ БУРДИЛЬЁНА

The night has a thousand eyes [1].

Ночь смотрит тысячами глаз,
А день глядит одним;
Но солнца нет — и по земле
Тьма стелется, как дым.

Ум смотрит тысячами глаз,
Любовь глядит одним;
Но нет любви — и гаснет жизнь,
И дни плывут, как дым.

⟨1874⟩

* * *

В дни, когда над сонным морем
Духота и тишина,
В отуманенном просторе
Еле движется волна.

Если ж вдруг дохнет над бездной
Ветер, грозен и могуч,
Закипит волна грознее
Надвигающихся туч...

И помчится, точно в битву
Разъяренный шпорой конь,

[1] Ночь смотрит тысячами глаз *(англ.)*.

Отражая в брызгах пены
Молний солнечный огонь.

И, рассыпавшись о скалы,
Изомнет у берегов
Раскачавшиеся перья
Прошумевших тростников...

〈1876〉

УЗНИЦА

Что мне она! Не жена, не любовница
И не родная мне дочь!
Так отчего ж ее доля проклятая
Спать не дает мне всю ночь!

Спать не дает, оттого что мне грезится
Молодость в душной тюрьме,
Вижу я — своды... окно за решеткою,
Койку в сырой полутьме...

С койки глядят лихорадочно-знойные
Очи без мысли и слез,
С койки висят чуть не до полу темные
Космы тяжелых волос.

Не шевелятся ни губы, ни бледные
Руки на бледной груди,
Слабо прижатые к сердцу без трепета
И без надежд впереди...

Что мне она! Не жена, не любовница
И не родная мне дочь!
Так отчего ж ее образ страдальческий
Спать не дает мне всю ночь!

〈1878〉

(ГИПОТЕЗА)

Из вечности музыка вдруг раздалась,
И в бесконечность она полилась,
И хаос она на пути захватила,—
И в бездне, как вихрь, закружились светила:

Певучей струной каждый луч их дрожит,
И жизнь, пробужденная этою дрожью,
Лишь только тому и не кажется ложью,
Кто слышит порой эту музыку божью,
Кто разумом светел, в ком сердце горит.

<70-е годы>

ЛЕБЕДЬ

Пел смычок — в садах горели
Огоньки — сновал народ —
Только ветер спал да темен
Был ночной небесный свод;

Темен был и пруд зеленый,
И густые камыши,
Где томился бедный лебедь,
Притаясь в ночной тиши.

Умирая, не видал он —
Прирученный нелюдим,—
Как над ним взвилась ракета
И рассыпалась над ним;

Не слыхал, как струйка билась,
Как журчал прибрежный ключ,—
Он глаза смыкал и грезил
О полете выше туч:

Как в простор небес высоко
Унесет его полет
И какую там он песню
Вдохновенную споет!

Как на все, на все святое,
Что таил он от людей,
Там откликнутся родные
Стаи белых лебедей.

И уж грезит он: минута,—
Вздох — и крылья зашумят,
И его свободной песни
Звуки утро возвестят.

Но крыло не шевелилось,
Песня путалась в уме:
Без полета и без пенья
Умирал он в полутьме.

Сквозь камыш, шурша по листьям,
Пробирался ветерок...
А кругом в садах горели
Огоньки и пел смычок.

1888

В ХВОЙНОМ ЛЕСУ

Лес, как бы кадильным дымом
Весь пропахнувший смолой,
Дышит гнилью вековою
И весною молодой.

А смолу, как слезы, точит
Сосен старая кора,
Вся в царапинах и ранах
От ножа и топора.

Смолянистым и целебным
Ароматом этих ран
Я люблю дышать всей грудью
В теплый утренний туман.

Ведь и я был также ранен —
Ранен сердцем и душой,
И дышу такой же гнилью
И такою же весной...

1888

* * *

Полонский здесь не без привета
Был встречен Фетом, и пока
Старик гостил у старика,
Поэт благословлял поэта.
И, поправляя каждый стих,
Здесь молодые музы их
Уютно провели все лето.

1890

* * *

Если б смерть была мне мать родная,
Как больное, жалкое дитя,
На ее груди заснул бы я
И, о злобах дня позабывая,
О самом себе забыл бы я.

Но она — не мать, она — чужая,
Грубо мстит тому, кто смеет жить,
Мыслить и мучительно любить,
И, покровы с вечности срывая,
Не дает нам прошлое забыть.

〈1897〉

* * *

Колокольчики мои,
Цветики степные!
Что глядите на меня,
Темно-голубые?
И о чем звените вы
В день веселый мая,
Средь некошеной травы
Головой качая?

Конь несет меня стрелой
На поле открытом;
Он вас топчет под собой,
Бьет своим копытом.
Колокольчики мои,
Цветики степные!
Не кляните вы меня,
Темно-голубые!

Я бы рад вас не топтать,
Рад промчаться мимо,
Но уздой не удержать
Бег неукротимый!
Я лечу, лечу стрелой,
Только пыль взметаю;
Конь несет меня лихой,—
А куда? Не знаю!

Он ученым ездоком
Не воспитан в холе,
Он с буранами знаком,
Вырос в чистом поле;
И не блещет, как огонь,
Твой чепрак узорный,
Конь мой, конь, славянский конь,
Дикий, непокорный!

Есть нам, конь, с тобой простор!
Мир забывши тесный,
Мы летим во весь опор
К цели неизвестной.
Чем окончится наш бег?
Радостью ль? кручиной?
Знать не может человек —
Знает бог единый!

Упаду ль на солончак
Умирать от зною?
Или злой киргиз-кайсак,
С бритой головою,
Молча свой натянет лук,
Лежа под травою,
И меня догонит вдруг
Медною стрелою?

Иль влетим мы в светлый град
Со кремлем престольным?
Чудно улицы гудят
Гулом колокольным,
И на площади народ,
В шумном ожиданье,
Видит: с запада идет
Светлое посланье.

В кунтушах и в чекменях,
С чубами, с усами,
Гости едут на конях,
Машут булавами.
Подбочась, за строем строй
Чинно выступает,
Рукава их за спиной
Ветер раздувает.

И хозяин на крыльцо
Вышел величавый;
Его светлое лицо
Блещет новой славой;
Всех его исполнил вид
И любви и страха,
На челе его горит
Шапка Мономаха.

«Хлеб да соль! И в добрый час! -
Говорит державный.—
Долго, дети, ждал я вас
В город православный!»
И они ему в ответ:
«Наша кровь едина,
И в тебе мы с давних лет
Чаем господина!»

Громче звон колоколов,
Гусли раздаются,
Гости сели вкруг столов,
Мед и брага льются,
Шум летит на дальний юг
К турке и к венгерцу —
И ковшей славянских звук
Немцам не по сердцу!

Гой вы, цветики мои,
Цветики степные!
Что глядите на меня,
Темно-голубые?
И о чем грустите вы
В день веселый мая,
Средь некошеной травы
Головой качая?

⟨40-е годы⟩

* * *

Дождя отшумевшего капли
Тихонько по листьям текли,
Тихонько шептались деревья,
Кукушка кричала вдали.

Луна на меня из-за тучи
Смотрела как будто в слезах;
Сидел я под кленом и думал,
И думал о прежних годах.

Не знаю, была ли в те годы
Душа непорочна моя?
Но многому б я не поверил,
Не сделал бы многого я.

Теперь же мне стали понятны
Обман, и коварство, и зло,
И многие светлые мысли
Одну за другой унесло.

Так думал о днях я минувших,
О днях, когда был я добрей;
А в листьях высокого клена
Сидел надо мной соловей,

И пел он так нежно и страстно,
Как будто хотел он сказать:
«Утешься, не сетуй напрасно —
То время вернется опять!»

⟨40-е годы⟩

* * *

Ой, стоги́, стоги́,
На лугу широком!
Вас не перечесть,
Не окинуть оком!

Ой, стоги́, стоги́,
В зеленом болоте,
Стоя на часах,
Что вы стережете?

«Добрый человек,
Были мы цветами,—
Покосили нас
Острыми косами!

Раскидали нас
Посредине луга,
Раскидали врозь,
Дале друг от друга!

От лихих гостей
Нет нам обороны,
На главах у нас
Черные вороны!

На главах у нас,
Затмевая звезды,
Галок стая вьет
Поганые гнезда!

Ой, орел, орел,
Наш отец далекий,
Опустися к нам,
Грозный, светлоокий!

Ой, орел, орел,
Внемли нашим стонам,
Доле нас срамить
Не давай воронам!

Накажи скорей
Их высокомерье,
С неба в них ударь,
Чтоб летели перья,

Чтоб летели врозь,
Чтоб в степи широкой
Ветер их разнес
Далекó, далёко!

〈40-е годы〉

* * *

По гребле неровной и тряской,
Вдоль мокрых рыбачьих сетей,
Дорожная едет коляска,
Сижу я задумчиво в ней,—

Сижу и смотрю я дорогой
На серый и пасмурный день,
На озера берег отлогий,
На дальний дымок деревень.

По гребле, со взглядом угрюмым,
Проходит оборванный жид,
Из озера с пеной и шумом
Вода через греблю бежит.

Там мальчик играет на дудке,
Забравшись в зеленый тростник;
В испуге взлетевшие утки
Над озером подняли крик.

Близ мельницы старой и шаткой
Сидят на траве мужики;
Телега с разбитой лошадкой
Лениво подвозит мешки...

Мне кажется все так знакомо,
Хоть не был я здесь никогда:
И крыша далекого дома,
И мальчик, и лес, и вода,

И мельницы говор унылый,
И ветхое в поле гумно...
Все это когда-то уж было,
Но мною забыто давно.

Так точно ступала лошадка,
Такие ж тащила мешки,
Такие ж у мельницы шаткой
Сидели в траве мужики,

И так же шел жид бородатый,
И так же шумела вода...
Все это уж было когда-то,
Но только не помню когда!

⟨40-е годы⟩

ПУСТОЙ ДОМ

Стоит опустелый над сонным прудом,
Где ивы поникли главой,
На славу Растреллием строенный дом,
И герб на щите вековой.
Окрестность молчит среди мертвого сна,
На окнах разбитых играет луна.

Сокрытый кустами, в забытом саду
Тот дом одиноко стоит;
Печально глядится в зацветшем пруду
С короною дедовский щит...
Никто поклониться ему не придет,—
Забыли потомки свой доблестный род!

В блестящей столице иные из них
С ничтожной смешались толпой;
Поветрие моды умчало других
Из родины в мир им чужой.
Там русский от русского края отвык,
Забыл свою веру, забыл свой язык!

Крестьян его бедных наемник гнетет,
Он властвует ими один;
Его не пугают роптанья сирот...
Услышит ли их господин?
А если услышит — рукою махнет...
Забыли потомки свой доблестный род!

Лишь старый служитель, тоской удручен,
Младого владетеля ждет,
И ловит вдали колокольчика звон,
И ночью с одра привстает...
Напрасно! все тихо средь мертвого сна,
Сквозь окна разбитые смотрит луна,

Сквозь окна разбитые мирно глядит
На древние стены палат;
Там в рамах узорчатых чинно висит
Напудренных прадедов ряд.
Их пыль покрывает, и червь их грызет...
Забыли потомки свой доблестный род!

〈40-е годы〉

* * *

Где гнутся над омутом лозы,
Где летнее солнце печет,
Летают и пляшут стрекозы,
Веселый ведут хоровод.

«Дитя, подойди к нам поближе,
Тебя мы научим летать,
Дитя, подойди, подойди же,
Пока не проснулася мать!

Под нами трепещут былинки,
Нам так хорошо и тепло,
У нас бирюзовые спинки,
А крылышки точно стекло!

Мы песенок знаем так много,
Мы так тебя любим давно —
Смотри, какой берег отлогий,
Какое песчаное дно!»

⟨40-е годы⟩

КУРГАН

В степи, на равнине открытой,
Курган одинокий стоит;
Под ним богатырь знаменитый
В минувшие веки зарыт.

В честь витязя тризну свершали,
Дружина дралася три дня,
Жрецы ему разом заклали
Всех жен и любимца коня.

Когда же его схоронили
И шум на могиле затих,
Певцы ему славу сулили,
На гуслях гремя золотых:

«О витязь! делами твоими
Гордится великий народ,
Твое громоносное имя
Столетия все перейдет!

И если курган твой высокий
Сровнялся бы с полем пустым,
То слава, разлившись далеко,
Была бы курганом твоим!»

И вот миновалися годы,
Столетия вслед протекли,
Народы сменили народы,
Лицо изменилось земли.

Курган же с высокой главою,
Где витязь могучий зарыт,
Еще не сровнялся с землею,
По-прежнему гордо стоит.

А витязя славное имя
До наших времен не дошло...
Кто был он? Венцами какими
Свое он украсил чело?

Чью кровь проливал он рекою?
Какие он жег города?
И смертью погиб он какою?
И в землю опущен когда?

Безмолвен курган одинокий...
Наездник державный забыт,
И тризны в пустыне широкой
Никто уж ему не свершит!

Лишь мимо кургана мелькает
Сайгак, через поле скача,
Иль вдруг на него налетает,
Крилами треща, саранча.

Порой журавлиная стая,
Окончив подоблачный путь,
К кургану шумит подлетая,
Садится на нем отдохнуть.

Тушканчик порою проскачет
По нем при мерцании дня,
Иль всадник высоко маячит
На нем удалого коня;

А слезы прольют разве тучи,
Над степью плывя в небесах,
Да ветер лишь свеет летучий
С кургана забытого прах...

⟨40-е годы⟩

ВАСИЛИЙ ШИБАНОВ

Князь Курбский от царского гнева бежал,
С ним Васька Шибанов, стремянный.
Дороден был князь. Конь измученный пал.
Как быть среди ночи туманной?
Но рабскую верность Шибанов храня,
Свого отдает воеводе коня:
«Скачи, князь, до вражьего стану,
Авось я пешой не отстану».

И князь доскакал. Под литовским шатром
Опальный сидит воевода,
Стоят в изумленье литовцы кругом,
Без шапок толпятся у входа,
Всяк русскому витязю честь воздает;
Недаром дивится литовский народ,
И ходят их головы кругом:
«Князь Курбский нам сделался другом».

Но князя не радует новая честь,
Исполнен он желчи и злобы;
Готовится Курбский царю перечесть
Души оскорбленной зазнобы:
«Что долго в себе я таю и ношу,
То все я пространно к царю напишу,
Скажу напрямик, без изгиба,
За все его ласки спасибо».

И пишет боярин всю ночь напролет,
Перо его местию дышит,
Прочтет, улыбнется, и снова прочтет,
И снова без отдыха пишет,
И злыми словами язвит он царя,
И вот уж, когда занялася заря,
Поспело ему на отраду
Послание, полное яду.

Но кто ж дерзновенные князя слова
Отвезть Иоанну возьмется?
Кому не люба на плечах голова,
Чье сердце в груди не сожмется?
Невольно сомненья на князя нашли...
Вдруг входит Шибанов в поту и в пыли:
«Князь, служба моя не нужна ли?
Вишь, наши меня не догнали!»

И в радости князь посылает раба,
Торопит его в нетерпенье:
«Ты телом здоров, и душа не слаба,
А вот и рубли в награжденье!»
Шибанов в ответ господину: «Добро!
Тебе здесь нужнее твое серебро,
А я передам и за муки
Письмо твое в царские руки».

Звон медный несется, гудит над Москвой;
Царь в смирной одежде трезвонит;
Зовет ли обратно он прежний покой
Иль совесть навеки хоронит?
Но часто и мерно он в колокол бьет,
И звону внимает московский народ
И молится, полный боязни,
Чтоб день миновался без казни.

В ответ властелину гудят терема,
Звонит с ним и Вяземский лютый,
Звонит всей опрични кромешная тьма,
И Васька Грязной, и Малюта,
И тут же, гордяся своею красой,
С девичьей улыбкой, с змеиной душой,
Любимец звонит Иоаннов,
Отверженный богом Басманов.

Царь кончил; на жезл опираясь, идет,
И с ним всех окольных собранье.
Вдруг едет гонец, раздвигает народ,
Над шапкою держит посланье.
И спрянул с коня он поспешно долой,
К царю Иоанну подходит пешой
И молвит ему, не бледнея:
«От Курбского князя Андрея!»

И очи царя загорелися вдруг:
«Ко мне? От злодея лихого?
Читайте же, дьяки, читайте мне вслух
Посланье от слова до слова!
Подай сюда грамоту, дерзкий гонец!»
И в ногу Шибанова острый конец
Жезла своего он вонзает,
Налег на костыль — и внимает:

«Царю, прославляему древле от всех,
Но тонущу в сквернах обильных!
Ответствуй, безумный, каких ради грех
Побил еси добрых и сильных?
Ответствуй, не ими ль, средь тяжкой войны,
Без счета твердыни врагов сражены?
Не их ли ты мужеством славен?
И кто им бысть верностью равен?

Безумный! Иль мнишись бессмертнее нас,
В небытную ересь прельщенный?
Внимай же! Приидет возмездия час,
Писанием нам предреченный,
И аз, иже кровь в непрестанных боях
За тя, аки воду, лиях и лиях,
С тобой пред судьею предстану!»
Так Курбский писал к Иоанну.

Шибанов молчал. Из пронзенной ноги
Кровь алым струилася током,
И царь на спокойное око слуги
Взирал испытующим оком.
Стоял неподвижно опричников ряд;
Был мрачен владыки загадочный взгляд,
Как будто исполнен печали;
И все в ожиданье молчали.

И молвил так царь: «Да, боярин твой прав,
И нет уж мне жизни отрадной,
Кровь добрых и сильных ногами поправ,
Я пес недостойный и смрадный!
Гонец, ты не раб, но товарищ и друг,
И много, знать, верных у Курбского слуг,
Что выдал тебя за бесценок!
Ступай же с Малютой в застенок!»

Пытают и мучат гонца палачи,
Друг к другу приходят на смену:
«Товарищей Курбского ты уличи,
Открой их собачью измену!»
И царь вопрошает: «Ну что же гонец?
Назвал ли он вора друзей наконец?»
«Царь, слово его все едино:
Он славит свого господина!»

День меркнет, приходит ночная пора,
Скрыпят у застенка ворота,
Заплечные входят опять мастера,
Опять зачалася работа.
«Ну что же, назвал ли злодеев гонец?»
«Царь, близок ему уж приходит конец,
Но слово его все едино,
Он славит свого господина:

«О князь, ты, который предать меня мог
За сладостный миг укоризны,
О князь, я молю, да простит тебе бог
Измену твою пред отчизной!
Услышь меня, боже, в предсмертный мой час,
Язык мой немеет, и взор мой угас,
Но в сердце любовь и прощенье,
Помилуй мои прегрешенья!

Услышь меня, боже, в предсмертный мой час,
Прости моего господина!
Язык мой немеет, и взор мой угас,
Но слово мое все едино:
За грозного, боже, царя я молюсь,
За нашу святую, великую Русь,
И твердо жду смерти желанной!»
Так умер Шибанов, стремянный.

⟨40-е годы⟩

КНЯЗЬ МИХАЙЛО РЕПНИН

Без отдыха пирует с дружиной удалой
Иван Васильич Грозный под матушкой-Москвой.

Ковшами золотыми столов блистает ряд,
Разгульные за ними опричники сидят.

С вечерни льются вины на царские ковры,
Поют ему с полночи лихие гусляры,

Поют потехи брани, дела былых времен,
И взятие Казани, и Астрахани плен.

Но голос прежней славы царя не веселит,
Подать себе личину он кравчему велит:

«Да здравствуют тиуны, опричники мои!
Вы ж громче бейте в струны, баяны-соловьи!

Себе личину, други, пусть каждый изберет,
Я первый открываю веселый хоровод,

За мной, мои тиуны, опричники мои!
Вы ж громче бейте в струны, баяны-соловьи!»

И все подъяли кубки. Не поднял лишь один;
Один не поднял кубка, Михайло князь Репнин.

«О, царь! Забыл ты бога, свой сан ты, царь, забыл!
Опричниной на горе престол свой окружил!

Рассыпь державным словом детей бесовских рать!
Тебе ли, властелину, здесь в ма́шкаре плясать!»

Но царь, нахмуря брови: «В уме ты, знать, ослаб
Или хмелен не в меру? Молчи, строптивый раб!

Не возражай ни слова и ма́шкару надень —
Или клянусь, что прожил ты свой последний день!»

Тут встал и поднял кубок Репнин, правдивый князь.
«Опричнина да сгинет! — он рек, перекрестясь.—

Да здравствует вовеки наш православный царь!
Да правит человеки, как правил ими встарь!

Да презрит, как измену, бесстыдной лести глас!
Личины ж не надену я в мой последний час!»

Он молвил и ногами личину растоптал;
Из рук его на землю звенящий кубок пал...

«Умри же, дерзновенный!» — царь вскрикнул, разъярясь,
И пал, жезлом пронзенный, Репнин, правдивый князь.

И вновь подъяты кубки, ковши опять звучат,
За длинными столами опричники шумят,

И смех их раздается, и пир опять кипит,
Но звон ковшей и кубков царя не веселит:

«Убил, убил напрасно я верного слугу,
Вкушать веселье ныне я боле не могу!»

Напрасно льются вины на царские ковры,
Поют царю напрасно лихие гусляры,

Поют потехи брани, дела былых времен,
И взятие Казани, и Астрахани плен.

⟨40-е годы⟩

* * *

Средь шумного бала, случайно,
В тревоге мирской суеты,
Тебя я увидел, но тайна
Твои покрывала черты.

Лишь очи печально глядели,
А голос так дивно звучал,
Как звон отдаленной свирели,
Как моря играющий вал.

Мне стан твой понравился тонкий
И весь твой задумчивый вид,
А смех твой, и грустный и звонкий,
С тех пор в моем сердце звучит.

В часы одинокие ночи
Люблю я, усталый, прилечь —
Я вижу печальные очи,
Я слышу веселую речь;

И грустно я так засыпаю,
И в грезах неведомых сплю...
Люблю ли тебя — я не знаю,
Но кажется мне, что люблю!

1851

* * *

Не ветер, вея с высоты,
Листов коснулся ночью лунной;
Моей души коснулась ты —
Она тревожна, как листы,
Она, как гусли, многострунна.
Житейский вихрь ее терзал
И сокрушительным набегом,
Свистя и воя, струны рвал
И заносил холодным снегом.
Твоя же речь ласкает слух,
Твое легко прикосновенье,
Как от цветов летящий пух,
Как майской ночи дуновенье...

⟨1851 или 1852 (?)⟩

* * *

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж сплеча!

Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль простить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

⟨1854⟩

КОЛОДНИКИ

Спускается солнце за степи,
Вдали золотится ковыль,—
Колодников звонкие цепи
Взметают дорожную пыль.

Идут они с бритыми лбами,
Шагают вперед тяжело,
Угрюмые сдвинули брови,
На сердце раздумье легло.

Идут с ними длинные тени,
Две клячи телегу везут,
Лениво сгибая колени,
Конвойные с ними идут.

«Что, братцы, затянемте песню,
Забудем лихую беду!
Уж, видно, такая невзгода
Написана нам на роду!»

И вот повели, затянули,
Поют, заливаясь, они
Про Волги широкой раздолье,
Про даром минувшие дни,

Поют про свободные степи,
Про дикую волю поют,
День меркнет все боле,— а цепи
Дорогу метут да метут...

⟨Первая половина 50-х годов⟩

* * *

В колокол, мирно дремавший, с налета тяжелая бомба
Грянула; с треском кругом от нее разлетелись осколки;
Он же вздрогну́л, и к народу могучие медные звуки
Вдаль потекли, негодуя, гудя и на бой созывая.

1855

* * *

Край ты мой, родимый край,
Конский бег на воле,
В небе крик орлиных стай,
Волчий голос в поле!

Гой ты, родина моя!
Гой ты, бор дремучий!
Свист полночный соловья,
Ветер, степь да тучи!

⟨1856⟩

* * *

Колышется море; волна за волной
Бегут и шумят торопливо...
О друг ты мой бедный, боюсь, со мной
Не быть тебе долго счастливой:
Во мне и надежд и отчаяний рой,
Кочующей мысли прибой и отбой,
Приливы любви и отливы!

⟨1856⟩

* * *

О, не пытайся дух унять тревожный,
Твою тоску я знаю с давних пор,
Твоей душе покорность невозможна,
Она болит и рвется на простор.

Но все ее невидимые муки,
Нестройный гул сомнений и забот,
Все меж собой враждующие звуки
Последний час в созвучие сольет,

В один порыв смешает в сердце гордом
Все чувства, врозь которые звучат,
И разрешит торжественным аккордом
Их голосов мучительный разлад.

⟨1856⟩

⟨ИЗ ЦИКЛА «КРЫМСКИЕ ОЧЕРКИ»⟩

1

Над неприступной крутизною
Повис туманный небосклон;
Там гор зубчатою стеною
От юга север отделен.
Там ночь и снег; там, враг веселья,
Седой зимы сердитый бог
Играет вьюгой и метелью,
Ярясь, уста примкнул к ущелью
И воет в их гранитный рог.

Но здесь благоухают розы,
Бессильно вихрем снеговым
Сюда он шлет свои угрозы,
Цветущий берег невредим.
Над ним весна младая веет,
И лавр, Дианою храним,
В лучах полудня зеленеет
Над морем вечно голубым.

⟨1858⟩

3

Всесильной волею аллаха,
Дающего нам зной и снег,
Мы возвратились с Чатырдаха
Благополучно на ночлег.
Все налицо, все без увечья:
Что значит ловкость человечья!
А признаюсь, когда мы там
Ползли, как мухи, по скалам,
То мне немного было жутко:
Сорваться вниз плохая шутка!

Гуссейн, послушай, помоги
Стащить мне эти сапоги,
Они потрескались от жара;
Да что ж не видно самовара?
Сходи за ним; а ты, Али,
Костер скорее запали.
Постелим скатерти у моря,
Достанем ром, заварим чай,
И все возляжем на просторе
Смотреть, как пламя, с ночью споря,
Померкнет, вспыхнет невзначай
И озарит до половины
Дубов зеленые вершины,
Песчаный берег, водопад,
Крутых утесов грозный ряд,
От пены белый и ревущий
Из мрака выбежавший вал
И перепутанного плюща
Концы, висящие со скал.

⟨1856⟩

4

Ты помнишь ли вечер, как море шумело,
В шиповнике пел соловей,
Душистые ветки акации белой
Качались на шляпе твоей?

Меж камней, обросших густым виноградом,
Дорога была так узка;
В молчанье над морем мы ехали рядом,
С рукою сходилась рука.

Ты так на седле нагибалась красиво,
Ты алый шиповник рвала,
Буланой лошадки косматую гриву
С любовью ты им убрала;

Одежды твоей непослушные складки
Цеплялись за ветви, а ты
Беспечно смеялась — цветы на лошадке,
В руках и на шляпе цветы!

Ты помнишь ли рев дождевого потока
И пену и брызги кругом;
И как наше горе казалось далёко,
И как мы забыли о нем!

⟨1856⟩

6

Туман встает на дне стремнин,
Среди полуночной прохлады
Сильнее пахнет дикий тмин,
Гремят слышнее водопады.
Как ослепительна луна!
Как гор очерчены вершины!
В сребристом сумраке видна
Внизу Байдарская долина.
Над нами светят небеса,
Чернеет бездна перед нами,
Дрожит блестящая роса
На листьях крупными слезами...

Душе легко. Не слышу я
Оков земного бытия,

Нет места страху, ни надежде,—
Что будет впредь, что было прежде —
Мне все равно — и что меня
Всегда, как цепь, к земле тянуло,
Исчезло все с тревогой дня,
Все в лунном блеске потонуло...

Куда же мысль унесена?
Что ей так видится дремливо?
Не средь волшебного ли сна
Мы едем вместе вдоль обрыва?
Ты ль это, робости полна,
Ко мне склонилась молчаливо?
Ужель я вижу не во сне,
Как звезды блещут в вышине,
Как конь ступает осторожно,
Как дышит грудь твоя тревожно?
Иль при обманчивой луне
Меня лишь дразнит призрак ложный,
И это сон? О, если б мне
Проснуться было невозможно!

⟨1856⟩

8

Обычной полная печали,
Ты входишь в этот бедный дом,
Который ядра осыпали
Недавно пламенным дождем;

Но юный плющ, виясь вкруг зданья,
Покрыл следы вражды и зла —
Ужель еще твои страданья
Моя любовь не обвила?

⟨1856⟩

9

Приветствую тебя, опустошенный дом,
Завядшие дубы, лежащие кругом,
И море синее, и вас, крутые скалы,
И пышный прежде сад — глухой и одичалый!
Усталым путникам в палящий летний день

Еще даешь ты, дом, свежительную тень,
Еще стоят твои поруганные стены,
Но сколько горестной я вижу перемены!

Едва лишь я вступил под твой знакомый кров,
Бросаются в глаза мне надписи врагов,
Рисунки грубые и шутки площадные,
Где с наглым торжеством поносится Россия;
Всё те же громкие, хвастливые слова
Нечестное врагов оправдывают дело.

Вздохнув, иду вперед; мохнатая сова
Бесшумно с зеркала разбитого слетела;
Вот в угол бросилась испуганная мышь...
Везде обломки, прах; куда ни поглядишь,
Везде насилие, насмешки и угрозы;
А из саду в окно вползающие розы,
За мраморный карниз цепляясь там и тут,
Беспечно в красоте раскидистой цветут,
Как будто на дела враждебного народа
Набросить свой покров старается природа;
Вот ящерица здесь меж зелени и плит,
Блестя, как изумруд, извилисто скользит,
И любо ей играть в молчании могильном,
Где на пол солнца луч столбом ударил пыльным...

Но вот уж сумерки; вот постепенно мгла
На берег, на залив, на скалы налегла;
Все больше в небе звезд, в аллеях все темнее,
Душистее цветы, и запах трав сильнее;
На сломанном крыльце сижу я, полон дум;
Как тихо все кругом, как слышен моря шум...

⟨1856⟩

12

Солнце жжет; перед грозою
Изменился моря вид:
Засверкал меж бирюзою
Изумруд и малахит.

Здесь на камне буду ждать я,
Как, вздымая корабли,
Море бросится в объятья
Изнывающей земли,

И, покрытый пеной белой,
Утомясь, влюбленный бог
Снова ляжет, онемелый,
У твоих, Таврида, ног.

〈1856〉

14

Привал. Дымяся, огонек
Трещит под таганом дорожным,
Пасутся кони, и далек
Весь мир с его волненьем ложным.
Здесь долго б я с тобою мог
Мечтать о счастии возможном!
Но, очи грустно опустив
И наклонясь над крутизною,
Ты молча смотришь на залив,
Окружена зеленой мглою...
Скажи, о чем твоя печаль?
Не той ли думой ты томима,
Что счастье, как морская даль,
Бежит от нас неуловимо?
Нет, не догнать его уж нам,
Но в жизни есть еще отрады;
Не для тебя ли по скалам
Бегут и брызжут водопады?
Не для тебя ль в ночной тени
Вчера цветы благоухали?
Из синих волн не для тебя ли
Восходят солнечные дни?
А этот вечер? О, взгляни,
Какое мирное сиянье!
Не слышно в листьях трепетанья,
Недвижно море; корабли,
Как точки белые вдали,
Едва скользят, в пространстве тая;
Какая тишина святая
Царит кругом! Нисходит к нам
Как бы предчувствие чего-то;
В ущельях ночь; в тумане там
Дымится сизое болото,
И все обрывы по краям
Горят вечерней позолотой...

〈1857〉

* * *

Как здесь хорошо и приятно,
Как запах дерев я люблю!
Орешника лист ароматный
Тебе я в тени настелю.

Я там, у подножья аула,
Тебе шелковицы нарву,
А лошадь и бурого мула
Мы пустим в густую траву.

Ты здесь у фонтана приляжешь,
Пока не минуется зной,
Ты мне улыбнешься и скажешь,
Что ты не устала со мной.

1856

* * *

Не верь мне, друг, когда, в избытке горя,
Я говорю, что разлюбил тебя,
В отлива час не верь измене моря,
Оно к земле воротится, любя.

Уж я тоскую, прежней страсти полный,
Мою свободу вновь тебе отдам,
И уж бегут с обратным шумом волны
Издалека к любимым берегам!

1856

* * *

Острою секирой ранена береза,
По коре серебристой покатились слезы;
Ты не плачь, береза, бедная, не сетуй!
Рана не смертельна, вылечится к лету,
Будешь красоваться, листьями убрана...
Лишь больное сердце не залечит раны!

1856

* * *

Когда кругом безмолвен лес дремучий
И вечер тих;
Когда невольно просится певучий
Из сердца стих;
Когда упрек мне шепчет шелест нивы
Иль шум дерев;
Когда кипит во мне нетерпеливо
Правдивый гнев;
Когда вся жизнь моя покрыта тьмою
Тяжелых туч;
Когда вдали мелькнет передо мною
Надежды луч;
Средь суеты мирского развлеченья,
Среди забот,
Моя душа в надежде и в сомненье
Тебя зовет;
И трудно мне умом понять разлуку,
Ты так близка,
И хочет сжать твою родную руку
Моя рука!

1856

* * *

Сердце, сильней разгораясь от году до году,
Брошено в светскую жизнь, как в студеную воду.
В ней, как железо в раскале, оно закипело:
Сделала, жизнь, ты со мною недоброе дело!
Буду кипеть, негодуя, тоской и печалью,
Все же не стану блестящей холодною сталью!

1856

* * *

Тщетно, художник, ты мнишь, что творений своих ты создатель!
Вечно носились они над землею, незримые оку.
Нет, то не Фидий воздвиг олимпийского славного Зевса!
Фидий ли выдумал это чело, эту львиную гриву,
Ласковый, царственный взор из-под мрака бровей громоносных?

Нет, то не Гете великого Фауста создал, который,
В древнегерманской одежде, но в правде глубокой, вселенской,
С образом сходен предвечным своим от слова до слова.
Или Бетховен, когда находил он свой марш похоронный,
Брал из себя этот ряд раздирающих сердце аккордов,
Плач неутешной души над погибшей великою мыслью,
Рушенье светлых миров в безнадежную бездну хаоса?
Нет, эти звуки рыдали всегда в беспредельном пространстве,
Он же, глухой для земли, неземные подслушал рыданья.
Много в пространстве невидимых форм и неслышимых звуков,
Много чудесных в нем есть сочетаний и слова и света,
Но передаст их лишь тот, кто умеет и видеть и слышать,
Кто, уловив лишь рисунка черту, лишь созвучье, лишь слово,
Целое с ним вовлекает созданье в наш мир удивленный.
О, окружи себя мраком, поэт, окружися молчаньем,
Будь одинок и слеп, как Гомер, и глух, как Бетховен,
Слух же душевный сильней напрягай и душевное зренье,
И как над пламенем грамоты тайной бесцветные строки
Вдруг выступают, так выступят вдруг пред тобою картины,
Выйдут из мрака всё ярче цвета, осязательней формы,
Стройные слов сочетания в ясном сплетутся значенье...
Ты ж в этот миг и внимай, и гляди, притаивши дыханье,
И, созидая потом, мимолетное помни виденье!

1856

* * *

Ходит Спесь, надуваючись,
С боку на бок переваливаясь.
Ростом-то Спесь аршин с четвертью,
Шапка-то на нем во целу сажень,
Пузо-то его все в жемчуге,
Сзади-то у него раззолочено.
А и зашел бы Спесь к отцу, к матери,
Да ворота некрашены!
А и помолился б Спесь во церкви божией,
Да пол не метён!
Идет Спесь, видит: на небе радуга;
Повернул Спесь во другую сторону:
Не пригоже-де мне нагибатися!

⟨1856⟩

* * *

Ой, каб Волга-матушка да вспять побежала!
Кабы можно, братцы, начать жить с начала!
Ой, кабы зимою цветы расцветали!
Кабы мы любили да не разлюбляли!
Кабы дно морское достать да измерить!
Кабы можно, братцы, красным девкам верить!
Ой, кабы все бабы были б молодицы!
Кабы в полугаре поменьше водицы!
Кабы всегда чарка доходила до рту!
Да кабы приказных побоку да к черту!
Да кабы звенели завсегда карманы!
Да кабы нам, братцы, да свои кафтаны!
Да кабы голодный всякий день обедал!
Да батюшка б царь наш всю правду бы ведал!

⟨1856⟩

* * *

Порой, среди забот и жизненного шума,
Внезапно набежит мучительная дума
И гонит образ твой из горестной души.
Но только лишь один останусь я в тиши
И суетного дня минует гул тревожный,
Смиряется во мне волненье жизни ложной,
Душа, как озеро, прозрачна и сквозна,
И взор я погрузить в нее могу до дна;
Спокойной мыслию, ничем не возмутимой,
Твой отражаю лик, желанный и любимый,
И ясно вижу глубь, где, как блестящий клад,
Любви моей к тебе сокровища лежат.

⟨1857⟩

* * *

Он водил по струнам; упадали
Волоса на безумные очи,
Звуки скрыпки так дивно звучали,
Разливаясь в безмолвии ночи.
В них рассказ убедительно-лживый
Развивал невозможную повесть,

И змеиного цвета отливы
Соблазняли и мучили совесть;
Обвиняющий слышался голос,
И рыдали в ответ оправданья,
И бессильная воля боролась
С возрастающей бурей желанья,
И в туманных волнах рисовались
Берега позабытой отчизны,
Неземные слова раздавались
И манили назад с укоризной,
И так билося сердце тревожно,
Так ему становилось понятно
Все блаженство, что было возможно
И потеряно так невозвратно,
И к себе беспощадная бездна
Свою жертву, казалось, тянула,
А стезею лазурной и звездной
Уж полнеба луна обогнула;
Звуки пели, дрожали так звонко,
Замирали и пели с начала,
Беглым пламенем синяя жженка
Музыканта лицо освещала...

1857

* * *

У приказных ворот собирался народ
Густо;
Говорит в простоте, что в его животе
Пусто!
«Дурачье! — сказал дьяк.— Из вас должен быть всяк
В теле;
Еще в думе вчера мы с трудом осетра
Съели!»

На базар мужик вез через реку обоз
Пакли;
Мужичок-то, вишь, прост, знай везет через мост,
Так ли?
«Вишь, дурак! — сказал дьяк.— Тебе мост, чай, пустяк,
Дудки?
Ты б его поберег, ведь плыли ж поперек
Утки!»

Как у Васьки Волчка вор стянул гусака,
Вишь ты!
В полотенце свернул, да поймал караул,
Ништо!
Дьяк сказал: «Дурачье! Полотенце-то чье?
Васьки?
Стало, Васька и тать, стало, Ваське и дать
Таску!»

Пришел к дьяку больной; говорит: «Ой, ой, ой,
Дьяче!
Очень больно нутру, а уж вот поутру
Паче!
И не лечь, и не сесть, и не можно мне съесть
Столько!»
«Вишь, дурак! — сказал дьяк.— Ну не ешь натощак;
Только!»

Пришел к дьяку истец, говорит: «Ты отец
Бедных;
Кабы ты мне помог — видишь денег мешок
Медных,—
Я б те всыпал, ей-ей, в шапку десять рублей,
Шутка!»
«Сыпь сейчас,— сказал дьяк, подставляя колпак,—
Ну-тка!»

⟨1857⟩

* * *

Двух станов не боец, но только гость случайный,
За правду я бы рад поднять мой добрый меч,
Но спор с обоими досель мой жребий тайный,
И к клятве ни один не мог меня привлечь;
Союза полного не будет между нами —
Не купленный никем, под чье б ни стал я знамя,
Пристрастной ревности друзей не в силах снесть,
Я знамени врага отстаивал бы честь!

⟨1858⟩

* * *

Звонче жаворонка пенье,
Ярче вешние цветы,
Сердце полно вдохновенья,
Небо полно красоты.

Разорвав тоски оковы,
Цепи пошлые разбив,
Набегает жизни новой
Торжествующий прилив,

И звучит свежо и юно
Новых сил могучий строй,
Как натянутые струны
Между небом и землей.

〈1858〉

* * *

Осень. Обсыпается весь наш бедный сад,
Листья пожелтелые по ветру летят;
Лишь вдали красуются, там на дне долин,
Кисти ярко-красные вянущих рябин.
Весело и горестно сердцу моему,
Молча твои рученьки грею я и жму,
В очи тебе глядючи, молча слезы лью,
Не умею высказать, как тебя люблю.

〈1858〉

* * *

Источник за ви́шневым садом,
Следы голых девичьих ног,
И тут же оттиснулся рядом
Гвоздями подбитый сапог.

Все тихо на месте их встречи,
Но чует ревниво мой ум
И шепот, и страстные речи,
И ведер расплесканных шум...

〈1858〉

* * *

Когда природа вся трепещет и сияет,
Когда ее цвета ярки и горячи,
Душа бездейственно в пространстве утопает
И в неге врозь ее расходятся лучи.
Но в скромный, тихий день, осеннею погодой,

Когда и воздух сер, и тесен кругозор,
Не развлекаюсь я смиренною природой,
И немощен ее на жизнь мою напор.
Мой трезвый ум открыт для сильных вдохновений,
Сосредоточен я живу в себе самом,
И сжатая мечта зовет толпы видений,
Как зажигательным рождая их стеклом.

Винтовку сняв с гвоздя, я оставляю дом,
Иду меж озимей чернеющей дорогой;
Смотрю на кучу скирд, на сломанный забор,
На пруд и мельницу, на дикий косогор,
На берег ручейка болотисто-отлогий,
И в ближний лес вхожу. Там покрасневший клен,
Еще зеленый дуб и желтые березы
Печально на меня свои стряхают слезы;
Но дале я иду, в мечтанья погружен,
И виснут надо мной полунагие сучья,
А мысли между тем слагаются в созвучья,
Свободные слова теснятся в мерный строй,
И на душе легко, и сладостно, и странно,
И тихо все кругом, и под моей ногой
Так мягко мокрый лист шумит благоуханный.

〈1858〉

* * *

Слеза дрожит в твоем ревнивом взоре,
О, не грусти, ты все мне дорога,
Но я любить могу лишь на просторе,
Мою любовь, широкую, как море,
Вместить не могут жизни берега.

Когда Глагола творческая сила
Толпы миров воззвала из ночи,
Любовь их все, как солнце, озарила,
И лишь на землю к нам ее светила
Нисходят порознь редкие лучи.

И, порознь их отыскивая жадно,
Мы ловим отблеск вечной красоты;
Нам вестью лес о ней шумит отрадной,
О ней поток гремит струею хладной
И говорят, качаясь, цветы.

И любим мы любовью раздробленной
И тихий шепот вербы над ручьем,
И милой девы взор, на нас склоненный,
И звездный блеск, и все красы вселенной,
И ничего мы вместе не сольем.

Но не грусти, земное минет горе,
Пожди еще, неволя недолга —
В одну любовь мы все сольемся вскоре,
В одну любовь, широкую, как море,
Что не вместят земные берега!

⟨1858⟩

МАДОННА РАФАЭЛЯ

Склоняся к юному Христу,
Его Мария осенила;
Любовь небесная затмила
Ее земную красоту.

А он, в прозрении глубоком,
Уже вступая с миром в бой,
Глядит вперед — и ясным оком
Голгофу видит пред собой.

⟨1858⟩

* * *

Ты клонишь лик, о нем упоминая,
И до чела твоя восходит кровь —
Не верь себе! Сама того не зная,
Ты любишь в нем лишь первую любовь;

Ты не его в нем видишь совершенства,
И не собой привлечь тебя он мог —
Лишь тайных дум, мучений и блаженства
Он для тебя отысканный предлог;

То лишь обман неопытного взора,
То жизни луч из сердца ярко бьет
И золотит, лаская без разбора,
Все, что к нему случайно подойдет.

⟨1858⟩

* * *

Кабы знала я, кабы ведала,
Не смотрела бы из окошечка
Я на молодца разудалого,
Как он ехал по нашей улице,
Набекрень заломивши мурмолку,
Как лихого коня буланого,
Звонконогого, долгогривого,
Супротив окон на дыбы вздымал!

Кабы знала я, кабы ведала,
Для него бы я не рядилася,
С золотой каймой ленту алую
В косу длинную не вплетала бы,
Рано до свету не вставала бы,
За околицу не спешила бы,
В росе ноженьки не мочила бы,
На проселок тот не глядела бы,
Не проедет ли тем проселком он,
На руке держа пестра сокола!

Кабы знала я, кабы ведала,
Не сидела бы поздно вечером,
Пригорюнившись, на завалине,
На завалине, близ колодезя,
Поджидаючи да гадаючи,
Не придет ли он, ненаглядный мой,
Напоить коня студеной водой!

⟨1858⟩

И. С. АКСАКОВУ

Судя меня довольно строго,
В моих стихах находишь ты,
Что в них торжественности много
И слишком мало простоты.
Так. В беспредельное влекома,
Душа незримый чует мир,
И я не раз под голос грома,
Быть может, строил мой псалтырь.

Но я не чужд и здешней жизни;
Служа таинственной отчизне,
Я и в пылу душевных сил
О том, что близко, не забыл.
Поверь, и мне мила природа,
И быт родного нам народа —
Его стремленья я делю,
И все земное я люблю,
Все ежедневные картины:
Поля, и села, и равнины,
И шум колеблемых лесов,
И звон косы в лугу росистом,
И пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков;
В степи чумацкие ночлеги,
И рек безбережный разлив,
И скрып кочующей телеги,
И вид волнующихся нив;
Люблю я тройку удалую
И свист саней на всем бегу,
На славу кованную сбрую
И золоченую дугу;
Люблю тот край, где зимы долги,
Но где весна так молода,
Где вниз по матушке по Волге
Идут бурлацкие суда;
И все мне дороги явленья,
Тобой описанные, друг,
Твои гражданские стремленья
И честной речи трезвый звук.
Но все, что чисто и достойно,
Что на земле сложилось стройно,
Для человека то ужель,
В тревоге вечной мирозданья,
Есть грань высокого призванья
И окончательная цель?
Нет, в каждом шорохе растенья
И в каждом трепете листа
Иное слышится значенье,
Видна иная красота!
Я в них иному гласу внемлю
И, жизнью смертною дыша,
Гляжу с любовию на землю,
Но выше просится душа;

И что ее, всегда чаруя,
Зовет и манит вдалеке —
О том поведать не могу я
На ежедневном языке.

1859

⟨СЕРЕНАДА ДОН-ЖУАНА⟩

Гаснут дальней Альпухарры
Золотистые края,
На призывный звон гитары
Выйди, милая моя!
Всех, кто скажет, что другая
Здесь равняется с тобой,
Всех, любовию сгорая,
Всех зову на смертный бой!
От лунного света
Зардел небосклон,
О, выйди, Нисета,
Скорей на балкон!

От Севильи до Гренады
В тихом сумраке ночей
Раздаются серенады,
Раздается стук мечей;
Много крови, много песней
Для прелестных льется дам —
Я же той, кто всех прелестней,
Песнь и кровь мою отдам!
От лунного света
Горит небосклон,
О, выйди, Нисета,
Скорей на балкон!

⟨*1860*⟩

* * *

На нивы желтые нисходит тишина;
В остывшем воздухе от меркнущих селений,
Дрожа, несется звон. Душа моя полна
Разлукою с тобой и горьких сожалений.

И каждый мой упрек я вспоминаю вновь,
И каждое твержу приветливое слово,
Что мог бы я сказать тебе, моя любовь,
Но что внутри себя я схоронил сурово!

1862

КОРИНФСКАЯ НЕВЕСТА

Из Афин в Коринф многоколонный
Юный гость приходит, незнаком,—
Там когда-то житель благосклонный
Хлеб и соль водил с его отцом;
И детей они
В их младые дни
Нарекли невестой с женихом.

Но какой для доброго приема
От него потребуют цены?
Он — дитя языческого дома,
А они — недавно крещены!
Где за веру спор,
Там, как ветром сор,
И любовь и дружба сметены!

Вся семья давно уж отдыхает,
Только мать одна еще не спит,
Благодушно гостя принимает
И покой отвесть ему спешит;
Лучшее вино
Ею внесено,
Хлебом стол и яствами покрыт.

И, простясь, ночник ему зажженный
Ставит мать, но ото всех тревог
Уж усталый он и полусонный,
Без еды, не раздеваясь, лег,
Как сквозь двери тьму
Движется к нему
Странный гость бесшумно на порог.

Входит дева медленно и скромно,
Вся покрыта белой пеленой:
Вкруг косы ее, густой и темной,

Блещет венчик черно-золотой.
Юношу узрев,
Стала, оробев,
С приподнятой бледною рукой.

«Видно, в доме я уже чужая,—
Так она со вздохом говорит,—
Что вошла, о госте сем не зная,
И теперь меня объемлет стыд;
Спи ж спокойным сном
На одре своем,
Я уйду опять в мой темный скит!»

«Дева, стой,— воскликнул он,— со мною
Подожди до утренней поры!
Вот, смотри, Церерой золотою,
Вакхом вот послáнные дары;
А с тобой придет
Молодой Эрот,
Им же светлы игры и пиры!»

«Отступи, о юноша, я боле
Непричастна радости земной;
Шаг свершен родительскою волей:
На одре болезни роковой
Поклялася мать
Небесам отдать
Жизнь мою, и юность, и покой!

И богов веселых рой родимый
Новой веры сила изгнала,
И теперь царит один незримый,
Одному распятому хвала!
Агнцы боле тут
Жертвой не падут,
Но людские жертвы без числа!»

И ее он взвешивает речи:
«Неужель теперь, в тиши ночной,
С женихом не чаявшая встречи,
То стоит невеста предо мной?
О, отдайся ж мне,
Будь моей вполне,
Нас венчали клятвою двойной!»

«Мне не быть твоею, отрок милый,
Ты мечты напрасной не лелей,
Скоро буду взята я могилой,
Ты ж сестре назначен уж моей;
Но в блаженном сне
Думай обо мне,
Обо мне, когда ты будешь с ней!»

«Нет, да светит пламя сей лампады
Нам Гимена факелом святым,
И тебя для жизни, для отрады
Уведу к пенатам я моим!
Верь мне, друг, о, верь,
Мы вдвоем теперь
Брачный пир нежданно совершим!»

И они меняются дарами:
Цепь она спешит златую снять,—
Чашу он с узорными краями
В знак союза хочет ей отдать;
Но она к нему:
«Чаши не приму,
Лишь волос твоих возьму я прядь!»

Полночь бьет — и взор доселе хладный
Заблистал, лицо оживлено,
И уста бесцветные пьют жадно
С темной кровью схожее вино;
Хлеба ж со стола
Вовсе не взяла,
Словно ей вкушать запрещено.

И фиал она ему подносит,
Вместе с ней он ток багровый пьет,
Но ее объятий как ни просит,
Все она противится — и вот,
Тяжко огорчен,
Пал на ложе он
И в бессильной страсти слезы льет.

И она к нему, ласкаясь, села:
«Жалко мучить мне тебя, но, ах,
Моего когда коснешься тела,
Неземной тебя охватит страх:

Я как снег бледна,
Я как лед хладна,
Не согреюсь я в твоих руках!»

Но, кипящий жизненною силой,
Он ее в объятья заключил:
«Ты хотя бы вышла из могилы,
Я б согрел тебя и оживил!
О, каким вдвоем
Мы горим огнем,
Как тебя мой проникает пыл!»

Все тесней сближает их желанье,
Уж она, припав к нему на грудь,
Пьет его горячее дыханье
И уж уст не может разомкнуть.
Юноши любовь
Ей согрела кровь,
Но не бьется сердце в ней ничуть.

Между тем дозором поздним мимо
За дверьми еще проходит мать,
Слышит шум внутри необъяснимый
И его старается понять:
То любви недуг,
Поцелуев звук,
И еще, и снова, и опять!

И недвижно, притаив дыханье,
Ждет она — сомнений боле нет —
Вздохи, слезы, страсти лепетанье
И восторга бешеного бред:
«Скоро день — но вновь
Нас сведет любовь!»
«Завтра вновь!» — с лобзаньем был ответ.

Доле мать сдержать не может гнева,
Ключ она свой тайный достает:
«Разве есть такая в доме дева,
Что себя пришельцам отдает?»
Так возмущена,
Входит в дверь она —
И дитя родное узнает.

И, воспрянув, юноша с испугу
Хочет скрыть завесою окна,
Покрывалом хочет скрыть подругу;
Но, отбросив складки полотна,
С ложа, вся пряма,
Словно не сама,
Медленно подъемлется она.

«Мать, о мать, нарочно ты ужели
Отравить мою приходишь ночь?
С этой теплой ты меня постели
В мрак и холод снова гонишь прочь?
И с тебя ужель
Мало и досель,
Что свою ты схоронила дочь?

Но меня из тесноты могильной
Некий рок к живущим шлет назад,
Ваших клиров пение бессильно,
И попы напрасно мне кадят;
Молодую страсть
Никакая власть,
Ни земля, ни гроб не охладят!

Этот отрок именем Венеры
Был обещан мне от юных лет,
Ты вотще во имя новой веры
Изрекла неслыханный обет!
Чтоб его принять,
В небесах, о мать,
В небесах такого бога нет!

Знай, что смерти роковая сила
Не могла сковать мою любовь,
Я нашла того, кого любила,
И его я высосала кровь!
И, покончив с ним,
Я пойду к другим,—
Я должна идти за жизнью вновь!

Милый гость, вдали родного края
Осужден ты чахнуть и завять,
Цепь мою тебе передала я,
Но волос твоих беру я прядь.

Ты их видишь цвет?
Завтра будешь сед,
Русым там лишь явишься опять!

Мать, услышь последнее моленье,
Прикажи костер воздвигнуть нам,
Свободи меня из заточенья,
Мир в огне дай любящим сердцам!
Так из дыма тьмы
В пламе, в искрах мы
К нашим древним полетим богам!»

1867

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО ОТ ГОСТОМЫСЛА ДО ТИМАШЕВА

Вся земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет.

Нестор, летопись, стр. 8

1

Послушайте, ребята,
Что вам расскажет дед.
Земля наша богата,
Порядка в ней лишь нет.

2

А эту правду, детки,
За тысячу уж лет
Смекнули наши предки:
Порядка-де, вишь, нет.

3

И стали все под стягом,
И молвят: «Как нам быть?
Давай пошлем к варягам:
Пускай придут княжить.

4

Ведь немцы тороваты,
Им ведом мрак и свет,
Земля ж у нас богата,
Порядка в ней лишь нет».

5

Посланцы скорым шагом
Отправились туда
И говорят варягам:
«Придите, господа!

6

Мы вам отсыплем злата,
Что киевских конфет;
Земля у нас богата,
Порядка в ней лишь нет».

7

Варягам стало жутко,
Но думают: «Что ж тут?
Попытка ведь не шутка —
Пойдем, коли зовут!»

8

И вот пришли три брата,
Варяги средних лет,
Глядят — земля богата,
Порядка ж вовсе нет.

9

«Ну,— думают,— команда!
Здесь ногу сломит черт,
Es ist ja eine Schande,
Wir müssen wieder fort»[1].

[1] Ведь это позор — мы должны убраться прочь *(нем.)*.

10

Но братец старший, Рюрик:
«Постой,— сказал другим,—
Fortgeh'n wär' ungebürlich,
Vielleicht ist's nicht so schlimm[1].

11

Хоть вшивая команда,
Почти одна лишь шваль;
Wir bringen's schon zustande,
Versuchen wir einmal»[2].

12

И стал княжить он сильно,
Княжил семнадцать лет,
Земля была обильна,
Порядка ж нет как нет!

13

За ним княжил князь Игорь,
А правил им Олег,
Das war ein großer Krieger[3]
И умный человек.

14

Потом княжила Ольга,
А после Святослав;
So ging die Reihenfolge[4]
Языческих держав.

---

[1] Уйти было бы неприлично, может быть, это не так уж плохо *(нем.)*.
[2] Мы справимся, давайте попробуем *(нем.)*.
[3] Это был великий воин *(нем.)*.
[4] Такова была последовательность *(нем.)*.

15

Когда ж вступил Владимир
На свой отцовский трон,
Da endigte für immer
Die alte Religion[1].

16

Он вдруг сказал народу:
«Ведь наши боги дрянь,
Пойдем креститься в воду!»
И сделал нам Иордань.

17

«Перун уж очень гадок!
Когда его спихнем,
Увидите, порядок
Какой мы заведем!»

18

Послал он за попами
В Афины и Царьград,
Попы пришли толпами,
Крестятся и кадят,

19

Поют себе умильно
И полнят свой кисет;
Земля, как есть, обильна,
Порядка только нет.

20

Умре Владимир с горя,
Порядка не создав.
За ним княжить стал вскоре
Великий Ярослав.

[1] Тогда пришел конец старой религии *(нем.)*.

21

Оно, пожалуй, с этим
Порядок бы и был;
Но из любви он к детям
Всю землю разделил.

22

Плоха была услуга,
А дети, видя то,
Давай тузить друг друга:
Кто как и чем во что!

23

Узнали то татары:
«Ну,— думают,— не трусь!»
Надели шаровары,
Приехали на Русь.

24

«От вашего, мол, спора
Земля пошла вверх дном,
Постойте ж, мы вам скоро
Порядок заведем».

25

Кричат: «Давайте дани!»
(Хоть вон святых неси.)
Тут много всякой дряни
Настало на Руси.

26

Что день, то брат на брата
В орду несет извет;
Земля, кажись, богата —
Порядка ж вовсе нет.

27

Иван явился Третий;
Он говорит: «Шалишь!
Уж мы теперь не дети!»
Послал татарам шиш.

28

И вот земля свободна
От всяких зол и бед
И очень хлебородна,
А все ж порядка нет.

29

Настал Иван Четвертый,
Он Третьему был внук;
Калач на царстве тертый
И многих жен супруг.

30

Иван Васильич Грозный
Ему был имярек
За то, что был серьезный,
Солидный человек.

31

Приемами не сладок,
Но разумом не хром;
Такой завел порядок,
Хоть покати шаром!

32

Жить можно бы беспечно
При этаком царе;
Но ах! ничто не вечно —
И царь Иван умре!

33

За ним царить стал Федор,
Отцу живой контраст;
Был разумом не бодор,
Трезвонить лишь горазд.

34

Борис же, царский шурин,
Не в шутку был умен,
Брюнет, лицом недурен,
И сел на царский трон.

35

При нем пошло все гладко,
Не стало прежних зол,
Чуть-чуть было порядка
В земле он не завел.

36

К несчастью, самозванец,
Откуда ни возьмись,
Такой задал нам танец,
Что умер царь Борис.

37

И, на Бориса место
Взобравшись, сей нахал
От радости с невестой
Ногами заболтал.

38

Хоть был он парень бравый
И даже не дурак,
Но под его державой
Стал бунтовать поляк.

39

А то нам не по сердцу;
И вот однажды в ночь
Мы задали им перцу
И всех прогнали прочь.

40

Взошел на трон Василий,
Но вскоре всей землей
Его мы попросили,
Чтоб он сошел долой.

41

Вернулися поляки,
Казаков привели;
Пошел сумбур и драки:
Поляки и казаки,

42

Казаки и поляки
Нас паки бьют и паки;
Мы ж без царя, как раки,
Горюем на мели.

43

Прямые были страсти —
Порядка ж ни на грош.
Известно, что без власти
Далёко не уйдешь.

44

Чтоб трон поправить царский
И вновь царя избрать,
Тут Минин и Пожарский
Скорей собрали рать.

45

И выгнала их сила
Поляков снова вон,
Земля же Михаила
Взвела на русский трон.

46

Свершилося то летом;
Но был ли уговор —
История об этом
Молчит до этих пор.

47

Варшава нам и Вильна
Прислали свой привет:
Земля была обильна —
Порядка ж нет как нет.

48

Сев Алексей на царство,
Тогда роди Петра.
Пришла для государства
Тут новая пора.

49

Царь Петр любил порядок,
Почти как царь Иван,
И так же был не сладок,
Порой бывал и пьян.

50

Он молвил: «Мне вас жалко,
Вы сгинете вконец;
Но у меня есть палка,
И я вам всем отец!..

51

Не далее как к святкам
Я вам порядок дам!»
И тотчас за порядком
Уехал в Амстердам.

52

Вернувшися оттуда,
Он гладко нас обрил,
А к святкам, так что чудо,
В голландцев нарядил.

53

Но это, впрочем, в шутку,
Петра я не виню:
Больному дать желудку
Полезно ревеню.

54

Хотя силён уж очень
Был, может быть, прием;
А все ж довольно прочен
Порядок стал при нем.

55

Но сон объял могильный
Петра во цвете лет,
Глядишь, земля обильна,
Порядка ж снова нет.

56

Тут кротко или строго
Царило много лиц,
Царей не слишком много,
А более цариц.

57

Бирон царил при Анне;
Он сущий был жандарм,
Сидели мы как в ванне
При нем, daß Gott erbarm![1]

58

Веселая царица
Была Елисавет:
Поет и веселится,
Порядка только нет.

59

Какая ж тут причина
И где же корень зла,
Сама Екатерина
Постигнуть не могла.

60

«Madame, при вас на диво
Порядок расцветет,—
Писали ей учтиво
Вольтер и Дидерот,—

61

Лишь надобно народу,
Которому вы мать,
Скорее дать свободу,
Скорей свободу дать».

62

«Messieurs,— им возразила
Она,— vous me comblez»[2],—
И тотчас прикрепила
Украинцев к земле.

---

[1] Помилуй бог! *(нем.)*
[2] Господа, вы слишком добры ко мне *(франц.)*.

63

За ней царить стал Павел,
Мальтийский кавалер,
Но не совсем он правил
На рыцарский манер.

64

Царь Александер Первый
Настал ему взамен,
В нем слабы были нервы,
Но был он джентльмен.

65

Когда на нас в азарте
Стотысячную рать
Надвинул Бонапарте,
Он начал отступать.

66

Казалося, ну, ниже
Нельзя сидеть в дыре,
Ан глядь: уж мы в Париже,
С Louis le Désiré[1].

67

В то время очень сильно
Расцвел России цвет,
Земля была обильна,
Порядка ж нет как нет.

68

Последнее сказанье
Я б написал мое,
Но чаю наказанье,
Боюсь monsieur Veillot.

[1] Людовик Желанный *(франц.)*.

69

Ходить бывает склизко
По камешкам иным,
Итак, о том, что близко,
Мы лучше умолчим.

70

Оставим лучше троны,
К министрам перейдем.
Но что я слышу? стоны,
И крики, и содом!

71

Что вижу я! Лишь в сказках
Мы зрим такой наряд;
На маленьких салазках
Министры все катят.

72

С горы со криком громким
In corpore[1], сполна,
Скользя, свои к потомкам
Уносят имена.

73

Се Норов, се Путятин,
Се Панин, се Метлин,
Се Брок, а се Замятнин,
Се Корф, се Головнин.

74

Их много, очень много,
Припомнить всех нельзя,
И вниз одной дорогой
Летят они, скользя.

[1] В полном составе *(лат.)*.

75

Я грешен: летописный
Я позабыл свой слог;
Картине живописной
Противостать не мог.

76

Лиризм, на все способный,
Знать, у меня в крови;
О Нестор преподобный,
Меня ты вдохнови.

77

Поуспокой мне совесть,
Мое усердье зря,
И дай мою мне повесть
Окончить не хитря.

78

Итак, начавши снова,
Столбец кончаю свой
От рождества Христова
В год шестьдесят восьмой.

79

Увидя, что всё хуже
Идут у нас дела,
Зело изрядна мужа
Господь нам ниспосла.

80

На утешенье наше
Нам, аки свет зари,
Свой лик яви Тимашев —
Порядок водвори.

81

Что аз же многогрешный
На бренных сих листах
Не дописах поспешно
Или переписах,

82

То, спереди и сзади
Читая во все дни,
Исправи правды ради,
Писанья ж не кляни.

83

Составил от былинок
Рассказ немудрый сей
Худый смиренный инок,
Раб божий Алексей.

1868

* * *

Сидит под балдахином
Китаец Цу-Кин-Цын
И молвит мандаринам:
«Я главный мандарин!

Велел владыко края
Мне ваш спросить совет:
Зачем у нас в Китае
Досель порядка нет?»

Китайцы все присели,
Задами потрясли,
Гласят: «Затем доселе
Порядка нет в земли,

Что мы ведь очень млады,
Нам тысяч пять лишь лет;
Затем у нас нет складу,
Затем порядку нет!

Клянемся разным чаем,
И желтым и простым,
Мы много обещаем
И много совершим!»

«Мне ваши речи милы,—
Ответил Цу-Кин-Цын,—
Я убеждаюсь силой
Столь явственных причин.

Подумаешь: пять тысяч,
Пять тысяч только лет!»
И приказал он высечь
Немедля весь совет.

1869

НА ТЯГЕ

Сквозит на зареве темнеющих небес
И мелким предо мной рисуется узором
В весенние листы едва одетый лес,
На луг болотистый спускаясь косогором.
И глушь и тишина. Лишь сонные дрозды
Как нехотя свое доканчивают пенье;
От луга всходит пар... мерцающей звезды
У ног моих в воде явилось отраженье;
Прохладой дунуло, и прошлогодний лист
Зашелестел в дубах... Внезапно легкий свист
Послышался; за ним, отчетисто и внятно,
Стрелку знакомый хрип раздался троекратно,
И вальдшнеп протянул — вне выстрела. Другой
Летит из-за́ лесу, но длинною дугой
Опушку обогнул и скрылся. Слух и зренье
Мои напряжены, и вот через мгновенье,
Свистя, еще один, в последнем свете дня,
Чертой трепещущей несется на меня.
Дыханье притаив, нагнувшись под осиной,
Я выждал верный миг — вперед на пол-аршина
Я вскинул — огнь блеєнул, по лесу грянул гром -
И вальдшнеп падает на землю колесом.
Удара тяжкого далекие раскаты,
Слабея, замерли. Спокойствием объятый,
Вновь дремлет юный лес, и облаком седым
В недвижном воздухе висит ружейный дым.

Вот донеслась еще из дальнего болота
Весенних журавлей ликующая нота —
И стихло все опять — и в глубине ветвей
Жемчужной дробию защелкал соловей.
Но отчего же вдруг, мучительно и странно,
Минувшим на меня повеяло нежданно
И в этих сумерках и в этой тишине
Упреком горестным оно предстало мне?
Былые радости! Забытые печали!
Зачем в моей душе вы снова прозвучали
И снова предо мной, средь явственного сна,
Мелькнула дней моих погибшая весна?

1871

* * *

То было раннею весной,
Трава едва всходила,
Ручьи текли, не парил зной,
И зелень рощ сквозила;

Труба пастушья поутру
Еще не пела звонко,
И в завитках еще в бору
Был папоротник тонкий.

То было раннею весной,
В тени берез то было,
Когда с улыбкой предо мной
Ты очи опустила.

То на любовь мою в ответ
Ты опустила вежды —
О жизнь! о лес! о солнца свет!
О юность! о надежды!

И плакал я перед тобой,
На лик твой глядя милый,—
То было раннею весной,
В тени берез то было!

То было в утро наших лет —
О счастие! о слезы!
О лес! о жизнь! о солнца свет!
О свежий дух березы!

1871

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

1

Под броней с простым набором,
Хлеба кус жуя,
В жаркий полдень едет бором
Дедушка Илья;

2

Едет бором, только слышно,
Как бряцает бронь,
Топчет папоротник пышный
Богатырский конь.

3

И ворчит Илья сердито:
«Ну, Владимир, что ж?
Посмотрю я, без Ильи-то
Как ты проживешь?

4

Двор мне, княже, твой не диво!
Не пиров держусь!
Я мужик неприхотливый,
Был бы хлеба кус!

5

Но обнес меня ты чарой
В очередь мою —
Так шагай же, мой чубарый,
Уноси Илью!

6

Без меня других довольно:
Сядут — полон стол!
Только лакомы уж больно,
Любят женский пол!

7

Все твои богатыри-то,
Значит, молодежь;
Вот без старого Ильи-то
Как ты проживешь!

8

Тем-то я их боле сто́ю,
Что забыл уж баб,
А как тресну булавою,
Так еще не слаб!

9

Правду молвить, для княжого
Не гожусь двора;
Погулять по свету снова
Без того пора!

10

Не терплю богатых сеней,
Мраморных тех плит;
От царьградских от курений
Голова болит!

11

Душно в Киеве, что в скрине,
Только киснет кровь!
Государыне-пустыне
Поклонюся вновь!

12

Вновь изведаю я, старый,
Волюшку мою —
Ну же, ну, шагай, чубарый,
Уноси Илью!»

13

И старик лицом суровым
Просветлел опять,
По нутру ему здоровым
Воздухом дышать;

14

Снова веет воли дикой
На него простор,
И смолой и земляникой
Пахнет темный бор.

1871

СОН ПОПОВА

1

Приснился раз, бог весть с какой причины,
Советнику Попову странный сон:
Поздравить он министра в именины
В приемный зал вошел без панталон;
Но, впрочем, не забыто ни единой
Регалии; отлично выбрит он;
Темляк на шпаге; всё по циркуляру —
Лишь панталон забыл надеть он пару.

2

И надо же случиться, на беду,
Что он тогда лишь свой заметил промах,
Как уж вошел. «Ну,— думает,— уйду!»
Не тут-то было! Уж давно в хоромах
Народу тьма; стоит он на виду,
В почетном месте; множество знакомых
Его увидеть могут на пути.
«Нет,— он решил,— нет, мне нельзя уйти!

3

А вот я лучше что-нибудь придвину
И скрою тем досадный мой изъян;
Пусть верхнюю лишь видят половину,
За нижнюю ж ответит мне Иван!»
И вот бочком прокрался он к камину
И спрятался по пояс за экран.
«Эх,— думает,— недурно ведь, канальство!
Теперь пусть входит высшее начальство!»

4

Меж тем тесней все становился круг
Особ чиновных, чающих карьеры;
Невнятный в зале раздавался звук,
И все принять свои старались меры,
Чтоб сразу быть замеченными. Вдруг
В себя втянули животы курьеры,
И экзекутор рысью через зал,
Придерживая шпагу, пробежал.

5

Вошел министр. Он видный был мужчина,
Изящных форм, с приветливым лицом,
Одет в визитку: своего, мол, чина
Не ставлю я пред публикой ребром.
Внушается гражданством дисциплина,
А не мундиром, шитым серебром.
Все зло у нас от глупых форм избытка,
Я ж века сын — так вот на мне визитка!

6

Не ускользнул сей либеральный взгляд
И в самом сне от зоркости Попова.
Хватается, кто тонет, говорят,
За паутинку и за куст терновый.
«А что́,— подумал он,— коль мой наряд
Понравится? Ведь есть же, право слово,
Свободное, простое что-то в нем!
Кто знает? Что ж? Быть может! Подождем!»

7

Министр меж тем стан изгибал приятно:
«Всех, господа, всех вас благодарю!
Прошу и впредь служить так аккуратно
Отечеству, престолу, алтарю!
Ведь мысль моя, надеюсь, вам понятна?
Я в переносном смысле говорю:
Мой идеал полнейшая свобода —
Мне цель народ — и я слуга народа!

8

Прошло у нас то время, господа,—
Могу сказать: печальное то время,—
Когда наградой пота и труда
Был произвол. Его мы свергли бремя.
Народ воскрес — но не вполне — да, да!
Ему вступить должны помочь мы в стремя,
В известном смысле сгладить все следы
И, так сказать, вручить ему бразды.

9

Искать себе не будем идеала,
Ни основных общественных начал
В Америке. Америка отстала:
В ней собственность царит и капитал.
Британия строй жизни запятнала
Законностью. А я уж доказал:
Законность есть народное стесненье,
Гнуснейшее меж всеми преступленье!

10

Нет, господа! России предстоит,
Соединив прошедшее с грядущим,
Создать, коль смею выразиться, вид,
Который называется присущим
Всем временам; и, став на свой гранит,
Имущим, так сказать, и неимущим
Открыть родник взаимного труда.
Надеюсь, вам понятно, господа?»

11

Раздался в зале шепот одобренья,
Министр поклоном легким отвечал,
И тут же, с видом, полным снисхожденья,
Он обходить обширный начал зал:
«Как вам? Что вы? Здорова ли Евгенья
Семеновна? Давно не заезжал
Я к вам, любезный Сидор Тимофеич!
Ах, здравствуйте, Ельпидифор Сергеич!»

12

Стоял в углу, плюгав и одинок,
Какой-то там коллежский регистратор.
Он и к тому, и тем не пренебрег:
Взял под руку его: «Ах, Антипатор
Васильевич! Что, как ваш кобелек?
Здоров ли он? Вы ездите в театор?
Что вы сказали? Все болит живот?
Ах, как мне жаль! Но ничего, пройдет!»

13

Переходя налево и направо,
Свои министр так перлы расточал;
Иному он подмигивал лукаво,
На консоме другого приглашал
И ласково смотрел и величаво.
Вдруг на Попова взор его упал,
Который, скрыт экраном лишь по пояс,
Исхода ждал, немного беспокоясь.

14

«Ба! Что я вижу! Тит Евсеич здесь!
Так, так и есть! Его мы точность знаем!
Но отчего ж он виден мне не весь?
И заслонен каким-то попугаем?
Престранная выходит это смесь!
Я любопытством очень подстрекаем
Увидеть ваши ноги. Да, да, да!
Я вас прошу, пожалуйте сюда!»

15

Колеблясь меж надежды и сомненья:
Как на его посмотрят туалет,
Попов наружу вылез. В изумленье
Министр приставил к глазу свой лорнет.
«Что́ это? Правда или наважденье?
Никак, на вас штанов, любезный, нет?»
И на чертах изящно-благородных
Гнев выразил ревнитель прав народных.

16

«Что это значит? Где вы рождены?
В Шотландии? Как вам пришла охота
Там, за экраном, снять с себя штаны?
Вы начитались, верно, Вальтер Скотта?
Иль классицизмом вы заражены?
И римского хотите патриота
Изобразить? Иль, боже упаси,
Собой бюджет представить на Руси?»

17

И был министр еще во гневе краше,
Чем в милости. Чреватый от громов
Взор заблестел. Он продолжал: «Вы наше
Доверье обманули. Много слов
Я тратить не люблю».— «Ва-ва-ва-ваше
Превосходительство! — шептал Попов.—
Я не сымал... Свидетели курьеры,
Я прямо так приехал из квартеры!»

18

«Вы, милостивый, смели, государь,
Приехать так? Ко мне? На поздравленье?
В день ангела? Безнравственная тварь!
Теперь твое я вижу направленье!
Вон с глаз моих! Иль нету — секретарь!
Пишите к прокурору отношенье:
Советник Тит Евсеев сын Попов
Все ниспровергнуть власти был готов.

19

Но, строгому благодаря надзору
Такого-то министра — имярек,—
Отечество спаслось от заговору
И нравственность не сгинула навек.
Под стражей ныне шлется к прокурору
Для следствия сей вредный человек,
Дерзнувший снять публично панталоны,
Да поразят преступника законы!

20

Иль нет, постойте! Коль отдать под суд,
По делу выйти может послабленье,
Присяжные-бесштанники спасут
И оправдают корень возмущенья!
Здесь слишком громко нравы вопиют —
Пишите прямо в Третье отделенье:
Советник Тит Евсеев сын Попов
Все ниспровергнуть власти был готов.

21

Он поступил законам так противно,
На общество так явно поднял меч,
Что пользу можно б административно
Из неглиже из самого извлечь.
Я жертвую агентам по две гривны,
Чтобы его — но скрашиваю речь,—
Чтоб мысли там внушить ему иные.
Затем ура! Да здравствует Россия!»

22

Министр кивнул мизинцем. Сторожа
Внезапно взяли под руки Попова.
Стыдливостью его не дорожа,
Они его от Невского, Садовой,
Средь смеха, крика, чуть не мятежа,
К Цепному мосту привели, где новый
Стоит, на вид весьма красивый, дом,
Своим известный праведным судом.

23

Чиновник по особым порученьям,
Который их до места проводил,
С заботливым Попова попеченьем
Сдал на руки дежурному. То был
Во фраке муж, с лицом, пылавшим рвеньем,
Со львиной физьономией, носил
Мальтийский крест и множество медалей,
И в душу взор его влезал все далей!

24

В каком полку он некогда служил,
В каких боях отличен был как воин,
За что свой крест мальтийский получил
И где своих медалей удостоен —
Неведомо. Ехидно попросил
Попова он, чтобы тот был спокоен,
С улыбкой указал ему на стул
И в комнату соседнюю скользнул.

25

Один оставшись в небольшой гостиной,
Попов стал думать о своей судьбе:
«А казус вышел, кажется, причинный!
Кто б это мог вообразить себе?
Попался я в огонь, как сноп овинный!
Ведь искони того еще не бе,
Чтобы меня кто в этом виде встретил,
И как швейцар проклятый не заметил!»

26

Но дверь отверзлась, и явился в ней
С лицом почтенным, грустию покрытым,
Лазоревый полковник. Из очей
Катились слезы по его ланитам.
Обильно их струящийся ручей
Он утирал платком, узором шитым,
И про себя шептал: «Так! Это он!
Таким он был, едва лишь из пелен!

27

О юноша! — он продолжал, вздыхая
(Попову было с лишком сорок лет).—
Моя душа для вашей не чужая!
Я в те года, когда мы ездим в свет,
Знал вашу мать. Она была святая!
Таких, увы! теперь уж боле нет!
Когда б она досель была к вам близко,
Вы б не упали нравственно так низко!

28

Но, юный друг, для набожных сердец
К отверженным не может быть презренья,
И я хочу вам быть второй отец,
Хочу вам дать для жизни наставленье.
Заблудших так приводим мы овец
Со дна трущоб на чистый путь спасенья.
Откройтесь мне, равно как на духу:
Что привело вас к этому греху?

29

Конечно, вы пришли к нему не сами,
Характер ваш невинен, чист и прям!
Я помню, как дитёй за мотыльками
Порхали вы средь кашки по лугам!
Нет, юный друг, вы ложными друзьями
Завлечены! Откройте же их нам!
Кто вольнодумцы? Всех их назовите
И собственную участь облегчите!

30

Что слышу я? Ни слова? Иль пустить
Уже успело корни в вас упорство?
Тогда должны мы будем приступить
Ко строгости, увы! и непокорство,
Сколь нам ни больно, в вас искоренить!
О юноша! Как сердце ваше черство!
В последний раз: хотите ли всю рать
Завлекших вас сообщников назвать?»

31

К нему Попов достойно и наивно:
«Я, господин полковник, я бы вам
Их рад назвать, но мне, ей-богу, дивно...
Возможно ли сообщничество там,
Где преступленье чисто негативно?
Ведь панталон-то не надел я сам!
И чем бы там меня вы ни пугали —
Другие мне, клянусь, не помогали!»

32

«Не мудрствуйте, надменный санкюлот!
Свою вину не умножайте ложью!
Сообщников и гнусный ваш комплот
Повергните к отечества подножью!
Когда б вы знали, что́ теперь вас ждет,
Вас проняло бы ужасом и дрожью!
Но, дружбу вы чтоб ведали мою,
Одуматься я время вам даю!

33

Здесь, на столе, смотрите, вам готово
Достаточно бумаги и чернил;
Пишите же — не то, даю вам слово:
Чрез полчаса вас изо всех мы сил...»
Тут ужас вдруг такой объял Попова,
Что страшную он подлость совершил:
Пошел строчить (как люди в страхе гадки!)
Имен невинных многие десятки!

34

Явились тут на нескольких листах:
Какой-то Шмидт, два брата Шулаковы,
Зерцалов, Палкин, Савич, Розенбах,
Потанчиков, Гудим-Бодай-Корова,
Делаверганж, Шульгин, Страженко, Драх,
Грай-Жеребец, Бабков, Ильин, Багровый,
Мадам Гриневич, Глазов, Рыбин, Штих,
Бурдюк-Лишай — и множество других.

35

Попов строчил сплеча и без оглядки,
Попались в список лучшие друзья;
Я повторю: как люди в страхе гадки —
Начнут как бог, а кончат как свинья!
Строчил Попов, строчил во все лопатки,
Такая вышла вскоре ектенья,
Что, прочитав, и сам он ужаснулся,
Вскричал: фуй! фуй! задрыгал — и проснулся.

36

Небесный свод сиял так юн и нов,
Весенний день глядел в окно так весел,
Висела пара форменных штанов
С мундиром купно через спинку кресел;
И в радости уверился Попов,
Что их Иван там с вечера повесил —
Одним скачком покинул он кровать
И начал их в восторге надевать.

37

«То был лишь сон! О, счастие! о, радость!
Моя душа, как этот день, ясна!
Не сделал я Бодай-Корове гадость!
Не выдал я агентам Ильина!
Не наклепал на Савича! О, сладость!
Мадам Гриневич мной не предана!
Страженко цел, и братья Шулаковы
Постыдно мной не ввержены в оковы!»

38

Но ты, никак, читатель, восстаешь
На мой рассказ? Твое я слышу мненье:
Сей анекдот, пожалуй, и хорош,
Но в нем сквозит дурное направленье.
Всё выдумки, нет правды ни на трош!
Слыхал ли кто такое обвиненье,
Что, мол, такой-то — встречен без штанов,
Так уж и власти свергнуть он готов?

39

И где такие виданы министры?
Кто так из них толпе кадить бы мог?
Я допущу: успехи наши быстры,
Но где ж у нас министер-демагог?
Пусть проберут все списки и регистры,
Я пять рублей бумажных дам в залог;
Быть может, их во Франции немало,
Но на Руси их нет и не бывало!

40

И что это, помилуйте, за дом,
Куда Попов отправлен в наказанье?
Что за допрос? Каким его судом
Стращают там? Где есть такое зданье?
Что за полковник выскочил? Во всем,
Во всем заметно полное незнанье
Своей страны обычаев и лиц,
Встречаемое только у девиц.

41

А наконец, и самое вступленье:
Ну есть ли смысл, я спрашиваю, в том,
Чтоб в день такой, когда на поздравленье
К министру все съезжаются гуртом,
С Поповым вдруг случилось помраченье
И он таким оделся бы шутом?
Забыться может галстук, орден, пряжка —
Но пара брюк — нет, это уж натяжка!

42

И мог ли он так ехать? Мог ли в зал
Войти, одет как древние герои?
И где резон, чтоб за экран он стал,
Никем не зрим? Возможно ли такое?
Ах, батюшка-читатель, что́ пристал?
Я не Попов! Оставь меня в покое!
Резон ли в этом или не резон —
Я за чужой не отвечаю сон!

1873

* * *

Прозрачных облаков спокойное движенье,
Как дымкой солнечный перенимая свет,
То бледным золотом, то мягкой синей тенью
Окрашивает даль. Нам тихий свой привет
Шлет осень мирная. Ни резких очертаний,
Ни ярких красок нет. Землей пережита
Пора роскошных сил и мощных трепетаний;
Стремленья улеглись; иная красота
Сменила прежнюю; ликующего лета
Лучами сильными уж боле не согрета,
Природа вся полна последней теплоты;
Еще вдоль влажных меж красуются цветы,
А на пустых полях засохшие былины
Опутывает сеть дрожащей паутины;
Кружася медленно в безветрии лесном,
На землю желтый лист спадает за листом;
Невольно я слежу за ними взором думным,
И слышится мне в их падении бесшумном:
«Всему настал покой, прими ж его и ты,
Певец, державший стяг во имя красоты;
Проверь, усердно ли ее святое семя
Ты в борозды бросал, оставленные всеми,
По совести ль тобой задача свершена
И жатва дней твоих обильна иль скудна?»

1874

НЕЗАБУДКИ И ЗАПЯТКИ

Басня

Трясясь Пахомыч на запятках,
Пук незабудок вез с собой;
Мозоли натерев на пятках,
Лечил их дома камфарой.

Читатель! в басне сей откинув незабудки,
Здесь помещенные для шутки,
Ты только это заключи:
Коль будут у тебя мозоли,
То, чтоб избавиться от боли,
Ты, как Пахомыч наш, их камфарой лечи.

⟨1851⟩

КОНДУКТОР И ТАРАНТУЛ

Басня

В горах Гишпании тяжелый экипаж,
С кондуктором, отправился в вояж.
Гишпанка, севши в нем, немедленно заснула;
А муж ее меж тем, увидя тарантýла,
Вскричал: «Кондуктор, стой!
Приди скорей! Ах, боже мой!»
На крик кондуктор поспешает
И тут же веником скотину выгоняет,
Примолвив: «Денег ты за место не платил!» —
И тотчас же его пятóю раздавил.

Читатель! разочти вперед свои депансы,
Чтоб даром не дерзать садиться в дилижансы,
И норови, чтобы отнюдь
Без денег не пускаться в путь,
Не то случится и с тобой, что́ с насекомым,
Тебе знакомым.

⟨1851⟩

СТАН И ГОЛОС

Басня

Хороший стан, чем голос звучный,
Иметь приятней во сто крат.
Вам это пояснить я басней рад.

Какой-то становой, собой довольно тучный,
Надевши ваточный халат,
Присел к открытому окошку
И молча начал гладить кошку.
Вдруг голос горлицы внезапно услыхал...
«Ах, если б голосом твоим я обладал,—
Так молвил пристав,— я б у тещи
Приятно пел в тенистой роще
И сродников своих пленял и услаждал!»
А горлица на то головкой покачала
И становому так, воркуя, отвечала:
«А я твоей завидую судьбе:
Мне голос дан, а стан тебе».

⟨1851⟩

ЧЕСТОЛЮБИЕ

Дайте силу мне Самсона;
Дайте мне Сократов ум;
Дайте легкие Клеона,
Оглашавшие форум;
Цицерона красноречье,
Ювеналовскую злость,
И Эзопово увечье,
И магическую трость!

Дайте бочку Диогена;
Ганнибалов острый меч,

Что за славу Карфагена
Столько вый отсек от плеч!
Дайте мне ступню Психеи,
Сапфы женственный стишок,
И Аспазьины затеи,
И Венерин поясок!

Дайте череп мне Сенеки;
Дайте мне Вергильев стих —
Затряслись бы человеки
От глаголов уст моих!
Я бы с мужеством Ликурга,
Озираяся кругом,
Стогны все Санктпетербурга
Потрясал своим стихом!

Для значения инова
Я исхитил бы из тьмы
Имя славное *Пруткова*,
Имя громкое *Козьмы*!

〈*1854*〉

РАЗНИЦА ВКУСОВ

Басня [1]

Казалось бы, ну как не знать
Иль не слыхать
Старинного присловья,
Что спор о вкусах — пустословье?
Однако ж раз, в какой-то праздник,
Случилось так, что с дедом за столом
В собрании гостей большом
О вкусах начал спор его же внук, проказник.
Старик, разгорячась, сказал среди обеда:
«Щенок! тебе ль порочить деда?
Ты молод: всё тебе и редька и свинина;
Глотаешь в день десяток дынь;
Тебе и горький хрен малина,
А мне и бланманже полынь!»

---

[1] В 1-м издании (см. журнал «Современник», 1853) эта басня была озаглавлена: «Урок внучатам»,—в ознаменование действительного происшествия в семье Козьмы Пруткова.

Читатель! в мире так устроено издавна:
Мы разнимся в судьбе,
Во вкусах и подавно;
Я это басней пояснил тебе.
С ума ты сходишь от Берлина;
Мне ж больше нравится Медынь.
Тебе, дружок, и горький хрен малина;
А мне и бланманже полынь.

⟨1854⟩

ПИСЬМО ИЗ КОРИНФА

Древнее греческое

Посвящено г. Щербине

Я недавно приехал в Коринф.
Вот ступени, а вот колоннада.
Я люблю здешних мраморных нимф
И истмийского шум водопада.

Целый день я на солнце сижу.
Трусь елеем вокруг поясницы.
Между камней паросских слежу
За извивом слепой медяницы.

Померанцы растут предо мной,
И на них в упоенье гляжу я.
Дорог мне вожделенный покой.
«Красота! красота!» — все твержу я.

А на землю лишь спустится ночь,
Мы с рабыней совсем обомлеем...
Всех рабов высылаю я прочь
И опять натираюсь елеем.

⟨1854⟩

ЮНКЕР ШМИДТ

Вянет лист. Проходит лето.
Иней серебрится...
Юнкер Шмидт из пистолета
Хочет застрелиться.

Погоди, безумный, снова
Зелень оживится!
Юнкер Шмидт! честно́е слово,
Лето возвратится!

⟨1854⟩

ЖЕЛАНИЕ БЫТЬ ИСПАНЦЕМ

Тихо над Альгамброй.
Дремлет вся натура.
Дремлет за́мок Памбра.
Спит Эстремадура.

Дайте мне мантилью,
Дайте мне гитару,
Дайте Инезилью,
Кастаньетов пару.

Дайте руку верную,
Два вершка булату,
Ревность непомерную,
Чашку шоколату.

Закурю сигару я,
Лишь взойдет луна...
Пусть дуэнья старая
Смотрит из окна!

За двумя решетками
Пусть меня клянет;
Пусть шевелит четками,
Старика зовет.

Слышу на балконе
Шорох платья,— чу! —
Подхожу я к донне,
Сбросил епанчу.

Погоди, прелестница!
Поздно или рано
Шелковую лестницу
Выну из кармана!..

О синьора милая,
Здесь темно и серо...
Страсть кипит унылая
В вашем кавальеро.

Здесь, перед бананами,
Если не наскучу,
Я между фонтанами
Пропляшу качучу.

Но в такой позиции
Я боюся, страх,
Чтобы инквизиции
Не донес монах!

Уж недаром мерзостный
Старый альгвазил
Мне рукою дерзостной
Давеча грозил.

Но его для сраму я
Маврою [1] одену;
Загоню на самую
На Сьерра-Морену!

И на этом месте,
Если вы мне рады,
Будем петь мы вместе
Ночью серенады.

Будет в нашей власти
Толковать о мире,
О вражде, о страсти,
О Гвадалквивире;

Об улыбках, взорах,
Вечном идеале,
О тореадорах
И об Эскурьяле...

---

[1] Здесь, очевидно, разумеется племенное имя: *мавр*, *мавританин*, а не женщина *Маврa*. Впрочем, это объяснение даже лишнее, потому что о другом магометанском племени тоже говорят иногда в женском роде: *турка*. Ясно, что этим определяются восточные нравы.

Тихо над Альгамброй.
Дремлет вся натура.
Дремлет за́мок Памбра.
Спит Эстремадура.

⟨1854⟩

ЭПИГРАММА
№ III

Пия душистый сок цветочка,
Пчела дает нам мед взамен;
Хотя твой лоб пустая бочка,
Но все же ты не Диоген.

⟨1854⟩

ОСАДА ПАМБЫ

Романсеро, с испанского

Девять лет дон Педро Гомец,
По прозванью Лев Кастильи,
Осаждает замок Памбу,
Молоком одним питаясь.
И все войско дона Педра,
Девять тысяч кастильянцев,
Все по данному обету
Не касаются мясного,
Ниже хлеба не снедают,
Пьют одно лишь молоко.
Всякий день они слабеют,
Силы тратя по-пустому.
Всякий день дон Педро Гомец
О своем бессилье плачет,
Закрываясь епанчою.
Настает уж год десятый.
Злые мавры торжествуют;
А от войска дона Педра
Налицо едва осталось
Девятнадцать человек.
Их собрал дон Педро Гомец
И сказал им: «Девятнадцать!
Разовьем свои знамена,
В трубы громкие взыграем

И, ударивши в литавры,
Прочь от Памбы мы отступим
Без стыда и без боязни.
Хоть мы крепости не взяли,
Но поклясться можем смело
Перед совестью и честью:
Не нарушили ни разу
Нами данного обета —
Целых девять лет не ели,
Ничего не ели ровно,
Кроме только молока!»
Ободренные сей речью,
Девятнадцать кастильянцев
Все, качаясь на седлах,
В голос слабо закричали:
«Sancto Jago Compostello! [1]
Честь и слава дону Педру,
Честь и слава Льву Кастильи!»
А каплан его Диего
Так сказал себе сквозь зубы:
«Если б я был полководцем,
Я б обет дал есть лишь мясо,
Запивая сантуринским».
И, услышав то, дон Педро
Произнес со громким смехом:
«Подарить ему барана:
Он изрядно подшутил».

⟨1854⟩

В АЛЬБОМ КРАСИВОЙ ЧУЖЕСТРАНКЕ

Написано в Москве

Вокруг тебя очарованье.
Ты бесподобна. Ты мила.
Ты силой чудной обаянья
К себе поэта привлекла.
Но он любить тебя не может:
Ты родилась в чужом краю,
И он охулки не положит,
Любя тебя, на честь свою.

⟨1854⟩

---

[1] Святой Иаков Компостельский (*искаж. исп.*).

НЕМЕЦКАЯ БАЛЛАДА

Барон фон Гринва́льдус,
Известный в Германье,
В забралах и в латах
На камне пред за́мком,
Пред замком Амальи,
Сидит, принахмурясь;
Сидит и молчит.

Отвергла Амалья
Баронову руку!..
Барон фон Гринвальдус
От за́мковых окон
Очей не отводит
И с места не сходит;
Не пьет и не ест.

Года за годами...
Бароны воюют,
Бароны пируют;
Барон фон Гринвальдус,
Сей доблестный рыцарь,
Все в той же позицье
На камне сидит.

⟨1854⟩

ДРЕВНИЙ ПЛАСТИЧЕСКИЙ ГРЕК

Люблю тебя, дева, когда золотистый
И солнцем облитый ты держишь лимон,
И юноши зрю подбородок пушистый
Меж листьев аканфа и белых колонн.

Красивой хламиды тяжелые складки
Упали одна за другой...
Так в улье шумящем вкруг раненой матки
Снует озабоченный рой.

⟨1854⟩

ДОБЛЕСТНЫЕ СТУДИОЗУСЫ

Как будто из Гейне

Фриц Вагнер — студьозус из Иены,
Из Бонна — Иеро́нимус Кох,
Вошли в кабинет мой с азартом,
Вошли, не очистив сапог.

«Здорово, наш старый товарищ!
Реши поскорее наш спор:
Кто доблестней — Кох или Вагнер?» -
Спросили с бряцанием шпор.

«Друзья! вас и в Иене и в Бонне
Давно уже я оценил:
Кох логике славно учился,
А Вагнер искусно чертил».

Ответом моим недовольны:
«Решай поскорее наш спор!» —
Они повторили с азартом
И с тем же бряцанием шпор.

Я комнату взглядом окинул
И, будто узором прельщен:
«Мне нравятся очень... *обои*!» —
Сказал им и выбежал вон.

Понять моего каламбура
Из них ни единый не мог,
И долго стояли в раздумье
Студьозусы Вагнер и Кох.

〈*1854*〉

ЖЕЛАНИЯ ПОЭТА

Хотел бы я тюльпаном быть,
Парить орлом по поднебесью,
Из тучи ливнем воду лить
Иль волком выть по перелесью.

Хотел бы сделаться сосною,
Былинкой в воздухе летать,
Иль солнцем землю греть весною,
Иль в роще иволгой свистать.

Хотел бы я звездой теплиться,
Взирать с небес на дольний мир,
В потемках по небу скатиться,
Блистать, как яхонт иль сапфир.

Гнездо, как пташка, вить высоко,
В саду резвиться стрекозой,
Кричать совою одиноко,
Греметь в ушах ночной грозой...

Как сладко было б на свободе
Свой образ часто так менять
И, век скитаясь по природе,
То утешать, то устрашать!

⟨1854⟩

ПОМЕЩИК И САДОВНИК

Басня

Помещику однажды в воскресенье
Поднес презент его сосед.
То было некое растенье,
Какого, кажется, в Европе даже нет.
Помещик посадил его в оранжерею;
Но как он сам не занимался ею
(Он делом занят был другим:
Вязал набрюшники родным),
То раз садовника к себе он призывает
И говорит ему: «Ефим!
Блюди особенно ты за растеньем сим;
Пусть хорошенько прозябает».
Зима настала между тем.
Помещик о своем растенье вспоминает
И так Ефима вопрошает:
«Что́? хорошо ль растенье прозябает?»
«Изрядно,— тот в ответ,— прозябло уж совсем!»

Пусть всяк садовника такого нанимает,
Который понимает,
Что значит слово «прозябает».

1855

МОЙ ПОРТРЕТ

Когда в толпе ты встретишь человека,
Который наг;[1]
Чей лоб мрачней туманного Казбека,
Неровен шаг;
Кого власы подъяты в беспорядке;
Кто, вопия,
Всегда дрожит в нервическом припадке,—
Знай: это я!

Кого язвят, со злостью вечно новой,
Из рода в род;
С кого толпа венец его лавровый
Безумно рвет;
Кто ни пред кем спины не клонит гибкой,—
Знай: это я!..
В моих устах спокойная улыбка,
В груди — змея!

⟨1856⟩

ПАСТУХ, МОЛОКО И ЧИТАТЕЛЬ

Басня

Однажды нес пастух куда-то молоко,
Но так ужасно далеко,
Что уж назад не возвращался.

Читатель! он тебе не попадался?

⟨1859⟩

---

[1] Вариант: «На коем фрак».

* * *

Романс

На мягкой кровати
Лежу я один.
В соседней палате
Кричит армянин.

Кричит он и стонет,
Красотку обняв,
И голову клонит;
Вдруг слышно: пиф-паф!..

Упала дивчина
И тонет в крови...
Донской казачина
Клянется в любви...

А в небе лазурном
Трепещет луна;
И с шнуром мишурным
Лишь шапка видна.

В соседней палате
Замолк армянин.
На узкой кровати
Лежу я один.

〈1860〉

НОВОГРЕЧЕСКАЯ ПЕСНЬ

Спит залив. Эллада дремлет.
Под портúк уходит мать
Сок гранаты выжимать...
Зоя! нам никто не внемлет!
Зоя, дай себя обнять!

Зоя, утренней порою
Я уйду отсюда прочь;

Ты смягчись, покуда ночь!
Зоя, утренней порою
Я уйду отсюда прочь...

Пусть же вихрем сабля свищет!
Мне Костаки не судья!
Прав Костаки, прав и я!
Пусть же вихрем сабля свищет;
Мне Костаки не судья!

В поле брани Разорваки
Пал за вольность, как герой.
Бог с ним! рок его такой.
Но зачем же жив Костаки,
Когда в поле Разорваки
Пал за вольность, как герой?!

Видел я вчера в заливе
Восемнадцать кораблей;
Все без мачт и без рулей...
Но султана я счастливей;
Лей вина мне, Зоя, лей!

Лей, пока Эллада дремлет,
Пока тщетно тщится мать
Сок гранаты выжимать...
Зоя, нам никто не внемлет!
Зоя, дай себя обнять!

⟨1860⟩

ОСЕНЬ

С персидского, из Ибн-Фета

Осень. Скучно. Ветер воет.
Мелкий дождь по окнам льет.
Ум тоскует; сердце ноет;
И душа чего-то ждет.

И в бездейственном покое
Нечем скуку мне отвесть...
Я не знаю: что такое?
Хоть бы книжку мне прочесть!

⟨1860⟩

БЛЕСТКИ ВО ТЬМЕ

Над плакучей ивой
Утренняя зорька...
А в душе тоскливо,
И во рту так горько.

Дворик постоялый
На большой дороге...
А в душе усталой
Тайные тревоги.

На озимом поле
Псовая охота...
А на сердце боли
Больше отчего-то.

В синеве небесной
Пятнышка не видно...
Почему ж мне тесно?
Отчего ж мне стыдно?

Вот я снова дома;
Убрано роскошно...
А в груди истома
И как будто тошно!

Свадебные брашна,
Шутка-прибаутка...
Отчего ж мне страшно?
Почему ж мне жутко?

1883

ПЕРЕД МОРЕМ ЖИТЕЙСКИМ

Все стою на камне,—
Дай-ка брошусь в море...
Что пошлет судьба мне:
Радость или горе?

Может, озадачит...
Может, не обидит...
Ведь кузнечик скачет,
А куда — не видит.

1883

* * *

С преступной гордостью обидных,
Тупых желаний и надежд,
Речей без смысла, дум постыдных
И остроумия невежд,
В весельях наглых и безбожных,
Средь возмутительных забав
Гниете вы, условий ложных
Надменно вытвердя устав!
Блестящей светской мишурою
Свою прикрывши нищету,
Ужель не видите порою
Вы ваших помыслов тщету?
Того, что вам судьба готовит,
Еще ли страх вас не проник?
Все так же лжет, и срамословит,
И раболепствует язык!
Не стыдно вам пустых занятий,
Богатств и прихотей своих,
Вам нипочем страданья братий
И стоны праведные их!..
Господь! Господь, вонми моленью,
Да прогремит бедами гром
Земли гнилому поколенью
И в прах рассыплется Содом!
А ты, страдающий под игом
Сих просвещенных обезьян,—
Пора упасть твоим веригам!
Пусть, духом мести обуян,
Восстанешь ты и, свергнув бремя,

Вещав державные слова,
Предашь мечу гнилое племя,
По ветру их рассеешь семя
И воцаришь свои права!..

1845

РУССКОМУ ПОЭТУ

Поэт, взгляни вокруг! Напрасно голос твой
Выводит звуки стройных песен:
Немое множество стоит перед тобой,
А круг внимающих — так тесен!
Для них ли носишь ты в душе своей родник
Прекрасных, чистых вдохновений?
Для них! Народу чужд искусственный язык
Твоих бесцветных песнопений,
На иноземный лад настроенные сны
С тоскою лживой и бесплодной...
Не знаешь ты тебя взлелеявшей страны,
Ты не певец ее народный!
Не вдохновлялся ты в источнике живом
С народом общей тайной духа,
Не изучимого ни взором, ни умом,
Неуловимого для слуха!
Ты чужд его богатств! Как жалкий ученик,
Без самородного закала,
Растратишь скоро все, чем полон твой родник,
Чем жизнь заемная питала!
Пусть хор ценителей за робкий песен склад
Тебя и хвалит и ласкает!..
Немое множество не даст тебе наград:
Народ поэта не признает!

1846

* * *

Странным чувством объята душа,
Будто хочет проститься с землею,
Будто все, чем земля хороша,
С бесконечной и пестрой семьею,
Все покинуть ей до́лжно спеша!..

И с порывом тоскливо-больным
Просит воли,— на миг позабыться,
Все вместить, полюбить, всем земным,
Всем дыханием жизни упиться,
Всем блаженством ее молодым!..

1847

<ИЗ ПОЭМЫ «БРОДЯГА»>

* * *

Жар свалил. Повеяла прохлада.
Длинный день покончил ряд забот;
По дворам давно загнали стадо,
И косцы вернулися с работ.
Потемнеть заря уже готова;
Тихо все. Час ночи недалек.
Подымался и улегся снова
На закате легкий ветерок!..
Говор смолк; лишь изредка собачий
Слышен лай; промолвят голоса...
Пыль слеглась; остыл песок горячий,
Пала сильно на землю роса.
По краям темпеющего свода
Тени все, широкие, слились:
Встретить ночь готовится природа;
Запахи отвсюду понеслись.
В тишине жизнь новая творится:
Зрячею проснулася сова,
И встает, и будто шевелится,
И растет, и шепчется трава!..

* * *

Прямая дорога, большая дорога!
Простору немало взяла ты у бога,
Ты вдаль протянулась, пряма как стрела,
Широкою гладью, что скатерть, легла!
Ты камнем убита, жестка для копыта,
Ты мерена мерой, трудами добыта!..
В тебе что ни шаг, то мужик работáл:
Прорезывал горы, мосты настилал;

Все дружною силой и с песнями взято, —
Вколачивал молот, и рыла лопата,
И дебри топор вековые просек...
Куда как упорен в труде человек!
Чего он ни сможет, лишь было б терпенье,
Да разум, да воля, да божье хотенье!..

А с каменкой рядом, поодаль немножко,
Окольная вьется, живая дорожка!
Дорожка, дорожка, куда ты ведешь,
Без званья ли ты иль со званьем слывешь?
Идешь, колесишь ты, не зная разбору,
По рвам и долинам, чрез речку и гору!
Немного ты места себе отняла:
Простором тележным легла, где могла!
Тебя не ровняли топор и лопата,
Мягка ты копыту и пылью богата,
И кочки местами, и взрежет соха...
Грязна ты в ненастье, а в вёдро суха!..

⟨1846—1848⟩

* * *

Пусть гибнет все, к чему сурово
Так долго дух готовлен был:
Трудилась мысль, дерзало слово,
В запасе много было сил...
Слабейте, силы! Вы не нужны!
Засни ты, дух! давно пора!
Рассейтесь все, кто были дружны
Во имя правды и добра!

Бесплодны все труды и бденья,
Бесплоден слова дар живой,
Бессилен подвиг обличенья,
Безумен всякий честный бой!
Безумна честная отвага
Правдивой юности — и с ней
Безумны все желанья блага,
Святые бредни юных дней!

Так сокрушись, души гордыня,
В борьбе неравной ты падешь:

Сплошного зла стоит твердыня,
Царит бессмысленная Ложь!
Она страшней врагов опасных,
Сильна не внешнею бедой,
Но тратой дней и сил прекрасных
В борьбе пустой, тупой, немой!..

Ликуй же, Ложь, и нас, безумцев,
Уроком горьким испытуй,
Гони со света вольнодумцев,
Казни, цари и торжествуй!..
Слабейте ж, силы!.. Вы не нужны!
Засни ты, дух! давно пора!
Рассейтесь все, кто были дружны
Во имя правды и добра!

1849

* * *

Среди цветов поры осенней,
Видавших вьюгу и мороз,
Вдруг распустился цвет весенний —
Одна из ранних алых роз.
Пахнуло вдруг дыханьем мая,
Блеснуло солнцем вешних дней,
И мнилось — гостья дорогая
Мне принесла, благоухая,
Привет из юности моей!..

1878

ВЕЧЕВОЙ КОЛОКОЛ

Над рекою, над пенистым Волховом,
На широкой Вадимовой площади,
Заунывно гудит-поет колокол.
Для чего созывает он Новгород?
Не меняют ли снова посадника?
Не волнуется ль Чудь непокорная?
Не вломились ли шведы иль рыцари?
Да не время ли кликнуть охотников
Взять неволей иль волей с Югории
Серебро и меха драгоценные?
Не пришли ли товары ганзейские,
Али снова послы сановитые
От великого князя Московского
За обильною данью приехали?
Нет! Уныло гудит-поет колокол...
Поет тризну свободе печальную,
Поет песню с отчизной прощальную...

«Ты прости, родимый Новгород!
Не сзывать тебя на вече мне,
Не гудеть уж мне по-прежнему:
Кто на бога? Кто на Новгород?
Вы простите, храмы божии,
Терема мои дубовые!
Я пою для вас в последний раз,
Издаю для вас прощальный звон.
Налети ты, буря грозная,
Вырви ты язык чугунный мой,
Ты разбей края мне медные,
Чтоб не петь в Москве, далекой мне,

Про мое ли горе горькое,
Про мою ли участь слезную,
Чтоб не тешить песнью грустною
Мне царя Ивана в тереме.

Ты прости, мой брат названый, буйный Волхов мой, прости!
Без меня ты праздную радость, без меня ты и грусти.
Пролетело это время... не вернуть его уж нам,
Как и радость, да и горе мы делили пополам!
Как не раз печальный звон мой ты волнами заглушал,
Как не раз и ты под гул мой, буйный Волхов мой, плясал.
Помню я, как под ладьями Ярослава ты шумел,
Как напутную молитву я волнам твоим гудел.
Помню я, как Боголюбский побежал от наших стен,
Как гремели мы с тобою: «Смерть вам, суздальцы, иль плен!»
Помню я: ты на Ижору Александра провожал;
Я моим хвалебным звоном победителя встречал.
Я гремел, бывало, звучный,— собирались молодцы,
И дрожали за товары иноземные кущцы,
Немцы рижские бледнели, и, заслышавши меня,
Погонял литовец дикий быстроногого коня.
А я город, а я вольный звучным голосом зову
То на немцев, то на шведов, то на Чудь, то на Литву!
Да прошла пора святая: наступило время бед!
Если б мог — я б растопился в реки медных слез, да нет!
Я не ты, мой буйный Волхов! Я не плачу,— я пою!
Променяет ли кто слезы и на песню — на мою?
Слушай... нынче, старый друг мой, по тебе я поплыву,
Царь Иван меня отвозит во враждебную Москву.
Собери скорей все волны, все валуны, все струи —
Разнеси в осколки, в щепки ты московские ладьи,
А меня на дне песчаном синих вод твоих сокрой
И звони в меня почаще серебристою волной:
Может быть, из вод глубоких вдруг услыша голос мой,
И за вольность и за вече встанет город наш родной».

Над рекою, над пенистым Волховом,
На широкой Вадимовой площади,
Заунывно гудит-поет колокол;
Волхов плещет, и бьется, и пенится
О ладьи москвитян острогрудые,
А на чистой лазури, в поднебесье,
Главы храмов святых, белокаменных
Золотистыми слезками светятся.

1840

* * *

Не знаю, отчего так грустно мне при ней?
Я не влюблен в нее: кто любит, тот тоскует,
Он болен, изнурен любовию своей.
Он день и ночь в огне — он плачет и ревнует...
Я не влюблен... при ней бывает грустно мне —
И только... Отчего — не знаю. Оттого ли,
Что дума и у ней такой же просит воли,
Что сердце и у ней в таком же дремлет сне?
Иль от предчувствия, что некогда напрасно,
Но пылко мне ее придется полюбить?
Бог весть! А полюбить я не хотел бы страстно:
Мне лучше нравится — по-своему грустить.
Взгляните, вот она: небрежно локон вьется,
Спокойно дышит грудь, ясна лазурь очей —
Она так хороша, так весело смеется...
Не знаю, отчего так грустно мне при ней?

1844

СОСНА

Во сыром бору сосна стоит, растет;
Во чистом поле метель гудит, поет;
Над землею тучи серые шатром;
На земле снега пушистые ковром;
Вьюга, холод, но печальная сосна
Неизменна, как весною зелена.
Возвратится ли веселая весна,
Пробудится ли природа ото сна,
Прояснеют, улыбнутся небеса,
В листья нежные оденутся леса,
Заблестит сквозь зелень ландыш серебром,
Засинеет незабудка над ручьем,
Взглянет солнце с неба чистого светлей,
И зальется звонкой трелью соловей —
Все по-прежнему печальна, зелена,
Думу думает тяжелую сосна.
Грустно, тяжко ей, раскидистой, расти:
Все цветет, а ей одной лишь не цвести!
Собирая иглы острые свои,
Хочет в землю глубоко она уйти
Иль, сорвавшися с извивистых корней,
В небо взвихриться метелью из ветвей.

Да крепка земля, далеки небеса —
И стоит она, угрюмая краса,
И весною и зимою зелена,
И зимою и весною холодна...
Тяжело сосной печальною расти,
Не меняться никогда и не цвести,
Равнодушным быть и к счастью и к беде,
Но судьбою быть прикованным к земле,
Быть бессильным — превратиться в бренный прах
Или вихрем разыграться в небесах!

⟨1845⟩

ХОЗЯИН

В низенькой светелке с створчатым окном
Светится лампадка в сумраке ночном:
Слабый огонечек то совсем замрет,
То дрожащим светом стены обольет.
Новая светелка чисто прибрана:
В темноте белеет занавес окна;
Пол отструган гладко; ровен потолок;
Печка развальная стала в уголок.
По стенам — укладки с дедовским добром,
Узкая скамейка, крытая ковром,
Крашеные пяльцы с стулом раздвижным
И кровать резная с пологом цветным.
На кровати крепко спит седой старик:
Видно, пересыпал хмелем пуховик!
Крепко спит — не слышит хмельный старина,
Что во сне лепечет под ухом жена.
Душно ей, неловко возле старика;
Свесилась с кровати полная рука;
Губы раскраснелись, словно корольки;
Кинули ресницы тень на полщеки;
Одеяло сбито, свернуто в комок;
С головы скатился шелковый платок;
На груди сорочка ходит ходенем,
И коса сползает по плечу ужом.
А за печкой кто-то нехотя ворчит:
Знать, другой хозяин по ночам не спит!

На мужа с женою смотрит домовой
И качает тихо дряхлой головой:

«Сладко им соснулось: полночь на дворе...
Жучка призатихла в теплой конуре;
Обошел обычным я дозором дом —
Весело хозяить в домике таком!
Погреба набиты, закрома полны,
И на сеновале сена с три копны;
От конюшни кучки снега отгребешь,
Корму дашь лошадкам, гривы заплетешь,
Сходишь в кладовые, отомкнешь замки —
Клади дорогие ломят сундуки.
Все бы было ладно, все мне по нутру...
Только вот хозяйка нам не ко двору:
Больно черноброва, больно молода,—
На сердце тревога, в голове — беда!
Кровь-то говорлива, грудь-то высока...
Мигом одурачит мужа-старика...
Знать, и домовому не сплести порой
Бороду седую с черною косой.
При людях смеется, а — глядишь — тайком
Плачет да вздыхает — знаю я по ком!
Погоди ж, я с нею шуточку сшучу
И от черной думы разом отучу:
Только обоймется с грезой горячо —
Я тотчас голубке лапу на плечо,
За косу поймаю, сдерну простыню —
Волей аль неволей грезу отгоню...
Этим не проймется — пропадай она,
Баба-переметка, мужняя жена!
Всей косматой грудью лягу ей на грудь
И не дам ни разу наливной вздохнуть,
Защемлю ей сердце в крепкие тиски:
Скажут, что зачахла с горя да с тоски».

1849

БАРКАРОЛА

Стихнул говор карнавала,
На поля роса упала,
Месяц землю серебрит,
Все спокойно, море спит.
Волны нянчают гондолу...
«Спой, синьора, баркаролу!
Маску черную долой,

Обойми меня и пой!..»
«Нет, синьор, не скину маски,
Не до песен, не до ласки:
Мне зловещий снился сон,
Тяготит мне сердце он».
«Сон приснился, что ж такое?
Снам не верь ты, все пустое;
Вот гитара, не тоскуй,
Спой, сыграй и поцелуй!..»
«Нет, синьор, не до гитары:
Снилось мне, что муж мой старый
Ночью тихо с ложа встал,
Тихо вышел на канал,
Завернул стилет свой в полу
И в закрытую гондолу —
Вон, как эта, там вдали —
Шесть немых гребцов вошли...»

⟨1850⟩

ПЕСНЯ

Как у всех-то людей светлый праздничек,
День великий — помин по родителям,
Только я, сиротинка безродная,
На погосте поминок не правила.
Я у мужа вечор отпросилася:
«Отпусти, осударь,— похристосуюсь
На могиле со свекором-батюшкой».
Идучи, я с дороженьки сбилася,
Во темном лесу заплуталася,
У оврага в лесу опозналася.
В том овраге могила бескрестная:
Всю размыло ее ливнем-дождиком,
Размело-разнесло непогодушкой...
Подошла я к могиле — шатнулася,
Белой грудью о землю ударилась:
«Ты скажи мне, сырая могилушка!
Таково ли легко было молодцу
Загубить свою душеньку грешную,
Каково-то легко было девице
Под невольный венец снаряжатися?»

⟨1855⟩

ФРИНЭ

Ты, чужеземец, ревнуешь меня к Праксите́лю напрасно:
Верь мне, мой милый, что в нем я художника только любила,—
Он потому мне казался хорош, что искусство прекрасно,
Он для другой изменил мне — и я про него позабыла...
Впрочем, кого не смутили бы льстивые речи: «Гнатена,
Нет, не Киприду,— *тебя* породила жемчужная пена!
Будь образцом для статуи богини, бессмертия ради:
Имя твое и твоя красота не погибнут в Элладе!»

Я согласилася... Мрамора глыба — такая, что только бы нимфе
Или богине статую иссечь,— красовалась в ваяльне;
Чуда резца животворного ждали всечасно в Коринфе,
А Праксителъ становился скучнее, угрюмей, печальней.
«Нет, не могу! — говорил он, бросая резец в утомленье.—
Я не художник, а просто влюбленный: мое вдохновенье —
Юноши бред, не она, Прометеева жгучая сила...
О, для чего в тебе женщина образ богини затмила?»

Прошлой зимою... Налей мне вина из потера:
Вечер свежеет — по телу и холод и жар пробегает...
Прошлой зимою в Коринфе у нас появилась гетера,
Именем Фринэ... Теперь ее всякий коринфянин знает;
Но захотелось ли ей возбудить любопытство в народе
Или от бешеных оргий Афин отдохнуть на свободе,
Только она укрывалась от смертных, подобно богине...
Вскоре, однако ж, Коринф коротко познакомился с Фринэ!

Вот подошли Элевзинские празднества... Пестрой толпою
Жители Аттики шумно стекалися на берег моря:
Шли сановитые старцы, венчанные Крона рукою;
Отроки шли, с Ганимедом красою весеннею споря;
Юные жены и девы, потупив стыдливые взоры,
Ловко несли на упругих плечах храмовые амфоры;
Мужи и смелые юноши, вслед за седыми жрецами,
Жертвенных агнцев вели и тельцов, оплетенных цветами.

Все обступали толпой оконечность пологого мыса:
Против него, по преданию, вышла из моря Киприда.
Жрицы пафосской богини готовились, в честь Адониса,
Гимны обрядные петь: застонала в руках их пектида,
Звуки свирели слилися с ее обольстительным стоном...
Вдруг от толпы отделилася женщина... Длинным хитоном
Был ее стан величавый ревниво сокрыт; покрывало
Белой, широкой волной с головы и до пят ниспадало.

Плавно, как будто бы чуткой ногою едва пригибая
Стебли росистых цветов, по прибрежию — далей и далей —
К самой окраине мыса она подошла; не внимая
Шепоту ближней толпы, развязала ремни у сандалий;
Пышных волос золотое руно до земли распустила;
Перевязь персей и пояс лилейной рукой разрешила,
Сбросила ризы с себя и, лицом повернувшись к народу,
Медленно, словно заря, погрузилась в лазурную воду.

Ахнули тысячи зрителей; смолкли свирель и пектида;
В страхе упав на колени, все жрицы воскликнули громко:
«Чудо свершается, граждане! Вот она, матерь Киприда!»
Так ослепила своей олимпийской красой незнакомка...
Все обаяние девственных прелестей, все, чем от века
Жен украшала природа иль смелая мысль человека,
Все эта женщина образом дивным своим затмевала...
Я поняла Праксителя и горько тогда зарыдала!

Но не Киприда стояла в волнах, а мегарянка Фринэ.
Меж изумленных граждан живописцы... ваятели были:
Всех их прельстила гетера... прельщает их всех и поныне;
Все, в свою очередь, эту гетеру безумно любили...
Многих она обманула, а прочих обманет жестоко:
Темную душу не всякий увидит сквозь светлое око...
С этого самого утра Гнатена с ваятелем — розно...
Может быть, он и раскаялся, только раскаялся поздно...

Что же сказать мне еще? Изваянье богини Киферы
Кончил давно Пракситель, и давно повторяет Эллада
Имя ваятеля с именем мне ненавистной гетеры;
Но — да хранят меня боги! — теперь я спокойна, я рада...
Рада свободе...
Взгляни: потемнели высокие горы...
Тихо, в венцах многозвездных, проносятся вечные оры...
Ночь и природе и людям заветное слово шепнула:
«Спите!»
...О, если бы ревность... твоя, чужеземец, заснула!
⟨1855⟩

* * *

О господи, пошли долготерпенье!
Ночь целую сижу я напролет,
Неволю мысль цензуре в угожденье,
Неволю дух — напрасно! Не сойдет
Ко мне твое святое вдохновенье.

Нет, на кого житейская нужда
Тяжелые вериги наложила,
Тот — вечный раб поденного труда,
И творчества живительная сила
Ему в удел не дастся никогда.

Но, господи, ты первенцев природы
Людьми, а не рабами создавал.
Завет любви, и братства, и свободы
Ты в их душе бессмертной начертал,
А твой завет нарушен в род и роды.

Суди же тех всеправедным судом,
Кто губит мысль людскую без возврата,
Кощунствует над сердцем и умом —
И ближнего, и кровного, и брата
Признал своим бессмысленным рабом.

⟨1855(?)⟩

⟨ИЗ ЦИКЛА «ЕВРЕЙСКИЕ ПЕСНИ»⟩

1

Поцелуй же меня, выпей душу до дна...
Сладки перси твои и хмельнее вина;
Запах черных кудрей чище мирры стократ,
Скажут имя твое — пролитой аромат!
Оттого — отроковица —
Полюбила я тебя...
Царь мой, где твоя ложница?
Я сгорела, полюбя...
Милый мой, возлюбленный, желанный,
Где, скажи, твой одр благоуханный?..

1856

2

Хороша я и смугла,
Дочери Шалима!
Не корите, что была
Солнцем я палима,
Не найдете вы стройней
Пальмы на Энгадде:

Дети матери моей
За меня в разладе.
Я за братьев вертоград
Ночью сторожила,
Да девичий виноград
Свой не сохранила...
Добрый мой, душевный мой,
Что ты не бываешь?
Где пасешь в полдневный зной?
Где опочиваешь?
Я найду, я сослежу
Друга в полдень жгучий
И на перси положу
Смирною пахучей.

По опушке леса гнал
Он козлят, я — тоже,
И тенистый лес постлал
Нам двойное ложе —
Кровлей лиственной навис,
Темный, скромный, щедрый;
Наши звенья — кипарис,
А стропила — кедры.

1856

5

Сплю, но сердце чуткое не спит...
За дверями голос милого звучит:
«Отвори, моя невеста, отвори!
Догорело пламя алое зари;
Над лугами над шелко́выми
Бродит белая роса
И слезинками перловыми
Мне смочила волоса;
Сходит с неба ночь прохладная —
Отвори мне, ненаглядная!»

«Я одежды легкотканые сняла,
Я омыла мои ноги и легла,
Я на ложе цепенею и горю —
Как я встану, как я двери отворю?»
Милый в дверь мою кедровую

Стукнул смелою рукой:
Всколыхнуло грудь пуховую
Перекатною волной,
И, полна желанья знойного,
Встала с ложа я покойного.

С смуглых плеч моих покров ночной скользит;
Жжет нога моя холодный мрамор плит;
С черных кос моих струится аромат;
На руках запястья ценные бренчат.
Отперла я дверь докучную:
Статный юноша вошел
И со мною сладкозвучную
Потихоньку речь повел —
И слилась я с речью нежною
Всей душой моей мятежною.

〈1849〉

10

«Отчего же ты не спишь?
Знать, ценна́ утрата,
Что в полуночную тишь
Всюду ищешь брата?»

«Оттого, что он мне брат,
Дочери Шалима,
Что утрата из утрат
Тот, кем я любима.

Оттого, что здесь, у нас,
Резвых коз-лукавиц
По горам еще не пас
Ввек такой красавец;

Нет кудрей черней нигде;
Очи так и блещут,
Голубицами в воде
Синей влагой плещут.

Как заря, мой брат румян
И стройней кумира...
На венце его слиян
С искрами сапфира

Солнца луч, и подарён
Тот венец невесте...»
«Где же брат твой? Где же он?
Мы поищем вместе».

⟨1859⟩

11

Все шестьдесят моих цариц
И восемьдесят с ними
Моих наложниц пали ниц
С поклонами немыми

Перед тобой, и всей толпой
Рабыни, вслед за ними,
Все пали ниц перед тобой
С поклонами немыми.

Зане одна ты на Сион
Восходишь, как денница,
И для тебя озолочён
Венец, моя царица!

Зане тебе одной мой стих,
Как смирна из фиала,
Благоухал из уст моих,
И песня прозвучала.

⟨1859⟩

13

«Ты Сиона звезда, ты денница денниц;
Пурпурóвая вервь — твои губы;
Чище снега перловые зубы,
Как стада остриженных ягниц,
Двоеплодно с весны отягченных,
И дрожат у тебя смуглых персей сосцы,
Как у серны пугливой дрожат близнецы
С каждым шорохом яворов сонных».

«Мой возлюбленный, милый мой, царь мой и брат,
Приложи меня к сердцу печатью!
Не давай разрываться объятью:

Ревность жарче жжет душу, чем ад.
А любви не загасят и реки —
Не загасят и во́ды потопа вовек...
И — отдай за любовь все добро человек —
Только мученик будет навеки!»

⟨1859⟩

ЗАПЕВКА

Ох, пора тебе на волю, песня русская,
Благовестная, победная, раздольная,
Погородная, посельная, попольная,
Непогодою-невзгодою повитая,
Во крови, в слезах крещенная-омытая!
Ох, пора тебе на волю, песня русская!
Не сама собой ты спелася-сложилася:
С пустырей тебя намыло снегом-дождиком,
Нанесло тебя с пожарищ дымом-копотью,
Намело тебя с сырых могил метелицей...

1856

ТЫ ПЕЧАЛЬНА
КОМУ-ТО

Ты печальна, ты тоскуешь,
Ты в слезах, моя краса!
А слыхала ль в старой песне:
«Слезы девичьи — роса»?

Поутру на поле пала,
А к полудню нет следа...
Так и слезы молодые
Улетают навсегда,
Словно росы полевые,
Знает бог один — куда.

Развевает их и сушит
Жарким пламенем в крови
Вихорь юности мятежной,
Солнце красное любви.

1857

ГАЛАТЕЯ

1

Белою глыбою мрамора, высей прибрежных отбросом,
Страстно пленился ваятель на рынке паросском;
Стал перед ней — вдохновенный, дрожа и горя...
Феб утомленный закинул свой щит златокованый за море,
И разливалась на мраморе
Вешним румянцем заря...

Видел ваятель, как чистые крупинки камня смягчались,
В нежное тело и в алую кровь превращались,
Как округлялися формы — волна за волной,
Как, словно воск, растопилася мрамора масса послушная
И облеклася, бездушная,
В образ жены молодой.

«Душу ей, душу живую! — воскликнул ваятель в восторге.—
Душу вложи ей, Зевес!»
Изумились на торге
Граждане — старцы, и мужи, и жены, и все,
Кто только был на агоре... Но, полон святым вдохновением,
Он обращался с молением
К чудной, незримой Красе:

«Вижу тебя, богоданная, вижу и чую душою;
Жизнь и природа красны мне одною тобою...
Облик бессмертья провижу я в смертных чертах...»
И перед нею, своей вдохновенною свыше идеею,
Перед своей Галатеею,
Пигмалион пал во прах...

2

Двести дней славили в храмах Кивеллу, небесную жницу,
Двести дней Гелиос с неба спускал колесницу;
Много свершилось в Элладе событий и дел;
Много красавиц в Афинах мелькало и гасло — зарницею,
Но перед ней, чаровницею,
Даже луч солнца бледнел...

Белая, яркая, свет и сиянье кругом разливая,
Стала в ваяльне художника дева нагая,
Мраморный, девственный образ чистейшей красы...
Пенились юные перси волною упругой и зыбкою;
Губы смыкались улыбкою;
Кудрились пряди косы.

«Боги! — молил в исступлении страстном ваятель,— Ужели
Жизнь не проснется в таком обаятельном теле?
Боги! Пошлите неслыханной страсти конец...
Нет!.. Ты падешь, Галатея, с подножия в эти объятия,
Или творенью проклятия
Грянет безумный творец!»

Взял ее за руку он... И чудесное что-то свершилось...
Сердце под мраморной грудью тревожно забилось;
Хлынула кровь по очерченным жилам ключом;
Дрогнули гибкие члены, недавно еще каменелые;
Очи, безжизненно белые,
Вспыхнули синим огнем.

Вся обливаясь розовым блеском весенней денницы,
Долу стыдливо склоняя густые ресницы,
Дева с подножия легкою грезой сошла;
Алые губы раскрылися, грудь всколыхнулась волнистая,
И, что струя серебристая,
Тихая речь потекла:

«Вестницей воли богов предстаю я теперь пред тобою.
Жизнь на земле — сотворенному смертной рукою;
Творческой силе — бессмертье у нас в небесах!»
...И перед нею, своей воплощенною свыше идеею,
Перед своей Галатеею,
Пигмалион пал во прах.

1858

СУМЕРКИ

Оттепель... Поле чернеет;
Кровля на церкви обмокла;
Так вот и веет и веет —
Пахнет весною сквозь стекла.
С каждою новой ложбинкой
Водополь все прибывает,

И огранешною льдинкой
Вешняя звездочка тает.
Тени в углах шевельнулись,
Темные, сонные тени,
Вдоль по стенам потянулись,
На пол ложатся от лени...
Сон и меня так и клонит...
Тени за тенями — грезы...
Дума в неведомом тонет...
На сердце — крупные слезы.
Ох, если б крылья да крылья,
Если бы доля да доля,
Не было б мысли «*бессилья*»,
Не было б слова — «*неволя*».

1858

ПОЛЕЖАЕВСКОЙ ФАРАОНКЕ

Ох, не лги ты, не лги,
Даром глазок не жги,
Вороватая!

Лучше спой про свое
Про девичье житье
Распроклятое:

Как в зеленом саду
Соловей, на беду,
Разыстомную

Песню пел-распевал —
С милым спать не давал
Ночку темную...

1859

* * *

Хотел бы в единое слово
Я слить мою грусть и печаль
И бросить то слово на ветер,
Чтоб ветер унес его вдаль.

И пусть бы то слово печали
По ветру к тебе донеслось,
И пусть бы всегда и повсюду
Оно тебе в сердце лилось!

И если б усталые очи
Сомкнулись под грезой ночной,
О, пусть бы то слово печали
Звучало во сне над тобой.

⟨1859⟩

ПЛЯСУНЬЯ

Окрыленная пляской без роздыху,
Закаленная в серном огне,
Ты, помпеянка, мчишься по воздуху,
Не по этой спаленной стене.

Опрозрачила ткань паутинная
Твой призывно откинутый стан;
Ветром пашет коса твоя длинная,
И в руке замирает тимпан.

Пред твоею красой величавою
Без речей и без звуков уста,
И такой же горячею лавою,
Как и ты, вся душа облита.

Но не сила Везувия знойная
Призвала тебя к жизни — легка
И чиста, ты несешься, спокойная,
Как отчизны твоей облака.

Ты жила и погибла тедескою[1]
И тедескою стала навек,
Чтоб в тебе, под воскреснувшей фрескою,
Вечность духа прозрел человек.

1859

---

[1] Тедеска — по-римски и итальянски — германка.

Ты на Юлию смотришь художником —
Не отцом: ты прямой сибарит,
А не римлянин ты...
Над треножником
Аравийская мирра горит;
Мягко ложе твое постилается;
Смело смотрит в глаза тебе дочь;
Вся туника на ней колыхается;
В очи глянула римская ночь...
Что Требония, Ливия, Лидия?
Ты им скажешь, наверно, «прощай»,
И, наверно, Назона Овидия
Ты сошлешь на холодный Дунай...

⟨1861⟩

ФЕССАЛИЙСКАЯ ИДИЛЛИЯ

«Виноват, признаюсь, Зоя!..
Оботри кудрями слезы...
У вершины Ахелоя
На горе пасутся козы».

«Правда ль это?.. Но далеко
Надо мне идти на гору...
Мать осталась одинока,
И боюсь я в эту пору:

Ночью там блуждают духи,
Ходит волк, чекалка рыщет,—
Да и жаль моей старухи,
Что меня напрасно ищет...»

«Виноват, прости мне, Зоя!
Стадо выгнал я на гору,
Чтоб к вершине Ахелоя
Нам идти в ночную пору...»

«Если бы не ты, мой милый...
Мой остер кинжал широкий:
Но нет воли, но нет силы
Наказать тебя, жестокий!..»

«Тише, воды Ахелоя!..
На щеках зарделись розы...
Ты в любви призналась, Зоя!
Обманул я... Дома козы».

1843

СИЛА ПЕСНИ

«Славным вином на прощанье,
Кипрским вином напою...
Выпей за наше свиданье,
Выпей за удаль свою!
Кубок возьмешь на дорогу,—
Будешь меня вспоминать;
Стану молиться я богу,
Стану тебя ожидать...»

«Старые песни люблю я,
Старую песню запой...
Голос их — звук поцелуя,
Речи их льются рекой.
Хочется песней разлуки
Тяжесть души облегчить,
Звуками плакать и в звуки
Горечь любви перелить...
Пой! Уж пора нам проститься:
Рог капитана трубит...»

«Страшно мне в песне излиться:
С песней душа улетит».

1843

СКРЫВАЕМАЯ СТРАСТЬ

Ты недоступна была, как богиня Диана,
Робкий мой взор ты встречала и гордо и строго.
Я трепетал за себя, и любви я боялся...
Больно мне стало за чувство, высокое чувство,
Что ты сердечным приветом почтить не хотела.
Думы мои и мечтания страсти бесплодной,
Эти цветы, что взрастил я в бессонные ночи,
Ты, не заметив, прошла невниманьем жестоким.

Пальцы твои тетрахорда случайно коснулись —
Пламенем страстные звуки меня охватили
И разлились ароматом любви благовонной...
Звуки тебе изменили, и ты изменилась:
Взоры горели твои, и роскошные кудри
Падали мне на плечо, и уста дорогие
Слиться хотели, я видел, с моими устами.

Силился я отомстить тебе взглядом холодным,
Взглядом презрительно-гордым, как следует мужу...
Но пред тобою невольно я пал в обожанье,
Страстно целуя, моля о любви униженно.

1844

СВИДАНЬЕ

Страстно просил я бессмертных богов олимпийских
Дать мне минуту, одну лишь минуту свиданья
С чудно-прекрасною смертною девой. Настало
Это мгновенье. Увидев ее, у бессмертных
Начал просить я, чтоб миг вожделенный свиданья
В вечность продлили они. Красоту моей милой
Я созерцал и, как Тантал, все жаждал и жаждал,
В очи ей глядя, лобзая, томяся и плача,
В очи глядеть ей, лобзать, и томиться, и плакать.

1844

СТИХ

Пусть будет стих его понятен и высок,
И блещет всех лучей слиянием чудесным;
Да примирится в нем все дольнее с небесным,
Да будет он меж нас как признанный пророк,
Чтоб мощной мыслию, как дланию Зевеса,
Собою обнял он весь безграничный мир,
Чтоб в звуках зрели мы, прозрачных, как эфир,
И мрамор Фидия, и краски Апеллеса.

1845

В ПОРТИКЕ

«Вспомни, Теано, ту пору, когда, утомившись
Жаром весеннего солнца и долгой прогулкой,
В портике сел отдохнуть я с тобою!..
Нам были видны оттуда и гермесов ряд бесконечный,
И агора́ с суетливой толпою, и храмы...
Вспомни, что ты говорила, гетера!»

«Пахнут чудесно твои умащенья, мой милый,
Слившись с моими, и я их впиваю
В трепете сладком, в забывчивой неге,
Лежа головкой на персях твоих млечно-пенных
Близко устами к устам и к очам недалеко...
Что же припомнить могу я в такие мгновенья!
Нет ни грядущего, нет ни былого в блаженстве...
Не прерывай его: я так блаженна!..»

. . . . . .

1846

СТЫДЛИВОСТЬ

Я лукаво смотрел на нее,
Говорил ей лукавые речи,
Пожирая глазами ее
Неприкрытые белые плечи.
Я ее не любил; но порой,
Когда, взор свой склоняя стыдливо,
Грудь и плечи дрожащей рукой
Одевала она торопливо
И краснела, и складки одежд
Так неловко она разбирала,
И, готовая пасть из-под вежд
На ресницу, слезинка дрожала,
И аттический звук ее слов,
Как на лире струна, прерывался,
Развязаться был пояс готов,
И нескоро камей замыкался,—
В этот миг все движенья ее,
Как невольник, безмолвно следил я,
И полно было сердце мое...
В этот миг беспредельно любил я!

1847

КУПАНЬЕ

Вечером ясным она у потока стояла,
Мóя прозрачные ножки во влаге жемчужной;
Струйка воды их с любовью собой обвивала,
Тихо шипела и брызгала пеной воздушной...
Кто б любовался красавицей этой порою,

Как над потоком она, будто лотос, склонилась,
Змейкою стан изогнула, и белой ногою
Стала на черный обрывистый камень, и мылась,
Грудь наклонивши над зыбью зеркальной потока;
Кто б посмотрел на нее, облитую лучами,
Или увидел, как страстно, привольно, широко
Прядали волны на грудь ей толпами
И, как о мрамор кристалл, разбивались, бледнея,—
Тот пожелал бы, клянусь я, чтоб в это мгновенье
В мрамор она превратилась, как мать — Ниобея,
Вечно б здесь мылась грядущим векам в наслажденье.

1847

ВАЯТЕЛЬ И НАТУРЩИЦА

Светлым, правдивым художника взором окинь, афинянка,
Статую эту... Я знаю, что ты согласишься со мною:
Скажешь, что прав он, художник, созданьем своим недовольный..,
Правда ль, богиню мою, как вакханку, одел я безвкусно,
Даже ее безобразно одел я? Гармонию линий
Чудного тела богини расстроили эти покровы?
Правда ль, неловко на сгиб ее легкого стана упали
Этих тяжелых одежд переломы, и в складках волнистых
Скрыта от взоров прекрасная выпуклость бедер и лядвей?..
Кажется, будто собою насильно стеснили застежки
Вольное груди ее очертанье и будто сдержали
Пылкий, широкий размет чародейных движений богини...
Грубые складки сокрыли досадно-ревнивою тенью
Лучшие перлы красы и высокого полные смысла...

Сбрось же, красавица, сбрось, умоляю, одежды и пояс!
Прелестям тела они безобразие, а не прикраса...
Что ты стыдишься напрасно!.. Оставь предрассудки и мненья
Суетно-глупой толпы пред лицом человека-поэта!..
Что ты ему созерцать позволяешь лишь только отдельно
Части прекрасного тела... Зачем бы тебе не явиться
Творческим взорам его в наготе нестыдливой и чистой!..
Только порок лишь стыдится, скрываясь от ясного света...
Иль тебе больно, что драхмой наемщицы бедной
Я заплатил за бесценность, твою красоту покупая?..
В жизни нам должно разумно мирить все земное с небесным,
Должно равно уважать нам потребы Олимпа и дола...

Разоблачись предо мною, и примешь ты плату бессмертья,
Плату из всех дорогую...
О, как ты чиста непорочно!
Разоблачись! И я срежу со статуи этой одежды:
Первую мысль изменив — изваять красоту Афродиты,
Я изваяю, тебя созерцая, нагую Диану —
Девственность в блеске своей чистоты нестыдливой.

1847

ПРОСЬБА ХУДОЖНИКА

О, не стыдись, не бойся, не красней
Своих одежд изорванных и бедных:
От пурпура и льна не будешь ты милей,
Не нужно лилии для персей темно-бледных...

Боишься ль ты, что я не полюблю
Твою красу под этой епанчою?..
О нет, дитя!.. Но я тебя молю
Художника восторженной мольбою:

Полна невинности, явись ты предо мной,
Чтоб не была ничем краса твоя покрыта,
Как вышла некогда богиня Афродита
Из пены волн, блистая наготой.

1847

ПИР

На пурпу́рных мы ложах сидели,
Рассыпа́ли нам женщины ласки,
Ионийские песни мы пели
И милетские слушали сказки.
Уж не раз разносился в амфорах
Оживляющий сердце напиток,
И в немолчных шумел разговорах
Откровений веселых избыток;
И блистали светильники пира,
И туман благовоний носился...
Издали нам послышалась лира,
И серебряный голос разлился...

Колыхаяся в легких движеньях,
В полубеге или в полупляске,
Выступали под такт песнопенья
Плясуны, скоморохи и маски.
С ними мальчик явился прекрасный,
Будто Эрос — цитерский малютка:
Он то пел, то плясал он так страстно,
То шутил грациозною шуткой...

«Что ты спрятал на грудь под гиматий?..
Что так выпукла грудь молодая?..
Он, клянусь я, рожден для объятий...
Он бы твой был жених, Навзикая!..
Или спрятал ты кисть винограда?..
До тебя — призываю Зевеса! —
Красоты не видала Эллада,
Не писала рука Апеллеса!
Осязать ее просятся руки,
И желают глаза осязанья!..
Мне с тобою и Тантала муки,
И богов золотые желанья!»

«О неверный, холодный, жестокий!
Разлюбил ты свою Автоною...
Целый год я жила одинокой:
Целый век не видалась с тобою.
Я к толпе скоморохов пристала,
Не боялась глухой этой ночи...
Наконец-то тебя увидала!
Не насмотрятся жадные очи,
Не налюбится сердце с тобою!
Я не мальчик... Сними мой гиматий:
Посмотри на свою Автоною...
Я хочу поцелуев, объятий!..»
. . . . . .

1850

* * *

Ложе из лилий и роз приготовил тебе я,
Розы и лилии эти покрыв живописно
Тканью пурпурной, обшитой кругом бахромою...
Бросься на мягкое свежедушистое ложе,

Бросься, как резвый ребенок, и детские речи
Смехом обычным своим прерывай грациозно.

Жарко тебе... Я достану воды из цитерны,
Я оболью тебя влагою Зевса прохладной...
Стану смотреть ненасытно, как струйки и капли
Будут по телу скользить, обвивая любовно
Стан твой, и плечи, и груди, и всю тебя, нимфа!
Только условье одно предлагаю за это:
Вдруг вавилонских одежд, персепольских сандалий,
Тирских запястий — всех этих прикрас безобразных
Не надевай ты, пока не иссохнет на теле
Капля за каплей, которые выпьет сам воздух...
Да и к чему ж измочить дорогие одежды!..
Друг мой! Хочу посмотреть я глазами поэта,
Как отделяется выпукло тело от ложа,
Как этот пурпур волнистый отделится ярко
От белизны легкопенной скульптурного тела...

Душно тебе,— и я вижу, что хочешь облиться
Свежей водою, но только условие наше
Твердо держи... а не то — изорву я одежды
И, по колючим кустам разметавши запястья,
Брошу сандальи в ручей... Но не верь мне: шучу я...

В это мгновение смертный, тебя созерцая,
Как олимпийцы блаженные, станет блаженным...

О, хорошо нам!.. Не правда ли? Явор столетний
Сенью прохладной раскинулся густо над нами,
Так что едва пробивается солнце сквозь зелень;
Мягкое ложе; на нем возлежит афинянка,
Белые члены раскинув изящно, привольно,
Как ей удобней и как ей внушает природа.
Возле нас портик, а в портике видим картину
Славного мастера Аттики нашей прекрасной.
Солнце ее освещает так ясно, что видно
Даже отсюда всю строгость рисунка, заметны
Мелочи все и подробности все обстановки.
Статуи граций и муз у колонн разместились
И улыбаются нашему счастью оттуда...

Небо Эллады, как будто бы тая над нами,
Смотрит сквозь воздух пахучий на нас издалёка.

Это Эгейское море, слегка подымаясь,
Тихо поет про себя бесконечную песню...
Видится, плавает остров зеленый на море,
Будто зеленый корабль, и, нам кажется, хочет
К гавани нашей пристать и принесть нам в подарок
Сладкие фиги свои и миндаль с виноградом...

Вот, посмотри-ка на север: лиловые горы,
Беловершинные скалы и мрамор утесов...

Что же забыл про тебя я, о бог вечно юный,
Вакх-Дионис!.. Принесу поскорее амфору
С чистым фазосским вином, и с подругой немного
Выпьем мы, чтоб поддержались подольше веселость,
Живость в уме, да и в теле приятная свежесть...

Нимфа, богиня, подруга, малютка, Никоя!
Чтобы дополнить еще наслаждение наше
Жизнью, искусством и всей красотою созданья,
Буду играть я на флейте лидийские песни,

Буду читать я творенья хиосского старца...
Но перед тем воздадим мы богам благодарность
За два равно нам любезные, сладкие дара:
Первый наш гимн мы споем жизнедавцу Зевесу,
Гимн же второй Прометею за пламя искусства.

1851

МОЯ БОГИНЯ

Медленно кончив свои умащенья, ты вкусные блюда
В зелени сочной поставь, обложи их искусно цветами,
В сребреный кубок налей искрометную кровь винограда:
Звонкий тот кубок украшен любимым моим барельефом,
Где Дионис, как душа вечно юного мира, представлен...
Будем гармонией духа и тела с тобой наслаждаться!..
Верь мне, одна без различия жизнь и людей и природы:
Всюду единая царствует мысль, и душа обитает
В глыбах камней бездыханных и в радужных листьях растений...
Нет для меня, Левконоя, и тела без вечного духа,
Нет для меня, Левконоя, и духа без стройного тела!
Умственным взором гляжу я на образ жены полногрудой,
В выпуклых линиях форм, изваянных богиней-Природой,

Душу, и целую жизнь, и поэму созданья читаю...
Не упрекай же меня, что я к тлену и праху привязан,
Не упрекай за стихи, где я думы свои изливаю!..
Иль ты не знаешь, что я поклоняюся новой богине,
К музам причислив ее и назвавши ее Софросиной:
Эту богиню я к жизни и к песням своим призываю...
Пусть, как сатир осклабляясь, невежда смеется над нею:
Смех его — лучший ему приговор...
Но спеши, о подруга!
Сытные снеди принесть, и весельем кипящие вина,
И ароматы, и мудрого мужа Платона творенья.

1851

ВАКХАНКА

Ты жаркие страсти скрываешь
Под гордо-холодной осанкой:
Казаться Дианой желаешь,
Когда рождена ты вакханкой...
Не верю, что бурей желаний
В груди твоей сердце не бьется:
Я вижу, как жажда лобзаний
На губках зовет и смеется.
Восторги болезненно пышут
На этом румянце широком,
Из глаз они льются и дышут
Горячим дыханья потоком,
Трепещут в прерывистой речи,
В движенье, руках и осанке,
И полные смуглые плечи
Тебе изменяют, вакханке...
Весеннею негою ночи
Притворству расставлены сети...
Давно говорят наши очи:
С тобой мы далёко не дети!..
Я смело раскрою объятья
И знаю — ты примешь их жадно...
Как стану тебя целовать я,
Глядеть на тебя ненаглядно!..
. . . . . .
. . . . . .

1852

ДЕВУШКА У ХАРОНА

Посв⟨ящается⟩ гр⟨афине⟩
Настасии Ивановне Толстой

«Хорошо вам, горы, счастье вам, долины:
Вы себе живете без тоски-кручины!
Вечно вы цветете, нет для вас Харона!
Как и вы, цвела я, роза Киферона,
Любовалась так же утренней зарею,
А меня скосила смерть своей косою!..
Без меня на свете все живет и дышит,
И меня не знает, и меня не слышит!
Там зазеленело божией весною,
И луга запахли молодой травою;
Ярко запестрели все поля цветами,
И холмы покрылись белыми стадами;
В густоте дубровы, солнцем не палимый,
Паликар гуляет с девушкой любимой,
И, целуя жадно ей уста и плечи,
Говорит он милой золотые речи;
Мать красивой дочке расточает ласки,
Бабушка-старушка сказывает сказки...
О, когда бы можно, вечно бы жила я,
Как ребенок с куклой, с жизнию играя...
Если б наши клефты в ад сюда попали,—
Верно б, и с Хароном в битве совладали;
Жалобною речью я б их ублажила
И, ласкаясь к храбрым, так бы говорила:

«Я в жилище смерти выплакала очи,
В холоде могильном, средь подземной ночи.
Здесь темно и тесно... Зренье просит света,
Сердце просит ласки, а душа — привета...
Клефты-паликары! убегу я с вами
В край, где льется воздух светлыми струями,
Где раздолье жизни, где толпятся люди,
Где любить приволье лебединой груди;
Я хочу утешить мать мою в печали,
Я хочу, чтоб сестры слез не проливали,
Чтоб не горевали неутешно братья
И свою Зоицу приняли б в объятья...»

«Не крушись, Зоица, по родным напрасно:
Им живется сладко, весело и ясно!..

На земле, подруга, все тебя забыло!
(Так, вошедши, Деспа к ней заговорила.)
От людей к Харону нынче отошла я,
И тебя лишь годом дольше прожила я...
Виделась недавно я с твоей роднею:
Все они довольны, счастливы судьбою...
Братья... да и сестры, позабыв печали,
У соседа Ламбро на пиру плясали,
Бабушка болтала под окном с кумою
И своей хвалилась давней стариною,
Мать все хлопотала о невесте сыну,—
О тебе ж, бедняжка, не было помину!»

1854

* * *

Не брани меня, родная,
Что я так люблю его.
Скучно, скучно, дорогая,
Жить одной мне без него.

Я не знаю, что такое
Вдруг случилося со мной,
Что так бьется ретивое
И терзается тоской.

Все оно во мне изныло,
Вся горю я, как огнем,
Все немило мне, постыло,
Все страдаю я по нем.

Мне не надобны наряды,
И богатства всей земли...
Кудри молодца и взгляды
Сердце бедное зажгли...

Сжалься, сжалься же, родная,
Перестань меня бранить.
Знать, судьба моя такая —
Я должна его любить!

⟨Конец 40-х или начало 50-х годов⟩

РУСЬ

Под большим шатром
Голубых небес —
Вижу — даль степей
Зеленеется.

И на гранях их,
Выше темных туч,
Цепи гор стоят
Великанами.

По степям в моря
Реки катятся,
И лежат пути
Во все стороны.

Посмотрю на юг —
Нивы зрелые,
Что камыш густой,
Тихо движутся;

Мурава лугов
Ковром стелется,
Виноград в садах
Наливается.

Гляну к северу —
Там, в глуши пустынь,
Снег, что белый пух,
Быстро кружится;

Подымает грудь
Море синее,
И горами лед
Ходит по́ морю;

И пожар небес
Ярким заревом
Освещает мглу
Непроглядную...

Это ты, моя
Русь державная,
Моя родина
Православная!

Широко ты, Русь,
По лицу земли
В красе царственной
Развернулася!

У тебя ли нет
Поля чистого,
Где б разгул нашла
Воля смелая?

У тебя ли нет
Про запас казны,
Для друзей стола,
Меча недругу?

У тебя ли нет
Богатырских сил,
Старины святой,
Громких подвигов?

Перед кем себя
Ты унизила?
Кому в черный день
Низко кланялась?

На полях своих,
Под курганами,
Положила ты
Татар полчища.

Ты на жизнь и смерть
Вела спор с Литвой
И дала урок
Ляху гордому.

И давно ль былó,
Когда с Запада
Облегла тебя
Туча темная?

Под грозой ее
Леса падали,
Мать сыра-земля
Колебалася,

И зловещий дым
От горевших сел
Высоко вставал
Черным облаком!

Но лишь кликнул царь
Свой народ на брань —
Вдруг со всех концов
Поднялася Русь.

Собрала детей,
Стариков и жен,
Приняла гостей
На кровавый пир.

И в глухих степях,
Под сугробами,
Улеглися спать
Гости нáвеки.

Хоронили их
Вьюги снежные,
Бури севера
О них плакали!..

И теперь среди
Городов твоих
Муравьем кишит
Православный люд.

По седым морям
Из далеких стран
На поклон к тебе
Корабли идут.

И поля цветут,
И леса шумят,
И лежат в земле
Груды золота.

И во всех концах
Света белого
Про тебя идет
Слава громкая.

Уж и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью,

Стать за честь твою
Против недруга,
За тебя в нужде
Сложить голову!

1851

ЗИМНЯЯ НОЧЬ В ДЕРЕВНЕ

Весело сияет
Месяц над селом;
Белый снег сверкает
Синим огоньком.

Месяца лучами
Божий храм облит;
Крест под облаками,
Как свеча, горит.

Пусто, одиноко
Сонное село;
Вьюгами глубоко
Избы занесло.

Тишина немая
В улицах пустых,
И не слышно лая
Псов сторожевых.

Помоляся богу,
Спит крестьянский люд,
Позабыв тревогу
И тяжелый труд.

Лишь в одной избушке
Огонек горит:
Бедная старушка
Там больна лежит.

Думает-гадает
Про своих сирот:
Кто их приласкает,
Как она умрет?

Горемыки-детки,
Долго ли до бед!
Оба малолетки,
Разуму в них нет;

Как начнут шататься
По дворам чужим —
Мудрено ль связаться
С человеком злым!..

А уж тут дорога
Не к добру лежит:
Позабудут бога,
Потеряют стыд.

Господи, помилуй
Горемык-сирот!
Дай им разум-силу,
Будь ты им в оплот!..

И в лампадке медной
Теплится огонь,
Освещая бледно
Лик святых икон,

И черты старушки,
Полные забот,
И в углу избушки
Дремлющих сирот.

Вот петух бессонный
Где-то закричал;
Полночи спокойной
Долгий час настал.

И бог весть отколе
Песенник лихой
Вдруг промчался в поле
С тройкой удалой,

И в морозной дали
Тихо потонул
И напев печали,
И тоски разгул.

1853

ЖЕНА ЯМЩИКА

Жгуч мороз трескучий,
На дворе темно;
Серебристый иней
Запушил окно.

Тяжело и скучно,
Тишина в избе;
Только ветер воет
Жалобно в трубе.

И горит лучина,
Издавая треск,
На полати, стены
Разливая блеск.

Дремлет подле печки,
Прислонясь к стене,
Мальчуган курчавый
В старом зипуне.

Слабо освещает
Бледный огонек
Детскую головку
И румянец щек.

Тень его головки
На стене лежит;
На скамье, за прялкой,
Мать его сидит.

Ей недаром снился
Страшный сон вчера:
Вся душа изныла
С раннего утра.

Пятая неделя
Вот к концу идет,
Муж что в воду канул -
Весточки не шлет.

«Ну, господь помилуй,
Если с мужиком
Грех какой случился
На пути глухом!..

Дело мое бабье,
Целый век больна,
Что я буду делать
Одиной-одна!

Сын еще ребенок,
Скоро ль подрастет?
Бедный!.. все гостинца
От отца он ждет!..»

И глядит на сына
Горемыка-мать.
«Ты бы лег, касатик,
Перестань дремать!»

«А зачем же, мама
Ты сама не спишь,
И вечор все пряла,
И теперь сидишь?»

«Ох, мой ненаглядный,
Прясть-то нет уж сил:
Что-то так мне грустно,
Божий свет немил!»

«Полно плакать, мама!» –
Мальчуган сказал
И к плечу родимой
Головой припал.

«Я не стану плакать;
Ляг, усни, дружок;
Я тебе соломки
Принесу снопок,

Постелю постельку,
А господь пошлет —
Твой отец гостинец
Скоро привезет;

Новые салазки
Сделает опять,
Будет в них сыночка
По двору катать...»

И дитя забылось.
Ночь длинна, длинна...
Мерно раздается
Звук веретена.

Дымная лучина
Чуть в светце горит,
Только вьюга как-то
Жалобней шумит.

Мнится, будто стонет
Кто-то у крыльца,
Словно провожают
С плачем мертвеца...

И на память пряхе
Молодость пришла,
Вот и мать-старушка,
Мнится, ожила.

Села на лежанку
И на дочь глядит.
«Сохнешь ты, родная,
Сохнешь,— говорит,—

Где тебе, голубке,
Замужем-то жить,
Труд порой рабочей
В поле выносить!

И в кого родилась
Ты с таким лицом?
Старшие-то сестры
Кровь ведь с молоком!

—

И разгульны, правда,
Нечего сказать,
Да зато им — шутка
Молотить и жать.

А тебя за разум
Хвалит вся семья,
Да любить-то... любит
Только мать твоя».

Вот в сенях избушки
Кто-то застучал.
«Батюшка приехал!» —
Мальчуган сказал.

И вскочил с постели,
Щечки ярче роз.
«Батюшка приехал,
Калачей привез!..»

«Вишь, мороз как крепко
Дверь-то прихватил!» —
Грубо гость знакомый
Вдруг заговорил...

И мужик плечистый
Сильно дверь рванул,
На пороге с шапки
Иней отряхнул,

Осенил три раза
Грудь свою крестом,
Почесал затылок
И сказал потом:

«Здравствуешь, соседка!
Как живешь, мой свет?..
Экая погодка,
В поле следу нет!

Ну, не с доброй вестью
Я к тебе пришел:
Я лошадок ваших
Из Москвы привел».

«А мой муж?» — спросила
Ямщика жена,
И белее снега
Сделалась она.

«Да в Москву приехав,
Вдруг он захворал,
И господь бедняге
По душу послал».

Весть, как гром, упала...
И, едва жива,
Перевесть дыханья
Не могла вдова.

Опустив ручонки,
Сын дрожал как лист...
За стеной избушки
Был и плач и свист...

«Вишь, какая притча! —
Рассуждал мужик.—
Верно, я не в пору
Развязал язык.

А ведь жалко бабу,
Что и говорить!
Скоро ей придется
По́ миру ходить...»

«Полно горевать-то,—
Он вдове сказал.—
Стало, неча делать,
Бог, знать, наказал!

Ну, прощай покуда,
Мне домой пора;
Лошади-то ваши
Тут вот, у двора.

Да!.. ведь эка память,
Все стал забывать:
Вот отец сынишке
Крест велел отдать.

Сам он через силу
С шеи его снял,
В грамотке мне отдал
В руки и сказал:

«Вот благословенье
Сыну моему;
Пусть не забывает
Мать, скажи ему».

А тебя-то, видно,
Крепко он любил:
По смерть твое имя,
Бедный, он твердил».

1854

БУРЛАК

Эх, приятель, и ты, видно, горе видал,
Коли плачешь от песни веселой!
Нет, послушай-ка ты, что вот я испытал,
Так узнаешь о жизни тяжелой!

Девятнадцати лет, после смерти отца,
Я остался один сиротою;
Дочь соседа любила меня, молодца,
Я женился и зажил с женою!
Словно счастье на двор мне она принесла,—

Дай бог царство небесное бедной! —
Уж такая-то, братец, хозяйка была,
Дорожила полушкою медной!
В зимний вечер, бывало, лучину зажжет
И прядет себе, глаз не смыкает;
Петухи пропоют — ну, тогда отдохнет
И приляжет; а чуть рассветает —
Уж она на ногах, поглядишь — побежит
И овцам и коровам даст корму,
Печь истопит и снова за прялкой сидит
Или что прибирает по дому.
Летом рожь станет жать иль снопы подавать
С земи на́ воз,— и горя ей мало.
Я, бывало, скажу: «Не пора ль отдыхать?»
«Ничего, говорит, не устала».
Иногда ей случится обновку купить
Для утехи, так скажет: «Напрасно:
Мы без этого будем друг друга любить,
Что ты тратишься, сокол мой ясный!»
Как в раю с нею жил!.. Да не нам, верно, знать,
Где и как нас кручина застанет!
Улеглася жена в землю на́веки спать...
Вспомнишь — жизнь немила тебе станет!
Вся надежа была — словно вылитый в мать,
Темно-русый красавец сынишка.
По складам уж псалтырь было начал читать...
Думал: «Выйдет мой в люди мальчишка!»
Да не то ему бог на роду написал:
Заболел от чего-то весною,—
Я и бабок к нему, знахарей призывал,
И поил наговорной водою,
Обещался рублевую свечку купить,
Пред иконою в церкви поставить,—
Не услышал господь... И пришлось положить
Сына в гроб, на кладбище отправить...
Было горько мне, друг, в эти черные дни!
Опустились совсем мои руки!
Стали хлеб убирать,— в поле песни, огни,
А я сохну от горя и скуки!
Снега первого ждал: я продам, мол, вот рожь,
Справлю сани, извозничать буду,—
Вдруг, беда за бедой,— на скотину падеж...
Чай, по гроб этот год не забуду!
Кой-как зиму провел; вижу — честь мне не та:

То на сходке иной посмеется:
«Дескать, всякая вот что ни есть мелкота
Тоже в дело мирское суется!»
То бранят за глаза: «Не с его-де умом
Жить в нужде: видишь, как он ленится;
Нет, по-нашему так: коли быть молодцом,
Не тужи, хоть и горе случится!»
Образумил меня людской смех, разговор:
Видно, бог свою помочь мне подал!
Запросилась душа на широкий простор...
Взял я паспорт; подушное отдал...
И пошел в бурлаки. Разгуляли тоску
Волги-матушки синие волны!..
Коли отдых придет — на крутом бережку
Разведешь огонек в вечер темный,
Из товарищей песню один заведет,
Те подхватят — и вмиг встрепенешься,
С головы и до ног жар и холод пойдет,
Слезы сдержишь — и сам тут зальешься!
Непогода ль случится и вдруг посетит
Мою душу забытое горе —
Есть разгул молодцу: Волга с шумом бежит
И про волю поет на просторе;
Ретивое забьется, и вспыхнешь огнем!
Осень, холод — не надобна шуба!
Сядешь в лодку — гуляй! Размахнешься веслом,
Силой с бурей помериться любо!
И летишь по волнам, только брызги кругом...
Крикнешь: «Ну, теперь божия воля!
Коли жить — будем жить, умереть — так умрем!»
И в душе словно не было горя!

1854

УТРО

Звезды меркнут и гаснут. В огне облака.
Белый пар по лугам расстилается.
По зеркальной воде, по кудрям лозняка
От зари алый свет разливается.
Дремлет чуткий камыш. Тишь — безлюдье вокруг.
Чуть приметна тропинка росистая.
Куст заденешь плечом — на лицо тебе вдруг
С листьев брызнет роса серебристая.

Потянул ветерок, воду морщит-рябит.
Пронеслись утки с шумом и скрылися.
Далеко-далеко колокольчик звенит.
Рыбаки в шалаше пробудилися,
Сняли сети с шестов, весла к лодкам несут...
А восток все горит-разгорается.
Птички солнышка ждут, птички песни поют,
И стоит себе лес, улыбается.
Вот и солнце встает, из-за пашен блестит,
За морями ночлег свой покинуло,
На поля, на луга, на макушки ракит
Золотыми потоками хлынуло.
Едет пахарь с сохой, едет — песню поет;
По плечу молодцу все тяжелое...
Не боли ты, душа! отдохни от забот!
Здравствуй, солнце да утро веселое!

1854, 1855

ВНЕЗАПНОЕ ГОРЕ

Вот и осень пришла. Убран хлеб золотой,
Все гумно у соседа завалено...
У меня только смотрит оно сиротой,—
Ничего-то на нем не поставлено!

А уж я ль свою силу для пашни жалел,
Был ленив за любимой работою,
Иль, как надо, удобрить ее не умел,
Или начал посев не с охотою?

А уж я ли кормилице — теплой весне —
Не был рад и обычая старого
Не держался — для гостьи с людьми наравне
Не затеплил свечу воску ярого!..

День и ночь всё я думал: авось, мол, дождусь!
Стану осенью рожь обмолачивать,—
Все, глядишь, на одежду детишкам собьюсь
И оброк буду в пору уплачивать.

Не дозрела моя колосистая рожь,
Крупным градом до корня побитая!..
Уж когда же ты, радость, на двор мой войдешь?
Ох, беда ты моя непокрытая!

Посидят, верно, детки без хлеба зимой,
Без одежды натерпятся холоду...
Привыкайте, родимые, к доле худой!
Закаляйтесь в кручинушке смолоду!

Всем не стать пировать... К горьким горе идет,
С ними всюду, как друг, уживается,
С ними сеет и жнет, с ними песни поет,
Когда грудь по частям разрывается!..

1854

ГНЕЗДО ЛАСТОЧКИ

Кипит вода, ревет ручьем,
На мельнице и стук и гром,
Колеса-то в воде шумят,
А брызги вверх огнем летят,
От пены-то бугор стоит,
Что мост живой, весь пол дрожит.
Шумит вода, рукав трясет,
На камни рожь дождем течет,
Под жерновом муку родит,
Идет мука, в глаза пылит.
Об мельнике и речи нет.
В пыли, в муке, и лыс, и сед,
Кричит весь день про бедный люд:
Вот тот-то мот, вот тот-то плут...
Сам, старый черт, как зверь глядит,
Чужим добром и пьян и сыт;
Детей забыл, жену извел;
Барбос с ним жил, барбос ушел...

Одна певунья-ласточка
Под крышей обжилась,
Свила-слепила гнездышко,
Детьми обзавелась.

Поет, пока не выгнали.
Чужой-то кров — не свой;
Хоть нé любо, не весело,
Да свыкнешься с нуждой.

В ночь темную под крылышко
Головку подогнет
И спит себе под гром и стук,
Носком не шевельнет.

1856

НИЩИЙ

И вечерней и ранней порою
Много старцев, и вдов, и сирот
Под окошками ходит с сумою,
Христа ради на помощь зовет.

Надевает ли сумку неволя,
Неохота ли взяться за труд,—
Тяжела и горька твоя доля,
Бесприютный, оборванный люд!

Не откажут тебе в подаянье,
Не умрешь ты без крова зимой,—
Жаль разумное божье созданье,
Человека в грязи и с сумой!

Но беднее и хуже есть нищий:
Не пойдет он просить под окном,
Целый век, из одежды да пищи,
Он работает ночью и днем.

Спит в лачужке, на грязной соломе,
Богатырь в безысходной беде,
Крепче камня в несносной истоме,
Крепче меди в кровавой нужде.

По́ смерть зерна он в землю бросает,
По́ смерть жнет, а нужда продает;
О нем облако слезы роняет,
Про тоску его буря поет.

1857

НОЧЛЕГ В ДЕРЕВНЕ

Душный воздух, дым лучины,
Под ногами сор,
Сор на лавках, паутины

По углам узор;
Закоптелые полати,
Черствый хлеб, вода,
Кашель пряхи, плач дитяти...
О, нужда, нужда!
Мыкать горе, век трудиться,
Нищим умереть...
Вот где нужно бы учиться
Верить и терпеть!

⟨1857 или 1858⟩

ДЕДУШКА

Лысый, с белой бородою,
Дедушка сидит.
Чашка с хлебом и водою
Перед ним стоит.

Бел как лунь, на лбу морщины,
С испитым лицом.
Много видел он кручины
На веку своем.

Все прошло; пропала сила,
Притупился взгляд;
Смерть в могилу уложила
Деток и внучат.

С ним в избушке закоптелой
Кот один живет.
Стар и он, и спит день целый,
С печки не спрыгнет.

Старику немного надо:
Лапти сплесть да сбыть —
Вот и сыт. Его отрада —
В божий храм ходить.

К стенке, около порога,
Станет там, кряхтя,
И за скорби славит бога,
Божее дитя.

Рад он жить, не прочь в могилу –
В темный уголок...
Где ты черпал эту силу,
Бедный мужичок?

⟨1857 или 1858⟩

* * *

Ярко звезд мерцанье
В синеве небес;
Месяца сиянье
Падает на лес.

В зеркало залива
Сонный лес глядит;
В чаще молчаливой
Темнота лежит.

Слышен меж кустами
Смех и разговор;
Жарко косарями
Разведен костер.

По траве высокой,
С цепью на ногах,
Бродит одиноко
Белый конь впотьмах.

Вот уж песнь заводит
Песенник лихой,
Из кружка выходит
Парень молодой.

Шапку вверх кидает,
Ловит — не глядит,
Пляшет-приседает,
Соловьем свистит.

Песне отвечает
Коростель в лугах,
Песня замирает
Далеко в полях...

Золотые нивы,
Гладь да блеск озер,
Светлые заливы,
Без конца простор,

Звезды над полями,
Глушь да камыши...
Так и льются сами
Звуки из души!

1858

* * *

Ехал из ярмарки ухарь-купец,
Ухарь-купец, удалой молодец.
Стал он на двор лошадей покормить,
Вздумал деревню гульбой удивить.
В красной рубашке, кудряв и румян,
Вышел на улицу, весел и пьян.
Собрал он девок-красавиц в кружок,
Выхватил с звонкой казной кошелек.
Потчует старых и малых вином:
«Пей-пропивай! Поживем — наживем!..»
Морщатся девки, до донышка пьют,
Шутят, и пляшут, и песни поют.
Ухарь-купец подпевает-свистит,
Оземь ногой молодецки стучит.

Синее небо, и сумрак, и тишь.
Смотрится в воду зеленый камыш.
Полосы света по речке лежат.
В золоте тучки над лесом горят.
Девичья пляска при зорьке видна,
Девичья песня за речкой слышна,
По лугу льется, по чаще лесной...
Там услыхал ее сторож седой;
Белый как лунь, он под дубом стоит,
Дуб не шелохнется, сторож молчит.

К девке стыдливой купец пристает,
Обнял, целует и руки ей жмет.
Рвется красотка за девичий круг:
Совестно ей от родных и подруг,

Смотрят подруги — их зависть берет.
Вот, мол, упрямице счастье идет.
Девкин отец свое дело смекнул,
Локтем жену торопливо толкнул.
Сед он, и рваная шапка на нем,
Глазом мигнул — и пропал за углом.
Девкина мать расторопна-смела
С вкрадчивой речью к купцу подошла:
«Полно, касатик, отстань — не балуй!
Девки моей не позорь — не целуй!»
Ухарь-купец позвенел серебром:
«Нет, так не надо... другую найдем!..»
Вырвалась девка, хотела бежать.
Мать ей велела на месте стоять.

Звездная ночь и ясна и тепла.
Девичья песня давно замерла.
Шепчет нахмуренный лес над водой,
Ветром шатает камыш молодой.
Синяя туча над лесом плывет,
Темную зелень огнем обдает.
В крайней избушке не гаснет ночник,
Спит на печи подгулявший старик,
Спит в зипунишке и в старых лаптях,
Рваная шапка комком в головах.
Молится богу старуха жена,
Плакать бы надо — не плачет она.
Дочь их красавица поздно пришла,
Девичью совесть вином залила.
Что тут за диво! и замуж пойдет...
То-то, чай, деток на путь наведет!
Кем ты, люд бедный, на свет порожден?
Кем ты на гибель и срам осужден?

1858

ПЕСНЯ БОБЫЛЯ

Ни кола, ни двора,
Зипун — весь пожиток...
Эх, живи — не тужи,
Умрешь — не убыток!

Богачу-дураку
И с казной не спится;

Бобыль гол как сокóл,
Поет-веселится.

Он идет да поет,
Ветер подпевает;
Сторонись, богачи!
Беднота гуляет!

Рожь стоит по бокам,
Отдает поклоны...
Эх, присвистни, бобыль!
Слушай, лес зеленый!

Уж ты плачь ли, не плачь —
Слез никто не видит,
Оробей, загорюй —
Курица обидит.

Уж ты сыт ли, не сыт —
В печаль не вдавайся;
Причешись, распахнись,
Шути-улыбайся!

Поживем да умрем,—
Будет голь пригрета...
Разумей, кто умен,—
Песенка допета!

1858

* * *

Вырыта заступом яма глубокая.
Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь бесприютная, жизнь терпеливая,
Жизнь, как осенняя ночь, молчаливая,-
Горько она, моя бедная, шла
И, как степной огонек, замерла.

Что же? Усни, моя доля суровая!
Крепко закроется крышка сосновая,
Плотно сырою землею придавится,
Только одним человеком убавится...
Убыль его никому не больна,
Память о нем никому не нужна!..

Вот она — слышится песнь беззаботная,
Гостья погоста, певунья залетная,
В воздухе синем на воле купается;
Звонкая песнь серебром рассыпается...
Тише!.. О жизни покончен вопрос.
Больше не нужно ни песен, ни слез!

1860

* * *

Когда среди зимы холодной,
Лишенный средств, почти без сил,
Больной, озябший и голодный,
Я пышный город проходил;

Когда чуть не был я задавлен
Четверкой кровных рысаков
И был на улице оставлен
Для назидания глупцов;

Когда, оправясь, весь разбитый,
Присел я где-то на крыльцо,
А в уши ветер дул сердито
И мокрый снег мне бил в лицо,—

О, сколько вырвалось проклятий,
Какая бешеная злость
Во мне кипела против братий,
Которым счастливо жилось

Средь этой роскоши безумной
И для которых — брата стон
Веселым бегом жизни шумной
И звоном денег заглушен.

...Но пронеслись несчастий годы,
И, гордо мчась по мостовой,
Я рад теперь, коль пешехода
Кнутом заденет кучер мой.

〈1856〉

СИЛА СЛОВА

Моралист красноречивый
Нам о нищих говорил,
Речью умной и правдивой
Помогать им нас учил...

Говорил о цели жизни,
О достоинстве людей,
Грозно сыпал укоризны
Против роскоши детей...

Речь его лилась так складно,
Был он так красноречив,
Что ему внимали жадно
Все, дыханье затаив,—

И, чтоб не развлечь вниманья,
Отогнали двух старух,
Что на бедность подаянья
Под окном просили вслух...

1857

МОЕМУ БЛИЖНЕМУ

(Обличительное стихотворение)

Знаю, что правду пишу, и имен не значу.
Кантемир

Брось ты промысел свой гнусный
Залезать в чужой карман;
Пусть мошенник ты искусный,
Но постыден ведь обман.

По закону ты не смеешь
Воровать чужих платков,
И часов коль не имеешь,
Так останься без часов.

Верь, что собственность священна,
Верь, что грех и стыдно красть,
Верь, что вора непременно
Наконец посадят в часть.

Конрад Лилиенштвагер
25 сентября 1858 г.
3 часа и 25 минут пополудни

Еще откуп имеет поборников,
Но могу на него я восстать;
Генерал Сидор Карпович Дворников
Сам уж начал его порицать.

Признаюсь, я давненько, действительно,
Злобу к откупу в сердце питал,
Хоть доселе ни слова решительно
Никому про него не сказал.

Низко кланялся я целовальникам,
И поверенным тонко я льстил
(Подражая ближайшим начальникам),
Но теперь — генерал разрешил.

Поощренье его генеральское
Влило бодрость и силу в меня:
Откупов учрежденье канальское
Я кляну среди ночи и дня.

В нем для публики всей разорение,
В нем великий ущерб для казны,
В нем и нравов народных растление,
В нем позор и погибель страны.

Поражать речью дерзкой, открытою
Буду я молодцов откупных,
Посмеюсь я над кастой побитою,
Зло старинное вылью на них.

Говорить и браниться язвительно
Поощрил меня сам генерал...
Хоть все кажется мне, что внушительно
Вдруг он скажет: «Молчи, либерал!»

Что ж? Ему эти вещи известнее:
Нам он может всегда приказать.
Коль наскучим ему нашей песнею,
Долг его приказать нам молчать.

⟨1858⟩

* * *

Еще работы в жизни много,
Работы честной и святой.
Еще тернистая дорога
Не залегла передо мной.

Еще пристрастьем ни единым
Своей судьбы я не связал
И сердца полным господином
Против соблазнов устоял.

Я ваш, друзья,— хочу быть вашим.
На труд и битву я готов,—
Лишь бы начать в союзе нашем
Живое дело вместо слов.

Но если нет — мое презренье
Меня далеко оттолкнет
От тех кружков, где словопренье
Опять права свои возьмет.

И сгибну ль я в тоске безумной
Иль в мире с пошлостью людской,—
Все лучше, чем заняться шумной,
Надменно-праздной болтовней.

Но знаю я — дорога наша
Уж пилигримов новых ждет,
И не минет святая чаша
Всех, кто ее не оттолкнет.

⟨1860 или 1861⟩

* * *

О, подожди еще, желанная, святая!
Помедли приходить в наш боязливый круг!
Теперь на твой призыв ответит тишь немая
И лучшие друзья не приподымут рук.

⟨1860 или 1861⟩

* * *

Бурного моря сердитые волны,
Что так влечет меня к вам?
Я ведь не брошусь, отвагою полный,
Встречу свирепым валам.

Грудью могучею, сильной рукою
Не рассеку я волны;
Не поплыву я искать под грозою
Обетованной страны.

Край мой желанный, любимый мной свято,
Там, где волна улеглась,
Там, далеко, где, спускаясь куда-то,
Море уходит из глаз.

Мне не доплыть до страны той счастливой
Сквозь этих яростных волн...
Что же стою я, пловец боязливый,
Жадным желанием полн?

Так бы и кинулся в ярое море,
В бой бы с валами вступил.
Кажется, в этом бы самом просторе
Взял и отваги и сил.

⟨1861⟩

* * *

Милый друг, я умираю
Оттого, что был я честен;
Но зато родному краю,
Верно, буду я известен.

Милый друг, я умираю,
Но спокоен я душою...
И тебя благословляю:
Шествуй тою же стезею.

⟨1861⟩

ГРЕНАДЕРЫ

Во Францию два гренадера
Из русского плена брели,
И оба душой приуныли,
Дойдя до Немецкой земли.

Придется им — слышат — увидеть
В позоре родную страну...
И храброе войско разбито,
И сам император в плену!

Печальные слушая вести,
Один из них вымолвил: «Брат!
Болит мое скорбное сердце,
И старые раны горят!»

Другой отвечает: «Товарищ!
И мне умереть бы пора;
Но дома жена, малолетки:
У них ни кола ни двора.

Да что мне? Просить Христа ради
Пущу и детей и жену...
Иная на сердце забота:
В плену император! в плену!

Исполни завет мой: коль здесь я
Окончу солдатские дни,
Возьми мое тело, товарищ,
Во Францию! там схорони!

Ты орден на ленточке красной
Положишь на сердце мое,
И шпагой меня опоясешь,
И в руки мне вложишь ружье.

И смирно и чутко я буду
Лежать, как на страже, в гробу...
Заслышу я конское ржанье,
И пушечный гром, и трубу.

То Он над могилою едет!
Знамена победно шумят...
Тут выйдет к тебе, император,
Из гроба твой верный солдат!»

⟨1846, 1858⟩

НА ПУТИ

Предо мной лежит
Степь печальная.
Все мне слышится
Речь прощальная.

Все мне видятся
Взоры милые,
Все твержу «прости»
Через силу я.

И все та ж в ответ
Речь прощальная...
Но молчит кругом
Степь печальная.

⟨1848⟩

* * *

Когда ж минует испытанье?
Когда из лона черных туч
Тебя, колосс, осветит луч
Животворящего сознанья?

Ты гордо голову вознес,
Дивя испуганное око;
Но безглаголен ты, колосс!..
Когда же луч сойдет с востока
И под святым его огнем
Твоих речей раздастся гром?
Ведь говорят, во время оно
И неподвижный столб Мемнона
Гудел под солнечным лучом.

⟨1853, 1858 (?)⟩

ПЕРЕПУТЬЕ

Труден был путь мой. Холодная мгла
Не расступалась кругом,
С севера туча за тучею шла
С крупным и частым дождем...

Капал он с мокрых одежд и волос;
Жутко мне было идти:
Много суровых я вытерпел гроз,
Больше их ждал впереди.

Липкую грязь отряхнуть бы мне с ног
И от ходьбы отдохнуть!..
Вдруг мне в сторонке блеснул огонек...
Дрогнула радостью грудь...

Боже, каким перепутьем меня,
Странника, ты наградил!
Боже, какого дождался я дня!
Сколько прибавилось сил!

1856

* * *

Джон Андерсон, сердечный друг!
Как я сошлась с тобой,
Был гладок лоб твой и как смоль
Был черен волос твой.
Теперь морщины по лицу,

И снег житейских вьюг
В твоих кудрях; но — бог храни
Тебя, сердечный друг!

Джон Андерсон, сердечный друг!
Мы вместе в гору шли,
И сколько мы счастливых дней
Друг с другом провели!
Теперь нам под гору плестись;
Но мы рука с рукой
Пойдем — и вместе под горой
Заснем, сердечный мой!

〈1856〉

НА ПУТИ

За туманами потух
Свет зари вечерней;
Раздражительнее слух,
Сердце суеверней.

Мне грозит мой путь глухой
Злою встречей, битвой...
Но душа полна тобой,
Как святой молитвой.

1856

* * *

О сердце скорбное народа!
Среди твоих кромешных мук
Не жди, чтоб счастье и свобода
К тебе сошли из царских рук.

Не эти ль руки заковали
Тебя в неволю и позор?
Они и плахи воздвигали,
И двигали топор.

Не царь ли век в твоей отчизне
Губил повсюду жизнь сплеча?
Иль ты забыл, что дара жизни
Не ждут от палача?

Не верь коварным обещаньям!
Дар царский — подкуп и обман.
Он, равный пищенским даяньям,
Их не введет в изъян.

Оставь напрасные надежды,
Само себе защитой будь!
На их привет закрой ты вежды,
Их злодеяний не забудь!

Ты сильно! Дремлющие силы
В глуби болящей воскреси!
Тысячелетние могилы
О гнете вековом спроси!

И все, что прожито страданий,
Что в настоящем горя есть,
Весь трепет будущих желаний
Соедини в святую месть.

О, помни! чистый дар свободы
Назначен смелым лишь сердцам.
Ее *берут* себе народы;
И царь не даст ее рабам.

О, помни! и без боя злого
Твердыню зла шатнет твой клик.
Восстань из рабства векового,
Восстань, свободен и велик!

<1861 (?)>

ПАМЯТИ ДОБРОЛЮБОВА

Вечный враг всего живого,
Тупоумен, дик и зол,
Нашу жизнь за мысль и слово
Топчет произвол.

И чем жизнь честней и чище,
Тем нещаднее судьба;
Раздвигайся ты, кладбище,—
Принимай гроба!

Гроб вчера, и гроб сегодня,
Завтра гроб... А мы стоим
Средь могил и — «власть господня»,
Как рабы, твердим.

Вот и твой смолк голос честный,
И смежился честный взгляд,
И уложен в гроб ты тесный,
Отстрадавший брат.

Жаждой правды изнывая,
В «темном царстве» лжи и зла
Жизнь зачахла молодая,
Гнета не снесла.

Ты умолк; но нам из гроба
Скорбный лик твой говорит:
«Что ж молчит в вас, братья, злоба?
Что ж любовь молчит?

Иль в любви у вас лишь слезы
Есть для ваших кровных бед?
Или сил и для угрозы
В вашей злобе нет?

Братья, пусть любовь вас тесно
Сдвинет в дружный ратный строй,
Пусть ведет вас злоба в честный
И открытый бой!»

Мы стоим, не слыша зова...
И, ликуя, зверски зол,
Тризну мысли, тризну слова
Правит произвол.

1861

* * *

Крепко, дружно вас в объятья
Всех бы, братья, заключил
И надежды и проклятья
С вами, братья, разделил.

Но тупая сила злобы
Вон из братского кружка
Гонит в снежные сугробы,
В тьму и холод рудника.

Но и там, назло гоненью,
Веру лучшую мою
В молодое поколенье
Свято в сердце сохраню.

В безотрадной мгле изгнанья
Твердо буду света ждать
И души одно желанье,
Как молитву, повторять:

Будь борьба успешней ваша,
Встреть в бою победа вас,
И минуй вас эта чаша,
Отравляющая нас.

1861

* * *

Те же всё унылые картины,
Те же всё унылые места:
Черный лес да белые равнины,
По селеньям голь и нищета.
А кругом все будто стоном стонет...
И вопрос тоскливый сердце жмет:
Лес ли то со стоном сосны клонит,
Или вьюга твой мне стон несет,
Изнемогший в вековом томленье,
Искушенный в вековом терпенье,
Мой родной, несчастный мой народ?

⟨1861 (?)⟩

ПЯТЕРО

Над вашими телами наругавшись,
В безвестную могилу их зарыли
И над могилой выровняли землю,
Чтоб не было ни знака, ни отметы,
Где тлеют ваши кости без гробов,—

Чтоб самый след прекрасной жизни вашей
Изгладился, чтоб ваши имена
На смену вам идущим поколеньям
С могильного креста не говорили,
Как вы любили правду и свободу,
Как из-за них боролись и страдали,
Как шли на смерть с лицом спокойно-ясным
И с упованьем, что пора придет —
И вами смело начатое дело
Великою победой завершится.

Пора та близко. Пусть могила ваша
Незнаема, пусть царственная зависть
Старается стереть повсюду память
О вашем деле, ваших именах,—
В глуби живых сердец она живет!
И с каждым днем таких сердец все больше,
Самоотверженных, могучих, смелых
И любящих.

Близ места вашей казни
Есть пышный храм. Там гордыми рядами
Стоят великолепные гробницы,
Блестя резьбой и золотом. Над ними
Курится ладан, теплятся лампады,
И каждый день священство в черных ризах
Поет заупокойные обедни.
Гробницы эти прочны; имена
Их мертвецов угодливой рукою
Глубоко в камень врезаны. Напрасно!
От одного дыхания Свободы
Потухнет ладан и елей в лампадах,
Наемный клир навеки онемеет,
И прахом распадется твердый мрамор,
Последняя их память на земле.

Пора близка. Уже на головах,
Обремененных ложью, и коварством,
И преступленьем, шевелится волос
Под первым дуновеньем близкой бури,—
И слышатся, как дальний рокот грома,
Врагам народа ваши имена,
Рылеев, Пестель, Муравьев-Апостол,
Бестужев и Каховский! Буря грянет,

Под этой бурей дело ваших внуков
Вам памятник создаст несокрушимый.
Не золото стирающихся букв
Предаст святые ваши имена
Далекому потомству — песнь народа
Свободного; а песнь не умирает!
Не хрупкие гробницы сохранят
Святую вашу память, а сердца
Грядущих просветленных поколений,—
И в тех сердцах народная любовь
Из рода в род вам будет неизменно
Гореть неугасимою лампадой.

⟨1861—1862 (?)⟩

* * *

Как долгой ночью ждет утра
Больной, томясь в бреду,
Так в этой безрассветной тьме
Я милой вести жду.

День бесконечен... грудь полна
Невыплаканных слез.
Наступит ночь — ко мне бегут
Рои зловещих грез.

О, только б знать, что над тобой
Без туч восходит день,
Что, ясная, встречаешь ты
Без слез ночную тень,—

Как стало бы светло, тепло
В холодной этой тьме!
Пусть воли нет... Пока придет,
Есть счастье и в тюрьме!

Но дни и месяцы идут...
Я жду,— напрасно жду...
Так в ночь бессонную утра
Не ждет больной в бреду.

⟨1862 (?)⟩

* * *

Снова дней весенних
Дождалися мы:
Ласточки щебечут
Над окном тюрьмы.

Между гор зеленых
Темной полосой
Вьется вдаль дорога
К стороне родной.

⟨1862 (?)⟩

* * *

Вышел срок тюремный —
По горам броди;
Со штыком солдата
Нет уж позади.

Воли больше; что же
Стены этих гор
Пуще стен тюремных
Мне теснят простор?

Там под темным сводом
Тяжело дышать:
Сердце уставало
Биться и желать.

Здесь над головою
Под лазурный свод
Жаворонок вьется
И поет, зовет.

⟨1862 (?)⟩

* * *

Зарею обновленья
В моей ночи взошла любовь твоя,
В ней стали ясны мне и мир, и жизнь моя,
Их смысл, и сила, и значенье.

В ней, как в сиянье дня,
Я увидал, что истинно, что ложно,
Что жизненно, что призрачно, ничтожно
Во мне и вне меня.

Когда я сердцем ощутил биенье,
Которым сердце билося твое,
В нем мира целого вместилось бытие,
Все радости людей, тревоги и стремленья.

О свет всевоскрешающей любви!
Ты дал на дело мне и на страданье силы.
Веди меня сквозь мрак моей живой могилы
И к делу жизни вновь могучим призови!

⟨1862(?)⟩

КОНСТИТУЦИОНИСТ

Тошно из уст его слышать и самое слово *Свобода*.
Точно как будто кастрат стал о любви рассуждать.

⟨Между 1862 и 1864(?)⟩

НЕДОРАЗУМЕНИЕ

Много у нас толковали в журналах о прессе свободной.
Публика так поняла: гни нас свободно под пресс!

⟨Между 1862 и 1864(?)⟩

ПРЕДАННОСТЬ

Преданность вечно была в характере русского люда.
Кто же не предан теперь? Ни одного не найдешь.
Каждый, кто глуп или подл, наверное, предан престолу;
Каждый, кто честен, умен, предан, наверно, суду.

⟨Между 1862 и 1864(?)⟩

* * *

Только помыслишь о воле порой,
Словно повеет откуда весной.

Сердце охватит могучая дрожь;
Полною жизнью опять заживешь.

Мир пред тобою широкий открыт;
Солнце надежды над далью горит.

Ждет тебя дело великое вновь,
Счастье, тревога, борьба и любовь.

Снова идешь на родные поля,
Труд и надежды с народом деля.

Пусть будет снова боренье со злом,
Пусть и падешь ты, не сладив с врагом,

Пусть будут гибель, страданья, беда,—
Только б не эта глухая чреда.

⟨1863 или 1864 (?)⟩

* * *

Вечером душным, под черными тучами нас похоронят,
Молния вспыхнет, заропщет река, и дубрава застонет.

Ночь будет бурная. Необоримою властью могучи,
Громом, огнем и дождем разразятся угрюмые тучи.

И над могилами нашими, радостный день предвещая,
Радугу утро раскинет по небу от края до края.

⟨1864 или 1865(?)⟩

* * *

Зимние вьюги завыли
В наших пустынях глухих,
Саваном снега накрыли
Мертвых они и живых.

Гроб — моя темная келья,
Крышка свинцовая — свод;
Ветер полночный в ущелье
Мне панихиду поет.

⟨1864 и 1865(?)⟩

СТАРЫЙ КАПРАЛ

В ногу, ребята, идите.
Полно, не вешать ружья!
Трубка со мной... проводите
В отпуск бессрочный меня.
Я был отцом вам, ребята...
Вся в сединах голова...
Вот она — служба солдата!..
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

Да, я прибил офицера!
Молод еще оскорблять
Старых солдат. Для примера
Должно меня расстрелять.
Выпил я... Кровь заиграла...
Дерзкие слышу слова —
Тень императора встала...
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

Честною кровью солдата
Орден не выслужить вам.
Я поплатился когда-то,
Задали мы королям.
Эх! наша слава пропала...

Подвигов наших молва
Сказкой казарменной стала...
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

Ты, землячок, поскорее
К нашим стадам воротись;
Нивы у нас зеленее,
Легче дышать... поклонись
Храмам селенья родного...
Боже! Старуха жива!..
Не говори ей ни слова...
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

Кто там так громко рыдает?
А! я ее узнаю...
Русский поход вспоминает...
Да, отогрел всю семью...
Снежной, тяжелой дорогой
Нес ее сына... Вдова
Вымолит мир мне у бога...
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

Трубка, никак, догорела?
Нет, затянусь еще раз.
Близко, ребята. За дело!
Прочь! не завязывать глаз.
Целься вернее! Не гнуться!
Слушать команды слова!
Дай бог домой вам вернуться.
В ногу, ребята! Раз! Два!
Грудью подайся!
Не хнычь, равняйся!..
Раз! Два! Раз! Два!

⟨1855⟩

ЗНАТНЫЙ ПРИЯТЕЛЬ

Я всей душой к жене привязан;
Я в люди вышел... Да чего!
Я дружбой графа ей обязан.
Легко ли! Графа самого!
Делами царства управляя,
Он к нам заходит, как к родным.
Какое счастье! Честь какая!
Ведь я червяк в сравненье с ним!
В сравненье с ним,
С лицом таким —
С его сиятельством самим!

Прошедшей, например, зимою,
Назначен у министра бал;
Граф приезжает за женою —
Как муж, и я туда попал.
Там, руку мне при всех сжимая,
Назвал приятелем своим!..
Какое счастье! Честь какая!
Ведь я червяк в сравненье с ним!
В сравненье с ним,
С лицом таким —
С его сиятельством самим!

Жена случайно захворает —
Ведь он, голубчик, сам не свой:
Со мною в преферанс играет,
А ночью ходит за больной.
Приехал, весь в звездах сияя,
Поздравить с ангелом моим...
Какое счастье! Честь какая!
Ведь я червяк в сравненье с ним!
В сравненье с ним,
С лицом таким —
С его сиятельством самим!

А что за тонкость обращенья!
Приедет вечером, сидит...
«Что вы всё дома... без движенья?..
Вам нужен воздух...» — говорит.
«Погода, граф, весьма дурная...»
«Да мы карету вам дадим!»

Предупредительность какая!
Ведь я червяк в сравненье с ним!
В сравненье с ним,
С лицом таким —
С его сиятельством самим!

Зазвал к себе в свой дом боярский:
Шампанское лилось рекой...
Жена уснула в спальне дамской...
Я в лучшей комнате мужской...
На мягком ложе засыпая,
Под одеялом парчевым,
Я думал, нежась: честь какая!
Ведь я червяк в сравненье с ним!
В сравненье с ним,
С лицом таким —
С его сиятельством самим!

Крестить назвался непременно,
Когда господь мне сына дал —
И улыбался умиленно,
Когда младенца восприял.
Теперь умру я, уповая,
Что крестник взыскан будет им...
А счастье-то, а честь какая!
Ведь я червяк в сравненье с ним!
В сравненье с ним,
С лицом таким —
С его сиятельством самим!

А как он мил, когда он в духе!
Ведь я за рюмкою вина
Хватил однажды: ходят слухи...
Что будто, граф... моя жена...
Граф, говорю, приобретая...
Трудясь... я должен быть слепым...
Да ослепит и честь такая!
Ведь я червяк в сравненье с ним!
В сравненье с ним,
С лицом таким —
С его сиятельством самим!

⟨1856⟩

ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛ

Я нашел, друзья, нашел,
Кто виновник бестолковый
Наших бедствий, наших зол.
Виноват во всем гербовый,
Двуязычный, двуголовый,
Всероссийский наш орел.

Я сошлюсь на народное слово,
На великую мудрость веков:
Двуголовье — эмблема, основа
Всех убийц, идиотов, воров.
Не вступая и в споры с глупцами,
При смущающих душу речах,
Сколько раз говорили вы сами:
«Да, никак, ты о двух головах!»

Я нашел, друзья, нашел,
Кто виновник бестолковый
Наших бедствий, наших зол.
Виноват во всем гербовый,
Двуязычный, двуголовый,
Всероссийский наш орел.

Оттого мы несчастливы, братья,
Оттого мы и горькую пьем,
Что у нас каждый штоф за печатью
Заклеймен двуголовым орлом.
Наш брат русский — уж если напьется,
Нет ни связи, ни смысла в речах;
То целуется он, то дерется —
Оттого что о двух головах.

Я нашел, друзья, нашел,
Кто виновник бестолковый
Наших бедствий, наших зол.
Виноват во всем гербовый,
Двуязычный, двуголовый,
Всероссийский наш орел.

Взятки — свойство гражданского мира,
Ведь у наших чиновных ребят

На обоих бортах вицмундира
По шести двуголовых орлят.
Ну! и спит идиот безголовый
Пред зерцалом, внушающим страх,—
А уж грабит, так грабит здорово
Наш чиновник о двух головах.

Я нашел, друзья, нашел,
Кто виновник бестолковый
Наших бедствий, наших зол,
Виноват во всем гербовый,
Двуязычный, двуголовый,
Всероссийский наш орел.

Правды нет оттого в русском мире,
Недосмотры везде оттого,
Что всевидящих глаз в нем четыре,
Да не видят они ничего;
Оттого мы к шпионству привычны,
Оттого мы храбры на словах,
Что мы все, господа, двуязычны,
Как орел наш о двух головах.

Я нашел, друзья, нашел,
Кто виновник бестолковый
Наших бедствий, наших зол.
Виноват во всем гербовый,
Двуязычный, двуголовый,
Всероссийский наш орел.

⟨1857⟩

* * *

Я не поэт — и, не связанный узами
С музами,
Не обольщаюсь ни лживой, ни правою
Славою.
Родине предан любовью безвестною,
Честною,
Не воспевая с певцами присяжными,
Важными
Злое и доброе, с равными шансами,
Стансами,

Я положил свое чувство сыновнее
Все в нее.

Но не могу же я плакать от радости
С гадости,
Или искать красоту в безобразии
Азии,
Или курить в направлении заданном
Ладаном,
То есть — заигрывать с злом и невзгодами
Одами.

С рифмами лазить особого счастия
К власти я
Не нахожу — там какие бы ни были
Прибыли.
Рифмы мои ходят поступью твердою,
Гордою,
Располагаясь богатыми парами —
Барами!

Ну, не дадут мне за них в Академии
Премии,
Не приведут их в примерах пиитики
Критики:
«Нет ничего, мол, для «чтенья народного»
Годного,
Нет возносящего душу парения
Гения,
Нету воинственной, храброй и в старости,
Ярости
И ни одной для Петрушки и Васеньки
Басенки».
Что ж? Мне сама мать-природа оставила
Правила,
Чувством простым одарив одинаково
Всякого.
Если найдут книжку с песнями разными,
Праздными
Добрые люди внимания стоящей —
Что еще?
Если ж я рифмой свободной и смелою
Сделаю,

Кроме того, впечатленье известное,
Честное,—
В нем и поэзия будет обильная,
Сильная
Тем, что не связана даже и с музами
Узами.

⟨1859⟩

ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ

Старый хапуга, отъявленный плут
Отдан под суд;
Дело его, по решении строгом,
Пахнет острогом...
Но у хапуги, во-первых, жена
Очень умна;
А во-вторых — еще несколько дочек
. . . . . .
(Несколько точек.)

Дочек наставила, как поступать,
Умная мать.
(Как говорят языком и глазами —
Знаете сами.)
Плачет и молится каждую ночь
Каждая дочь...
Ну, и нашелся заступник сиятельный
!
(Знак восклицательный.)

Старый хапуга оправдан судом,
Правда, с трудом;
Но уж уселся он в полной надежде,
Крепче, чем прежде.
Свет, говорят, не без добрых людей —
Правда, ей-ей!
Так и покончим, махнув сокрушительный
?
(Знак вопросительный.)

⟨1859⟩

ЧЕЛОВЕК С ДУШОЙ

(Идиллия)

Ах! человек он был с душой,
Каких уж нынче нет!
Носил он галстук голубой
И клетчатый жилет.

Он уважал отчизну, дом,
Преданья старины;
Сюртук просторный был на нем
И узкие штаны.

Не ведал он во все житье,
Что значит праздность, лень;
Менял он через день белье,
Рубашки каждый день.

Он слишком предан был добру,
Чтоб думать о дурном;
Пил рюмку водки поутру
И рюмку перед сном.

Он не искал таких друзей,
Чтоб льстили, как рабы;
Любил в сметане карасей
И белые грибы.

В душе не помнил он обид;
Был честный семьянин —
И хоть женой был часто бит,
Но спать не мог один.

До поздней старости своей
Был кроткий человек
И провинившихся детей
Он со слезами сек.

Когда же час его настал —
Положенный на стол,
Он в белом галстуке лежал,
Как будто в гости шел.

В день похорон был дан большой
Кухмистерский обед.
Ах! человек он был с душой,
Каких уж нынче нет!

⟨1860⟩

ИДЕАЛЬНАЯ РЕВИЗИЯ

— Дороги у нас в околотке!
Ухабы, озера, бугры!
— Пожалуста, рюмочку водки;
Пожалуста, свежей икры.
— Выходит, что вы не по чину...
За это достанется вам...
— Пожалуста, кюммелю, джину;
Пожалуста, рижский бальзам.
— Пословица службы боярской:
Бери, да по чину бери.
— Пожалуста, честер, швейцарский;
Пожалуста, стильтону, бри.
— Дороги, положим, безделки;
Но был я в остроге у вас...
— Пожалуста, старой горелки,
Галушек, грибочков, колбас.
— Положим, что час адмиральский;
Да вот и купцы говорят...
— Угодно-с ветчинки вестфальской?
Стерлядка-с, дичинка, салат...
— Положим, что в вашу защиту
Вы факт не один привели...
— Угодно-с икемцу, лафиту?
Угодно-с рейнвейну, шабли?
— Положим, что вы увлекались...
Сходило предместнику с рук...
— Сигарочку вам-с: имперьялис,
Регалия, упман, трабук.
— Положим, я строг через меру,
И как-нибудь дело сойдет...
— Пожалуста... Эй! Редереру!
Поставить две дюжины в лед!

⟨1860⟩

ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА

Здоровый ум дал бог ему,
Горячую дал кровь,
Да бедность гордую к уму,
А к бедности любовь.

А ей — подобью своему —
Придав земную плоть,
Любовь дал, так же как ему,
И бедность дал господь.

Обманом тайного сродства
И лет увлечены,
Хоть и бедны до воровства,
Но были влюблены.

Он видел в ней любви венец
И ей сиял лучом,
И — наших дней концов конец —
Стояли под венцом.

Он не согнулся от трудов,
Но так упорно шел,
Что стал, как истина, суров,
Как добродетель, зол.

Она — в мороз из теплых стран
Заброшенный цветок —
Осталась милой — как обман,
И доброй — как порок.

Что сталось с ним, что с ней могло б
Случиться в добрый час —
Благополучно ранний гроб
Закрыл навек от нас.

⟨1860⟩

ГОСПОДИН ИСКАРИОТОВ

Господин Искариотов —
Добродушнейший чудак:
Патриот из патриотов,
Добрый малый, весельчак,

Расстилается, как кошка,
Выгибается, как змей...
Отчего ж таких людей
Мы чуждаемся немножко?
И коробит нас, чуть-чуть
Господин Искариотов,
Патриот из патриотов,
Подвернется где-нибудь?

Чтец усердный всех журналов,
Он способен и готов
Самых рьяных либералов
Напугать потоком слов.
Вскрикнет громко: «Гласность! Гласность!
Проводник святых идей!»
Но кто ведает людей,
Шепчет, чувствуя опасность:
Тише, тише, господа!
Господин Искариотов,
Патриот из патриотов,
Приближается сюда.

Без порывистых ухваток,
Без сжиманья кулаков
О всеобщем зле от взяток
Он не вымолвит двух слов.
Но с подобными речами
Чуть он в комнату ногой —
Разговор друзей прямой
Прекращается словами:
Тише, тише, господа!
Господин Искариотов,
Патриот из патриотов,
Приближается сюда.

Он поборник просвещенья;
Он бы, кажется, пошел
Слушать лекции и чтенья
Всех возможных видов школ:
«Хлеб, мол, нужен нам духовный!»
Но заметим мы его —
Тотчас все до одного,

Сговорившиеся ровно:
Тише, тише, господа!
Господин Искариотов,
Патриот из патриотов,
Приближается сюда.

Чуть с женой у вас неладно,
Чуть с детьми у вас разлад —
Он уж слушает вас жадно,
Замечает каждый взгляд.
Очень милым в нашем быте
Он является лицом,
Но едва вошел в ваш дом,
Вы невольно говорите:
Тише, тише, господа!
Господин Искариотов,
Патриот из патриотов,
Приближается сюда.

⟨1861⟩

СЕМЕЙНАЯ ВСТРЕЧА 1862 ГОДА

Читатели, являясь перед вами
В четвертый раз,
Чтоб в Новый год и прозой и стихами
Поздравить вас,
Хотел бы вам торжественно воспеть я,
Да и пора б,
Российского весь блеск тысячелетья —
Но голос слаб...
Читатели, серьезной русской прессе
Оставим мы
Все важное, все толки о прогрессе
И «царстве тьмы».
Довольствуясь лишь неизбежно сущим
И близким нам,
Поклонимся во здравии живущим
Родным отцам.
Пусть юноши к преданиям спесивы,
Не чтут родных,
Но бабушки и дедушки все живы,
Назло для них.

Не изменив себе ни на полслова,
Как соль земли,
Все фазисы развитья векового
Они прошли.
Понятья их живучи и упруги,
И Новый год
По-прежнему в семейном тесном круге
Их застает.
Привет мой вам, старушка Простакова!
Вы всех добрей.
Зачем же вы глядите так сурово
На сыновей?
Порадуйтесь — здесь много Митрофанов,—
Их бог хранит;
Их никаким составом химик Жданов
Не истребит.
Их детский сон и крепок и невинен
По старине.
Поклон тебе, мой друг Тарас Скотинин,
Дай руку мне!
Свинюшник твой далек, брат, до упадка;
В нем тьма свиней.
Почтенный друг! В них нету недостатка
Для наших дней.
По-прежнему породисты и крупны,
А как едят!
Нажрутся так, что, братец, недоступны
Для поросят.
От поросят переходя к Ноздреву,
Мы узнаем,
Что подобру живет он, поздорову
В селе своем.
Все так же он, как был, наездник ражий
Киргизских орд,
И чубуки его опасны даже
Для держиморд.
Берет в обмен щенков и рукоделья,
И жрет, и врет,
Но уж кричит, особенно с похмелья:
«Прогресс! Вперед!»
Прогресс! Прогресс! Ты всем нам задал дело!
Никто не спит.
Коробочка заметно отупела,
Но все скрипит.

Уж Чичиков с тобой запанибрата.
На вечерах
Он говорит гуманно, кудревато
Об *мужичках*,
Про грамотность во всех посадах, селах,
По деревням,
И, наконец,— детей в воскресных школах
Он учит сам.
Замыслил он с отвагою бывалой,
Трудясь как вол,
Народный банк, газету, два журнала
И общий стол.
Об нем кричит публично Репетилов;
Его вознес
До облаков чувствительный Манилов
В потоках слез:
Мол, Чичиков гуманен! Идеален!
Ведет вперед!
С Петрушкою знакомится Молчалин,
На чай дает.
Все бегают, все веселы, здоровы,
Движенье, шум,—
Особенно заметны Хлестаковы,
Где нужен ум.
На раутах, на чтениях, по клубам
Свои стихи
Тряпичкины читают Скалозубам
За их грехи.
Абдулины усердно бьют поклоны
Своим властям.
Пошлепкины и слесарские жены —
Все по местам.
Как человек вполне великосветский,
Мильоном глаз
Везде Антон Антоныч Загорецкий
Глядит на нас.
От Шпекиных усердьем в службе пышет
И болтовней,—
И Фамусов, как прежде, все подпишет
И с плеч долой!

〈1861—1862〉

* * *

Юмористическим чутьем
Под вашей докторскою тогой,
Под вашим мудрым париком,
В изгибах речи вашей строгой
Нагайку чуем казака,
Хоть видим в выпушках, петличках
И в полемических привычках,
Что вы не нашего полка.

1862

ТИК-ТАК! ТИК-ТАК!

Тик-так! Тик-так! Спокойно, ровно
Свершает маятник свой круг.
Тоска томит меня, и словно
Меня пугает этот стук.
Как будто с явною насмешкой,
Связав мне ноги, лютый враг
Мне говорит: «Иди! Не мешкай!»
Тик-так! Тик-так!

Увы! по-прежнему исправно
Кружась, как белки в колесе,
Вдруг слышать явственно недавно
Тик-так, тик-так мы стали все.
Мы маршируем, пляшем, пишем,
Дни коротаем кое-как,
А ночью все с тоскою слышим:
Тик-так! Тик-так!

Звук, с детства каждому знакомый —
Тик-так, тик-так,— известный звук.
Не знаем сами, отчего мы
Его пугаться стали вдруг.
То страх возьмет, то вспыхнет злоба...
Ты будто слышишь в нем, земляк,
Стук молотка о крышку гроба —
Тик-так! Тик-так!

Чертог твой вижу изукрашен,
Делами предков гордый муж!

Ты вчуже для меня был страшен,
Владея тысячами душ.
Ты грезишь в сумраке со страхом,
Что всех людей твоих, собак
Уносит время с каждым взмахом —
Тик-так! Тик-так!

Чертог твой вижу либеральный,
Нинон Ланкло из русских дам,
И разговор патриархальный
Об *мужичках* я слышу там.
Но вам неловко... Вслед за спором
Вдруг смолкнет весь ареопаг,
И простучит для всех укором:
Тик-так! Тик-так!

Я вижу, канцелярский гений,
Твой кабинет, и труд ночной,
И ряд твоих соображений,
Где распустить, где крикнуть: «Стой!»
Но тщетны мудрые уловки!
Ты стал бледней своих бумаг,
Услышав стук, без остановки:
Тик-так! Тик-так!

Смотри: усердный твой поклонник —
Медоточивый публицист,
Трудясь над составленьем хроник,
Не кончив, вдруг бросает лист.
Он вдруг почуял, в страшной муке,
Всех этих гимнов ложь и мрак
В победоносно-ровном стуке:
Тик-так! Тик-так!

Тик-так, тик-так — в спокойной силе
Волнует сердце, гонит сон...
Что ж это? Скука просто — или
«Глагол времен, металла звон»?
Мы слышим в ровном этом ходе
За звуком — звук, за шагом — шаг:
Движенье вечное в природе:
Тик-так! Тик-так!

Мы слышим в звуках всем понятных
Закон явлений мировых:
В природе нет шагов попятных,
Нет остановок никаких!
Мужайся, молодое племя!
В сиянье дня исчезнет мрак.
Тебе подсказывает время:
Тик-так! Тик-так!

⟨1863⟩

ПРИРОДА, ВИНО И ЛЮБОВЬ

(Из былых времен)

Трагедия в трех действиях, без соблюдения трех единств, так как происходит в разное время, в разных комнатах и под влиянием различных страстей и побуждений.

ЛИЦА:

Поэт, Редактор, Цензор.

ДЕЙСТВИЕ I. ПРИРОДА

Комната Поэта.

Поэт

(пишет и читает)

Пришла весна. Увы! Любовь
Не манит в тихие дубравы.
Нет! негодующая кровь
Зовет меня на бой кровавый!

Кабинет Редактора.

Редактор
(поправляет написанное Поэтом и читает)

Пришла весна. Опять любовь
Раскрыла тысячу объятий,
И я бы, кажется, готов
Расцеловать всех меньших братий.

Кабинет Цензора.

Ц е н з о р
(поправляет написанное Поэтом и поправленное Редактором и читает)

Пришла весна. Но не любовь
Меня влечет под сень дубравы,
Не плоть, а дух! Я вижу вновь
Творца во всем величье славы.
(Подписывает: «Одобрено цензурою».)

ДЕЙСТВИЕ II. ВИНО

П о э т

Люблю вино. В нем не топлю,
Подобно слабеньким натурам,
Скорбь гражданина, а коплю
Вражду к проклятым самодурам!

Р е д а к т о р
(поправляет)

Люблю вино. Я в нем топлю
Свои гражданские стремленья,
И видит бог, как я терплю
И как тяжел мой крест терпенья!

Ц е н з о р
(поправляет)

Люблю вино. Но как люблю?
Как сладкий мед, как скромный танец.
Пью рюмку в день — и не терплю
Косматых нигилистов-пьяниц.
(Подписывает.)

ДЕЙСТВИЕ III. ЛЮБОВЬ

П о э т

Люблю тебя. Любовь одна
Дает мне бодрость, дух и силу,
Чтоб, чашу зла испив до дна,
Непобежденным лечь в могилу.

Редактор
(поправляет)

Люблю тебя. Любовь к тебе
Ведет так сладко до могилы
В неравной роковой борьбе
Мои погубленные силы.

Цензор
(поправляет)

Люблю тебя. И, не скорбя,
Подобно господам писакам,
Обязан век любить тебя,
Соединясь законным браком.
(Подписывает.)

Занавес падает. В печати появляется стихотворение «Природа, вино и любовь», под которым красуется имя Поэта. В журналах выходят рецензии, в которых говорится о вдохновении, непосредственном творчестве, смелости мысли, оригинальности оборотов речи и выражений, художественной целости и гражданских стремлениях автора.

〈1863〉

* * *

Нет, положительно, роман
«Что делать?» нехорош!
Не знает автор ни цыган,
Ни дев, танцующих канкан,
Алис и Ригольбош.
Нет, положительно, роман
«Что делать?» нехорош!

Великосветскости в нем нет
Малейшего следа.
Герой не щеголем одет
И под жилеткою корсет
Не носит никогда.
Великосветскости в нем нет
Малейшего следа.

Жена героя — что за стыд! —
Живет своим трудом;
Не наряжается в кредит

И с белошвейкой говорит —
Как с равным ей лицом.
Жена героя — что за стыд! —
Живет своим трудом.

Нет, я не дам жене своей
Читать роман такой!
Не надо новых нам людей
И идеальных этих швей
В их новой мастерской!
Нет, я не дам жене своей
Читать роман такой!

Нет, положительно, роман
«Что делать?» нехорош!
В пирушках романист — профан,
И чудеса белил, румян
Не ставит он ни в грош.
Нет, положительно, роман
«Что делать?» нехорош!

1863

ЗАВЕЩАНИЕ

Мой сын, я в вечность отхожу
Из мрака суеты;
Сказал бы: в рай, да не скажу,
И не поверишь ты.
Мой сын, я в вечность отхожу
Из мрака суеты.

Мой сын, вверяясь небесам,
Надейся, уповай;
Но, на́ бога надеясь, сам,
Мой милый, не плошай.
Мой сын, вверяясь небесам,
Надейся, уповай.

Мой сын, учись — ученье свет,
А неученье тьма;
А жизнь на все уж даст ответ,
По-своему, сама...

Мой сын, учись — ученье свет,
А неученье тьма.

Мой сын, любовь — союз сердец,
К блаженству первый шаг;
Второй шаг будет под венец,
А третий под башмак.
Мой сын, любовь — союз сердец,
К блаженству первый шаг.

Мой сын, твоя опора — труд,
Твое все счастье в нем;
Хотя с трудом в больницах мрут
Живущие трудом.
Мой сын, твоя опора — труд,
Твое все счастье в нем.

Мой сын, спокойствие души—
Отрада беднякам;
Зато уж в нем все барыши
И все утехи нам.
Мой сын, спокойствие души—
Отрада беднякам.

Мой сын, будь честен и горяч
В борьбе для счастья всех,
Да только после уж не плачь,
Услышав общий смех.
Мой сын, будь честен и горяч
В борьбе для счастья всех.

Мой сын, я в вечность отхожу
Из мрака суеты;
Сказал бы: в рай, да не скажу,
И не поверишь ты.
Мой сын, я в вечность отхожу
Из мрака суеты.

⟨1865⟩

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ДРОГИ

Que j'aime à voir un corbillard!
A. Gouffé [1]

Последний экипаж людской
Пою я в песне, дроги.
Вот выбор песни! Что ни пой,
А все протянешь ноги.
Придется всем от всяких бед
Навек освободиться;
Что ж за несчастье — в лучший свет
На дрогах прокатиться?

В былые дни, без лишних слов,
В урочный час к могиле
И богачей и бедняков
Всех на руках тащили.
Стал ныне человек умней
И самых бедных даже
Препровождает в мир теней
В приличном экипаже.

Богач со смертию всего
Лишается и плачет.
Я не оставлю ничего;
Я в выигрыше, значит.
Я в этот мир пришел пешком,
Но на свиданье к деду,
Хоть и на дрогах, хоть шажком,
А все-таки поеду.

За колесницей богача —
Тщеславия затеи,—
Ливрейный траур волоча,
Толпой идут лакеи.
А я богат и без ливрей,
Богатствами иными:
Пойдет кружок моих друзей
За дрогами моими.

---

[1] Как я люблю смотреть на погребальные дроги! *А. Гуффе (франц.).*

Веселость, гений мой! я жив,
Покуда ты со мною;
Когда ж и ты, на мой призыв,
Окажешься мечтою, —
Тогда скажу, махнув рукой,
Совсем готов к дороге:
Что ж делать! Стих пришел такой;
Закладывайте дроги!

⟨1868⟩

НА МОГИЛЕ Д. И. ПИСАРЕВА

(БРАТЬЯМ ПИСАТЕЛЯМ)

Еще один из строя выбыл вон,
Где уж и так ряды не слишком тесны.
Мир памяти скончавшегося — он
Писатель был талантливый и честный.

Талантливый и честный! В двух словах
Заключена властительная сила:
Одушевлен был ею этот прах,
Освящена теперь его могила.

В борьбе со злом, идущей без конца,
Им двигала полезная идея,—
И юношам в их чистые сердца
Он внес ее, умами их владея.

Усопший брат! Мир памяти твоей.
Увы! Ты жил, как Добролюбов, мало,
Ты чист, как он; зерна твоих идей
Не подточило опытности жало.

Мы видели, как старились умы
И как сердца прекрасные скудели.
Поклонимся ж могиле ранней мы —
Созревшие для неизвестной цели.

1868

КУМУШКИ

«Эх! не плачь, кума!
Значит — дело земское!..»
«Знаю и сама,
Да ведь сердце женское.
Врозь с ним — нет житья...»
«Не вернешь Кондратьева,
Вышла — вишь — статья
Гнать, и гнать, и гнать его.

Знай! везде бедняк
(В умных книгах значится)
До могилы так
Все с бедой маячится.
Мать на свет родит —
Нечем воспитать его,
И судьба спешит
Гнать, и гнать, и гнать его.

Бедняки снесут —
Сладко ли, не сладко ли —
Всё: по шее ль бьют,
Лупят под лопатку ли.
Сирому — сна нет,
Давит зло, как тать, его,
И один ответ —
Гнать, и гнать, и гнать его.

Раз уйдет от зла —
Словно жизнь и ладится,
Глядь — из-за угла
Снова горе крадется.
Так не плачь, кума!
Позабудь Кондратьева:
Нужно из ума
Гнать, и гнать, и гнать его».

1861

СКАЗКА О ВОСТОЧНЫХ ПОСЛАХ

Шлет нам гостинцы Восток
Вместе с посольством особым.
«Ну-ка, веди, мужичок,
Их по родимым трущобам».
Ходят. Всё степи да лес,
Всё, как дремотой, одето...
«Это ли русский прогресс?»
«Это, родимые, это!..»

В села заходят. Вросли
В землю, согнувшись, избенки;
Чахлое стадо пасли
Дети в одной рубашонке;
Крытый соломой навес...
Голос рыдающий где-то...
«Это ли русский прогресс?»
«Это, родимые, это!..»

Город пред ними. В умах
Мысль, как и в селах, дремала,
Шепчут о чем-то впотьмах
Два-три усталых журнала.
Ласки продажных метресс...
Грозные цифры бюджета...
«Это ли русский прогресс?»
«Это, родимые, это!..»

Труд от зари до зари,
Бедность — что дальше, то хуже...
Голод, лохмотья — внутри,
Блеск и довольство — снаружи...

Шалости старых повес,
Тающих в креслах балета...
«Это ли русский прогресс?»
«Это, родимые, это!..»

«Где ж мы, скажи нам, вожак?
Эти зеленые зимы,
Голые степи и мрак...
Полно, туда ли зашли мы?
Ты нам скажи наотрез,
Ждем мы прямого ответа:
«Это ли русский прогресс?»
«Это, родимые, это!..»

1862

ЮМОРИСТАМ

Юмористы! смейтесь все вы,
Только пусть ваш стих,
Как улыбка юной девы,
Будет чист и тих.
Будьте скромны, как овечка,
Смейтесь без тревог,
Но от желчного словечка
Сохрани вас бог!..

Без насмешки, без иголок,
Весело для всех,
Смейтесь так, чтоб не был колок
Безобидный смех;
Чтоб ребенок в колыбели
Улыбнуться мог...
От иной гражданской цели
Сохрани вас бог!..

Смейтесь... ну хоть над природой,-
Ей ведь нет вреда,—
Над визитами, над модой
Смейтесь, господа;
Над ездой в телеге тряской
Средь больших дорог...
От знакомства с свистопляской
Сохрани вас бог!..

Пойте песнь о стройном фронте,
О ханже, хлыще,
Только личностей не троньте,
Смейтесь — *вообще...*
И от кар, от обличений
Вдоль и поперек,
От новейших всех учений —
Сохрани вас бог!..

⟨1862—1863⟩

СОВЕТ

> В собственном сердце и уме человека должна быть внутренняя полиция...
>
> *Н. Павлов*

От увлечений, ошибок горячего века
Только «полиция в сердце» спасет человека;

Только тогда уцелеет его идеал,
Если в душе он откроет бессменный квартал.

Мысль, например, расшалится в тебе не на шутку —
Тотчас ее посади ты в моральную будку;

В голову ль вдруг западет неприличная блажь —
Пусть усмирит ее сердца недремлющий страж;

Кровь закипит, забуянит в тебе через меру —
С ней, не стесняясь, прими полицейскую меру,

Стань обличителем собственной злобы и лжи
И на веревочке ум свой строптивый держи.

Знайте ж, российские люди, и старцы, и дети:
Только «с полицией в сердце» есть счастье на свете.

⟨1863⟩

* * *

Холод, грязные селенья,
Лужи и туман,
Крепостное разрушенье,
Говор поселян.

От дворовых нет поклона,
Шапки набекрень,
И работника Семена
Плутовство и лень.
На полях чужие гуси,
Дерзость гусенят,—
Посрамленье, гибель Руси,
И разврат, разврат!..

1863

* * *

Чудная картина!
Грезы всюду льнут:
Грезит кустик тмина,
Грезит сонный пруд,
Грезит георгина,
Даже, как поэт,
Грезит у камина
Афанасий Фет.
Грезит он, что в руки
Звук поймал,— и вот
Он верхом на звуке
В воздухе плывет,
Птицы ж щебетали:
«Спой-ка нам куплет
О «звенящей дали»,
Афанасий Фет».

1863

* * *

Жизнь паша вроде плац-парада;
И в зной и в холод на ветру
Маршировать тем плацем надо,
Как на инспекторском смотру.

Как рекрут, выучись смиряться,
Но забегать не хлопочи;
Похвалят — крикни: «Рад стараться!»
А не похвалят — промолчи.

Тебе прикажут — делай дело!
Терпи — вот лучший твой паек,
А в остальное время смело
Носок вытягивай, носок!..

1864

МОТИВЫ РУССКИХ ПОЭТОВ

1

МОТИВ МРАЧНО-ОБЛИЧИТЕЛЬНЫЙ

Мир — это шайка мародеров,
Где что ни шаг, то лжец иль тать;
Мне одному такой дан норов,
Чтоб эту сволочь усмирять.

Не буду петь я: mia cara![1]
«Ночной зефир струит эфир»,
Но как гроза, как божья кара,
Заставлю дрогнуть целый мир.

Во все трактиры, рестораны,
Как зоркий страж, начну ходить,
Для вас, общественные раны,
Я буду пластырем служить.

Во всех приказных, бравших взятки
(Подогревая в сердце злость),
Во всех, кто грубы, грязны, гадки,
Мой стих вопьется, словно гвоздь.

Рысак ли бешеный промчится,
Спадет ли с здания кирпич,
Хожалый вздумает напиться —
Я буду всех разить, как бич,
И стану сам себе дивиться.

---

[1] Моя дорогая! *(итал.)*

Людей сдержу я, как уздой,
И буду в жизненном потоке
Для них живой сковородой,
Где станут жариться пороки.

2

МОТИВ СЛЕЗНО-ГРАЖДАНСКИЙ

Мне жаль тебя, несчастный брат!..
Тяжел твой крест — всей жизни ноша.
Не предложу тебе я гроша,
Но плакать, плакать буду рад.

Пусть возбуждают жалость в мире
Твои лохмотья, чахлый вид —
Тебе угла не дам в квартире,
Но плакать буду хоть навзрыд.

Ходи босой в мороз и слякоть,
Я корки хлеба не подам,
Но о тебе в альбомах дам
Я стану плакать, плакать, плакать!..

3

МОТИВ ЯСНО-ЛИРИЧЕСКИЙ

Тихий вечер навевает
Грезы наяву,
Соловей не умолкает...
Вот я чем живу.
Месяц льет потоки света...
Сел я на траву,—
Огоньки сверкают где-то...
Вот я чем живу.
В летний день, в затишье сада,
Милую зову,
Поджидаю в поле стадо...
Вот я чем живу.
Лаской девы ненаглядной,
Rendez-vous[1] во рву,

[1] Свиданием *(франц.)*.

Видом бабочки нарядной —
Вот я чем живу.
Я срываю шишки с ели,
Незабудки рву
И пою, пою без цели...
Вот я чем живу.

4

ЮБИЛЕЙНЫЙ МОТИВ

(Кому угодно)

Когда сном крепким спал народ
И спячка длилась год за годом...
*(Тут нужно древний эпизод
Сравнить с новейшим эпизодом.)*

Когда на всех, в ком сила есть,
Смотрела Русь в немом испуге...
*(Поэт обязан перечесть
Здесь юбилятора заслуги.)*

Тогда *(обеденный певец
Встает в порыве вдохновенья)*
Ты появился наконец!
(Сбегают слезы умиленья.)

Как луч из мрачных облаков,
Ты вдруг сверкнул, нам дал отвагу!..
*(Чтоб не забыть своих стихов,
Поэт косится на бумагу.)*

И вот теперь весь этот зал
Тебя помянет в общем тосте!..
*(Певец хватает свой бокал,
А лоб певца целуют гости.)*

5

МОТИВ БЕШЕНО-МОСКОВСКИЙ

Русь героями богата,
Словно вылита она
Из гранита и булата,
И прихода супостата

Не боится вся страна,
Не обдаст врагов картечью,
Не покажет им штыка,
Но отбросит перед сечью
Молодецкой, русской речью,
Просолив ее слегка,
Этой речью сочной, рьяной,
Крепкой, цепкой так и сяк,
Забубенной, грозной, пряной,
Удальством славянским пьяной,
Едкой, меткой, как кулак.
Кто ж противиться нам может?
Славянин перед врагом
Руку за ухо заложит,
Гаркнет, свистнет и положит
Супостатов всех кругом.

⟨1865⟩

АНАЛОГИЯ СТИХОТВОРЦА

«Я — новый Байрон!» — так кругом
Ты о себе провозглашаешь.
Согласен в том:
Поэт Британии был хром,
А ты — в стихах своих хромаешь.

⟨1865⟩

ШУТ

Его удел — смешить нас всех.
Блажен такой удел!..
Ведь в наши дни мы ценим смех —
Лишь только б он не ставил в грех
Нам наших собственных прорех
И наших темных дел.
Он шутит мило и легко...
Угрюмейший педант,
Ценя в нем юмор высоко,
С ним разопьет стакан клико,
О нем шепнув вам на ушко:
«Талант, большой талант!»

Едва он в комнату вошел,
Едва раскроет рот —
Веселья общего посол —
Все гости покидают стол;
Смеется весь «прекрасный пол»,
Смеется весь народ:
Смеется жирная вдова,
Смеется тощий франт;
Не смотрит барышня на льва
И может смех скрывать едва,
И все твердят одни слова:
«Талант, большой талант!»

Пусть у других в насмешке — яд,
Но он одним смешит:
Как две старухи говорят,
Как раз напился пьян солдат,
Купцы на ярмарке кутят,
А в этом нет обид.
Без соли весел и остер,
Мишенью для потех
Он изберет мужицкий спор,
Ничем нас не введет в задор —
И слышишь общий приговор:
«Вот настоящий смех!»

Зевают в клубе от статей
Угрюмого чтеца,
Глаза смыкает нам Морфей,
Но вышел клубный корифей —
И у старух и невских фей
Забились вдруг сердца...
Все чутко слушают рассказ,
Хотя столичный шут
Его читал уже сто раз...
Дрожит вся зала в этот час,
От смеха тухнет в люстре газ,
Перчатки дамы рвут...

Кутит богатый самодур —
И шут, в главе льстецов,
Всех забавляет чересчур —
И за дешевый каламбур
Он награжден визжаньем дур
И хохотом глупцов.

Без остановки круглый год
Кривляться он готов,
Смеша лакеев и господ
Дождем копеечных острот,
Не замечая в свой черед,
Что шут он из шутов.

Теперь шутам везде привет
За их бесценный дар
Шутить, хоть в шутках смысла нет...
Молчи ж, озлобленный поэт!
Займет твой пост на много лет
Общественный фигляр...
Твои насмешки нас язвят
Сильнее клеветы...
Нам нужен смех на старый лад,
На жизнь веселый, светлый взгляд,
Нам нужен гаера наряд...
Да здравствуют шуты!..

〈1867〉

У ВХОДА В ПРЕССУ

«Кто там?» — «Я истина».— «Назад!
В вас наша пресса не нуждается».
«Я честность!» — «Вон!» — «Я разум!» — «Брат,
Иди ты прочь: вход запрещается.
Ты кто такая?» — «Пропусти
Без разговоров. Я — субсидия!..»
«А, вы у нас в большой чести:
Вас пропущу во всяком виде я!»

〈1867〉

БЕЗЫМЕННОМУ ЖУРНАЛИСТУ

Сразить могу тебя без всякого усилья,
Журнальный паразит:
Скажу, кто ты и как твоя фамилья,
И ты — убит.

〈1868〉

НАСУЩНЫЙ ВОПРОС

Гражданин

Молчи, толпа!.. Твой детский ропот
Тревожит мирный сон граждан.
Ужели был напрасно дан
Тебе на свете долгий опыт?..
Тебя, капризную толпу,
Ведем мы к истине, к науке,
И, яркий светоч взявши в руки,
Твою житейскую тропу
Мы озаряем блеском знанья,
Среди блестящего собранья
Мы проливаем много слез,
Слагая речь за бедных братий,
За всех, кто много перенес
Обид, гонений и проклятий.
Твои невзгоды и тоску
Мы чтим в созданиях поэта,
И среди земского совета
Даем мы место мужичку;
Всему, что сиро и убого,
Мы сострадали столько раз,
И Ломоносова дорога
Открыта каждому из вас.
Чего ж вам надо? Не робея,
Вкушайте знанья сладкий сок!
Сплетем лавровый мы венок
Для гениального плебея,
И — будь он селянин простой —
Пред ним преклонимся мы дружно.
Чего же вам, безумцы, нужно?
Того ль, чтоб дождик золотой,
Как манна, падал прямо с неба,
Балуя праздностью народ?
Чего же вам недостает?
Чего ж хотите?..

Толпа

Хлеба! Хлеба!..

⟨1868⟩

РЕНЕГАТ

По недовольной, кислой мине,
По безобидной воркотне,
По отвращенью к новизне
Мы узнаем тебя доныне,
Крикун сороковых годов!..
Когда-то, с смелостью нежданной,
Среди российских городов,—
Теоретически-гуманный,
Ты развивал перед толпой,
Из первой книжки иностранной,
Либерализм еще туманный,
Радикализм еще слепой.

Каратель крепостного ига,
Ты рабство презирал тогда,
Желал свободного труда;
Ты говорил красно, как книга,
О пользе гласного суда.
Предвестник лучшего удела,
Такую речь бросал ты в свет:
«И слово самое есть дело,
Когда у всех нас дела нет!..»
Глашатай будущей свободы,
Ты в дни печали и невзгод
Сидел у моря — ждал погоды
И нам указывал вперед.

Но вот пришло иное время,
Свободней стала наша речь,
И рабства тягостное бремя
Свалилось с крепких русских плеч.
Открытый суд с толпой «присяжных»
К нам перешел из чуждых стран;
Но сонм ораторов отважных
Вдруг отошел на задний план.
Защитник слабых, подневольных,
Переменив свой взгляд, свой вид,
Теперь, в разряде «недовольных»,
Порядки новые бранит.

Как промотавшийся повеса,
Смолк либеральный лицемер

В толпе друзей полупрогресса,
Полусвободы, полумер...
Движеньем новым сбитый с толку,
Везде чужой, где нужен труд,
Корит он прессу втихомолку
И порицает гласный суд;
Из-за угла и не без страха
Бросает камни в молодежь,
И оперетки Оффенбаха
В нем возбуждают злости дрожь.
Зато порой, по крайней мере,
Отводит душу он: готов
Отхлопать руки все в партере,
Когда дают «Говорунов».

О ренегаты! Вам укоров
Мы не пошлем... Казнить к чему ж
Давно расстриженных фразеров,
Сороковых годов кликуш!..
Их гнев и старческая злоба
Уже бессильны в наши дни,—
Так пусть у собственного гроба
Теперь беснуются они!

1868

* * *

В стихах и в прозе, меньший брат,
Мы о судьбе твоей кричали;
О, в честь тебя каких тирад
Мы в кабинетах не слагали!
А там, среди убогих хат,
За лямкой, в темном сеновале,
Всё те же жалобы звучат
И песни, полные печали.
Всё та же бедность мужиков;
Всё так же в лютые морозы,
В глухую ночь, под вой волков
Полями тянутся обозы...
Терпенье то же, те же слезы...
Хлеб не растет от нашей прозы,
Не дешевеет от стихов.

⟨1870⟩

* * *

(Н. П. Р-п-ву)

Когда-то, милые друзья,
Среди студенческого пенья
С сознаньем вторил вам и я:
«Вперед без страха и сомненья!»

Я снова петь готов «вперед!»
Иным, грядущим поколеньям,
Но страх в груди моей живет,
И мысль отравлена сомненьем.

〈1870〉

КЛЕВЕТА

Не верьте клевете, что мы стоим на месте,
Хоть злые языки про это и звонят...
Нет, нет, мы не стоим недвижно, но все вместе
И дружно подвигаемся... назад.

〈1870〉

* * *

Нельзя довериться надежде,
Она ужасно часто лжет:
Он подавал надежды прежде,
Теперь доносы подает.

〈1870〉

* * *

Поэт понимает, как плачут цветы,
О чем говорит колосистая рожь,
Что шепчут под вечер деревьев листы,
Какие у каждой капусты мечты,
Что думает в мире древесная вошь.
Он ведает чутко, что мыслит сосна,
Как бредит под раннее утро, со сна,
И только поэт одного не поймет:
О чем это думает бедный народ?

〈1873〉

В ФИНЛЯНДИИ

Область рифм — моя стихия,
И легко пишу стихи я;
Без раздумья, без отсрочки
Я бегу к строке от строчки,
Даже к финским скалам бурым
Обращаясь с каламбуром.

⟨1876⟩

ЖУРНАЛУ, ПЕРЕМЕНИВШЕМУ РЕДАКТОРА

Мы перемены в нем дождались,
Но пользы нет и нет пока:
Переменили ямщика,
А клячи прежние остались.

1877

ЖИТЕЙСКАЯ ИЕРАРХИЯ

Строго различаем мы с давнишних пор:
Маленький воришка или крупный вор.

Маленький воришка — пища для сатир,
Крупный вор — наверно, где-нибудь кассир;

Маленького вора гонят со двора,
Крупного сажают и в директора;

Маленький воришка сцапал и пропал,
Крупный тоже сцапал — нажил капитал;

Маленький воришка угодил в острог,
Крупному же вору — впору все и впрок;

Маленьким воришкам — мачеха зима,
Крупных не пугает и сама тюрьма,

И они спокойно ждут законных кар...
Там, где шмель прорвется, берегись, комар!..

⟨1878⟩

ХЛЕБ И СОЛЬ

Хлеб с солью дружен... Так подчас
Болтаем мы иль просто мелем;
Но часто «*соль* земли» у нас
Сидит без *хлеба* — по неделям.

⟨1880⟩

ЛИБЕРАЛ ОТ «ПОРЯДКА»

Либерал от ног до темени,
Возвещал он иногда:
«До поры лишь и до времени
Я молчу,— но, господа,
Будет случай, и могучее
Слово я скажу, клянусь!»
И — того дождался случая:
«Говорите, сударь, ну-с!»
И, прищуря глазки карие,
На свой фрак роняя пот,
Из времен Гистаспа Дария
Рассказал он анекдот.

1880

ОТГОЛОСКИ О ЦЕНЗУРЕ

1

О Зевс! Под тьмой родного крова
Ты дал нам множество даров,
Уничтожая их сурово,
Дал людям мысль при даре слова
И в то же время — цензоров!!

2

В КАБИНЕТЕ ЦЕНЗОРА

Здесь над статьями совершают
Вдвойне убийственный обряд:
Как православных — их крестят
И как евреев — обрезают.

⟨1881⟩

М. Н. К⟨АТК О⟩В У

1

С толпой журнальных кунаков
Своим изданьем, без сомненья,
С успехом заменил Катков
В России Третье отделенье.

2

В доносах грязных изловчась,
Он даже, если злобой дышит,
Свою статью прочтет подчас,
То на *себя* донос напишет.

⟨*1880—1881*⟩

* * *

Понемножку назад да назад,
На такую придем мы дорожку,
Что загонят нас всех, как телят,
За Уральский хребет понемножку.
Мы воздвигнем себе монумент,
Монументов всех выше и краше,
И в один колоссальный Ташкент
Обратится отечество наше.

⟨*1881*⟩

ДВЕ СМЕРТИ

(Баллада)

1

Действительный статский советник Курдюк,
Дородный, румяный, как солнечный круг,

Обедов хороших знаток и ценитель
И пола прекрасного страстный любитель,

Позавтракав плотно в трактире «Москва»
И шубу медвежью надевши, едва

На улицу вышел, как скрыть удивленья
Не мог. Никогда он такого движенья

Не видел, не помнил таких похорон:
Как тихое море, с различных сторон

Вокруг колесницы толпа тысяч во сто
Содвинулась как-то торжественно просто...

Отдельными группами шла молодежь
С венками лавровыми,— их не сочтешь,—

И убраны пышно венки были эти.
Смешались мужчины, и дамы, и дети,

Печально у многих потуплен был взор,
За хором одним новый следовал хор,

И весь подвижной погребальный тот клирос
От самой Литейной до Знаменской вырос.

2

Действительный статский советник Курдюк,
Толпой увлеченный, смотреть стал вокруг

На пышный кортеж, на толпу вокруг гроба,
И думал: «Конечно, большая особа

Скончалась, вельможа помре, крупный чин,
А иначе не было б вовсе причин

В столице его хоронить так парадно...
Однако... однако тут что-то неладно,—

Курдюк с беспокойством раздумывать стал.—
Я сам в крупном чине, я сам генерал,

Различных особ хоронил я немало
И знаю, что так на Руси генерала

Нельзя, невозможно никак погребать.
Во-первых, регалий нигде не видать,

А их для парада,— они не игрушки,—
Всегда до кладбища несут на подушке;

Затем нет мундиров, чиновных фигур;
Толпа либеральна на вид чересчур,

И слишком уж много в ней «длинноволосых»:
Сюда пять-шесть тысяч, не меньше, сошлось их...

Притом полицейских не видно почти,
Хотя образцовый порядок в пути

Народ соблюдает... Теряюсь в догадках!
Приходится век доживать при порядках

Таких, что идет кругом вся голова.
Бывало, два-три человека едва

Сойдутся случайно,— глядь, бог весть откуда
Является чин полицейский, как чудо,

А нынче посмотришь... Однако кого б
Спросить: в Лавру, что ли, несут этот гроб?

И кто был покойник: почтенье внушая
Такое, он, верно, особа большая...»

3

«Позвольте спросить,— оглянувшись вокруг,
Действительный статский советник Курдюк

Спросил одного господина в еноте.—
Кого хоронить, господа, вы идете?»

«Кого? — с изумленьем заметил енот,
Невольно свой шаг замедляя.— Идет

За гробом почти целый город, и вдруг вы
(Курдюк стал красней кумача или клюквы)

С вопросом подобным!..» — «За этот вопрос
Прошу извиненья,— но умер-то кто-с?»

«Не знаете разве? Известный писатель».
«Писатель, и только,— что слышу, создатель!

Подобный кортеж... цугом шесть лошадей...»
«Покойник был автором «Бедных людей»

И «Мертвого дома»... Вам этого мало?»
«Простите, я думал, везут генерала

Иль знатного барина, что ли,— а он...»
«А он был бедняк, и чинов всех лишен,

И выдержал каторгу даже в Сибири,
Но чтут его память в читающем мире,

И имя его, хоть кого ни спроси,
Известно повсюду у нас на Руси

И лишь незнакомо безграмотным людям,
Которых за то и винить мы не будем...»

4

Курдюк не дослушал его до конца.
Курдюк то горел, то бледней мертвеца

От мыслей, бушующих в нем, становился;
Курдюк поскакал и дорогой крепился;

Когда же завидел квартиры порог,
В дверях оборвал он мгновенно звонок,

Рванул ручку двери, и ахнула громко,
Всплеснувши руками, его экономка;

Но, сбросивши шубу с себя и сюртук,
Действительный статский советник Курдюк

Дал полную волю проклятьям и гневу,
Смутив экономку, почтенную деву,

Потоком ругательств отборных таких,
Что немка застыла, услышавши их.

Та дева из Риги, лет за сорок с лишком,
Хотя к генеральским капризам и вспышкам

Давно попривыкла, робка по натуре,
Но все ж не слыхала она такой бури.

Курдюк же ревел, словно раненый: «Как?
Писака какой-нибудь... нищий... голяк

(Он тут оборвал у сорочки весь ворот)
Такой удостоился чести! Весь город

За гробом его нес хоругви, венки!..
Что власти смотрели? Мои кулаки

Сжимались все время при этом скандале...
О, если бы волю... сегодня... мне дали,

То я...» Тут упал как подкошенный вдруг
Действительный статский советник Курдюк,

И — был генерал оскорблен очень тяжко —
Хватил его насмерть в то утро кондрашка,

И доктор, взглянувши на казус такой,
Ушел, безнадежно махнувши рукой.

5

Прошло трое суток. По грязной дороге
На Волково двигались крытые дроги,

На них возвышался глазетовый гроб,
За гробом, нахмуривши низкий свой лоб,

Плелась экономка, с ней две-три старушки;
Несли ордена на обычной подушке,

А сзади шла кучка знакомых, родных,—
Покойник едва ли узнал бы иных,

Отставши от многих родных и знакомых:
Путейский полковник, что выпить не промах

И ради поминок покушать, кадет,
Чиновник из банка — партнер и сосед

Умершего, писарь, какая-то полька,
Курьер да племянник с супругой — и только.

И если бы мог оглянуться вокруг
Действительный статский советник Курдюк,

Слегка приподняв над собой крышку гроба,
Такая б проснулась в нем дикая злоба,

Увидя своих провожатых, что вновь
Застыла б слегка забродившая кровь,

И, выбранив эту компанию зычно,
С досады, наверно б, он умер вторично.

1881

КОРОЛЬ И ШУТ

Король негодует, то взад, то вперед
По зале пустынной шагая;
Как раненый зверь, он и мечет и рвет,
Суровые брови сдвигая.

Король негодует: «Что день, то беда!
Отвсюду зловещие вести.
Везде лихоимство, лесть, подкуп, вражда,
Ни в ком нет ни правды, ни чести...

Поджоги, убийства, разврат, грабежи,
Иуда сидит на Иуде...»
Король обратился к шуту: «О, скажи:
Куда делись честные люди?»

И шут засмеялся: «Ах, ты чудодей!
Очистив весь край понемногу,
Ты в ссылку отправил всех честных людей
И — сам поднимаешь тревогу!»

⟨1882⟩

N N

Он знает, где зимуют раки,
Как кошки, видит все во мраке
И, чуя носом капитал,
Пришел, увидел и украл.

⟨1887⟩

⟨В. П. БУРЕНИНУ⟩

По Невскому бежит собака,
За ней Буренин, тих и мил...
Городовой, смотри, однако,
Чтоб он ее не укусил!

⟨Неизв. годы⟩

ДУБИНУШКА

Много песен слыхал я в родной стороне,
Как их с горя, как с радости пели,
Но одна только песнь в память врезалась мне,
Это — песня рабочей артели:
«Ухни, дубинушка, ухни!
Ухни, березова, ухни!
Ух!..»

За работой толпа, не под силу ей труд,
Ноет грудь, ломит шею и спину...
Но вздохнут бедняки, пот с лица оботрут
И, кряхтя, запевают дубину:
«Ухни, дубинушка, ухни!
Ухни, березова, ухни!
Ух!..»

Англичанин-хитрец, чтоб работе помочь,
Вымышлял за машиной машину;
Ухитрились и мы: чуть пришлося невмочь,
Вспоминаем родную дубину:
«Ухни, дубинушка, ухни!
Ухни, березова, ухни!
Ух!..»

Да, дубинка, в тебя, видно, вера сильна,
Что творят по тебе так поминки;
Где работа дружней и усердней нужна,
Там у нас, знать, нельзя без дубинки:
«Ухни, дубинушка, ухни!
Ухни, березова, ухни!
Ух!..»

Эта песня у нас уж сложилась давно;
Петр с дубинкой ходил на работу,
Чтоб дружней прорубалось в Европу окно,—
И гремело по финскому флоту:
«Ухни, дубинушка, ухни!
Ухни, березова, ухни!
Ух!..»

Прорубили окно... Да, могуч был напор
Бессознательной силы... Все стали
Эту силу ценить и бояться с тех пор...
Наши ж деды одно напевали:
«Ухни, дубинушка, ухни!
Ухни, березова, ухни!
Ух!..»

И от дедов к отцам, от отцов к сыновьям
Эта песня пошла по наследству;
Чуть на лад что нейдет, так к дубинушке там
Прибегаем, как к верному средству:
«Ухни, дубинушка, ухни!
Ухни, березова, ухни!
Ух!..»

Эх, когда б эту песню допеть поскорей!
Без дубины чтоб спорилось дело
И при тяжком труде утомленных людей
Монотонно б у нас не гудело:
«Ухни, дубинушка, ухни!
Ухни, березова, ухни!
Ух!..»

⟨1865⟩

* * *

Он был титулярный советник,
Она — генеральская дочь;
Он робко в любви объяснился,
Она прогнала его прочь.

Пошел титулярный советник
И пьянствовал с горя всю ночь,
И в винном тумане носилась
Пред ним генеральская дочь.

⟨1859⟩

REQUIEM

Не плачьте над трупами павших борцов,
Погибших с оружьем в руках,
Не пойте над ними надгробных стихов,
Слезой не скверните их прах!

Не нужно ни гимнов, ни слез мертвецам,
Отдайте им лучший почет:
Шагайте без страха по мертвым телам,
Несите их знамя вперед!

С врагом их, под знаменем тех же идей,
Ведите их бой до конца!
Нет почести лучшей, нет тризны святей
Для тени достойной борца!

⟨1865⟩

* * *

О, скоро ль минет это время,
Весь этот нравственный хаос,
Где прочность убеждений — бремя,
Где подвиг доблести — донос;
Где после свалки безобразной,
Которой кончилась борьба,
Не отличишь в толпе бессвязной
Ни чистой личности от грязной,
Ни вольнодумца от раба;
Где быта старого оковы
Уже поржавели на нас,
А светоч, путь искавший новый,
Чуть озарив его, погас;
Где то, что прежде создавала
Живая мысль, идет пока,
Как бы снаряд, идущий вяло
И силой прежнего толчка;
Где стыд и совесть убаюкать
Мы все желаем чем-нибудь
И только б нам ладонью стукать
В «патриотическую» грудь!..

1870

НАШЕМУ ПРОГРЕССУ

Он рос так честен, так умен,
Он так радел о ме́ньших братьях,
Что был Россией задушен
В ее признательных объятьях.

1871

НАШЕЙ ЦЕНЗУРЕ

Тебя уж нет!.. Рука твоя
Не подымается, чтоб херить,—
Но дух твой с нами, и нельзя
В его бессмертие не верить!..

1871

ОСЕННИЕ ЖУРАВЛИ

Сквозь вечерний туман мне, под небом стемневшим,
Слышен крик журавлей все ясней и ясней...
Сердце к ним понеслось, издалека летевшим,
Из холодной страны, с обнаженных степей.
Вот уж близко летят и, все громче рыдая,
Словно скорбную весть мне они принесли...
Из какого же вы неприветного края
Прилетели сюда на ночлег, журавли?..

Я ту знаю страну, где уж солнце без силы,
Где уж савана ждет, холодея, земля
И где в голых лесах воет ветер унылый,—
То родимый мой край, то отчизна моя.
Сумрак, бедность, тоска, непогода и слякоть,
Вид угрюмый людей, вид печальный земли...
О, как больно душе, как мне хочется плакать!
Перестаньте рыдать надо мной, журавли!..

1871

МОЕЙ МУЗЕ

Чтоб мне в моих скорбя́х помочь,
Со мной ты плакала, бывало...
Теперь не плачь! Пускай, как ночь,
Когда дождей пора настала,
Один я молча слезы лью,
Храня, как тайну, грусть мою.

То грусть порой по старом счастье...
Ее сравнить могла бы ты
С тоской стебля, когда ненастье
Вдруг оборвет с него цветы

И унесет их вдаль, куда-то,
Откуда нет уже возврата.

Порой грущу, что стар уж я;
Что чую смерти близкий холод
И жуткий мрак небытия,—
Меж тем как я — душою молод,
И животворный сердца пыл
Еще с летами не остыл.

Не надо звуков скорбной неги;
Не надо старческую грусть
Принаряжать в стихах элегий.
А если плачется — ну, пусть,—
Коль сердцу есть в слезах отрада;
Но слез рифмованных — не надо!

1888

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Поверхность всей моей усадьбы
Сегодня к утру снег покрыл...
Подметить все и записать бы,—
Так первый снег мне этот мил!

Скорей подметить! Он победу
Уступит солнечному дню;
И к деревенскому обеду
Уж я всего не оценю.

Там, в поле, вижу черной пашни
С каймою снежной борозду;
Весь изменился вид вчерашний
Вкруг дома, в роще и в саду.

Кусты в уборе белых шапок,
Узоры стынущей воды,
И в рыхлом снеге птичьих лапок
Звездообразные следы...

1888

ЗАБЫТЫЕ СЛОВА

Посвящается памяти М. Е. Салтыкова

Слова священные, слова времен былых,
Когда они еще знакомо нам звучали...
Увы! Зачем же, полн гражданственной печали,
Пред смертью не успел ты нам напомнить их?
Те лучшие слова, так людям дорогие,
В ком сердце чувствует, чья мыслит голова:
Отчизна, совесть, честь и многие другие
Забытые слова.

Быть может, честное перо твое могло б
Любовь к отечеству напомнить «патриотам»,
Поднять подавленных тяжелым жизни гнетом;
Заставить хоть на миг поникнуть медный лоб;
Спасти обрывки чувств, которые остались;
Уму отвоевать хоть скромные права;
И, может быть, средь нас те вновь бы повторялись
Забытые слова.

Преемника тебе не видим мы пока.
Чей смех так зол? и чья душа так человечна?
О, пусть твоей души нам память будет вечна,
Земля ж могильная костям твоим легка!
Ты, правдой прослужив весь век своей отчизне,
Уж смерти обречен, дыша уже едва,
Нам вспомнить завещал, средь пошлой нашей жизни,
Забытые слова.

1889

КОНЬ КАЛИГУЛЫ

Калигула, твой конь в сенате
Не мог сиять, сияя в злате;
Сияют добрые дела.

Так поиграл в слова Державин,
Негодованием объят.
А мне сдается (виноват!),
Что тем Калигула и славен,
Что вздумал лошадь, говорят,
Послать присутствовать в сенат.

Я помню: в юности пленяла
Его ирония меня;
И мысль моя живописала
В стенах священных трибунала,
Среди сановников, коня.
Что ж, разве там он был некстати?
По мне — в парадном чепраке
Зачем не быть коню в сенате,
Когда сидеть бы людям знати
Уместней в конном деннике?
Что ж, разве звук веселый ржанья
Был для империи вредней
И раболепного молчанья,
И лестью дышащих речей?
Что ж, разве конь красивой мордой
Не затмевал ничтожных лиц
И не срамил осанкой гордой
Людей, привыкших падать ниц?..
Я и теперь того же мненья,
Что вряд ли где встречалось нам
Такое к трусам и к рабам
Великолепное презренье.

1892

ЗАВЕЩАНИЕ

Меж тем как мы вразброд стезею жизни шли,
На знамя, средь толпы, наткнулся я ногою.
Я подобрал его, лежавшее в пыли,
И с той поры несу, возвысив над толпою.
Девиз на знамени: «Дух доблести храни».
Так, воин рядовой за честь на бранном поле,
Я, счастлив и смущен, явился в наши дни
Знаменоносцем поневоле.

Но подвиг не свершен, мне выпавший в удел,—
Разбредшуюся рать сплотить бы воедино...
Названье мне дано поэта-гражданина
За то, что я один про доблесть песни пел;
Что был глашатаем забытых, старых истин
И силен был лишь тем, хотя и стар и слаб,
Что в людях рабский дух мне сильно ненавистен
И сам я с юности не раб.

Последние мои уже уходят силы,
Я делал то, что мог; я больше не могу.
Я остаюсь еще пред родиной в долгу,
Но да простит она мне на краю могилы.
Я жду, чтобы теперь меня сменил поэт,
В котором доблести горело б ярче пламя,
И принял от меня не знавшее побед,
Но незапятнанное знамя.

О, как живуча в нас и как сильна та ложь,
Что дух достоинства есть будто дух крамольный!
Она — наш древний грех и вольный и невольный;
Она — народный грех от черни до вельмож.
Там правды нет, где есть привычка рабской лести;
Там искалечен ум, душа развращена...
Приди; я жду тебя, певец гражданской чести!
Ты нужен в наши времена.

1897

ЭЛЕГИЯ

«Хас-Булат удалой!
Бедна сакля твоя;
Золотою казной
Я осыплю тебя.

Саклю пышно твою
Разукрашу кругом,
Стены в ней обобью
Я персидским ковром.

Галуном твой бешмет
Разошью по краям
И тебе пистолет
Мой заветный отдам.

Дам старее тебя
Тебе шашку с клеймом,
Дам лихого коня
С кабардинским тавром.

Дам винтовку мою,
Дам кинжал Базалай,
Лишь за это свою
Ты жену мне отдай.

Ты уж стар, ты уж сед,
Ей с тобой не житье,
На заре юных лет
Ты погубишь ее.

Тяжело без любви
Ей тебе отвечать
И морщины твои
Не любя целовать.

Видишь, вон Ямман-Су
Моет берег крутой,
Там вчера я в лесу
Был с твоею женой.

Под чинарой густой
Мы сидели вдвоем,
Месяц плыл золотой,
Все молчало кругом.

И играла река
Перекатной волной,
И скользила рука
По груди молодой.

Мне она отдалась
До последнего дня
И аллахом клялась,
Что не любит тебя!»

Крепко шашки сжимал
Хас-Булат рукоять
И, схватясь за кинжал,
Стал ему отвечать:

«Князь! рассказ длинный твой
Ты напрасно мне рек,
Я с женой молодой
Вас вчера подстерег.

Береги, князь, казну
И владей ею сам,
За неверность жену
Тебе даром отдам.

Ты невестой своей
Полюбуйся поди,
Она в сакле моей
Спит с кинжалом в груди.

Я глаза ей закрыл,
Утопая в слезах,
Поцелуй мой застыл
У нее на губах».

Голос смолк старика,
Дремлет берег крутой;
И играет река
Перекатной волной.

〈1858〉

УТЕС СТЕНЬКИ РАЗИНА

Есть на Волге утес, диким мохом оброс
Он с боков от подножья до края,
И стоит сотни лет, только мохом одет,
Ни нужды, ни заботы не зная.

На вершине его не растет ничего,
Там лишь ветер свободный гуляет,
Да могучий орел свой притон там завел
И на нем свои жертвы терзает.

Из людей лишь один на утесе том был,
Лишь один до вершины добрался;
И утес человека того не забыл
И с тех пор его именем звался.

И хотя каждый год по церквам на Руси
Человека того проклинают,
Но приволжский народ о нем песни поет
И с почетом его вспоминает.

Раз ночною порой, возвращаясь домой,
Он один на утес тот взобрался
И в полуночной мгле на высокой скале
Там всю ночь до зари оставался.

Много дум в голове родилось у него,
Много дум он в ту ночь передумал,
И под говор волны, средь ночной тишины,
Он великое дело задумал.

И, задумчив, угрюм от надуманных дум,
Он наутро с утеса спустился
И задумал идти по другому пути —
И идти на Москву он решился.

Но свершить не успел он того, что хотел,
И не то ему пало на долю;
И расправой крутой да кровавой рекой
Не помог он народному горю.

Не владыкою был он в Москву привезен,
Не почетным пожаловал гостем,
И не ратным вождем, на коне и с мечом,
А в постыдном бою с мужиком-палачом
Он сложил свои буйные кости.

И Степан будто знал — никому не сказал,
Никому своих дум не поведал;
Лишь утесу тому, где он был, одному
Он те думы хранить заповедал.

И поныне стоит тот утес, и хранит
Он заветные думы Степана;
И лишь с Волгой одной вспоминает порой
Удалое житье атамана.

Но зато, если есть на Руси хоть один,
Кто с корыстью житейской не знался,
Кто неправдой не жил, бедняка не давил,
Кто свободу, как мать дорогую, любил
И во имя ее подвизался,—

Пусть тот смело идет, на утес тот взойдет
И к нему чутким ухом приляжет,
И утес-великан все, что думал Степан,
Все тому смельчаку перескажет.

〈1864〉

НОВАЯ ПЕСНЯ

Отречемся от старого мира!
Отряхнем его прах с наших ног!
Нам враждебны златые кумиры;
Ненавистен нам царский чертог!
Мы пойдем в ряды страждущих братий,
Мы к голодному люду пойдем;
С ним пошлем мы злодеям проклятья,
На борьбу мы его позовем:

Вставай, подымайся, рабочий народ!
Вставай на врагов, брат голодный!
Раздайся крик мести народной!
Вперед!

Богачи, кулаки жадной сворой
Расхищают тяжелый твой труд.
Твоим потом жиреют обжоры;
Твой последний кусок они рвут.
Голодай, чтоб они пировали!
Голодай, чтоб в игре биржевой
Они совесть и честь продавали,
Чтоб ругались они над тобой!

Вставай, подымайся, рабочий народ!
Вставай на врагов, брат голодный!
Раздайся крик мести народной!
Вперед!

Тебе отдых — одна лишь могила!
Каждый день недоимку готовь;
Царь-вампир из тебя тянет жилы!
Царь-вампир пьет народную кровь!
Ему нужны для войска солдаты:
Подавай же сюда сыновей!
Ему нужны пиры да палаты:
Подавай ему крови твоей!

Вставай, подымайся, рабочий народ!
Вставай на врагов, брат голодный!
Раздайся крик мести народной!
Вперед!

Не довольно ли вечного горя?
Встанем, братья, повсюду зараз!
От Днепра и до Белого моря,
И Поволжье, и дальний Кавказ!
На воров, на собак — на богатых!
Да на злого вампира-царя!
Бей, губи их, злодеев проклятых!
Засветись лучшей жизни заря!

Вставай, подымайся, рабочий народ!
Вставай на врагов, брат голодный!
Раздайся крик мести народной!
Вперед!

И взойдет за кровавой зарею
Солнце правды и братства людей.
Купим мир мы последней борьбою;
Купим кровью мы счастье детей.
И настанет година свободы,
Сгинет ложь, сгинет зло навсегда,
И сольются в едино народы
В вольном царстве святого труда...

Вставай, подымайся, рабочий народ!
Вставай на врагов, брат голодный!
Раздайся крик мести народной!
Вперед!

〈1875〉

* * *

Светает, товарищ!..
Работать давай!
Работы усиленной
Требует край...

Работай руками,
Работай умом,
Работай без устали
Ночью и днем!

Не думай, что труд наш
Бесследно пройдет;
Не бойся, что дум твоих
Мир не поймет...

Работай лишь с пользой
На ниве людей
Да сей только честные
Мысли на ней;

А там уж что будет,
То будет пускай...
Так ну же работать мы
Дружно давай,—

Работать руками,
Работать умом,
Работать без устали
Ночью и днем!

⟨1867⟩

ПЕСНЯ О КАМАРИНСКОМ МУЖИКЕ

Ах ты, милый друг, камаринский мужик,
Ты зачем, скажи, по улице бежишь?

Народная песня

1

Как на улице Варваринской
Спит Касьян, мужик камаринский.
Борода его всклокочена
И дешевкою подмочена;
Свежей крови струйки алые
Покрывают щеки впалые.

Ах ты, милый друг, голубчик мой, Касьян!
Ты сегодня именинник, значит — пьян.
Двадцать девять дней бывает в феврале,
В день последний спят Касьяны на земле.
В этот день для них зеленое вино
Уж особенно пьяно, пьяно, пьяно.

Февраля двадцать девятого
Целый штоф вина проклятого
Влил Касьян в утробу грешную,
Позабыл жену сердешную
И своих родимых деточек,
Близнецов двух, малолеточек.

Заломивши лихо шапку набекрень,
Он отправился к куме своей в курень.
Там кума его калачики пекла;

Баба добрая, румяна и бела,
Испекла ему калачик горячо
И уважила... еще, еще, еще.

2

В это время, за лучиною,
С бесконечною кручиною
Дремлет-спит жена Касьянова,
Вспоминая мужа пьяного:
«Пресвятая богородица!
Где злодей мой хороводится?»

Бабе снится, что в веселом кабаке
Пьяный муж ее несется в трепаке,
То прискочит, то согнется в три дуги,
Истоптал свои смазные сапоги,
И руками, и плечами шевелит...
А гармоника пилит, пилит, пилит.

Продолжается видение:
Вот приходят в заведение
Гости, старые приказные,
Отставные, безобразные,
Красноносые алтынники,—
Все Касьяны-именинники.

Пуще прежнего веселье и содом.
Разгулялся, расплясался пьяный дом.
Говорит Касьян, схватившись за бока:
«А послушай ты, приказная строка,
У меня бренчат за пазухой гроши:
Награжу тебя... Пляши, пляши, пляши!»

3

Осерчало благородие:
«Ах ты, хамово отродие!
За такое поношение
На тебя подам прошение.
Накладу еще в потылицу!
Целовальник, дай чернильницу!»

Продолжается все тот же вещий сон:
Вот явился у чиновных у персон
Лист бумаги с государственным орлом.
Перед ним Касьян в испуге бьет челом,
А обиженный куражится, кричит
И прошение строчит, строчит, строчит.

«Просит... имя и фамилия...
Надо мной чинил насилия
Непотребные, свирепые,
И гласил слова нелепые:
Звал строкой, противно званию...
Подлежит сие к поданию...»

Крепко спит-храпит Касьянова жена.
Видит баба, в вещий сон погружена,
Что мужик ее хоть пьян, а не дурак,
К двери пятится сторонкою, как рак,
Не замеченный чиновником-врагом,
И — опять к куме бегом, бегом, бегом.

4

У кумы же печка топится,
И кума спешит, торопится,
Чтобы трезвые и пьяные
Калачи ее румяные
Покупали, не торгуяся,
На калачницу любуяся.

Эко горе, эко горюшко, хоть плачь!
Подгорел совсем у кумушки калач.
Сам Касьян был в этом горе виноват:
Он к куме своей явился невпопад,
Он застал с дружком изменницу-куму,
Потому что, потому что, потому...

«Ах ты, кумушка-разлапушка,
А зачем с тобой Потапушка?
Всех людей считая братцами,
Ты не справилась со святцами.
Для Потапа-безобразника
Нынче вовсе нету праздника!»

Молодецки засучивши рукава,
Говорит Потап обидные слова:
«Именинника поздравить мы не прочь,
А куму мою напрасно не порочь!»
А кума кричит: «Ударь его, ударь!
Засвети ему фонарь, фонарь, фонарь!»

5

Темной тучей небо хмурится.
Вся покрыта снегом улица;
А на улице Варваринской
Спит... мертвец, мужик камаринский,
И, идя из храма божия,
Ухмыляются прохожие.

Но нашелся наконец из них один,
Добродетельный, почтенный господин,—
На Касьяна сердобольно посмотрел:
«Вишь, налопался до чертиков, пострел!»
И потыкал нежно тросточкой его:
«Да уж он совсем... того, того, того!»

Два лица официальные
На носилки погребальные
Положили именинника.
Из кармана два полтинника
Вдруг со звоном покатилися
И... сквозь землю провалилися.

Засияло у хожалых «рождество»:
Им понравилось такое колдовство,
И с носилками идут они смелей,
Будет им ужо на водку и елей;
Марта первого придут они домой,
Прогулявши ночь... с кумой, с кумой, с кумой.

1867

РЯБИНА

«Что шумишь, качаясь,
Тонкая рябина,
Низко наклоняясь
Головою к тыну?»

«С ветром речь веду я
О своей невзгоде,
Что одна расту я
В этом огороде.

Грустно, сиротинка,
Я стою, качаюсь,
Что к земле былинка,
К тыну нагибаюсь.

Там, за тыном, в поле,
Над рекой глубокой,
На просторе, в воле,
Дуб растет высокий.

Как бы я желала
К дубу перебраться;
Я б тогда не стала
Гнуться да качаться.

Близко бы ветвями
Я к нему прижалась
И с его листами
День и ночь шепталась.

Нет, нельзя рябинке
К дубу перебраться!
Знать, мне, сиротинке,
Век одной качаться».

1864

В СТЕПИ

Кони мчат-несут,
Степь все вдаль бежит;
Вьюга снежная
На степи гудит.

Снег да снег кругом;
Сердце грусть берет;
Про моздокскую
Степь ямщик поет...

Как простор степной
Широко-велик;
Как в степи глухой
Умирал ямщик;

Как в последний свой
Передсмертный час
Он товарищу
Отдавал приказ:

«Вижу, смерть меня
Здесь, в степи, сразит,—
Не попомни, друг,
Злых моих обид.

Злых моих обид,
Да и глупостей,
Неразумных слов,
Прежней грубости.

Схорони меня
Здесь, в степи глухой;
Вороных коней
Отведи домой.

Отведи домой,
Сдай их батюшке;
Отнеси поклон
Старой матушке.

Молодой жене
Ты скажи, друг мой,
Чтоб меня она
Не ждала домой...

Кстати, ей еще
Не забудь сказать:
Тяжело вдовой
Мне ее кидать!

Передай словцо
Ей прощальное
И отдай кольцо
Обручальное.

Пусть о мне она
Не печалится;
С тем, кто по сердцу,
Обвенчается!»

Замолчал ямщик,
Слеза катится...
А в степи глухой
Вьюга плачется.

Голосит она,
В степи стон стоит,
Та же песня в ней
Ямщика звучит:

«Как простор степной
Широко-велик;
Как в степи глухой
Умирал ямщик».

1865

ДЕТСТВО

Вот моя деревня;
Вот мой дом родной;
Вот качусь я в санках
По горе крутой;

Вот свернулись санки,
И я на бок — хлоп!
Кубарем качуся
Под гору, в сугроб.

И друзья-мальчишки,
Стоя надо мной,
Весело хохочут
Над моей бедой.

Все лицо и руки
Залепил мне снег...
Мне в сугробе горе,
А ребятам смех!

Но меж тем уж село
Солнышко давно;
Поднялася вьюга,
На небе темно.

Весь ты перезябнешь,—
Руки не согнешь,—
И домой тихонько,
Нехотя бредешь.

Ветхую шубенку
Скинешь с плеч долой;
Заберешься на печь
К бабушке седой.

И сидишь, ни слова...
Тихо все кругом;
Только слышишь: воет
Вьюга за окном.

В уголке, согнувшись,
Лапти дед плетет;
Матушка за прялкой
Молча лен прядет.

Избу освещает
Огонек светца;
Зимний вечер длится,
Длится без конца...

И начну у бабки
Сказки я просить;
И начнет мне бабка
Сказку говорить:

Как Иван-царевич
Птицу-жар поймал,
Как ему невесту
Серый волк достал.

Слушаю я сказку —
Сердце так и мрет;
А в трубе сердито
Ветер злой поет.

Я прижмусь к старушке...
Тихо речь журчит,
И глаза мне крепко
Сладкий сон смежит.

И во сне мне снятся
Чудные края.
И Иван-царевич —
Это будто я.

Вот передо мною
Чудный сад цветет;
В том саду большое
Дерево растет.

Золотая клетка
На сучке висит;
В этой клетке птица,
Точно жар, горит;

Прыгает в той клетке,
Весело поет,
Ярким, чудным светом
Сад весь обдает.

Вот я к ней подкрался
И за клетку — хвать!
И хотел из сада
С птицею бежать.

Но не тут-то было!
Поднялся шум, звон;
Набежала стража
В сад со всех сторон.

Руки мне скрутили
И ведут меня...
И, дрожа от страха,
Просыпаюсь я.

Уж в избу, в окошко,
Солнышко глядит;
Пред иконой бабка
Молится, стоит.

Весело текли вы,
Детские года!
Вас не омрачали
Горе и беда.

⟨1865 или 1866⟩

* * *

Где ты, моя юность?
Где ты, моя сила?..
Горькая кручина
Грудь мою сдавила.

Голове поникшей
Тяжело подняться;
Думы в ней, как тучи
Черные, роятся;

И сквозь эти тучи
Солнце не проблещет;
Сердце, точно голубь
Раненый, трепещет.

Эх, судьба-злодейка!
Ты меня сгубила;
В мрачный, тесный угол
Злой нуждой забила.

1866

* * *

Сиротой я росла,
Как былинка в поле;
Моя молодость шла
У других в неволе.

Я с тринадцати лет
По людям ходила:
Где качала детей,
Где коров доила.

Светлой радости я,
Ласки не видала:
Износилась моя
Красота, увяла.

Износили ее
Горе да неволя:
Знать, такая моя
Уродилась доля.

Уродилась я
Девушкой красивой:
Да не дал только бог
Доли мне счастливой.

Птичка в темном саду
Песни распевает,
И волчица в лесу
Весело играет.

Есть у птички гнездо,
У волчицы дети —
У меня ж ничего,
Никого на свете.

Ох, бедна я, бедна,
Плохо я одета,—

Никто замуж меня
И не взял за это!

Эх ты, доля моя,
Доля-сиротинка!
Что полынь ты трава,
Горькая осинка!

1867

* * *

Не проси от меня
Светлых песен любви;
Грустны песни мои,
Как осенние дни!

Звуки их — шум дождя,
За окном ветра вой;
То рыданья души,
Стоны груди больной.

⟨1868 или 1869⟩

НА БЕРЕГУ

Как в сумерки легко дышать на берегу!
Померкли краски дня, картины изменились;
Ряды больших стогов, стоящих на лугу,
Туманом голубым, как дымкою, покрылись.

На пристани давно замолкли шум и стук;
Все реже голоса доносятся до слуха;
Как будто стихло все,— но всюду слышен звук,
И тихий плеск воды так сладко нежит ухо.

Вот черный жук гудит... вот свистнул коростель...
Вот где-то вдалеке плеснулось уток стадо...
Пора бы мне домой — за ужин и в постель;
Но этой тишине душа моя так рада.

И я готов всю ночь сидеть на берегу,
И не ходить домой, и вовсе не ложиться,
Чтоб запахом травы на скошенном лугу
И этой тишиной целебной насладиться.

На ширь глухих полей, под тень лесов густых
Душа моя рвалась, измучена тревогой,—
И, может быть, вдали от горьких слез людских
Я создал бы в тиши здесь светлых песен много.

Но жизнь моя прошла в заботе городской,
И сил моих запас иссяк в борьбе суровой...
И вот теперь сюда приплелся я больной.
Природа-мать! врачуй и дай мне силы снова!

1876

КАЗНЬ СТЕНЬКИ РАЗИНА

Точно море в час прибоя,
Площадь Красная гудит.
Что за говор? Что там против
Места лобного стоит?

Плаха черная далеко
От себя бросает тень...
Нет ни облачка на небе...
Блещут главы... Ясен день.

Ярко с неба светит солнце
На кремлевские зубцы,
И вокруг высокой плахи
В два ряда стоят стрельцы.

Вот толпа заколыхалась,—
Проложил дорогу кнут:
Той дороженькой на площадь
Стеньку Разина ведут.

С головы казацкой сбриты
Кудри, черные как смоль;
Но лица не изменили
Казни страх и пытки боль.

Так же мрачно и сурово,
Как и прежде, смотрит он,—
Перед ним былое время
Восстает, как яркий сон:

Дона тихого приволье,
Волги-матушки простор,
Где с судов больших и малых
Брал он с вольницей побор;

Как он с силою казацкой
Рыскал вихорем степным
И кичливое боярство
Трепетало перед ним.

Душит злоба удалого,
Жгет огнем и давит грудь,
Но тяжелые колодки
С ног не в силах он смахнуть.

С болью тяжкою оставил
В это утро он тюрьму:
Жаль не жизни, а свободы,
Жалко волюшки ему.

Не придется Стеньке кликнуть
Клич казацкой голытьбе
И призвать ее на помощь
С Дона тихого к себе.

Не удастся с этой силой
Силу ратную тряхнуть —
Воевод, бояр московских
В три погибели согнуть.

«Как под городом Симбирском
(Думу думает Степан)
Рать казацкая побита,
Не побит лишь атаман.

Знать, уж долюшка такая,
Что на Дон казак бежал,
На родной своей сторонке
Во поиманье попал.

Не больна мне та обида,
Та истома не горька,
Что московские бояре
Заковали казака,

Что на помосте высоком
Поплачусь я головой
За разгульные потехи
С разудалой голытьбой.

Нет, мне та больна обида,
Мне горька истома та,
Что изменною неправдой
Голова моя взята!

Вот сейчас на смертной плахе
Срубят голову мою,
И казацкой алой кровью
Черный помост я полью...

Ой ты, Дон ли мой родимый!
Волга — матушка-река!
Помяните добрым словом
Атамана-казака!..»

Вот и помост перед Стенькой...
Разин бровью не повел.
И наверх он по ступеням
Бодрой поступью взошел.

Поклонился он народу,
Помолился на собор...
И палач в рубахе красной
Высоко взмахнул топор...

«Ты прости, народ крещеный!
Ты прости-прощай, Москва!..»
И скатилась с плеч казацких
Удалая голова.

⟨1877⟩

* * *

Не корите, други,
Вы меня за это,
Что в моих твореньях
Нет тепла и света.

Как кому на свете
Дышится, живется —
Такова и песня
У него поется...

Жизнь дает для песни
Образы и звуки:
Даст ли она радость,
Даст ли скорбь и муки,

Даст ли день роскошный,
Тьму ли без рассвета —
То и отразится
В песне у поэта.

Песнь моя тосклива...
Виноват в том я ли,
Что мне жизнь ссудила
Горе да печали?

1878

ПЕСНЯ ШВЕЙ

Усталые пальцы болят, затекли,
Смыкаются очи дремотой.

Т. Гуд

«На дворе уж темно,
Дождь стучится в окно,
Буйный ветер в трубе завывает.
Я привычной рукой
Шью, и горькой тоской
Моя девичья грудь изнывает.
Часто днем голодна,
За работой без сна
Ночь осеннюю я коротаю,
Не смыкая очей,
Песню грустную швей
От зари до зари распеваю.
Шью и шью я, пока
Онемеет рука,
В жилах кровь пока алая льется,
Пока мозг не иссох
И последний мой вздох
Вместе с жизнью моей не порвется».
Так вечерней порой
С безысходной тоской
Свою песню швея распевала,
И другая пред ней

Жизнь счастливых людей
В ее мрачном углу оживала;
Оживала она,
Как с глубокого дна
Дума новая вдруг подымалась.
Ей хотелось иль жить,
Иль чтоб жизни всей пить
Как-нибудь поскорей оборвалась.
Средь мучительных грез
Взор мутится от слез
И смыкается тяжкой дремотой;
С неба зорька глядит,
А она все сидит
И поет песню швей за работой.

1875

МОЯ МУЗА

1

Моя муза роди́лась в крестьянской избе,
Ни читать, ни писать не умела,
Только сердце простое имела
И, мой славный народ, о тебе
Много искренних песен пропела.

2

Моя муза роди́лась крестьянкой простой
И простым меня песням учила,
Из деревни родной часто в город большой
За собою певца уводила.
Когда пели мы с ней, то бедняк забывал
Все, что в сердце его наболело,
Когда пашню пахал иль железо ковал,
С этой песней работа кипела;
По села́м, деревням, по большим городам
Она тихою грустью звучала
И участье ко всем горемычным люда́м
У счастливых людей вызывала.

1875

* * *

Честным порывам дай волю свободную,
Начатый труд довершай
И за счастливую долю народную
Жизнь всю до капли отдай!

Теплой любви — векового призвания —
В сердце своем не гаси,
Чудною силою — светочем знания
Будь на Руси.

1879

* * *

Жар весенних лучей
И томит и живит,
С гор спадая, ручей
По каменьям журчит,

Старый пахарь межой
За сохою идет,
А в селе за рекой
Кто-то песню ведет.

Смотрит весело день
На поля и леса,
Только облачка тень
Бороздит небеса.

1880

* * *

Я для песни задушевной
Взял лесов зеленых шепот,
А у Волги в жар полдневный
Темных струй подслушал ропот;
Взял у осени ненастье,
У весны — благоуханье;
У народа взял я счастье
И безмерное страданье.

1891

* * *

Ценою жгучих слез и муки,
Среди томительных ночей,
Купил я вас, живые звуки,
У бедной родины моей.
Не будьте ж в мире сиротами,
Идите, скорбные, в народ,
Который чуткими сердцами
Вас приласкает и поймет.

1892

* * *

Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны
Выбегают расписные,
Острогрудые челны.

На переднем Стенька Разин,
Обнявшись с своей княжной,
Свадьбу новую справляет
И веселый и хмельной.

А княжна, склонивши очи,
Ни жива и ни мертва,
Робко слушает хмельные,
Неразумные слова.

«Ничего не пожалею!
Буйну голову отдам!» —
Раздается по окрестным
Берегам и островам.

«Ишь ты, братцы, атаман-то
Нас на бабу променял!
Ночку с нею повозился —
Сам наутро бабой стал...

Ошалел...» Насмешки, шепот
Слышит пьяный атаман —
Персиянки полоненной
Крепче обнял полный стан.

Гневно кровью налилися
Атамановы глаза,
Брови черные нависли,
Собирается гроза...

«Эх, кормилица родная,
Волга — матушка-река!
Не видала ты подарков
От донского казака!..

Чтобы не было зазорно
Перед вольными людьми,
Перед вольною рекою,—
На, кормилица... возьми!»

Мощным взмахом поднимает
Полоненную княжну
И, не глядя, прочь кидает
В набежавшую волну...

«Что затихли, удалые?..
Эй ты, Фролка, черт, пляши!..
Грянь, ребята, хоровую
За помин ее души!..»

1883

К СУДЬЯМ

Мой тяжкий грех, мой умысел злодейский
Суди, судья, но проще, но скорей:
Без мишуры, без маски фарисейской,
Без защитительных речей...

Крестьянскую дерюгу вместо платья
Одев и сняв «преступно» башмаки,
Я шла туда, где стонут наши братья,
Где вечный труд и бедняки.

Застигнута на месте преступленья,
С «поличным» я на суд приведена...
Зачем же тут «свидетели» и «пренья»?
Ведь я кругом уличена!

Оставь, судья, ненужные вопросы...
Взгляни — я вся в уликах: на плечах
Мужицкая одежда, ноги босы,
Мозоли видны на руках.

Тяжелою работой я разбита...
Но знаешь ли, в душе моей, на дне,
Тягчайшая из всех улик сокрыта:
Любовь к родимой стороне.

Но знай и то, что, как я ни преступна,
Ты надо мной бессилен, мой судья...
Нет, я суровой каре недоступна,
И победишь не ты, а я.

«Пожизненно» меня ты погребаешь,
Но мой недуг уж написал протест...
И мне грозит — сам видишь ты и знаешь –
Лишь кратковременный арест...

А я умру все с тою же любовью...
И, уронив тюремные ключи,
С молитвою приникнут к изголовью
И зарыдают палачи!..

1877

ПАДАЛЬ

Было ясное утро. Под музыку нежных речей
Шли тропинкою мы; полной грудью дышалось.
Вдруг вы вскрикнули громко: на ложе из жестких камней
Безобразная падаль валялась...
Как бесстыдная женщина, нагло вперед
Обнаженные ноги она выставляла,
Открывая цинично зеленый живот,
И отравой дышать заставляла...
Но, как будто на розу, на остов гнилой
Небо ясно глядело, приветно синея!
Только мы были хмуры, и вы, ангел мой,
Чуть стояли, дрожа и бледнея.
Рои мошек кружились вблизи и вдали,
Неприятным жужжаньем наш слух поражая;
Вдоль лоскутьев гнилых, извиваясь, ползли
И текли, как похлебка густая,
Батальоны червей... Точно в море волна,
Эта черная масса то вниз опадала,
То вздымалась тихонько; как будто она
Еще жизнию смутной дышала.
И неслась над ней музыка странная... Так
Зерна хлеба шумят, когда ветра стремленьем
Их несет по гумну; так сбегает в овраг
Говорливый ручей по каменьям.
Формы тела давно уже были мечтой,

Походя на эскиз, торопливо и бледно
На бумагу набросанный чьей-то рукой
И закинутый в угол бесследно.
Из-за груды каменьев на смрадный скелет
Собачонка глядела, сверкая глазами
И как будто смакуя роскошный обед,
Так не вовремя прерванный нами...

И, однако, и вам этот жребий грозит —
Быть таким же гнилым, отвратительным сором,
Вам, мой ангел, с горячим румянцем ланит,
С вашим кротко мерцающим взором!
Да, любовь моя, да, мое солнце! Увы,
Тем же будете вы... В виде столь же позорном,
После таинств последних, уляжетесь вы
Средь костей, под цветами и дерном.
Так скажите ж червям, что сползутся в свой срок
Пожирать ваши ласки на тризне ужасной,
Что я душу любви моей мертвой сберег,
Образ пери нетленно прекрасный!

1880

* * *

Я пою для тех, чьи души юны,
Кто болел, как за себя, за брата.
Музой был мне сумрак каземата,
Цепь с веревкой — лиры были струны.
Вам заботы об искусстве строгом,
Вам, певцы любви и ликованья!
Я пою великие страданья
Поколенья, про́клятого богом.

1884

* * *

Не за каждым всплеском моря
Кормчий с трепетом следит:
Все решит последний, грозный,
Все девятый вал решит!

Но, чтоб вал пришел девятый,
Вал последний, роковой,—
Нужны первые усилья,
Нужен первый вал... второй...

Пусть они едва заметны,
Пусть они отражены:
Ждите, братья, ждите с верой
Побеждающей волны!

1884

АЛЬБАТРОС

Когда в морском пути тоска грызет матросов,
Они, досужий час желая скоротать,
Беспечных ловят птиц, огромных альбатросов,
Которые суда так любят провожать.

И вот, когда царя любимого лазури
На палубе кладут,— он снежных два крыла,
Умевших так легко парить навстречу буре,
Застенчиво влачит, как два больших весла.

Быстрейший из гонцов, как грузно он ступает!
Краса воздушных стран, как стал он вдруг смешон!
Дразня, тот в клюв ему табачный дым пускает,
Тот веселит толпу, хромая, как и он.

Поэт, вот образ твой! Ты так же без усилья
Летаешь в облаках средь молний и громов,
Но исполинские тебе мешают крылья
Внизу ходить, в толпе, средь шиканья глупцов.

⟨1890⟩

ОБЛАКО

Сегодня наш рудник весь потонул в цветах!
Толпа колодников, обритых и в цепях,
Вперив еще раз вдаль тоскующие взоры,
Вздыхая и кряхтя, в свои вползает норы.

Безрадостный приют неволи и труда!
С обледенелых стен ручьем бежит вода;
Спускаясь в полутьме, о мокрые ступени
Скользит нога... Склонись по-рабски на колени —
И в каменную грудь бессмысленно стучи!
А сердце гордое безропотно молчи!..

На вольный божий свет я вышел из могилы,
От холода дрожа, озлобленный, унылый,
И ненавистным все нашел опять вокруг —
Всей этой красоты бездушной ликованье,
Природы наглый блеск перед лицом страданья,
И ароматный лес, и гор зеленых круг...

Но вдруг — там, в вышине, в лазури чистой утра,—
Невольно взор маня причудливой игрой,
С каймой из золота обломок перламутра,
От юга облачко промчалось с быстротой.
И в душу брызнул свет поэзии забытой,
И сердце мертвое мгновенно расцвело.
— О, что тебя в наш край суровый занесло,
Чудесный гость весны? Порыв ли бурь сердитый
Или бродячий нрав? Из Ганга ль светлых вод,
Из темных ли пучин ты вышло океана?
Отчизну знойную, где рай земной цветет,
Скажи, успело ль ты забыть в стране тумана?
Но вот нахмурился твой лучезарный лик,
Ты дрогнуло и ввысь испуганно вспорхнуло!
Огонь цветов померк... Еще блаженный миг —
И утра дивное виденье потонуло.
Не ужаснулось ли ты вида наших мук,
Свирепости людской, безумья и позора?
В мысль не пришло ль тебе, что от бездушных рук
Не скроешься и ты, любимица простора?..

— Прости, краса небес! Минутный гость, прости!
Спасибо и за то: волшебный сон свободы
Ты пробудил во мне... Счастливого пути
В счастливую страну, где ясен пир природы!
Ты побывай и там, в краю весны моей,
Где милая моя печально увядает,
Где в зелени садов рокочет соловей
Про счастье и любовь и синий Днестр сверкает.

Шепни ей с ветерком, который мчит тебя,
Что прошлое отнять у нас бессильны годы,
Что все я верен ей, что все я жду, любя:
Затворы упадут — и грянет весть свободы!

1892

* * *

Ни о чем не жалею я в прошлом, друзья,
Ни одной бы черты в нем не вычеркнул я...

Боль и слезы его — звучной песни слова:
Слово выкинешь вон — и вся песня мертва!

Там, за каждой слезой, в каждом сумрачном дне
Солнца яркого луч вспоминается мне:

Это солнце я в сердце горячем носил —
Я одними страданьями с родиной жил!

Жизнь мелькнула волшебным, сверкающим сном...
Ни о чем не жалею, друзья, ни о чем!

1903

* * *

Ты целый мир вместить могла бы в свой альков,
Исчадье похоти! От праздности ты злобна!
С зарею новою на жерновах зубов
Ты сердце новое измалывать способна.
Глаза твои блестят, как вывески купцов,
Как пламя факелов на торжествах публичных;
Для наглости твоей нарядов нет циничных,
На языке твоем нет заповедных слов.
Машина страшная, глухая и слепая,
Спасительный вампир, сосущий кровь земли!
Как не стыдишься ты? Как, зеркала́ встречая,
Не видишь прелести увядшие свои?
Иль вид могучий зла, что от тебя родится,
Ни разу ужасом не поражал тебя?
Меж тем природа-мать, свои пути любя,

Тебя, о женщина, людских грехов царица,
Тебя, животное бездушное, берет,
Лепя и гения, которым мир гордится...
О, грязь блестящая! О, мерзостный почет!

〈1909〉

ЛОПАТИНУ

Нам выпало счастье — все лучшие силы
В борьбе за свободу всецело отдать...
Теперь же готовы мы вплоть до могилы
За дело народа терпеть и страдать!..
Терпеть без укоров, страдать без проклятий,
Спокойно и скромно в тиши угасать,
Но тихим страданьем своим — юных братий
На бой за свободу и равенство звать!

1887

МАТЕРИ

Если, товарищ, на волю ты выйдешь,
Всех, кого любишь, увидишь, обнимешь,
    То́ не забудь мою мать!
Ради всего, что есть в жизни святого,
Чистого, нежного, нам дорогого,
    Дай обо мне ты ей знать!
Ты ей скажи, что жива я, здорова,
Что не ищу я удела иного —
    Всем идеалам верна...
Было мне трудно здесь первое время:
Страшно разлуки тяжелое бремя...
    Думала — сломит она.
Но не сломила... Теперь не бледнею,
Что уж надежды в душе не имею
    Мать дорогую обнять!..

Мать не прошу я любить: сердце чует,
Что и без просьб она любит, горюет,
Образ мой в сердце хранит.
Но пусть не плачет, меня вспоминая:
Я весела... я бодра... Пусть родная
Горем себя не томит!
Пусть лишь в молитвах меня поминает,
Пусть лишь крестом издали осеняет —
Дочь трудный путь да свершит!..

1888

* * *

Пали все лучшие... В землю зарытые,
В месте пустынном безвестно легли!
Кости, ничьею слезой не омытые,
Руки чужие в могилу снесли...

Нет ни крестов, ни оград, и могильная
Надпись об имени славном молчит...
Выросла травка, былинка бессильная,
Долу склонилась — и тайну хранит...

Были свидетелем волны кипучие,
Гневно вздымаются, берег грызут...
Но и они, эти волны могучие,
Родине весточку вдаль не снесут!

1897

У КАБАКА

Я не могу забыть ужасного виденья.
Страшней всего в нем то, что это не был сон,
Не бред болезненный, не блажь воображенья:
Кошмар был наяву и солнцем освещен.
Оборвана, бледна, худа и безобразна,
Бесчувственно пьяна, но, верно, голодна,
У двери кабака, засаленной и грязной,
На слякоти ступень свалилася она —
Кормилица и мать. Живой скелет ребенка
Повиснул на груди иссохшей и грызет
Со злобой жадного, голодного волчонка
И вместо молока дурман и смерть сосет.
Кругом галдит народ на площади базара,
И в воздухе висят над серою толпой
Ругательства да смрад промозглого товара.
Спокойно на углу стоит городовой,
А солнце-юморист с улыбкой властелина
Из синей пустоты сияет так светло,
Лаская, золотя ужасную картину
Лучами ясными эффектно и тепло.

⟨1880⟩

* * *

Гремела музыка, горели ярко свечи,
Вдвоем мы слушали, как шумный длился бал,
Твоя дрожала грудь, твои пылали плечи,
Так ласков голос был, так нежны были речи;
Но я в смущении не верил и молчал.

В тяжелый горький час последнего прощанья
С улыбкой на лице я пред тобой стоял,
Рвалася грудь моя от боли и страданья,
Печальна и бледна, ты жаждала признанья...
Но я в волнении томился и молчал.

Я ехал. Путь лежал передо мной широко...
Я думал о тебе, я все припоминал,
О, тут я понял все, я полюбил глубоко,
Я говорить хотел, но ты была далеко,
Но ветер выл кругом... я плакал и молчал.

1858

* * *

О, боже, как хорош прохладный вечер лета!
Какая тишина!
Всю ночь я просидеть готов бы до рассвета
У этого окна.
Какой-то темный лик мелькает по аллее,
И воздух недвижим,

И кажется, что там еще, еще темнее,
За садом молодым.
Уж поздно... Все сильней цветов благоуханье,
Сейчас взойдет луна...
На небесах покой, и на земле молчанье,
И всюду тишина.

Давно ли в этот сад, в чудесный вечер мая,
Входили мы вдвоем?
О, сколько, сколько раз его мы, не смолкая,
Бывало, обойдем!
И вот я здесь один, с измученной, усталой,
Разбитою душой.
Мне хочется рыдать, припавши, как бывало,
К груди твоей родной...
Я жду... но не слыхать знакомого привета,
Душа болит одна...
О, боже, как хорош прохладный вечер лета,
Какая тишина!

1859

АСТРАМ

Поздние гости отцветшего лета,
Шепчутся ваши головки понурые,
Словно клянете вы дни без просвета,
Словно пугают вас ноченьки хмурые...

Розы — вот те отцвели, да хоть жили...
Нечего вам помянуть пред кончиною:
Звезды весенние вам не светили,
Песней не тешились вы соловьиною...

⟨Начало 60-х годов⟩

* * *

Ни отзыва, ни слова, ни привета,
Пустынею меж нами мир лежит,
И мысль моя с вопросом без ответа
Испуганно над сердцем тяготит:

Ужель среди часов тоски и гнева
Прошедшее исчезнет без следа,
Как легкий звук забытого напева,
Как в мрак ночной упавшая звезда?

1867

ОСЕННИЕ ЛИСТЬЯ

Кончалось лето. Астры отцветали...
Под гнетом жгучей, тягостной печали
Я сел на старую скамью,
А листья надо мной, склоняяся, шептали
Мне повесть грустную свою:

«Давно ли мы цвели под знойным блеском лета,
И вот уж осень нам грозит,
Немного дней тепла и света
Судьба гнетущая сулит.
Но что ж! пускай холодными руками
Зима охватит скоро нас,
Мы счастливы теперь: под этими лучами
Нам жизнь милей в прощальный час.
Смотри, как золотом облит наш парк печальный,
Как радостно цветы в последний раз блестят!
Смотри, как пышно-погребально
Горит над рощами закат!
Мы знаем, что, как сон, ненастье пронесется,
Что снегу не всегда поляны покрывать,
Что явится весна, что все кругом проснется,—
Но мы... проснемся ли опять?
Вот здесь, под кровом нашей тени,
Где груды хвороста теперь лежат в пыли,
Когда-то цвел роскошный куст сирени
И розы пышные цвели.
Пришла весна; во славу новым розам
Запел, как прежде, соловей,
Но бедная сирень, охвачена морозом,
Не подняла своих ветвей...
А если к жизни вновь вернутся липы наши,
Не мы увидим их возврат,
И вместо нас, быть может, лучше, краше
Другие листья заблестят.
Ну что ж! пускай холодными руками

Зима охватит скоро нас,
Мы счастливы теперь под бледными лучами,
Нам жизнь милей в прощальный час.
Помедли, смерть! Еще б хоть день отрады!..
А может быть, сейчас, клоня верхушки ив,
Сорвет на землю без пощады
Нас ветра буйного порыв...
Желтея, ляжем мы под липами родными...
И даже ты, об нас мечтающий с тоской,
Ты встанешь со скамьи, рассеянный, больной,
И, полон мыслями своими,
Раздавишь нас небрежною ногой».

1868

* * *

Сухие, редкие, нечаянные встречи,
Пустой, ничтожный разговор,
Твои умышленно уклончивые речи
И твой намеренно холодный, строгий взор —
Все говорит, что надо нам расстаться,
Что счастье было и прошло...

Но в этом так же горько мне сознаться,
Как кончить с жизнью тяжело.
Так в детстве, помню я, когда меня будили
И зимний день глядел в замерзшее окно,—
О, как остаться там уста мои молили,
Где так тепло, уютно и темно!
В подушки прятался я, плача от волненья,
Дневной тревогой оглушен,
И засыпал, счастливый на мгновенье,
Стараясь на лету поймать недавний сон,
Бояся потерять ребяческие бредни...
Такой же детский страх теперь объял меня.
Прости мне этот сон последний
При свете тусклого, грозящего мне дня!

⟨1869, 1874⟩

* * *

Опять в моей душе тревоги и мечты,
И льется скорбный стих, бессонницы отрада...
О, рви их поскорей — последние цветы
Из моего поблекнувшего сада!
Их много сожжено случайною грозой,
Размыто ранними дождями,
А осень близится неслышною стопой
С ночами хмурыми, с бессолнечными днями.
Уж ветер выл холодный по ночам,
Сухими листьями дорожки покрывая;
Уже к далеким, теплым небесам
Промчалась журавлей заботливая стая,
И между липами, из-за нагих ветвей
Сквозит зловещее, чернеющее поле...
Последние цветы сомкнулися тесней...
О, рви же, рви же их скорей,
Дай им хоть день еще прожить в тепле и холе!

⟨Конец 60-х годов⟩

* * *

Честь имею донести Вашему Высокоблагородию, что в огородах мещанки Ефимовой найдено мертвое тело.

Из полицейского рапорта

В убогом рубище, недвижна и мертва,
Она покоилась среди пустого поля.
К бревну прислонена, лежала голова.
Какая выпала вчера ей злая доля?
Зашиб ли хмель ее среди вечерней тьмы,
Испуганный ли вор хватил ее в смятенье,
Недуг ли поразил,— еще не знали мы
И уловить в лице старались выраженье.
Но веяло оно покоем неземным;
Народ стоял кругом, как бы дивяся чуду,
И каждый клал свой грош в одну большую груду,
И деньги сыпались к устам ее немым.
Вчера их вымолить она бы не сумела...
Да, эти щедрые и поздние гроши,
Что, может быть, спасли б нуждавшееся тело,
Народ охотнее бросает для души.

Был чудный вешний день. По кочкам зеленели
Побеги свежие рождавшейся травы,
И дети бегали, и жаворонки пели...
Прохладный ветерок, вкруг мертвой головы
Космáми жидкими волос ее играя,
Казалось, лепетал о счастье и весне,
И небо синее в прозрачной вышине
Смеялось над землей, как эпиграмма злая!

⟨1871(?)⟩

МУХИ

Мухи, как черные мысли, весь день не дают мне покою:
Жалят, жужжат и кружатся над бедной моей головою!
Сгонишь одну со щеки, а на глаз уж уселась другая,
Некуда спрятаться, всюду царит ненавистная стая,
Валится книга из рук, разговор упадает, бледнея...
Эх, кабы вечер придвинулся! Эх, кабы ночь поскорее!

Черные мысли, как мухи, всю ночь не дают мне покою:
Жалят, язвят и кружатся над бедной моей головою!
Только прогонишь одну, а уж в сердце впилася другая,—
Вся вспоминается жизнь, так бесплодно в мечтах прожитая!
Хочешь забыть, разлюбить, а все любишь сильней и больнее...
Эх! кабы ночь настоящая, вечная ночь поскорее!

1873

ПАМЯТИ Ф. И. ТЮТЧЕВА

Ни у домашнего простого камелька,
Ни в шуме светских фраз и суеты салонной
Нам не забыть его, седого старика
С улыбкой едкою, с душою благосклонной!

Ленивой поступью прошел он жизни путь,
Но мыслью обнял все, что на пути заметил,
И перед тем, чтоб сном могильным отдохнуть,
Он был, как голубь, чист и, как младенец, светел.

Искусства, знания, событья наших дней —
Все отклик верный в нем будило неизбежно,
И словом, брошенным на факты и людей,
Он клейма вечные накладывал небрежно...

Вы помните его в кругу его друзей?
Как мысли сыпались, нежданные, живые,
Как забывали мы под звук его речей
И вечер длившийся, и годы прожитые!

В нем злобы не было. Когда ж он говорил,
Язвительно смеясь над жизнью или веком,
То самый смех его нас с жизнию мирил,
А светлый лик его мирил нас с человеком!

⟨70-е годы⟩

С КУРЬЕРСКИМ ПОЕЗДОМ

1

«Ну как мы встретимся? — невольно думал он,
По снегу рыхлому к вокзалу подъезжая.—
Уж я не юноша и вовсе не влюблен...
Зачем же я дрожу? Ужели страсть былая
Опять, как ураган, ворвется в грудь мою
Иль только разожгли меня воспоминанья?»
И опустился он на мерзлую скамью,
Исполнен жгучего, немого ожиданья.
Давно, давно, еще студентом молодым,
Он с нею встретился в глуши деревни дальной.
О том, как он любил и как он был любим
Любовью первою, глубокой, идеальной,
Как планы смелые чертила с ним она,
Идее и любви всем жертвовать умея,
Про то никто не знал, а знала лишь одна
Высоких тополей тенистая аллея.
Пришлось расстаться им, прошел несносный год.
Он курс уже кончал, и новой, лучшей доли
Была близка пора... И вдруг он узнает,
Что замужем она, и вышла против воли.
Чуть не сошел с ума, едва не умер он,
Давал нелепые, безумные обеты,
Потом оправился... С прошедшим примирен,
Писал ей изредка и получал ответы;
Потом в тупой борьбе с лишеньями, с нуждой
Прошли бесцветные, томительные годы;
Он привыкал к цепям, и образ дорогой

Лишь изредка блестел лучом былой свободы,
Потом бледнел, бледнел, потом совсем угас.
И вот, как одержал над сердцем он победу,
Как в тине жизненной по горло он погряз,—
Вдруг весть нежданная: «Муж умер, и я еду».
«Ну как мы встретимся?» А поезд опоздал...
Как ожидание бывает нестерпимо!
Толпою пестрою наполнился вокзал,
Гурьба артельщиков прошла, болтая, мимо,
А поезда все нет, пора б ему прийти!
Вот раздался́ свисток, дым по дороге взвился...
И, тяжело дыша, как бы устав в пути,
Железный паровоз пред ним остановился.

2

«Ну как мы встретимся?» — так думала она,
Пока на всех парах курьерский поезд мчался.
Уж зимний день глядел из тусклого окна,
Но убаюканный вагон не просыпался.
Старалась и она заснуть в ночной тиши,
Но сон, упрямый сон бежал все время мимо:
Со дна глубокого взволнованной души
Воспоминания рвались неудержимо.
Курьерским поездом, спеша бог весть куда,
Промчалась жизнь ее без смысла и без цели.
Когда-то, в лучшие, забытые года,
И в ней горел огонь, и в ней мечты кипели!
Но в обществе тупом, средь чуждых ей натур
Тот огонек задут безжалостной рукою:
Покойный муж ее был грубый самодур,
Он каждый сердца звук встречал насмешкой злою.
Был человек один... Тот понял, тот любил...
А чем она ему ответила? Обманом...
Что ж делать? Для борьбы ей не хватило сил,
Да и могла ль она бороться с целым станом?
И вот увидеться им снова суждено...
Как встретятся они? Он находил когда-то
Ее красавицей, но это так давно...
Изменят хоть кого утрата за утратой!
А впрочем... Не блестя, как прежде, красотой,
Черты остались те ж и то же выраженье...

И стало весело ей вдруг при мысли той,
Все оживилося в ее воображенье!
Сидевший близ нее и спавший пассажир
Качался так смешно, с осанкой генерала,
Что, глядя на него и на его мундир,
Бог знает отчего, она захохотала.
Но вот проснулись все,— теперь уж не заснуть...
Кондуктор отобрал с достоинством билеты;
Вот фабрики пошли, свисток — и кончен путь.
Объятья, возгласы, знакомые приветы...
Но где же, где же он? Не видно за толпой,
Но он, конечно, здесь... О, боже, неужели
Тот, что глядит сюда, вон этот, пожилой,
С очками синими и в меховой шинели?

3

И встретились они, и поняли без слов,
Пока слова текли обычной чередою,
Что бремя прожитых бессмысленно годов
Меж ними бездною лежало роковою.
О, никогда еще потраченные дни
Среди чужих людей, в тоске уединенья,
С такою ясностью не вспомнили они,
Как в это краткое и горькое мгновенье!
Недаром злая жизнь их гнула до земли,
Забрасывая их слоями грязи, пыли...
Заботы на лице морщинами легли,
И думы серебром их головы покрыли!
И поняли они, что жалки их мечты,
Что под туманами осеннего ненастья
Они — поблекшие и поздние цветы —
Не возродятся вновь для солнца и для счастья!
И вот, рука в руке и взоры опустив,
Они стоят в толпе, боясь прервать молчанье...
И в глубь минувшего, в сердечный их архив
Уже уходит прочь еще воспоминанье!
Ему припомнилась та мерзлая скамья,
Где ждал он поезда в волнении томящем,
Она же думала, тревогу затая:
«Как было хорошо, когда в вагоне я
Смеялась от души над пассажиром спящим!»

⟨Начало 70-х годов⟩

* * *

Ночи безумные, ночи бессонные,
Речи несвязные, взоры усталые...
Ночи, последним огнем озаренные,
Осени мертвой цветы запоздалые!

Пусть даже время рукой беспощадною
Мне указало, что было в вас ложного,
Все же лечу я к вам памятью жадною,
В прошлом ответа ищу невозможного...

Вкрадчивым шепотом вы заглушаете
Звуки дневные, несносные, шумные...
В тихую ночь вы мой сон отгоняете,
Ночи бессонные, ночи безумные!

1876

* * *

Я ее победил, роковую любовь,
Я убил ее, злую змею,
Что без жалости, жадно пила мою кровь,
Что измучила душу мою!
Я свободен, спокоен опять —
Но не радостен этот покой.

Если ночью начну я в мечтах засыпать,
Ты сидишь, как бывало, со мной.
Мне мерещатся снова они —
Эти жаркие летние дни,
Эти долгие ночи бессонные,
Безмятежные моря струи,
Разговоры и ласки твои,
Тихим смехом твоим озаренные.
А проснулся я: ночь, как могила, темна,
И подушка моя холодна,
И мне некому сердца излить.
И напрасно молю я волшебного сна,
Чтоб на миг мою жизнь позабыть.
Если ж многие дни без свиданья пройдут,
Я тоскую, не помня измен и обид;
Если песню, что любишь ты, вдруг запоют,
Если имя твое невзначай назовут,—
Мое сердце, как прежде, дрожит!

Укажи же мне путь, назови мне страну,
Где прошедшее я прокляну,
Где бы мог не рыдать я с безумной тоской
В одинокий полуночный час,
Где бы образ твой, некогда мне дорогой,
Побледнел и погас!
Куда скрыться мне? Дай же ответ!!
Но ответа не слышно, страны такой нет,
И, как перлы в загадочной бездне морей,
Как на небе вечернем звезда,
Против воли моей, против воли твоей,
Ты со мною везде и всегда!

⟨70-е годы⟩

ПАРА ГНЕДЫХ

(Перевод из Донаурова)

Пара гнедых, запряженных с зарею,
Тощих, голодных и грустных на вид,
Вечно бредете вы мелкой рысцою,
Вечно куда-то ваш кучер спешит.
Были когда-то и вы рысаками,
И кучеров вы имели лихих,
Ваша хозяйка состарилась с вами,
Пара гнедых!

Ваша хозяйка в старинные годы
Много имела хозяев сама,
Опытных в дом привлекала из моды,
Более нежных сводила с ума.
Таял в объятьях любовник счастливый,
Таял порой капитал у иных;
Часто стоять на конюшне могли вы,
Пара гнедых!

Грек из Одессы и жид из Варшавы,
Юный корнет и седой генерал —
Каждый искал в ней любви и забавы
И на груди у нее засыпал.
Где же они, в какой новой богине
Ищут теперь идеалов своих?
Вы, только вы и верны ей доныне,
Пара гнедых!

Вот отчего, запрягаясь с зарею
И голодая по нескольку дней,
Вы подвигаетесь мелкой рысцою
И возбуждаете смех у людей.
Старость, как ночь, вам и ей угрожает,
Говор толпы невозвратно затих,
И только кнут вас порою ласкает,
Пара гнедых!

⟨70-е годы⟩

* * *

Мне не жаль, что тобою я не был любим,—
Я любви недостоин твоей!
Мне не жаль, что теперь я разлукой томим,—
Я в разлуке люблю горячей;

Мне не жаль, что и налил и выпил я сам
Унижения чашу до дна,
Что к проклятьям моим, и к слезам, и к мольбам
Оставалася ты холодна;

Мне не жаль, что огонь, закипевший в крови,
Мое сердце сжигал и томил,—
Но мне жаль, что когда-то я жил без любви,
Но мне жаль, что я мало любил!

⟨70-е годы⟩

ПАМЯТИ ПРОШЛОГО

Не стучись ко мне в ночь бессонную,
Не буди любовь схороненную,
Мне твой образ чужд и язык твой нем,
Я в гробу лежу, я затих совсем.
Мысли ясные мглой окутались,
Нити жизни все перепутались,
И не знаю я, кто играет мной,
Кто мне верный друг, кто мне враг лихой.

С злой усмешкою, с речью горькою
Ты приснилась мне перед зорькою...
Не смотри ты так, подожди хоть дня,
Я в гробу лежу, обмани меня...

Ведь умершим лгут, ведь удел живых —
Ряд измен, обид, оскорблений злых...
А едва умрем — на прощание
Нам надгробное шлют рыдание,
Возглашают нам память вечную,
Обещают жизнь... бесконечную!

⟨1886⟩

СУМАСШЕДШИЙ

Садитесь, я вам рад. Откиньте всякий страх
И можете держать себя свободно,
Я разрешаю вам. Вы знаете, на днях
Я королем был избран всенародно,
Но это все равно. Смущают мысль мою
Все эти почести, приветствия, поклоны...
Я день и ночь пишу законы
Для счастья подданных и очень устаю.
Как вам моя понравилась столица?
Вы из далеких стран? А впрочем, ваши лица
Напоминают мне знакомые черты,
Как будто я встречал, имен еще не зная,
Вас где-то, там, давно...
Ах, Маша, это ты?
О милая моя, родная, дорогая!
Ну, обними меня, как счастлив я, как рад!
И Коля... здравствуй, милый брат!
Вы не поверите, как хорошо мне с вами,
Как мне легко теперь! Но что с тобой, Мари?
Как ты осунулась... страдаешь все глазами?
Садись ко мне поближе, говори.
Что наша Оля? Все растет? Здорова?
О, господи! Что дал бы я, чтоб снова
Расцеловать ее, прижать к моей груди...
Ты приведешь ее?.. Нет, нет, не приводи!
Расплачется, пожалуй, не узнает,
Как, помнишь, было раз... А ты теперь о чем
Рыдаешь? Перестань! Ты видишь, молодцом
Я стал совсем, и доктор уверяет,
Что это легкий рецидив,
Что скоро все пройдет, что нужно лишь терпенье...
О да, я терпелив, я очень терпелив,
Но все-таки... за что? В чем наше преступленье?..

Что дед мой болен был, что болен был отец,
Что этим призраком меня пугали с детства,—
Так что ж из этого? Я мог же наконец
Не получить проклятого наследства!..
Так много лет прошло, и жили мы с тобой
Так дружно, хорошо, и все нам улыбалось...
Как это началось? Да, летом, в сильный зной,
Мы рвали васильки, и вдруг мне показалось...
. . . . . .

Да, васильки, васильки...
Много мелькало их в поле.
Помнишь, до самой реки
Мы их сбирали для Оли.

Олечка бросит цветок
В реку, головку наклонит...
«Папа,— кричит,— василек
Мой поплывет, не утонет?!»

Я ее на руки брал,
В глазки смотрел голубые,
Ножки ее целовал,
Бледные ножки, худые.

Как эти дни далеки...
Долго ль томиться я буду?
Всё васильки, васильки,
Красные, желтые всюду...

Видишь, торчат на стене,
Слышишь, сбегают по крыше,
Вот подползают ко мне,
Лезут все выше и выше...

Слышишь, смеются они...
Боже, за что эти муки?
Маша, спаси, отгони,
Крепче сожми мои руки!

Поздно! Вошли, ворвались,
Стали стеной между нами,
В голову так и впились,
Колют ее лепестками.

Рвется вся грудь от тоски...
Боже! куда мне деваться?
Всё васильки, васильки...
Как они смеют смеяться?
. . . . . .

Однако что же вы сидите предо мной?
Как смеете смотреть вы дерзкими глазами?
Вы избалованы моею добротой,
Но все же я король, и я расправлюсь с вами!
Довольно вам держать меня в плену, в тюрьме!
Для этого меня безумным вы признали...
Так я вам докажу, что я в своем уме:
Ты мне жена, а ты — ты брат ее... Что, взяли?
Я справедлив, но строг. Ты будешь казнена.
Что, не понравилось? Бледнеешь от боязни?
Что делать, милая, недаром вся страна
Давно уж требует твоей позорной казни!
Но, впрочем, может быть, смягчу я приговор
И благости пример подам родному краю.
Я не за казни, нет, все эти казни — вздор.
Я взвешу, посмотрю, подумаю... не знаю...
Эй, стража, люди, кто-нибудь!
Гони их в шею всех, мне надо
Быть одному... Вперед же не забудь:
Сюда никто не входит без доклада.

⟨1890⟩

* * *

Все, чем я жил, в чем ждал отрады,
Слова развеяли твои...
Так снег последний без пощады
Уносят вешние ручьи...
И целый день с насмешкой злою,
Другие речи заглушив,
Они носились надо мною,
Как неотвязчивый мотив.

Один я. Длится ночь немая.
Покоя нет душе моей...
О, как томит меня, пугая,
Холодный мрак грядущих дней!

Ты не согреешь этот холод,
Ты не осветишь эту тьму...
Твои слова, как тяжкий молот,
Стучат по сердцу моему.

1892

ПРИДИ!

Дети спят. Замолкнул город шумный,
И лежит кругом по саду мгла!
О, теперь я счастлив, как безумный,
Тело бодро и душа светла.

Торопись, голубка! Ты теряешь
Час за часом! Звезд не сосчитать!
Демон сам с Тамарою, ты знаешь,
В ночь такую думал добрым стать...

Спит залив, каким-то духом скован,
Ветра нет, в траве роса лежит;
Полный месяц, словно очарован,
Высоко и радостно дрожит.

В хрустале полуночного света
Сводом темным дремлет сад густой;
Мысль легка, и сердце ждет ответа!
Ты молчишь? Скажи мне, что с тобой?

Мы прочтем с тобой о Паризине,
Песней Гейне очаруем слух...
Верь, клянусь, я твой навек отныне;
Клятву дал я, и не дать мне двух.

Не бледней! Послушай, ты теряешь
Час за часом! Звезд не сосчитать!
Демон сам с Тамарою, ты знаешь,
В ночь такую думал добрым стать...

⟨1858⟩

* * *

Я видел свое погребенье.
Высокие свечи горели,
Кадил непроспавшийся дьякон,
И хриплые певчие пели.

В гробу на атласной подушке
Лежал я, и гости съезжались,
Отходную кончил священник,
Со мною родные прощались.

Жена в интересном безумье
Мой сморщенный лоб целовала,
И, крепом красиво прикрывшись,
Кузену о чем-то шептала.

Печальные сестры и братья
(Как в нас непонятна природа!)
Рыдали при радостной встрече
С четвертою частью дохода.

В раздумье, насупивши брови,
Стояли мои кредиторы,
И были и мутны и страшны
Их дико блуждавшие взоры.

За дверью молились лакеи,
Прощаясь с потерянным местом,
А в кухне объевшийся повар
Возился с поднявшимся тестом.

Пирог был удачен. Зарывши
Мои безответные кости,
Объелись на сытных поминках
Родные, лакеи и гости.

⟨1859⟩

* * *

Ночь. Темно. Глаза открыты
И не видят, но глядят;
Слышу, жаркие ланиты
Тонким бархатом скользят.
Мягкий волос, набегая,
На лице моем лежит,

Грудь, тревожная, нагая,
У груди моей дрожит.
Недошептанные речи,
Замиранье жадных рук,
Холодеющие плечи...
И часов тяжелый стук.

〈1860〉

НЕВЕСТА

В пышном гробе меня разукрасили,—
А уж я ли красой не цвела?
Восковыми свечами обставили,—
Я и так бесконечно светла!

Медью темной глаза придавили мне,—
Чтобы глянуть они не могли;
Чтобы сердце во мне не забилося,
Образочком его нагнели!

Чтоб случайно чего не сказала я,
Краткий срок положили — три дня!
И цветами могилу засыпали,
И цветы придушили меня...

〈1874〉

* * *

Каждою весною, в тот же самый час,
Солнце к нам в окошко смотрит в первый раз.

Будет, будет время: солнце вновь придет,—
Нас здесь не увидит, а других найдет...

И с терпеньем ровным будет им светить,
Помогая чахнуть и ничем не быть...

〈1875〉

* * *

За то, что вы всегда от колыбели лгали,
А может быть, и не могли не лгать;
За то, что, торопясь, от бедной жизни брали
Скорей и более, чем жизнь могла вам дать;

За то, что с детских лет в вас жажда идеала
Не в меру чувственной и грубою была,
За то, что вас печаль порой не освежала,
Путем раздумия и часу не вела;

Что вы не плакали, что вы не сомневались,
Что святостью труда и бодростью его
На новые труды идти не подвизались,—
Обманутая жизнь не даст вам ничего!

⟨1880⟩

КАМАРИНСКАЯ

Из домов умалишенных, из больниц
Выходили души опочивших лиц;
Были веселы, покончивши страдать,
Шли, как будто бы готовились плясать.

«Ручку в ручку дай, а плечико к плечу...
Не вернуться ли нам жить?» — «Ой, не хочу!
Из покойничков в живые нам не лезть,—
Знаем, видим — лучше смерть, как ни на есть!»

Ах! Одно же сердце у людей, одно!
Истомилося, измаялось оно;
Столько горя, ну́жды, столько лжи кругом,
Что гуляет зло по свету ходенем.

Дай копеечку, кто может, беднякам,
Дай копеечку и нищим духом нам!
Торопитесь! Будет поздно торопить.
Сами станете копеечки просить...

Из домов умалишенных, из больниц
Выходили души опочивших лиц;
Были веселы, покончивши страдать,
Шли, как будто бы готовились плясать...

⟨1880⟩

* * *

Мне грезились сны золотые!
Проснулся — и жизнь увидал...
И мрачным мне мир показался,
Как будто он траурным стал.

Мне виделся сон нехороший!
Проснулся... на мир поглядел:
Задумчив и в траур окутан,
Мир больше, чем прежде, темнел.

И думалось мне: отчего бы —
В нас, в людях, рассудок силен —
На сны не взглянуть, как на правду,
На жизнь не взглянуть, как на сон!

⟨1880⟩

УТРО

Вот роса невидимо упала,
И восток готовится пылать;
Зелень вся как будто бы привстала
Поглядеть, как будет ночь бежать.

В этот час повсюду пробужденье...
Облака, как странники в плащах,
На восток сошлись на поклоненье
И горят в пурпуровых лучах.

Солнце выйдет, странников увидит,
Станет их и греть и золотить;
Всех согреет, малых не обидит
И пошлет дождем наш мир кропить!

Дождь пойдет без толку, без разбора,
Застучит по камням, по водам,
Кое-что падет на долю бора,
Мало что достанется полям!

⟨1880⟩

НОВГОРОДСКОЕ ПРЕДАНИЕ

Да, были казни над народом...
Уж шесть недель горят концы!
Назад в Москву свою походом
Собрались царские стрельцы.

Смешить народ оцепенелый
Иван епископа послал,

Чтоб, на кобылке сидя белой,
Он в бубны бил и забавлял.

И новгородцы, не переча,
Глядели бледною толпой,
Как медный колокол с их веча
По воле царской снят долой!

Сияет копий лес колючий,
Повозку царскую везут;
За нею колокол певучий
На жердях гнущихся несут.

Холмы и топи! Глушь лесная!
И ту размыло... Как тут быть?
И царь, добравшись до Валдая,
Приказ дал: колокол разбить.

Разбили колокол, разбили!..
Сгребли валдайцы медный сор,
И колокольчики отлили,
И отливают до сих пор...

И, быль старинную вещая,
В тиши степей, в глуши лесной,
Тот колокольчик, изнывая,
Гудит и бьется под дугой!..

⟨1880⟩

ПРЕСТУПНИК

Вешают убийцу в городе на площади,
И толпа отвсюду смотрит необъятная!
Мефистофель тут же; он в толпе шатается;
Вдруг в него запала мысль совсем приятная.

Обернулся мигом. Стал самим преступником;
На себя веревку помогал набрасывать;
Вздернули, повесили! Мефистофель тешится,
Начал выкрутасы в воздухе выплясывать.

А преступник скрытно в людях пробирается,
Злодеянье новое в нем тихонько зреет,
Как бы это чище, лучше сделать, думает,
Как удрать непойманным,— это он сумеет.

Мефистофель радостно, истинно доволен,
Что два дела сделал он людям из приязни:
Человека скверного отпустил на волю,
А толпе дал зрелище всенародной казни.

⟨1881⟩

ПОСЛЕ КАЗНИ В ЖЕНЕВЕ

Тяжелый день... Ты уходил так вяло...
Я видел казнь: багровый эшафот
Давил как будто бы сбежавшийся народ,
И солнце ярко на топор сияло.

Казнили. Голова отпрянула, как мяч!
Стер полотенцем кровь с обеих рук палач,
А красный эшафот поспешно разобрали,
И увезли, и площадь поливали.

Тяжелый день... Ты уходил так вяло...
Мне снилось: я лежал на страшном колесе,
Меня коробило, меня на части рвало,
И мышцы лопались, ломались кости все...

И я вытягивался в пытке небывалой
И, став звенящею, чувствительной струной,—
К какой-то схимнице, больной и исхудалой,
На балалайку вдруг попал едва живой!

Старуха страшная меня облюбовала
И нервным пальцем дергала меня,
«Коль славен наш господь» тоскливо напевала,
И я вторил ей, жалобно звеня!..

⟨1881⟩

* * *

Что, камни не живут? Не может быть! Смотри,
Как дружно все они краснеют в час зари,
Как сохраняют в ночь то мягкое тепло,
Которое с утра от солнца в них сошло!
Какой ужасный гул идет от мостовых!
Как крепки камни все в призваниях своих,—
Когда они реку вдоль берега ведут,

Когда покойников, накрывши, стерегут,
И как гримасничают долгие века,
Когда ваятеля искусная рука
Увековечит нам под лоском красоты
Чьи-либо гнусные, проклятые черты!

(1883)

* * *

Не стонет справа от меня больной,
Хозяйка слева спорить перестала,
И дети улеглись в квартире надо мной,
И вот вокруг меня так тихо, тихо стало!

Газета дня передо мной раскрыта...
Она мне не нужна, я всю ее прочел:
По-прежнему в ходу ослиные копыта,
И за клочок сенца идет на пытку вол!

И так я утомлен отсутствием свободы,
Так отупел от доблестей людей,
Что крики кошек и возню мышей
Готов приветствовать, как голоса природы.

(1883)

* * *

Да, я устал, устал, и сердце стеснено!
О, если б кончить как-нибудь скорее!
Актер, актер... Как глупо, как смешно!
И что ни день, то хуже и смешнее!
И так меня мучительно гнетут
И мыслей чад, и жажда снов прошедших,
И одиночество... Спроси у сумасшедших,
Спроси у них — они меня поймут!

(1883)

* * *

Свобода торговли, опека торговли —
Два разные способа травли и ловли:
Всегда по закону, в угоду купцу,
Стригут, так иль этак, всё ту же овцу.

(1883)

* * *

В костюме светлом Коломбины
Лежала мертвая она,
Прикрыта вскользь, до половины,
Тяжелой завесью окна.
И маска на сторону сбилась;
Полуоткрыт поблекший рот...
Чего тем ртом не говорилось?
Теперь он в первый раз не лжет!

⟨1883⟩

* * *

По крутым по бокам вороного
Месяц блещет, вовсю озарил!
Конь! Поведай мне доброе слово!
В сказках конь с седоком говорил!

Ох, и лес-то велик и спокоен!
Ох, и ночь-то глубоко синя́!
Да и я безмятежно настроен...
Конь, голубчик! Побалуй меня!

Ты скажи, что за девицей едем;
Что она, прикрываясь фатой,
Ждет... глаза проглядит... Нет! Мы бредим,
И никто-то не ждет нас с тобой!

Конь не молвит мне доброго слова!
Это сказка, чтоб конь говорил!
Но зачем же бока вороного
Месяц блеском таким озарил?

⟨1883⟩

* * *

Полдневный час. Жара гнетет дыханье;
Глядишь прищурясь,— блеск глаза слезит,
И над землею воздух в колебанье,
Мигает быстро, будто бы кипит.

И тени нет. Повсюду искры, блестки;
Трава слегла, до корня прожжена.
В ушах шумит, как будто слышны всплески,
Как будто где-то подле бьет волна...

Ужасный час! Везде оцепененье:
Жмет лист к ветвям нагретая верба,
Укрылся зверь, затем что жжет движенье,
По щелям спят, приткнувшись, ястреба.

А в поле труд... Обычной чередою
Идет косьба: хлеба не будут ждать!
Но это время названо страдою,—
Другого слова нет его назвать...

Кто испытал огонь такого неба,
Тот без труда раз навсегда поймет,
Зачем игру и шутку с крошкой хлеба
За тяжкий грех считает наш народ!

⟨1884⟩

* * *

Устал в полях, засну солидно,
Попав в деревню на харчи.
В окно открытое мне видно
И сад наш, и кусок парчи
Чудесной ночи... Воздух светел...
Как тишь тиха! Заснул, любя
Весь божий мир... Но крикнул петел!
Иль я отрекся от себя?

⟨1884⟩

* * *

В душе шел светлый пир. В одеждах золотых
Виднелись на пиру: желанья, грезы, ласки;
Струился разговор, слагался звучный стих,
И пенился бокал, и сочинялись сказки.

Когда спускалась ночь, на пир являлся сон,
Туманились огни, виденья налетали,
И сладкий шепот шел, и несся тихий звон
Из очень светлых стран и из далекой дали...

Теперь совсем не то. Под складками одежд,
Не двигая ничуть своих погасших ликов,
Виднеются в душе лишь остовы надежд!
Нет песен, смеха нет, и нет заздравных кликов.

А дремлющий чертог по всем частям сквозит,
И только кое-где, под тяжким слоем пыли,
Светильник тлеющий дымится и коптит,
Прося, чтоб и его скорее погасили...

1889

* * *

Будто в люльке нас качает.
Ветер свеж. Ни дать ни взять
Море песню сочиняет —
Слов не может подобрать.

Не помочь ли? Жалко стало!
Сколько чудных голосов!
Дискантов немножко мало,
Но зато не счесть басов.

Но какое содержанье,
Смысл какой словам придать?
Море — странное созданье,
Может слов и не признать.

Диких волн седые орды
Тонкой мысли не поймут,
Хватят вдруг во все аккорды
И над смыслом верх возьмут.

1889

* * *

Из твоего глубокого паденья
Порой, живым могуществом мечты,
Ты вдруг уносишься в то царство вдохновенья,
Где дома был в былые дни и ты!

Горит тогда, горит неопалимо
Твоя мечта — как в полночи звезда!..
Как ты красив под краскою стыда!
Но светлый миг проходит мимо, мимо...

1889

* * *

Какие здесь всему великие размеры!
Вот хоть бы лов классической трески!
На крепкой бечеве, верст в пять иль больше меры,
Что ни аршин, навешаны крючки;

Насквозь проколота, на каждом рыбка бьется...
Пять верст страданий! Это ль не длина?
Порою бечева китом, белугой рвется —
Тогда страдать артель ловцов должна.

В морозный вихрь и снег — а это ль не напасти? —
Не день, не два, с терпеньем без границ
Артель в морской волне распутывает снасти,
Сбивая лед с промерзлых рукавиц.

И завтра то же, вновь... В дому помору хуже:
Тут, как и в море, вечно сир и нищ,
Живет он впроголодь, а спит во тьме и стуже
На гнойных нарах мрачных становищ.

(1890)

* * *

Скажите дереву: ты перестань расти,
Не оживай к весне листами молодыми,
Алмазами росы на солнце не блести
И птиц не осеняй с их песнями живыми;

Ты не пускай в земле питательных корней,
Их нежной белизне не спорить с вечной тьмою...
Взгляни на кладбище кругом гниющих пней,
На сушь валежника с умершею листвою.

Все это, были дни, взрастало, как и ты,
Стремилось в пышный цвет и зрелый плод давало,
Ютило песни птиц, глядело на цветы,
И было счастливо, и счастья ожидало.

Умри! Не стоит жить! Подумай и завянь!
Но дерево растет, призванье совершая;
Зачем же людям, нам, дано нарушить грань
И жизнь свою прервать, цветенья не желая?

(1890)

* * *

Нет, жалко бросить мне на сцену
Творенья чувств и дум моих,
Чтобы заимствовать им цену
От сил случайных и чужих,
Чтобы умению актера

Их воплощенье поручать,
Чтоб в лжи кулис, в обмане взора
Им в маске правды проступать;
Чтоб, с завершеньем представленья,
Их трепет тайный, их стремленья —
Как только опустеет зал,
Мрак непроглядный обуял.

И не в столбцах повествованья
Больших романов, повестей
Желал бы я существованья
Птенцам фантазии моей;
Я не хочу, чтоб благосклонный
Читатель в длинном ряде строк
С трудом лишь насладиться мог,
И чтобы в веренице темной
Страниц бессчетных лишь порой
Ронял он с глаз слезу живую,
Нерукотворную, святую,
Над скрытой где-нибудь строкой,
И чтоб ему, при новом чтенье,
Строки заветной не сыскать...
Нет обаянья в повторенье,
И слез нельзя перечитать!

Но я желал бы всей душою
В стихе таинственно-живом
Жить заодно с моей страною
Сердечной песни бытием!
Песнь — ткань чудесная мгновенья —
Всегда ответит на призыв;
Она — сердечного движенья
Увековеченный порыв;
Она не лжет! Для милых песен
Великий божий мир не тесен;
Им книг не надо, чтобы жить;
Возникшей песни не убить;
Ей сроков нет, ей нет предела,
И если песнь прошла в народ
И песню молодость запела,—
Такая песня не умрет!

⟨1890⟩

* * *

Где только есть земля, в которой нас зароют,
Где в небе облака свои узоры ткут,
В свой час цветет весна, зимою вьюги воют,
И отдых сладостный сменяет тяжкий труд.

Там есть картины, мысль, мечтанье, наслажденье
И если жизни строй и злобен и суров,
То все же можно жить, исполнить назначенье;
А где же нет земли, весны и облаков?

Но если к этому прибавить то, что было,
Мечты счастливые и встречи прежних лет,
Как друг за дружкою то шло, то проходило,
Такая-то жила, такой-то не был сед;

Как с однолетками мы время коротали,
Как жизни смысл и цель казалися ясней,—
Вы вновь слагаетесь, разбитые скрижали
Полузабывшихся, но не пропавших дней.

⟨1891⟩

* * *

Ты не гонись за рифмой своенравной
И за поэзией — нелепости оне:
Я их сравню с княгиней Ярославной,
С зарею плачущей на каменной стене.

Ведь умер князь, и стен не существует,
Да и княгини нет уже давным-давно;
А все как будто, бедная, тоскует,
И от нее не все, не все схоронено.

Но это вздор, обманное созданье!
Слова не плоть... Из рифм одежд не ткать!
Слова бессильны дать существованье,
Как нет в них также сил на то, чтоб убивать...

Нельзя, нельзя... Однако преисправно
Заря затеплилась; смотрю, стоит стена;
На ней, я вижу, ходит Ярославна,
И плачет, бедная, без устали она.

Сгони ее! Довольно ей пророчить!
Уйми все песни, все! Вели им замолчать!
К чему они? Чтобы людей морочить
И нас, то здесь, то там, тревожить и смущать!

Смерть песне, смерть! Пускай не существует!..
Вздор рифмы, вздор стихи! Нелепости оне!..
А Ярославна все-таки тоскует
В урочный час на каменной стене...

1898

* * *

Воспоминанья вы убить хотите?!
Но — сокрушите помыслом скалу,
Дыханьем груди солнце загасите,
Огнем костра согрейте ночи мглу!..

Воспоминанья — вечные лампады,
Былой весны чарующий покров,
Страданий духа поздние награды,
Последний след когда-то милых снов.

На склоне лет живешь, годами согнут,
Одна лишь память светит на пути...
Но если вдруг воспоминанья дрогнут,—
Погаснет все, и некуда идти...

Копилка жизни! Мелкие монеты!
Когда других монет не отыскать —
Они пригодны! Целые банкеты
Воспоминанья могут задавать.

Беда, беда, когда средь них найдется
Стыд иль пятно в свершившемся былом!
Оно к банкету скрытно проберется
И тенью Банко сядет за столом.

1898

* * *

Мне ее подарили во сне;
Я проснулся — и нет ее! Взяли!..
Слышу: ходят часы на стене,—
Встал и я, потому что все встали.

И брожу я весь день, как шальной,
И где вижу, что люди смеются, —
Мнится мне: это смех надо мной,
Потому что нельзя мне проснуться!

〈1898〉

* * *

Часто с тобою мы спорили...
Умер! Осилить не мог
Сердцем правдивым и любящим
Мелких и крупных тревог.

Кончились споры. Знать, правильней
Жил ты, не вкривь и не вкось!
Ты победил, Галилеянин!
Сердце твое порвалось...

〈1898〉

* * *

О, будь в сознанье правды смел...
Ни ширм, ни завесей не надо...
Как волны дантовского ада
Полны страданий скорбных тел,—
Так и у нас своя картина...
Но только нет в ней красоты:
Людей заткала паутина...
В ней бьются все — и я и ты...

〈1899〉

* * *

Упала молния в ручей.
Вода не стала горячей.
А что ручей до дна пронзен,
Сквозь шелест струй не слышит он.

Зато и молнии струя,
Упав, лишилась бытия.
Другого не было пути...
И я прощу, и ты прости.

〈1901〉

НАШЕ ГОРЕ

Не в ярко блещущем уборе
И не на хóленом коне
Гуляет, скачет наше Горе
По нашей серой стороне.
Пешком и голову понуря,
В туманно-сумрачную даль
Плетется русская печаль.
Безвестна ей проклятий буря,
Чужда хвастливая тоска,
Смешна кричащая невзгода.

Дитя стыдливого народа,
Она стыдлива и робка,
Неразговорчива, угрюма,
И тяжкий крест несет без шума.
И лишь в тени родных лесов,
Под шепот ели иль березы,
Порой вздохнет она без слов
И льет невидимые слезы.
Нам эти слезы без числа
Родная муза сберегла...

⟨1878⟩

ПРЕД ЗАРЕЮ

Приближается утро, но еще ночь.
Исаия, гл. 21, 12

Не тревожься, недремлющий друг,
Если стало темнее вокруг,
Если гаснет звезда за звездою,
Если скрылась луна в облаках
И клубятся туманы в лугах:
Это стало темней — пред зарею...

Не пугайся, неопытный брат,
Что из нор своих гады спешат
Завладеть беззащитной землею,
Что бегут пауки, что, шипя,
На болоте проснулась змея:
Это гады бегут — пред зарею....

Не грусти, что во мраке ночном
Люди мертвым покоятся сном,
Что в безмолвии слышны порою
Только глупый напев петухов
Или злое ворчание псов:
Это — сон, это — лай пред зарею...

⟨1878⟩

В ДЕРЕВНЕ

Я вижу вновь тебя, таинственный народ,
О ком так горячо в столице мы шумели.
Как прежде, жизнь твоя — увы — полна невзгод,
И нищеты ярмо без ропота и цели
Ты все еще влачишь, насмешлив и угрюм.
Та ж вера детская, и тот же древний ум;
Жизнь не манит тебя, и гроб тебе не страшен
Под сению креста, вблизи родимых пашен.

Загадкой грозною встаешь ты предо мной,
Зловещей, как мираж среди степи безводной.
Кто лучше: я иль ты? Под внешней тишиной
Теченья тайные и дно души народной
Кто может разглядеть? О, как постигнуть мне,

Что скрыто у тебя в душевной глубине?
Как мысль твою прочесть в твоем покорном взоре?
Как море, темен ты,— могуч ли ты, как море?

Тебя порой от сна будили, в руки меч
Влагали и вели,— куда? — ты сам не ведал.
Покорно ты вставал... Среди кровавых сеч
Не раз смущенный враг всю мощь твою изведал.
Как лев бесстрашный, ты добычу добывал,
Как заяц робкий, ты при дележе молчал...
О, кто же ты, скажи: герой великодушный
Иль годный к битве конь, арапнику послушный?

1878

СЕРЕНАДА

Тянутся по́ небу тучи тяжелые,
Мрачно и сыро вокруг.
Плача, деревья качаются голые...
Не просыпайся, мой друг!
Не разгоняй сновиденья веселые,
Не размыкай своих глаз.
Сны беззаботные,
Сны мимолетные
Снятся лишь раз.

Счастлив, кто спит, кому в осень холодную
Грезятся ласки весны.
Счастлив, кто спит, кто про долю свободную
В тесной тюрьме видит сны.
Горе проснувшимся! В ночь безысходную
Им не сомкнуть своих глаз.
Сны беззаботные,
Сны мимолетные
Снятся лишь раз.

1879

* * *

Она, как полдень, хороша,
Она загадочней полночи.
У ней не плакавшие очи
И не страдавшая душа.

А мне, чья жизнь — борьба и горе,
По ней томиться суждено.
Так вечно плачущее море
В безмолвный берег влюблено.

⟨80-е годы⟩

НАД МОГИЛОЙ В. ГАРШИНА

Ты грустно прожил жизнь. Больная совесть века
Тебя отметила глашатаем своим;
В дни злобы ты любил людей и человека
И жаждал веровать, безверием томим.
Но слишком был глубок родник твоей печали:
Ты изнемог душой, правдивейший из нас,—
И струны порвались, рыданья отзвучали...
В безвременье ты жил, безвременно угас!

Я ничего не знал прекрасней и печальней
Лучистых глаз твоих и бледного чела,
Как будто для тебя земная жизнь была
Тоской по родине недостижимо-дальней.
И творчество твое, и красота лица
В одну гармонию слились с твоей судьбою,
И жребий твой похож, до страшного конца,
На грустный вымысел, рассказанный тобою.

И ты ушел от нас, как тот певец больной,
У славы отнятый могилы дуновеньем;
Как буря, смерть прошла над нашим поколеньем,
Вершины все скосив завистливой рукой.
Чья совесть глубже всех за нашу ложь болела,
Те дольше не могли меж нами жизнь влачить,
А мы живем во тьме, и тьма нас одолела...
Без вас нам тяжело, без вас нам стыдно жить!

1888

НА КОРАБЛЕ

Зажглась звезда, поднялся ветерок,
Склонялся день за горы Дагестана.
И все, молясь, глядели на восток.
Татаре повторяли стих Корана,

Рабы Христа творили знак святой,
Калмыки в тишине взывали к ламе,
И чуждый всем еврей скорбел о храме
И богу докучал своей тоской.

Лишь я один, к кому взывать не зная,
Глядел на мир. И прелесть неземная
Была в журчанье вод, в лучах светил,
Как будто в рай держали мы дорогу.

Один в тот вечер слезы я пролил
И, может быть, один молился богу.

⟨1893⟩

ЛЮБОВЬ К БЛИЖНЕМУ

Любить других, как самого себя...
Но сам себя презреньем я караю.
Какой-то сон божественный любя,
В себе и ложь и правду презираю.

И если человека я любил,
То лишь в надежде смутной и чудесной
Найти в другом луч истины небесной,
Невинность сердца, мыслей чистый пыл.

Но каждый раз, очнувшись от мечтаний,
В чужой душе все глубже и ясней
Я прозревал клеймо своих страстей,
Свою же ложь, позор своих страданий.

И всех людей, равно за всех скорбя,
Я не люблю, как самого себя.

⟨1893⟩

ВОЛНА

Нежно-бесстрастная,
Нежно-холодная,
Вечно подвластная,
Вечно свободная.

К берегу льнущая,
Томно-ревнивая,
В море бегущая,
Вольнолюбивая.

В бездне рожденная,
Смертью грозящая,
В небо влюбленная,
Тайной манящая.

Лживая, ясная,
Звучно-печальная,
Чуждо-прекрасная,
Близкая, дальная...

⟨1895⟩

УТЕШЕНИЕ

Оно не в книгах мудреца,
Не в сладких вымыслах поэта,
Не в громких подвигах бойца,
Не в тихих подвигах аскета.

Но между тем как скорби тень
Растет, ложась на все святое,—
Смотри: с востока, что ни день,
Восходит солнце золотое.

И каждый год цветет весна,
Не зная думы безотрадной,
И, солнца луч впивая жадно,
Спешат на волю семена.

И всходы тайной силой пучит,
И вскоре листья рождены,
И ветер ласковый их учит
Шептать название весны.

Душа свершила круг великий.
И вот, вернувшись к детским снам,
Я вновь, как праотец мой дикий,
Молюсь деревьям и звездам.

⟨1896⟩

ПОСВЯЩЕНИЕ

Libertà va cercando... [1]
Чистилище, I, 71

Я цепи старые свергаю,
Молитвы новые пою.
Тебе, далекой, гимн слагаю,
Тебя, свободную, люблю.

Ты страсть от сердца отрешила,
Твой бледный взор надежду сжег.
Ты жизнь мою опустошила,
Чтоб я постичь свободу мог.

Но, впавшей в океан бездонный,
Возврата нет волне ручья.
В твоих цепях освобожденный,
Я — вечно твой, а ты — ничья.

⟨1896⟩

* * *

О, этот бред сердечный и вечера,
И вечер бесконечный, что был вчера.

И гул езды далекой, как дальний плеск,
И свечки одинокой печальный блеск.

И собственного тела мне чуждый вид,
И горечь без предела былых обид.

И страсти отблеск знойный из прежних лет,
И маятник спокойный, твердящий: нет.

И шепот укоризны кому-то вслед,
И сновиденье жизни, и жизни бред.

⟨1901⟩

---

[1] Он ищет свободу... *(итал.)*

* * *

Хоть мы навек незримыми цепями
Прикованы к нездешним берегам,
Но и в цепях должны свершить мы сами
Тот круг, что боги очертили нам.

Все, что на волю высшую согласно,
Своею волей чуждую творит,
И под личиной вещества бесстрастной
Везде огонь божественный горит.

1875

* * *

У царицы моей есть высокий дворец,
О семи он столбах золотых,
У царицы моей семигранный венец,
В нем без счету камней дорогих.

И в зеленом саду у царицы моей
Роз и лилий краса расцвела,
И в прозрачной волне серебристый ручей
Ловит отблеск кудрей и чела,

Но не слышит царица, что шепчет ручей,
На цветы и не взглянет она:
Ей туманит печаль свет лазурных очей,
И мечта ее скорби полна.

Она видит: далеко, в полночном краю,
Средь морозных туманов и вьюг,
С злою силою тьмы в одиночном бою
Гибнет ею покинутый друг.

И бросает она свой алмазный венец,
Оставляет чертог золотой
И к неверному другу — нежданный пришлец —
Благодатной стучится рукой.

И над мрачной зимой молодая весна,
Вся сияя, склонилась над ним
И покрыла его, тихой ласки полна,
Лучезарным покровом своим.

И низринуты темные силы во прах,
Чистым пламенем весь он горит,
И с любовию вечной в лазурных очах
Тихо другу она говорит:

«Знаю, воля твоя волн морских не верней,
Ты мне верность клялся сохранить,—
Клятве ты изменил, но изменой своей
Мог ли сердце мое изменить?»

1876

ПОСВЯЩЕНИЕ К НЕИЗДАННОЙ КОМЕДИИ

Не жди ты песен стройных и прекрасных,
У темной осени цветов ты не проси!
Не знал я дней сияющих и ясных,
А сколько призраков недвижных и безгласных
Покинуто на сумрачном пути.

Таков закон: все лучшее в тумане,
А близкое иль больно, иль смешно.
Не миновать нам двойственной сей грани:
Из смеха звонкого и из глухих рыданий
Созвучие вселенной создано.

Звучи же, смех, свободною волною,
Негодования не стоят наши дни.
Ты, муза бедная, над смутною стезею

Явись хоть раз с улыбкой молодою
И злую жизнь насмешкою незлою
Хотя на миг один угомони.

1880

* * *

Под чуждой властью знойной вьюги
Виденья прежние забыв,
Я вновь таинственной подруги
Услышал гаснущий призыв.

И — с криком ужаса и боли
Железом схваченный орел —
Затрепетал мой дух в неволе,
И сеть порвал, и в высь ушел.

И на заоблачной вершине,
Пред морем пламенных чудес,
Во всесияющей святыне
Он загорелся и исчез.

1882

* * *

Бескрылый дух, землею полоненный,
Себя забывший и забытый бог...
Один лишь сон — и снова, окрыленный,
Ты мчишься ввысь от суетных тревог.

Неясный луч знакомого блистанья,
Чуть слышный отзвук песни неземной —
И прежний мир в немеркнущем сиянье
Встает опять пред чуткою душой.

Один лишь сон — и в тяжком пробужденье
Ты будешь ждать с томительной тоской
Вновь отблеска нездешнего виденья,
Вновь отзвука гармонии святой.

1883

В АЛЬПАХ

Мыслей без речи и чувств без названия
Радостно-мощный прибой...
Зыбкую насыпь надежд и желания
Смыло волной голубой.

Синие горы кругом надвигаются,
Синее море вдали.
Крылья души над землей поднимаются,
Но не покинут земли.

В берег надежды и в берег желания
Плещет жемчужной волной
Мыслей без речи и чувств без названия
Радостно-мощный прибой.

1886

ОСЕННЕЮ ДОРОГОЮ

Меркнет день. Над усталой, поблекшей землей
Неподвижные тучи висят.
Под прощальным убором листвы золотой
И березы и липы сквозят.

Душу обняли нежно-тоскливые сны,
Замерла бесконечная даль;
И роскошно блестящей и шумной весны
Примиренному сердцу не жаль.

И как будто земля, отходя на покой,
Погрузилась в молитву без слов,
И спускается с неба невидимый рой
Бледнокрылых, безмолвных духов.

1886

* * *

Бедный друг! истомил тебя путь,
Темен взор, и венок твой измят,
Ты войди же ко мне отдохнуть.
Потускнел, догорая, закат.

Где была и откуда идешь,
Бедный друг, не спрошу я, любя;
Только имя мое назовешь —
Молча к сердцу прижму я тебя.

Смерть и Время царят на земле,—
Ты владыками их не зови;
Все, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви.

1887

САЙМА В БУРЮ

Озеро плещет волной беспокойною,
Словно как в море растущий прибой.
Рвется к чему-то стихия нестройная,
Спорит о чем-то с враждебной судьбой.

Знать, не по сердцу оковы гранитные!
Только в безмерном отраден покой.
Снятся былые века первобытные,
Хочется снова царить над землей.

Бейся, волнуйся, невольница дикая!
Вечный позор добровольным рабам.
Сбудется сон твой, стихия великая,
Будет простор всем свободным волнам.

1894

НА САЙМЕ ЗИМОЙ

Вся ты закуталась шубой пушистой,
В сне безмятежном, затихнув, лежишь.
Веет не смертью здесь воздух лучистый,
Эта прозрачная, белая тишь.

В невозмутимом покое глубоком,
Нет, не напрасно тебя я искал.
Образ твой тот же пред внутренним оком,
Фея — владычица сосен и скал!

Ты непорочна, как снег за горами,
Ты многодумна, как зимняя ночь,
Вся ты в лучах, как полярное пламя,
Темного хаоса светлая дочь!

1894

* * *

Милый друг, иль ты не видишь,
Что все видимое нами —
Только отблеск, только тени
От незримого очами?

Милый друг, иль ты не слышишь,
Что житейский шум трескучий —
Только отклик искаженный
Торжествующих созвучий?

Милый друг, иль ты не чуешь,
Что одно на целом свете —
Только то, что сердце к сердцу
Говорит в немом привете?

⟨1895⟩

* * *

Друг мой, брат мой, усталый, страдающий брат,
Кто б ты ни был, не падай душой.
Пусть неправда и зло полновластно царят
Над омытой слезами землей,
Пусть разбит и поруган святой идеал
И струится невинная кровь,—
Верь: настанет пора — и погибнет Ваал,
И вернется на землю любовь!

Не в терновом венце, не под гнетом цепей,
Не с крестом на согбенных плечах,—
В мир придет она в силе и славе своей,
С ярким светочем счастья в руках.
И не будет на свете ни слез, ни вражды,
Ни бескрестных могил, ни рабов,
Ни нужды, беспросветной, мертвящей нужды,
Ни меча, ни позорных столбов!

О мой друг! Не мечта этот светлый приход,
Не пустая надежда одна:
Оглянись,— зло вокруг чересчур уж гнетет,
Ночь вокруг чересчур уж темна!
Мир устанет от мук, захлебнется в крови,
Утомится безумной борьбой —
И поднимет к любви, к беззаветной любви,
Очи, полные скорбной мольбой!..

1880

* * *

Я плакал тяжкими слезами,
Слезами грусти и любви,
Да осияет свет лучами
Мир, утопающий в крови,—
И свет блеснул передо мною,
И лучезарен и могуч,
Но не надеждой, а борьбою
Горел его кровавый луч.
То не был кроткий отблеск рая —
Нет, в душном сумраке ночном
Зажглась зарница роковая
Грозы, собравшейся кругом!..

1881

* * *

Милый друг, я знаю, я глубóко знаю,
Что бессилен стих мой, бледный и больной;
От его бессилья часто я страдаю,
Часто тайно плачу в тишине ночной...
Нет на свете мук сильнее муки слова:
Тщетно с уст порой безумный рвется крик,
Тщетно душу сжечь любовь порой готова:
Холоден и жалок нищий наш язык!..

Радуга цветов, разлитая в природе,
Звуки стройной песни, стихшей на струнах,
Боль за идеал и слезы о свободе,—
Как их передать в обыденных словах?
Как безбрежный мир, раскинутый пред нами,
И душевный мир, исполненный тревог,
Жизненно набросить робкими штрихами
И вместить в размеры тесных этих строк?..

Но молчать, когда вокруг звучат рыданья
И когда так жадно рвешься их унять,—
Под грозой борьбы и пред лицом страданья...
Брат, я не хочу, я не могу молчать!..
Пусть я, как боец, цепей не разбиваю,
Как пророк — во мглу не проливаю свет:
Я ушел в толпу и вместе с ней страдаю,
И даю, что в силах,— отклик и привет!..

1882

* * *

Одни не поймут, не услышат другие,
И песня бесплодно замрет,—
Она не разбудит порывы святые,
Не двинет отважно вперед.

Что теплая песня для мертвого мира?
Бездушная звонкость речей,
Потеха в разгаре позорного пира,
Бряцанье забытых цепей!

А песне так отдано много!.. В мгновенья,
Когда создавалась она,
В мятежной душе разгорались мученья,
Душа была стонов полна.

Грозою по ней вдохновение мчалось,
В раздумье пылало чело,
И то, что толпы лишь слегка прикасалось,
Певца до страдания жгло!

О сердце певца, в наши тяжкие годы
Ты светоч в пустыне глухой;
Напрасно во имя любви и свободы
Ты борешься с черною мглой;

В безлюдье не нужны тепло и сиянье, —
Кого озарить и согреть?
О, если бы было возможно молчанье,
О, если бы власть не гореть!

1882

* * *

...И крики оргии, и гимны ликованья
В сиянье праздничном торжественных огней,
А рядом — жгучий стон мятежного страданья,
И кровь пролитая, и резкий звон цепей...
Разнузданный разврат, увенчанный цветами,—
И труд поруганный... Смеющийся глупец —
И плачущий в тиши незримыми слезами,
Затерянный в толпе, непонятый мудрец!..
И это значит жить?.. И это — перл творенья,

Разумный человек?.. Но в пошлой суетне
И в пестрой смене лиц — ни мысли, ни значенья,
Как в лихорадочном и безобразном сне...
Но эта жизнь томит, как склеп томит живого,
Как роковой недуг, гнетущий ум и грудь,
В часы бессонницы томит и жжет больного —
И некуда бежать... и некогда вздохнуть!
Порой прекрасный сон мне снится: предо мною
Привольно стелется немая даль полей,
И зыблются хлеба, и дремлет над рекою
Тенистый сад, в цветах и в золоте лучей...
Родная глушь моя таинственно и внятно
Зовет меня прийти в объятия свои,
И все, что потерял я в жизни невозвратно,
Вновь обещает мне для счастья и любви.
Но не тому сложить трудящиеся руки
И дать бездействовать тревожному уму,
Кто понял, что борьба, проклятия и муки —
Не бред безумных книг, не грезятся ему;
Как жалкий трус, я жизнь не прятал за обманы
И не рядил ее в поддельные цветы,
Но безбоязненно в зияющие раны,
Как врач и друг, вложил пытливые персты;
Огнем и пыткою правдивого сомненья
Я все проверил в ней, боясь себе солгать,—
И нету для меня покоя и забвенья,
И вечно буду я бороться и страдать!..

1882

* * *

Неужели сейчас только бархатный луг
Трепетал позолотой полдневных лучей?
Неуклюжая туча ползет, как паук,
И ползет — и плетет паутину теней!..
Ах, напрасно поверил я в день золотой,
Ты лгала мне, прозрачных небес бирюза:
Неподвижнее воздух, томительней зной,
И все ближе гремит, надвигаясь, гроза!..

Встанут серые вихри в дорожной пыли,
Заволнуется зыбкое море хлебов,
Дрогнет сад, наклоняясь челом до земли,
Облетят лепестки недоцветших цветов...

Сколько будет незримых, неслышных смертей,
Сколько всходов помятых и сломанных роз!..
Долго солнце огнем благодатных лучей
Не осушит пролитых природою слез!..

А не будь миновавшие знойные дни
Так безоблачно тихи, светлы и ясны,
Не родили б и черную тучу они —
Эту черную думу на лике весны!..

1883

* * *

Не вини меня, друг мой,— я сын наших дней,
Сын раздумья, тревог и сомнений:
Я не знаю в груди беззаветных страстей,
Безотчетных и смутных волнений.
Как хирург, доверяющий только ножу,
Я лишь мысли одной доверяю,—
Я с вопросом и к самой любви подхожу
И пытливо ее разлагаю!..

Ты прекрасна в порыве твоем молодом,
С робкой нежностью первых признаний,
С теплой верой в судьбу, с детски ясным челом
И огнем полудетских лобзаний;
Ты сильна и горда своей страстью,— а я...
О, когда б ты могла, дорогая,
Знать, как тягостно борется дума моя
С обаяньем наставшего рая,
Сколько шепчет она мне язвительных слов,
Сколько старых могил разрывает,
Сколько прежних, развеянных опытом снов
В скорбном сердце моем подымает!..

1883

* * *

Быть может, их мечты — безумный, смутный бред
И пыл их — пыл детей, не знающих сомнений,
Но в наши дни молчи, неверящий поэт,
И не осмеивай их чистых заблуждений;
Молчи иль даже лги: созрев, их мысль найдет
И сквозь ошибки путь к сияющей святыне,

Как путь найдет ручей с оттаявших высот
К цветущей, солнечной, полуденной долине.

Довольно жалких слез!.. И так вокруг тебя
Отчаянье и стон... И так тюремной двери
Не замолкает скрип, и родина, любя,
Не может тяжкие оплакивать потери...

1883

* * *

Как каторжник влачит оковы за собой,
Так всюду я влачу среди моих скитаний
Весь ад моей души, весь мрак пережитой,
И страх грядущего, и боль воспоминаний...
Бывают дни, когда я жалок сам себе:
Так я беспомощен, так робок я, страдая,
Так мало сил во мне в лицо моей судьбе
Взглянуть без ужаса, очей не опуская...
Не за себя скорблю под жизненной грозой:
Не я один погиб, не находя исхода;
Скорблю, что я не мог всей страстью, всей душой
Служить тебе, печаль родимого народа!
Скорблю, что слабых сил беречь я не умел,
Что, полон святостью заветного стремленья,
Я не раздумывал, я не жил,— а горел,
Богатствами души соря без сожаленья;
И в дни, когда моя родная сторона
Полна уныния, смятенья и испуга,—
Чтоб в песне вылиться, душа моя должна
Красть редкие часы у жадного недуга.
И больно мне, что жизнь бесцельно догорит,
Что посреди бойцов — я не боец суровый,
А только стонущий, усталый инвалид,
Смотрящий с завистью на их венец терновый...

1884

* * *

Наше поколенье юности не знает,
Юность стала сказкой миновавших лет;
Рано в наши годы дума отравляет
Первых сил размах и первых чувств рассвет.

Кто из нас любил, весь мир позабывая?
Кто не отрекался от своих богов?
Кто не падал духом, рабски унывая,
Не бросал щита перед лицом врагов?
Чуть не с колыбели сердцем мы дряхлеем,
Нас томит безверье, нас грызет тоска...
Даже пожелать мы страстно не умеем,
Даже ненавидим мы исподтишка!..

О, проклятье сну, убившему в нас силы!
Воздуха, простора, пламенных речей,—
Чтобы жить для жизни, а не для могилы,
Всем биеньем нервов, всем огнем страстей!
О, проклятье стонам рабского бессилья!
Мертвых дней унынья после не вернуть!
Загоритесь, взоры, развернитесь, крылья,
Закипи порывом, трепетная грудь!
Дружно за работу, на борьбу с пороком,
Сердце с братским сердцем и с рукой рука,—
Пусть никто не может вымолвить с упреком:
«Для чего я не жил в прошлые века!..»

1884

* * *

Довольно я кипел безумной суетою,
Довольно я сидел, склонившись за трудом.
Я твой, родная глушь, я снова твой душою,
Я отдохнуть хочу в безмолвии твоем!..
Не торопись, ямщик,— дай надышаться вволю!..
О, ты не испытал, что значит столько лет
Не видеть ни цветов, рассыпанных по полю,
Ни рощи, пеньем птиц встречающей рассвет!
Не радостна весна средь омута столицы,
Где бледный свод небес скрыт в дымовых клубах,
Где задыхаешься, как под плитой гробницы,
На тесных улицах и в каменных домах!
А здесь — какой простор! Как весело ныряет
По мягким колеям гремящий наш возок,
Как нежно и свежо лесок благоухает,
Под золотом зари березовый лесок...

Вот спуск... внизу ручей. Цветущими ветвями
Душистые кусты поникли над водой,
А за подъемом даль, зелеными полями
Раскинувшись, слилась с небесной синевой.

1884

* * *

Есть у свободы враг опаснее цепей,
Страшней насилия, страданья и гоненья;
Тот враг неотразим, он — в сердце у людей,
Он — всем врожденная способность примиренья.
Пусть цепь раба тяжка... Пусть мощная душа,
Тоскуя под ярмом, стремится к лучшей доле,
Но жизнь еще вокруг так чудно хороша,
И в ней так много благ и кроме гордой воли!..

1884

* * *

Жалко стройных кипарисов —
Как они зазеленели!
Для чего, дитя, к их веткам
Привязала ты качели?
Не ломай душистых веток,
Отнеси качель к обрыву,
На акацию густую
И на пыльную оливу.
Там и море будет видно:
Чуть доска твоя качнется,
А оно тебе сквозь зелень
В блеске солнца засмеется,
С белым парусом в тумане,
С белой чайкой, в даль летящей,
С белой пеною, каймою
Вдоль по берегу лежащей.

1885

* * *

Умерла моя муза!.. Недолго она
Озаряла мои одинокие дни;
Облетели цветы, догорели огни,
Непроглядная ночь, как могила, темна!..

Тщетно в сердце, уставшем от мук и тревог,
Исцеляющих звуков я жадно ищу:
Он растоптан и смят, мой душистый венок,
Я без песни борюсь и без песни грущу!..
А в былые года сколько тайн и чудес
Совершалось в убогой каморке моей:
Захочу — и сверкающий купол небес
Надо мной развернется в потоках лучей,
И раскинется даль серебристых озер,
И блеснут колоннады роскошных дворцов,
И подымут в лазурь свой зубчатый узор
Снеговые вершины гранитных хребтов!..
А теперь — я один... Неприютно, темно
Опустевший мой угол в глаза мне глядит;
Словно черная птица, пугливо в окно
Непогодная полночь крылами стучит...
Мрамор пышных дворцов разлетелся в туман,
Величавые горы рассыпались в прах —
И истерзано сердце от скорби и ран,
И бессильные слезы сверкают в очах!..
Умерла моя муза!.. Недолго она
Озаряла мои одинокие дни;
Облетели цветы, догорели огни,
Непроглядная ночь, как могила, темна!..

1885

* * *

Закралась в угол мой тайком,
Мои бумаги раскидала,
Тут росчерк сделала пером,
Там чей-то профиль набросала;
К моим стихам чужой куплет
Приписан беглою рукою,
А бедный, пышный мой букет
Ощипан, будто саранчою!
Разбой, грабеж!.. Я не нашел
На месте ничего: все сбито,
Как будто ливень здесь прошел
Неудержимо и сердито.
Открыты двери на балкон,
Газетный лист к кровати свеян...
О, как ты нагло оскорблен,

Мой мирный труд, и как осмеян!
А только встретимся,— сейчас
Польются звонко извиненья:
«Простите,— я была у вас...
Хотела книгу взять для чтенья...
Да трудно что-то и читать:
Жара... брожу почти без чувства...
А вы к себе?.. творить?.. мечтать?..
О, бедный труженик искусства!»
И ждет, склонив лукавый взгляд,
Грозы сурового ответа,—
А на груди еще дрожат
Цветы из моего букета!..

1885

* * *

Это не песни — это намеки:
Песни невмочь мне сложить;
Некогда мне эти беглые строки
В радугу красок рядить;
Мать умирает,— дитя позабыто,
В рваных лохмотьях оно...
Лишь бы хоть как-нибудь было излито,
Чем многозвучное сердце полно!..

1885

* * *

По смутным признакам, доступным для немногих,
По взгляду вдумчивых, тоскующих очей,
По очертанью уст, загадочных и строгих,
По звуку теплому ласкающих речей,—
Я разгадал тебя... Я понял: ты страдала,
Ты суетной толпе душой была чужда;
Иная скорбь тебя над нею возвышала,
Иная даль звала, иная жгла вражда...
И луч участия и горечь сожаленья
Мне тихо сжали грудь... Несчастная, к чему,
К чему не кукла ты, без смысла и значенья,
Без гордых помыслов — рассеять эту тьму?
Он мне знаком, твой путь... Лишения, тревоги,
В измученной груди немолчный стон: «За что?»

А после, как сведешь последние итоги,
Поруганная жизнь и жалкое ничто.
И все-таки иди — и все-таки смелее
Иди на тяжкий крест, иди на подвиг твой,
И пусть бесплоден он, но жить другим светлее,
Молясь пред чистою, возвышенной душой!

1885

МАТЬ

Тяжелое детство мне пало на долю:
Из прихоти взятый чужою семьей,
По темным углам я наплакался вволю,
Изведав всю тяжесть подачки людской.
Меня окружало довольство; лишений
Не знал я,— зато и любви я не знал,
И в тихие ночи тревожных молений
Никто над кроваткой моей не шептал.
Я рос одиноко... я рос позабытым,
Пугливым ребенком,— угрюмый, больной,
С умом, не по-детски печалью развитым,
И с чуткой, болезненно-чуткой душой...
И стали слетать ко мне светлые грезы,
И стали мне дивные речи шептать
И детские слезы, безвинные слезы,
С ресниц моих тихо крылами свевать!..

Ночь... В комнате душно... Сквозь шторы струится
Таинственный свет серебристой луны...
Я глубже стараюсь в подушки зарыться,
А сны надо мной уж, заветные сны!..
Чу! Шорох шагов и шумящего платья...
Несмелые звуки слышней и слышней...
Вот тихое «здравствуй», и чьи-то объятья
Кольцом обвилися вкруг шеи моей!

«Ты здесь, ты со мной, о моя дорогая,
О милая мама!.. Ты снова пришла!
Какие ж дары из далекого рая
Ты бедному сыну с собой принесла?
Как в прошлые ночи, взяла ль ты с собою
С лугов его ярких, как день, мотыльков,
Из рек его рыбок с цветной чешуею,

Из пышных садов — ароматных плодов?
Споешь ли ты райские песни мне снова?
Расскажешь ли снова, как в блеске лучей
И в синих струях фимиама святого
Там носятся тени безгрешных людей?
Как ангелы в полночь на землю слетают
И бродят вокруг поселений людских,
И чистые слезы молитв собирают,
И нижут жемчужные нити из них?..
Сегодня, родная, я сто́ю награды,
Сегодня — о, как ненавижу я их! —
Опять они сердце мое без пощады
Измучили злобой насмешек своих...
Скорей же, скорей!..»

И под тихие ласки,
Обвеян блаженством нахлынувших грез,
Я сладко смыкал утомленные глазки,
Прильнувши к подушке, намокшей от слез!..

1886

ЖИЗНЬ

Меняя каждый миг свой образ прихотливый,
Капризна, как дитя, и призрачна, как дым,
Кипит повсюду жизнь в тревоге суетливой,
Великое смешав с ничтожным и смешным.
Какой нестройный гул и как пестра картина!
Здесь — поцелуй любви, а там — удар ножом;
Здесь нагло прозвенел бубенчик арлекина,
А там идет пророк, согбенный под крестом.
Где солнце — там и тень! Где слезы и молитвы —
Там и голодный стон мятежной нищеты;
Вчера здесь был разгар кровопролитной битвы,
А завтра — расцветут душистые цветы.
Вот чудный перл в грязи, растоптанный толпою,
А вот душистый плод, подточенный червем;
Сейчас ты был герой, гордящийся собою,
Теперь ты — бледный трус, подавленный стыдом!
Вот жизнь, вот этот сфинкс! Закон ее — мгновенье,
И нет среди людей такого мудреца,
Кто б мог сказать толпе, куда ее движенье,
Кто мог бы уловить черты ее лица.

То вся она — печаль, то вся она — приманка,
То все в ней — блеск и свет, то все — позор и тьма;
Жизнь — это серафим и пьяная вакханка,
Жизнь — это океан и тесная тюрьма!

1886

* * *

Не говорите мне «он умер». Он живет!
Пусть жертвенник разбит — огонь еще пылает,
Пусть роза сорвана — она еще цветет,
Пусть арфа сломана — аккорд еще рыдает!..

1886

* * *

Потуши свечу, занавесь окно.
По постелям все разбрелись давно.
Только мы не спим, самовар погас,
За стеной часы бьют четвертый раз!

До полу́ночи мы украдкою
Увлекалися речью сладкою:
Мы замыслили много чистых дел...
До утра б сидеть, да всему предел!..

Ты задумался, я сижу — молчу...
Занавесь окно, потуши свечу!..

1881

* * *

У поэта два царства: одно из лучей
Ярко блещет — лазурное, ясное;
А другое безмесячной ночи темней,
Как глухая темница, ненастное.
В темном царстве влачится ряд пасмурных дней,
А в лазурном — мгновенье прекрасное.

1882

* * *

Мы при свечах болтали долго
О том, что мир порабощен
Кошмаром мелочного торга,
Что чудных снов не видит он.

О том, что тернием повита
Святая правда наших дней;
О том, что светлое разбито
Напором бешеных страстей.

Но на прощанье мы сказали
Друг другу: будет время, свет
Блеснет, пройдут года печали,
Борцов исполнится завет!

И, весь растроганный мечтами,
Я тихо вышел на крыльцо.
Пахнул холодными волнами
Осенний ветер мне в лицо.

Дремала улица безгласно,
На небе не было огней,
Но было мне тепло и ясно:
Я солнце нес в душе своей!..

1883

* * *

Столица бредила в чаду своей тоски,
Гонясь за куплей и продажей.
Общественных карет болтливые звонки
Мешались с лязгом экипажей.

Движенью пестрому не виделось конца.
Ночные сумерки сползали,
И газовых рожков блестящие сердца
В зеркальных окнах трепетали.

Я шел рассеянно: аккорды суеты
Мой робкий слух не волновали,
И жадно мчались вдаль заветные мечты
На крыльях сумрачной печали.

Я видел серебро сверкающих озер,
Сережки вербы опушенной,
И серых деревень заплаканный простор,
И в бледной дали лес зеленый.

И веяло в лицо мне запахом полей,
Смущало сердце вдохновенье,
И ангел родины незло́бивой моей
Мне в душу слал благословенье.

1884

* * *

Не правда ль, все дышало прозой,
Когда сходились мы с тобой?
Нам соловьи, пленившись розой,
Не пели гимны в тьме ночной.

И друг влюбленных — месяц ясный —
Нам не светил в вечерний час,
И ночь дремотой сладострастной
Не убаюкивала нас.

А посмотри — в какие речи,
В какие краски я облек
И наши будничные встречи,
И наш укромный уголок!..

В них белопенные каскады
Шумят, свергаясь с холма;
В них гроты, полные прохлады,
И золотые терема.

В них ты — блистательная фея;
В них я — восторженный боец —
Тебя спасаю от злодея
И торжествую наконец.

1885

* * *

Звезды ясные, звезды прекрасные
Нашептали цветам сказки чудные,
Лепестки улыбнулись атласные,
Задрожали листы изумрудные.

И цветы, опьяненные росами,
Рассказали ветрам сказки нежные,—
И распели их ветры мятежные
Над землей, над волной, над утесами.

И земля, под весенними ласками
Наряжаяся тканью зеленою,
Переполнила звездными сказками
Мою душу, безумно влюбленную.

И теперь, в эти дни многотрудные,
В эти темные ночи, ненастные,
Отдаю я вам, звезды прекрасные,
Ваши сказки задумчиво-чудные!..

1885

ДВА МИРА

Там белых фей живые хороводы,
Луна, любовь, признанье и мечты,
А здесь — борьба за призраки свободы,
Здесь горький плач и стоны нищеты!

Там — свет небес и радужен и мирен,
Там в храмах луч негаснущей зари.
А здесь — ряды развенчанных кумирен,
Потухшие безмолвно алтари...

То край певцов, возвышенных, как боги,
То мир чудес, любви и красоты...
Здесь — злобный мир безумья и тревоги,
Певцов борьбы, тоски и суеты...

1886

* * *

Под напев молитв пасхальных
И под звон колоколов
К нам летит весна из дальних,
Из полуденных краев.

В зеленеющем уборе
Млеют темные леса.

Небо блещет — точно море,
Море — точно небеса.

Сосны в бархате зеленом,
И душистая смола
По чешуйчатым колоннам
Янтарями потекла.

И в саду у нас сегодня
Я заметил, как тайком
Похристосовался ландыш
С белокрылым мотыльком!

1887

* * *

Шумят леса тенистые,
Тенистые, душистые,
Свои оковы льдистые
Разрушила волна.

Пришла она, желанная,
Пришла, благоуханная,
Из света дня сотканная
Волшебница весна!

Полно́чи мгла прозрачная
Свивает грезы мрачные.
Свежа, как ложе брачное,
Зеленая трава.

И звезды блещут взорами,
Мигая в небе хорами,
Над синими озерами,
Как слезы божества.

Повсюду пробуждение,
Любовь и вдохновение,
Задумчивое пение,
Повсюду блеск и шум.

И песня сердца страстная
Тебе, моя прекрасная,
Всесильная, всевластная
Царица светлых дум!

1887

* * *

Была ль то песнь, рожденная мечтою,
Иль песнею рожденная мечта,—
Не знаю я, но в этот миг со мною
Роднилися добро и красота.

От светлых дум сомненья исчезали,
Как легкий дым от гаснущей золы;
Я был далек от сумрачной печали,
От злых обид и дерзостной хулы.

Я мир любил, и был любим я миром;
Тая в душе неугасимый свет,
Я в бездне бездн носился по эфирам,
С толпою звезд, за сонмищем планет.

И видел я пленительные тайны
Бессмертного, божественного сна...
Я постигал, что зло и смерть случайны,
А жизнь с добром — и вечна и сильна.

Я ликовал смущенною душою,
И жар молитв сжигал мои уста...
Была ль то песнь, рожденная мечтою,
Иль песнею рожденная мечта?..

1888

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Остывает запад розовый,
Ночь увлажнена дождем.
Пахнет почкою березовой,
Мокрым щебнем и песком.

Пронеслась гроза над рощею,
Поднялся туман с равнин.
И дрожит листвою тощею
Мрак испуганных вершин.

Спит и бредит полночь вешняя,
Робким холодом дыша.
После бурь весна безгрешнее,
Как влюбленная душа.

Вспышкой жизнь ее сказалася,
Ей любить пришла пора.
Засмеялась, разрыдалася
И умолкла до утра!..

1892

* * *

На волне колокольного звона
К нам плывет голубая весна
И на землю из божьего лона
Сыплет щедрой рукой семена.

Проходя по долине, по роще,
Ясным солнцем роняет свой взор
И лучом отогретые мощи
Одевает в зеленый убор.

Точно после болезни тяжелой,
Воскресает природа от сна,
И дарит всех улыбкой веселой
Золотая, как утро, весна.

Ах, когда б до небесного лона
Мог найти очарованный путь,—
На волне колокольного звона
В голубых небесах потонуть!..

1892

* * *

Как стучит уныло маятник,
Как темно горит свеча;
Как рука твоя дрожащая
Беспокойно горяча!

Очи ясные потуплены,
Грустно никнет голова,
И в устах твоих прощальные
Не домолвлены слова.

Под окном шумят и мечутся
Ветки кленов и берез...
Без улыбок мы встречалися
И расстанемся без слез.

Только что-то недосказано
В наших думах роковых,
Только сердцу несогретому
Жаль до боли дней былых.

Ум ли ищет оправдания,
Сердце ль памятью живет
И за смутное грядущее
Прошлых мук не отдает?

Или две души страдающих,
Озарив любовью даль,
Лучезарным упованием
Могут сделать и печаль?

1893

* * *

В ее душе разлад,
Печаль в ее мечтах;
Кому же нежный взгляд,
Улыбка на устах?

Все ждет и ждет она —
Неведомо кого;
И в час, когда грустна,—
Не знает отчего.

Вчера, когда закат,
Алея, догорал
И на больничный сад
Прозрачный саван ткал,

Как лилия бледна,
Блуждая в полусне,
Запела песнь она
В решетчатом окне.

Та песнь была не песнь,
А слезы или кровь,
Ужасна, как болезнь,
И знойна, как любовь.

1895

* * *

Пел соловей, цветы благоухали.
Зеленый май, смеясь, шумел кругом.
На небесах, как на остывшей стали
Алеет кровь,— алел закат огнем.

Он был один, он — юноша влюбленный,
Вступивший в жизнь, как в роковую дверь,
И он летел мечтою окрыленной
К ней, только к ней,— и раньше и теперь.

И мир пред ним таинственным владыкой
Лежал у ног, сиял со всех сторон,
Насыщенный весь полночью безликой
И сладкою весною напоен.

Он ждал ее, в своей разлуке скорбной,
Весь счастие, весь трепет и мечта...
А эта ночь, как сфинкс женоподобный,
Темнила взор и жгла его уста.

1897

СТАНСЫ

Мой друг, у нашего порога
Стучится бледная нужда.
Но ты не бойся, ради бога,
Ее, сподвижницы труда.

При ней звучнее песнь поэта,
И лампа поздняя моя
Горит до белого рассвета,
Как луч иного бытия.

И мир иной перед очами,
То мир восторгов и чудес,
Где плачут чистыми слезами
Во имя правды и небес.

То мир, ниспосланный от бога
Для утешенья... И тогда
Стучится слава у порога
И плачет бледная нужда!

⟨1900⟩

ПОД МУЗЫКУ ОСЕННЕГО ДОЖДЯ

Темно, темно! На улице пустынно...
Под музыку осеннего дождя
Иду во тьме... Таинственно и длинно
Путь стелется, к теплу огней ведя.

В уме моем рождаются картины
Одна другой прекрасней и светлей.
На небе тьма, а солнце жжет долины,
И солнце то взошло в душе моей!

Пустынно все, но там журчат потоки,
Где я иду незримою тропой.
Они в душе родятся, одиноки,
И сердца струн в них слышится прибой.

Не сами ль мы своим воображеньем
Жизнь создаем, к бессмертию идя,
И мир зовем волшебным сновиденьем
Под музыку осеннего дождя!..

1900

* * *

Если б счастье мое было вольным орлом,
Если б гордо он в небе парил голубом,—
Натянула б я лук свой певучей стрелой,
И живой или мертвый, а был бы он мой!

Если б счастье мое было чудным цветком,
Если б рос тот цветок на утесе крутом,—
Я достала б его, не боясь ничего,
Сорвала б и упилась дыханьем его!

Если б счастье мое было редким кольцом
И зарыто в реке под сыпучим песком,—
Я б русалкой за ним опустилась на дно,
На руке у меня заблистало б оно!

Если б счастье мое было в сердце твоем,—
День и ночь я бы жгла его тайным огнем,
Чтобы, мне без раздела навек отдано,
Только мной трепетало и билось оно!

1891

ЭЛЕГИЯ

Я умереть хочу весной,
С возвратом радостного мая,
Когда весь мир передо мной
Воскреснет вновь, благоухая.

На все, что в жизни я люблю,
Взглянув тогда с улыбкой ясной,
Я смерть свою благословлю —
И назову ее прекрасной.

1893

* * *

И ветра стон, и шепот мрачных дум...
И жить отрады нет...
А где-то — зной, и моря тихий шум,
И солнца яркий свет!

Гудит метель и множит в сердце гнет
Невыплаканных слез...
А где-то мирт, зеленый мирт растет
И кущи белых роз!

Проходит жизнь в мечтаньях об ином,
Ничтожна и пуста...
А где-то смех, и счастье бьет ключом,
И блеск, и красота.

1895

* * *

Быть грозе! Я вижу это
В трепетанье тополей,
В тяжком зное полусвета,
В душном сумраке аллей.

В мощи силы раскаленной
Скрытых облаком лучей,
В поволоке утомленной
Дорогих твоих очей.

⟨1897⟩

СПЯЩИЙ ЛЕБЕДЬ

Земная жизнь моя — звенящий,
Невнятный шорох камыша.
Им убаюкан лебедь спящий,
Моя тревожная душа.

Вдали мелькают торопливо
В исканьях жадных корабли.
Спокойно в заросли залива,
Где дышит грусть, как гнет земли.

Но звук, из трепета рожденный,
Скользнет в шуршанье камыша —
И дрогнет лебедь пробужденный,
Моя бессмертная душа.

И понесется в мир свободы,
Где вторят волнам вздохи бурь,
Где в переменчивые воды
Глядится вечная лазурь.

〈1897〉

* * *

Моя душа, как лотос чистый,
В томленье водной тишины,
Вскрывает венчик серебристый
При кротком таинстве луны.

Твоя любовь, как луч туманный,
Струит немое волшебство.
И мой цветок благоуханный
Заворожен печалью странной,
Пронизан холодом его.

〈1897〉

* * *

Я люблю тебя, как море любит солнечный восход,
Как нарцисс, к волне склоненный,— блеск и холод сонных вод.
Я люблю тебя, как звезды любят месяц золотой,
Как поэт — свое созданье, вознесенное мечтой.
Я люблю тебя, как пламя — однодневки-мотыльки,
От любви изнемогая, изнывая от тоски.
Я люблю тебя, как любит звонкий ветер камыши,
Я люблю тебя всей волей, всеми струнами души.
Я люблю тебя, как любят неразгаданные сны:
Больше солнца, больше счастья, больше жизни и весны.

1899

ЗАКЛИНАНИЕ

Ты лети, мой сон, лети,
Тронь шиповник по пути,
Отягчи кудрявый хмель,
Колыхни камыш и ель.
И, стряхнув цветенье трав
В чаши белые купав,
Брызни ласковой волной
На кувшинчик водяной.
Ты умчись в немую высь,
Рога месяца коснись,
Чуть дыша прохладой струй,
Звезды ясные задуй.
И, спустясь к отрадной мгле,
К успокоенной земле,
Тихим вздохом не шурши
В очарованной тиши.
Ты не прячься в зыбь полей,
Будь послушней, будь смелей
И, покинув гроздья ржи,
Очи властные смежи.
И в дурмане сладких грез,
Чище лилий, ярче роз,
Воскреси мой поцелуй,
Обольсти и околдуй!

1899

САЛАМАНДРЫ

Тишина. Безмолвен вечер длинный,
Но живит камин своим теплом.
За стеною вальс поет старинный,
Тихий вальс, грустящий о былом.

Предо мной на камнях раскаленных
Саламандр кружится легкий рой.
Дышит жизнь в движеньях исступленных,
Скрыта смерть их бешеной игрой.

Все они в одеждах ярко-красных
И копьем качают золотым.
Слышен хор их шепотов неясных,
Внятна песнь, беззвучная, как дым:

«Мы саламандры, блеск огня,
Мы дети призрачного дня.
Огонь — бессмертный наш родник,
Мы светим век, живем лишь миг.

Во тьме горит наш блеск живой,
Мы вьемся в пляске круговой,
Мы греем ночь, мы сеем свет,
Мы сеем свет, где солнца нет.

Красив и страшен наш приют,
Где травы алые цветут,
Где вихрь горячий тонко свит,
Где пламя синее висит.

Где вдруг нежданный метеор
Взметнет сверкающий узор
И желтых искр пурпурный ход
Завьет в бесшумный хоровод.

Мы саламандры, блеск огня,
Мы дети призрачного дня.
Смеясь, кружась, наш легкий хор
Ведет неслышный разговор.

Мы в черных угольях дрожим,
Тепло и жизнь оставим им.
Мы отблеск реющих комет,
Где мы — там свет, там ночи нет.

Мы на мгновенье созданы,
Чтоб вызвать гаснущие сны,
Чтоб камни мертвые согреть,
Плясать, сверкать — и умереть».

⟨Между 1898 и 1900⟩

НЕ УБИВАЙТЕ ГОЛУБЕЙ

Не убивайте голубей!
Их оперенье белоснежно;
Их воркование так нежно
Звучит во мгле земных скорбей,
Где все — иль тускло, иль мятежно.
Не убивайте голубей!

Не обрывайте васильков!
Не будьте алчны и ревнивы;
Свое зерно дадут вам нивы,
И хватит места для гробов.
Мы не единым хлебом живы,—
Не обрывайте васильков!

Не отрекайтесь красоты!
Она бессмертна без курений.
К чему ей слава песнопений
И ваши гимны и цветы?
Но без нее бессилен гений,—
Не отрекайтесь красоты.

⟨1903⟩

* * *

Я хочу быть любимой тобой
Не для знойного сладкого сна,
Но — чтоб связаны вечной судьбой
Были наши навек имена.

Этот мир так отравлен людьми,
Эта жизнь так скучна и темна...
О, пойми,— о, пойми,— о, пойми,
В целом свете всегда я одна.

Я не знаю, где правда, где ложь,
Я затеряна в мертвой глуши.
Что мне жизнь, если ты оттолкнешь
Этот крик наболевшей души?

Пусть другие бросают цветы
И мешают их с прахом земным,
Но не ты,— но не ты,— но не ты,
О властитель над сердцем моим!

И навеки я буду твоей,
Буду кроткой, покорной рабой,
Без упреков, без слез, без затей.
Я хочу быть любимой тобой.

⟨1904⟩

* * *

Я хочу умереть молодой,
Не любя, не грустя ни о ком;
Золотой закатиться звездой,
Облететь неувядшим цветком.
Я хочу, чтоб на камне моем
Истомленные долгой враждой
Находили блаженство вдвоем.
Я хочу умереть молодой!
Схороните меня в стороне
От докучных и шумных дорог,
Там, где верба склонилась к волне,
Где желтеет некошеный дрок.
Чтобы сонные маки цвели,
Чтобы ветер дышал надо мной
Ароматами дальней земли...
Я хочу умереть молодой!

Не смотрю я на пройденный путь,
На безумье растраченных лет:
Я могу беззаботно уснуть,
Если гимн мой последний допет.
Пусть не меркнет огонь до конца,
И останется память о той,
Что для жизни будила сердца...
Я хочу умереть молодой!

⟨1904⟩

СМЕЛО, ТОВАРИЩИ, В НОГУ...

Смело, товарищи, в ногу!
Духом окрепнув в борьбе,
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе.

Вышли мы все из народа,
Дети семьи трудовой.
«Братский союз и свобода» —
Вот наш девиз боевой!

Долго в цепях нас держали,
Долго нас голод томил,
Черные дни миновали,
Час искупленья пробил!

Время за дело приняться,
В бой поспешим поскорей,
Нашей ли рати бояться
Призрачной силы царей?

Все, чем держатся их троны,
Дело рабочей руки...
Сами набьем мы патроны,
К ружьям привинтим штыки.

Свергнем могучей рукою
Гнет роковой навсегда
И водрузим над землею
Красное знамя труда!

1897

СМЕЛЕЙ, ДРУЗЬЯ, ИДЕМ ВПЕРЕД...

Смелей, друзья, идем вперед,
Будя в сердцах живое пламя,
И наше дело не умрет,
Не сломят бури наше знамя!

Победы уж недолго ждать,
Проснулась мысль среди рабочих,
И зреет молодая рать
В немой тиши зловещей ночи.

Она созреет... И тогда,
Стряхнув, как сон, свои оковы,
Под красным знаменем труда
Проснется Русь для новой новой!

1900

ПРИМЕЧАНИЯ

Ф. ТЮТЧЕВ

Федор Иванович Тютчев (1803—1873) родился в селе Овстуг Брянского уезда Орловской губернии, в старинной дворянской семье. Первоначальное образование получил дома под руководством поэта-переводчика С. Е. Раича. С 1819 по 1821 год учился на словесном отделении Московского университета и закончил его со степенью кандидата. В 1822—1839 годах находился на дипломатической службе при русской миссии в Мюнхене, а затем в Турине. В Мюнхене завязал тесные дружеские отношения с Гейне, встречался с Шеллингом — теоретиком философского и эстетического романтизма. Большим событием в жизни Тютчева было опубликование на страницах пушкинского «Современника» двадцати четырех стихотворений. В 1844 году вернулся в Россию и поселился в Петербурге. В 1850 году в статье «Русские второстепенные поэты» о Тютчеве с горячим сочувствием отозвался Некрасов, отнеся его к «русским первостепенным поэтическим талантам». В 1858 году он был назначен председателем Комитета иностранной цензуры и занимал этот пост до самой смерти. В 1873 году поэт тяжело заболел и летом того же года скончался в Царском Селе. Похоронен Тютчев в Петербурге.

По своим политическим взглядам Тютчев был близок к славянофильству. Излюбленной его идеей стало утверждение панславизма. Тютчев считал, что Россия должна стать во главе всех славянских стран, объединенных под эгидой патриархально-христианской империи. Монархист по убеждениям, Тютчев не принимал официальную Россию, называя ее страной «канцелярии и казармы».

Первые литературные произведения Тютчева относятся к концу 10-х годов. Начиная с 1819 года Тютчев печатает свои произведения в различных альманахах и журналах. Как оригинальный поэт-философ он сложился в 20—30-е годы. Тютчев усвоил философию немецких романтиков. Тютчев не был революционером, но он глубоко презирал самодержавно-крепостническую систему, предвидя ее неизбежный крах. В этом отношении его консерватизм не был лишен черт стихийной революционности.

Тютчеву было свойственно живое и острое чувство истории. Современная ему эпоха была философски-поэтически осмыслена им как переломная, чреватая трагическими социальными катаклизмами. Тютчев не возлагал надежд на величие отдельной личности, поскольку мир, по его мнению, подчиняется стихийным законам, не зависящим от ее воли. Трагическое чувство неотвратимости катастрофы Тютчев выразил в конкретных образах природы. Неизбежность социальных потрясений, «роковых минут» истории была воплощена Тютчевым в контрастных образах дня и ночи, в «бурях» и «грозах», несущих обновление и гибель. Противоречивой двойственностью отмечена не только природа, но и мир человеческой души. Тютчев испытывает горячую любовь к жизни, он жаждет земных наслаждений и одновременно горько скорбит о потере им, «обломком старых поколений», чувства жизни. Высокая обобщенность тютчевских стихотворений «вмещается» в малую лирическую форму. Тютчев пишет о вечности, но вечность у него заключена в минуте, в мгновенности. Трагичность переломной эпохи выступает в лирике Тютчева торжественной и возвышенной. Отсюда тяготение к высокой лексике и ораторской интонации. Тютчеву свойственна свежесть и точность восприятия природы, пластичность образов. В поздней лирике усиливается внимание к конкретным деталям пейзажа. В любовной лирике поэт создает глубоко индивидуализированный образ женщины, психологически конкретно выражая сложные и противоречивые переживания человека. Лирика Тютчева отличается богатством метрики и ритмическим разнообразием.

Сочинения Ф. И. Тютчева печатаются по изданию: Ф. И. Тютчев. Лирика, тт. I и II. М., «Наука» (серия «Литературные памятники»), 1966.

Полдень (стр. 10).— *Пан* (греч. миф.) — бог долин, лесов и рощ, покровитель стад и пастухов. В полдень Пан уединялся и не любил, чтобы нарушали его покой. В час отдыха Пана засыпала вся природа, и этот час считался у греков священным.

«За нашим веком мы идем...» (стр. 12).— *Креуза* — жена троянского героя Энея. После гибели Трои последовала за Энеем, но все время отставала в пути и наконец исчезла.

Безумие (стр. 13).— Тютчев имеет в виду так называемых «водоискателей» («Sourciers») — людей, умевших находить в безводных местах подземные ключевые воды.

Цицерон (стр. 14).— Существует предположение, что стихотворение написано в связи с Июльской революцией 1830 года во Франции. *Цицерон* Марк Тулий (106—43 гг. до н. э.) — римский оратор, писатель и политический деятель. «*Я поздно встал — и на дороге // Застигнут ночью Рима был*» — Перефразировка слов Цицерона из сочинения «Брут, или Диалог о знаменитых ораторах» (96, 330): «Мне горько, что на дорогу жизни вышел я слишком поздно и что ночь республики наступила прежде, чем успел я завершить свой путь». *С Капитолийской высоты* — то есть с одного из семи холмов (Капитолийского холма), на которых расположен Рим. Находится в самом

центре города, в древности — неприступная крепость, где помещалось величайшее святилище римлян — храм Юпитера Капитолийского (Капитолий).

«Через ливонские я проезжал поля...» (стр. 14).— *...сыны ее... //Лобзали рыцарскую шпору.*— Тютчев имеет в виду период, когда Ливония находилась под властью немецкого духовно-рыцарского ордена (Ливонского), то есть с 1237 по 1561 год. *Пустынная река* — Западная Двина.

Mal'aria (стр. 16).— Навеяно описанием окрестностей Рима в романе г-жи де Сталь «Коринна, или Италия».

«На древе человечества высоком...» (стр. 18).— Стихотворение вызвано смертью Гете 22 марта 1832 года. Оно перекликается со стихотворением Баратынского «На смерть Гете». В обоих стихотворениях образ Гете романтизирован.

Сон на море (стр. 18).— *В лучах огневицы развил он свой мир...*— Огневица (слав.) — горячка, лихорадка; здесь, очевидно,— заря. *Лавиринфы* (устар.) — лабиринты.

«Я помню время золотое...» (стр. 19).— Обращено к баронессе Амалии Максимилиановне Крюденер, урожденной графине фон Лерхенфельд (1808—1888), с которой Тютчев познакомился в 1820 году в Баварии. Через посредство Крюденеров Тютчев переслал кн. И. С. Гагарину в Петербург рукописи своих стихотворений, напечатанных затем в пушкинском «Современнике». Увлечение А. М. Лерхенфельд оставило заметный след в памяти Тютчева: ей же посвящено одно из поздних стихотворений «Я встретил вас — и все былое...». В статье «Русские второстепенные поэты» Некрасов писал, что «от такого стихотворения не отказался бы и Пушкин» и что оно «принадлежит к лучшим произведениям» Тютчева, «да и вообще всей русской поэзии» (Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. 9, с. 242).

«Нет, моего к тебе пристрастья...» (стр. 25).— *Набрести на свежий дух синели.*— Синель (устар.) — сирень.

«Не то, что мните вы, природа...» (стр. 28).— Вторая и четвертая строфы были исключены цензурой при первой публикации стихотворения в журнале А. С. Пушкина, который настоял на замене вымаранных стихов точками, несмотря на возражения цензора А. Л. Крылова, писавшего Пушкину о непозволительности «отмечать точками цензурные исключения...». Пропущенные строфы до нас не дошли. Сам Тютчев, к которому обратился его родственник Н. В. Сушков с просьбой вспомнить недостающие стихи, не мог восстановить их в своей памяти.

29-ое января 1837 (стр. 30).— Вызвано трагической гибелью А. С. Пушкина. Написано, очевидно, не 29 января 1837 года, когда Тютчев находился в Мюнхене, а через несколько месяцев, в Петербурге (в мае — июле 1837 г.).

Весна (стр. 30).— *Благоухающие слезы//Не о былом Аврора льет.*— Аврора (римск. миф.) — богиня утренней зари; ее благоухающие слезы — роса.

Д е н ь и н о ч ь (стр. 32).— Согласно библейской легенде, бог, сотворив мир, покрытый мглой, сказал: «Да будет свет огневой, все обнаруживающий». У Тютчева этот образ переосмыслен: день с его светом — покров над хаосом и безднами ночи.

К о л у м б (стр. 32).— Стихотворение представляет собой вариацию на тему заключительных строк стихотворения Шиллера «Колумб» («Columbus»).

М о р е и у т е с (стр. 33).— Стихотворение является откликом Тютчева на революционные события в Европе 1848 года. Море символизирует революционный Запад, утес — самодержавную Россию.

«Е щ е т о м л ю с ь т о с к о й ж е л а н и й...» (стр. 34).— Посвящено памяти Эмилии Элеоноры Тютчевой, первой жены поэта, умершей в Турине. Смерть жены потрясла поэта; по свидетельству очевидцев, он в одну ночь поседел от горя.

«И т а к, о п я т ь у в и д е л с я я с в а м и...» (стр. 35).— Стихотворение написано во второй приезд Тютчева в свое родное село Овстуг летом 1849 года. В последней строфе Тютчев вспоминает о Германии, где прошли его молодые годы. Последние две строки связаны с воспоминанием о первой жене, умершей и похороненной за границей.

«В н о в ь т в о и я в и ж у о ч и...» (стр. 36).— *Киммерийской грустной ночи...*— Киммерия—сказочная страна на реке Океане, «печальная область» вечного мира, «безотрадной ночи», куда не проникают лучи солнца, упоминаемая в «Одиссее» Гомера. *Край иной* — Италия.

«С л е з ы л ю д с к и е, о с л е з ы л ю д с к и е...» (стр. 37).— И. С. Аксаков в «Биографии Ф. И. Тютчева» рассказал о моменте создания стихотворения: «...однажды, в осенний дождливый вечер, возвратясь домой на извозчичьих дрожках, почти весь промокший, он (Тютчев.— *В. К.*) сказал встретившей его дочери: «J'ai fait quelques rimes»[1]—и, пока его раздевали, продиктовал ей следующее прелестное стихотворение: «Слезы людские, о слезы людские...» Здесь почти нагляден для нас тот истинно поэтический процесс, которым внешнее ощущение капель частого осеннего дождя, лившего на поэта, пройдя сквозь его душу, претворяется в ощущение слез и облекается в звуки, которые, сколько словами, столько же самою музыкальностью своею, воспроизводят в нас и впечатление дождливой осени, и образ плачущего людского горя... И все это в шести строчках!» (М., 1886, с. 84—85).

Р у с с к о й ж е н щ и н е (стр. 38).— Н. А. Добролюбов, процитировав стихотворение в статье «Когда же придет настоящий день?» (1860), осмыслил его «как безнадежно-печальные, раздирающие душу предвещания поэта, так постоянно и беспощадно оправдывающиеся над самыми лучшими, избранными натурами в России» (Н. А. Д о б р о л ю б о в. Собр. соч. в 9-ти томах, т. 6. М.— Л., Гослитиздат, 1963, с. 137).

«К а к н и д ы ш и т п о л д е н ь з н о й н ы й...» (стр. 40).— Сти-

[1] Я сочинил несколько стихов *(франц.)*.

хотворением открывается знаменитый «денисьевский» цикл. *Тайной страстью занята...*—Подразумевается чувство поэта к Елене Александровне Денисьевой (1826—1864), с которой поэт встретился в июле 1850 года.

Д в а г о л о с а (стр. 41).— Одно из самых любимых стихотворений А. А. Блока, который хотел взять его в качестве эпиграфа к драме «Роза и Крест». В «Дневнике» (запись от 3 декабря 1911 г.) читаем: «В стихотворении Тютчева — эллинское, дохристово чувство Рока, трагическое» (А. А. Блок. Собр. соч. в 8-ми томах, т. 7. М.—Л., 1963, с. 99).

«С м о т р и, к а к н а р е ч н о м п р о с т о р е...» (стр. 42).— *Мета* (устар.) — цель.

«О, к а к у б и й с т в е н н о м ы л ю б и м...» (стр. 42).— Обращено к Е. А. Денисьевой.

«В р а з л у к е е с т ь в ы с о к о е з н а ч е н ь е...» (стр. 45).— Обращено ко второй жене поэта, Эрнестине Федоровне Тютчевой (1810—1894), в письме к ней от 6 августа 1851 года. В письме (подлинник на французском языке) стихотворению предшествовало: «Чувствую, что письма мои самые пошло-грустные. Они ничего не сообщают и несколько напоминают покрытые мелом оконные стекла, сквозь которые ничего не видать, а которые существуют лишь для того, чтобы свидетельствовать о разлуке и отсутствии. Вот в чем несчастье быть до такой степени безличным... Это-то и препятствует мне относиться к самому себе достаточно серьезно, чтобы интересоваться мелочами своего существования, коль скоро твое ему не сопутствует. А потому единственное мало-мальски сильное чувство, которое я испытываю,— это чувство глухого возмущения тем, что я не могу покинуть самого себя, будучи покинутым тобою...» Далее следует стихотворение, а после него слова: «Вот плохие вирши, выражающие нечто еще того хуже» (Ф. И. Тютчев. Полн. собр. стихотворений. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1957, с. 359).

П р е д о п р е д е л е н и е (стр. 46).— Навеяно любовью к Е. А. Денисьевой.

«О, н е т р е в о ж ь м е н я у к о р о й с п р а в е д л и в о й!..» (стр. 46).— Посвящено Е. А. Денисьевой.

«Ч е м у м о л и л а с ь т ы с л ю б о в ь ю...» (стр. 47).— Посвящено Е. А. Денисьевой.

«С и я е т с о л н ц е, в о д ы б л е щ у т...» (стр. 48).— В последней строфе содержится обращение к Е. А. Денисьевой.

П о с л е д н я я л ю б о в ь (стр. 49).— Связано с любовью поэта к Е. А. Денисьевой.

«Т а к, в ж и з н и е с т ь м г н о в е н и я...» (стр. 49).—Навеяно любовью к Е. А. Денисьевой.

«Э т и б е д н ы е с е л е н ь я...» (стр. 50).— И. С. Аксаков обратил внимание на связь стихотворения с Крымской войной (1853—1856 гг.).

«Н е б о г у т ы с л у ж и л и н е Р о с с и и...» (стр. 50).— Написано на смерть Николая I, последовавшую 18 февраля 1855 года.

«Над этой темною толпой...» (стр. 51).— Непосредственным поводом создания стихотворения послужил церковный праздник Успенья (в изд. 1868 г. стихотворение озаглавлено «Народный праздник»), на котором Тютчев присутствовал летом 1857 года в Овстуге. Стихотворение отражает раздумья Тютчева над предстоящей крестьянской реформой. По мнению Тютчева, крепостной гнет грозит смениться еще более деспотическим произволом.

«Она сидела на полу...» (стр. 52).— Предполагается, что в стихотворении имеется в виду вторая жена поэта, Эрнестина Федоровна Тютчева, уничтожившая часть своей семейной переписки.

«Иным достался от природы...» (стр. 53).— Обращено к А. А. Фету и написано в ответ на стихотворное послание «Мой обожаемый поэт...», в котором содержалась просьба о присылке портрета. А. А. Фет был большим поклонником лирики Тютчева. Фет посвятил Тютчеву, кроме упомянутого стихотворения, еще два: «Прошла весна, темнеет лес...» и «Нетленностью божественной одеты...». После смерти Тютчева он написал известные стихи «На книжке стихотворений Тютчева» (см. с. 237 наст. изд.). В 1859 году Фет опубликовал восторженную статью «О стихотворениях Ф. Тютчева». *Они им чуют, слышат воды...*— Речь идет, как и в стихотворении «Безумие», о «водоискателях». *Великой Матерью любимый...*— Великая Мать — сущность, душа, творческая сила природы.

«Утихла биза... Легче дышит...» (стр. 54).— Посвящено памяти Е. А. Денисьевой, смерть которой Тютчев тяжело переживал. *Биза* — местное название северного ветра, дующего на Женевском озере. *Белая гора* — дословный перевод с французского названия Montblanc (Монблан). *Одной могилой меньше было.*— Имеется в виду могила Е. А. Денисьевой на Волковом кладбище в Петербурге.

«О, этот юг, о, эта Ницца!..» (стр. 55).— Написано по поводу смерти Е. А. Денисьевой и отражает подавленное состояние Тютчева.

«Весь день она лежала в забытьи...» (стр. 55).— Посвящено воспоминаниям о последних часах жизни Е. А. Денисьевой.

«Певучесть есть в морских волнах...» (стр. 56).— При первой публикации стихотворение состояло из четырех строф. Четвертая строфа:

И от земли до крайних звезд
Все безответен и поныне
Глас вопиющего в пустыне,
Души отчаянной протест?

Высказано предположение, что Тютчев согласился с мнением И. С. Аксакова, который писал А. Ф. Тютчевой: «В «Русском вестнике», в последней книжке, напечатаны стихи Федора Ивановича. Прекрасные стихи, полные мысли, не нравится мне в них одно слово, иностранное: протест». Эпиграф взят из римского поэта Авсония (309—394). *Мыслящий тростник* — образ, восходящий к известному афоризму Паскаля из его «Мыслей»: «Че-

ловек не более как самая слабая тростинка в природе, но эта тростинка мыслящая».

Другу моему Я. П. Полонскому (стр. 56).— Я. П. Полонский был сослуживцем Тютчева по Комитету иностранной цензуры и находился в дружеских отношениях с Тютчевым и его семьей. Стихотворение представляет собой ответ на послание Полонского «Ф. И. Тютчеву» («Ночной костер зимой у перелеска...»).

«Молчит сомнительно Восток...» (стр. 57).— В стихотворении в аллегорической форме выражены характерные для Тютчева мысли о политическом и национальном возрождении восточных славян. «Здесь под образом восходящего солнца,— писал И. С. Аксаков в «Биографии Ф. И. Тютчева»,— подразумевается пробуждение Востока...» (М., 1886, с. 118).

«Как ни тяжел последний час...» (стр. 58).— Дочь П. И. Капниста, сослуживца Тютчева по цензурному ведомству, публикуя стихотворение, предпослала ему следующие строки: «...14 октября 1867 г. произошло заседание совета Главного Управления по делам печати, на котором присутствовал поэт Ф. И. Тютчев, бывший тогда одним из членов совета. От внимания Капниста не ушло, что Тютчев во время заседания был весьма рассеян и что-то рисовал или писал карандашом на листе бумаги, лежавшей перед ним на столе. После заседания он ушел в раздумии, оставив бумагу. Капнист бросил на нее взгляд и заметил, что вместо канцелярских дел там написано несколько стихов. Он, конечно, взял и сохранил на память о любимом им поэте следующие строки» («Соч. графа П. И. Капниста», т. I. М., 1901, с. CXXXIII).

«Опять стою я над Невой...» (стр. 59).— Стихотворение навеяно воспоминаниями об Е. А. Денисьевой.

К. Б. («Я встретил вас — и все былое...») (стр. 60).— По свидетельству Я. П. Полонского, обращено к Амалии Максимилиановне Крюденер (см. с. 647 наст. изд.). Инициалы в заглавии — сокращение переставленных слов «Баронессе Крюденер». *Я вспомнил время золотое...*— Намек на стихотворение «Я помню время золотое...» (см. с. 19 наст. изд.), также посвященное А. М. Крюденер.

«От жизни той, что бушевала здесь...» (стр. 60).— Стихотворение навеяно мыслями Тютчева от посещения села Вщиж Брянского уезда Орловской губернии, вокруг которого сохранились древние курганы. *От жизни той, что бушевала здесь,//От крови той, что здесь рекой лилась...*—Тютчев имеет в виду кровавые предания, связанные с историей Вщижского княжества в период удельных междоусобиц.

К. ПАВЛОВА

Каролина Карловна Павлова (1807—1893) родилась в Ярославле, в семье профессора Медико-хирургической академии К. И. Яниша, немца по происхождению. В Москве, куда переехала семья в 1808 году, получила прекрасное домашнее образование, с детства владела несколькими

иностранными языками и с успехом занималась впоследствии переводческой деятельностью. Юная Каролина Яниш была частой посетительницей литературных салонов сначала А. П. Елагиной, а затем знаменитого салона З. Н. Волконской, где познакомилась с Жуковским, Вяземским, Чаадаевым, Баратынским, Дельвигом, Языковым, Герценом, Огаревым и другими. Большим событием в жизни Каролины Яниш была встреча с Адамом Мицкевичем, которого она страстно полюбила. Их брак не состоялся из-за препятствий со стороны родных Яниш. В 1837 году Каролина Яниш получила большое наследство и тогда же вышла замуж за писателя Н. Ф. Павлова. Салон Павловых стал известен всей литературной Москве. В нем любили бывать Вяземский, Баратынский, Белинский, Лермонтов, Гоголь, Аксаков, Герцен, Огарев, Грановский и молодые литераторы — Тургенев, Фет, Мей и другие. В 1853 году, разведясь с мужем, она уехала из Москвы и жила сначала в Дерпте, а затем в Петербурге. В 1858 году поселилась в Дрездене. О последних годах жизни поэтессы известно немного: доходили слухи о ее чрезвычайно стесненном материальном положении, о полуголодном существовании. Умерла Павлова в небольшом местечке Хлостервиц (близ Дрездена).

Первые произведения Павловой — переводы на немецкий язык современных ей поэтов старшего поколения — Пушкина, Баратынского, Жуковского, Языкова и других. Русские стихотворения появились в начале 30-х годов, но регулярно печаталась Павлова с 1839 года.

Начиная с 40-х и примерно до середины 50-х годов центральными мотивами стихотворений Павловой становятся раздумья о смысле жизни и о роли поэзии, искусства вообще в судьбе человека. Творчество Павловой в эти годы носит по преимуществу лирический характер, а главными жанрами становятся элегия и дума, темы которых достаточно широки и многообразны.

В конце 40-х и в начале 50-х годов Павлова обращается к большим историческим темам («Разговор в Трианоне», «Разговор в Кремле»).

Стихотворения К. К. Павловой печатаются по тексту издания: К а р о л и н а П а в л о в а. Полн. собр. стихотворений. М.— Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1964.

М о т ы л е к (стр. 63).— Программное стихотворение К. Павловой, сурово осужденное демократической критикой. Литературными источниками послужили стихотворения Жуковского «Мотылек и цветы» и В. Гюго «Мотылек и розы».

Н. М. Я з ы к о в у (стр. 63).— Написано в ответ на стихотворное обращение Н. М. Языкова «К К. К. Павловой» («Забыли вы меня...»).

1 0 н о я б р я 1 8 4 0 (стр. 64).— Стихотворение обращено к А. Мицкевичу. *Оный час.*— 10 ноября 1827 года А. Мицкевич сделал предложение К. Яниш и получил ее согласие.

Д у м а («Когда в раздор с самим собою...») (стр. 65).— В стихотворении отразились воспоминания об А. Мицкевиче.

«Преподаватель христианский...» (стр. 66).— Эпиграмма, по всей видимости, направлена против С. П. Шевырева, в характере которого современники замечали черты завистливости и ханжества.

Думы (стр. 66).— Стихотворение навеяно воспоминаниями о Н. М. Языкове и Е. А. Баратынском, которым К. Павлова писала послания из подмосковного дачного места Гиреева. В последних строках речь идет о рано ушедших из жизни Пушкине, Лермонтове, Языкове и Баратынском.

«Среди событий ежечасных...» (стр. 67).— Стихотворение вызвано революцией во Франции в феврале 1848 года. *Ужель встает немая тень?* — Речь идет об А. Мицкевиче, который находился в 1848 году в Париже. *Как в тот весенний, грустный день?*— Весной 1829 года А. Мицкевич предложил К. Яниш дружбу вместо любви; браку воспрепятствовали родители Яниш, да и страсть Мицкевича заметно остыла.

Серенада (стр. 68).— Вольное переложение стихотворения Гете «Nachtgesang» («Ночная песня») с добавлением двух оригинальных строф.

«Не раз в душе познавши смело...» (стр. 69).— Стихотворение связано с переживаниями К. Павловой, вызванными конфликтом с мужем.

«Ты, уцелевший в сердце нищем...» (стр. 70).— Эпиграф взят из стихотворения А. Мюссе (1810—1857) «La nuit d'août» («Августовская ночь»).

К*** («Когда шучу я наудачу...») (стр. 70).— Стихотворение посвящено Б. И. Утину (1832—1872), в будущем известному юристу, с которым К. Павлова познакомилась в Дерпте. Утин учился в 1850—1854 годах в Дерптском университете. Любовь к Утину отразилась в одиннадцати стихотворениях Павловой.

«О былом, о погибшем, о старом...» (стр. 71).— Стихотворение вызвано печальными раздумьями об охлаждении Утина и обострившимися отношениями с сыном.

«Прошло сполна все то, что было...» (стр. 72).— Стихотворение связано с любовью к Утину.

«Снова над бездной, опять на просторе...» (стр. 72).— Стихотворение входит в цикл «Фантасмагории», в котором отразились впечатления Павловой от путешествия по Европе.

«Умолк шум улиц,— поздно...» (стр. 73).— Стихотворение входит в цикл «Фантасмагории». *Та повесть без развязки!* — Вероятно, подразумеваются отношения с Утиным.

Е. ГРЕБЕНКА

Евгений Павлович Гребенка (1812—1848) родился в Полтавской губернии, в семье небогатого украинского помещика. В 1831 году окончил Нежинскую гимназию. В том же году переехал в Петербург, где занимался преподавательской деятельностью.

Первые печатные выступления Гребенки относятся к 1831 году. В 1834 году Гребенка выпустил «Малороссийские песни», принесшие ему известность. В 1836 году появился полный вольный перевод поэмы Пушкина «Полтава» с посвящением автору, который вскоре познакомился с молодым литератором и оказал ему дружескую поддержку. В 1837 году Гребенка выступил как прозаик, подражавший в своих рассказах Гоголю. Лучшие прозаические произведения Гребенки написаны в духе натуральной школы.

Как поэт Гребенка принадлежал к романтическому направлению. Поэтическая манера Гребенки явно ориентирована на фольклор.

«Песня» Е. П. Гребенки печатается по тексту издания: «Поэты 1840—1850-х годов». Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1972.

И. МЯТЛЕВ

Иван Петрович Мятлев (1796—1844) родился в родовитой и богатой дворянской семье. В 1813—1814 годах участвовал в заграничном походе русских войск против Франции. После окончания кампании Мятлев вышел в отставку. В 1821—1836 годах он служил чиновником по министерству финансов. До 1839 года Мятлев жил за границей — в Италии, Франции, Швейцарии, а последние пять лет провел в Петербурге, где и умер.

Первые произведения Мятлева — элегии, медитации, романсы. Включенные в два сборника 1834 и 1835 годов, они были холодно встречены критикой и на деле ничем не выделялись среди обычной эпигонской поэзии. Литературная известность пришла к Мятлеву позднее, в начале 40-х годов, когда он обратился к юмористическому жанру. В 1840 году в Петербурге появилась первая часть «Сенсаций и замечаний госпожи Курдюковой за границею—дан л'этранже» (в оригинале год и место издания мистифицированы — Тамбов, 1841). В 1843 и 1844 годах вышли вторая и третья части «Сенсаций...». Задуманный и осуществленный замысел юмористического романа в стихах был нов и необычен. Комическая форма макаронических (то есть шуточных или сатирических стихов, пересыпанных иностранными словами или словами, составленными по образцу иностранных) стихов удачно согласовалась с образом невежественной барыньки, не владевшей ни родным, ни иностранным языком, но пытавшейся изъясняться на этих языках с простодушной непосредственностью. Мятлев воскресил легкие жанры, характерные для «арзамасцев», и был в этом отношении предшественником Козьмы Пруткова и поэтов «Искры».

Сочинения И. П. Мятлева печатаются по тексту издания: И. П. Мятлев. Стихотворения. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1969.

Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею... *Глава первая.* Отъезд (стр. 78).— *Но на Бердовой машине...*— Имеется в виду пароход, курсировавший между Петербургом

и Кронштадтом; регулярные рейсы были введены в 1815 году владельцем корабельной верфи англичанином Чарльзом Бердом. *Капитан Кук* — Джеймс Кук (1728—1779), знаменитый путешественник, написавший несколько книг о своих плаваниях вокруг света и к Южному полюсу. *Те боскеты...*— Маленькие рощи, небольшие группы деревьев. *В креслах Гамбсова изделья...*— Английский мастер Гамбс славился производством красивой и удобной мебели. *Цампа, что ли, Альмавива...*— Цампа — герой оперы французского композитора Герольда «Цампа, или Мраморная невеста»; Альмавива — персонаж оперы Россини «Севильский цирюльник». *Карамзин //Сочинил роман один...*— Имеется в виду повесть Н. М. Карамзина «Остров Борнгольм» (1793), один из героев которого поет песню «Законы осуждают...». *И уж берег Травемюнда...* — Имеется в виду немецкий город и гавань в устье реки Траве, впадающей в Балтийское море.

Э. ГУБЕР

Эдуард Иванович Губер (1814—1847) — поэт и переводчик. Родился в Саратовской губернии, в семье бедного пастора лютеранской церкви, выходца из Германии. Окончил Институт корпуса путей сообщения в 1834 году в чине прапорщика. До 1839 года он служил военным инженером и получил отставку в чине капитана. В Петербурге Губер продолжил работу над переводом «Фауста» Гете, начатую еще в институте. Пушкин, с которым Губер познакомился, оказал ему моральную поддержку и просматривал перевод, который впоследствии был опубликован и посвящен памяти Пушкина. В последующие годы служил, но вышел в отставку. Нужда стала постоянным спутником поэта в течение последних пяти лет его жизни. Здоровье Губера было подорвано непосильной работой, и он скончался в Петербурге от тяжелого сердечного приступа.

Губер всецело принадлежит к романтическому направлению. Некоторые его произведения («Новгород», «Прометей») продолжали в новых условиях традиции вольнолюбивой околодекабристской и декабристской поэзии.

Стихотворение Э. И. Губера «Новгород» печатается по тексту издания: «Поэты 1840—1850-х годов». Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1972.

Е. РОСТОПЧИНА

Евдокия Петровна Ростопчина (1811—1858) родилась в Москве, в семье чиновника. Первое стихотворение («Талисман») было напечатано Вяземским в «Северных цветах на 1831 год». О нем сочувственно отозвались Жуковский и Пушкин. В 1833 году по настоянию родственников вышла замуж за графа Ростопчина. В петербургском доме Ростопчиных часто бывали Пушкин, Жуковский, Вяземский, В. Одоевский, Гоголь, Григорович и другие литераторы, а впоследствии — Лермонтов. Музыкальные вечера, устраиваемые Ростопчиной, посещали Глинка, Лист, Виардо и другие

музыканты, композиторы и певцы. В 1847 году поэтесса сблизилась со славянофилами. Однако к середине 50-х годов разочаровалась в славянофильской доктрине и стремилась занять среднюю позицию между славянофилами и западниками, выступая против демократов. Умерла в Москве.

В историю русской поэзии Ростопчина вошла прежде всего своими стихотворениями, посвященными общественной тематике. Но современниками она была первоначально воспринята как представительница женской лирики, развивавшая мотивы любви, нежной, чувствительной, легко ранимой или тревожной, затаенной, погибающей в светском кругу.

Стихотворения Е. П. Ростопчиной печатаются по тексту издания: «Поэты 1840—1850-х годов». М.— Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Малая серия), 1962.

К с т р а д а л ь ц а м (стр. 91).— Стихотворение посвящено ссыльным декабристам. Стихотворению предпослан эпиграф из поэмы Рылеева «Наливайко». *Быть может, вам не век в плену, в горах ужасных...*— Имеются в виду горы Кавказа, где в войсках служили разжалованные в солдаты декабристы. *России, вспрянувшей от рабственного сна...*— Перефразировка пушкинского стиха из послания «К Чаадаеву»: «Россия вспрянет ото сна».

Н а с и л ь н ы й б р а к (стр. 92).— В стихотворении аллегорически представлены Николай I (Старый барон) и Польша (жена). Баллада вызвала большой общественный резонанс. А. И. Герцен перепечатал в 1856 году стихотворение в «Полярной звезде» со следующим примечанием: «Это стихотворение было напечатано; цензура не догадалась сначала, что «Насильственный брак» превосходно представил Николая I и Польшу, потом спохватилась, и «Старый барон» выслал из Петербурга известного автора их» (А. И. Г е р ц е н, Собр. соч., т. 12. М., Изд-во АН СССР, 1957, с. 457). По свидетельству поэта Н. В. Берга, мысль о напечатании стихотворения в русской прессе подал Ростопчиной Н. В. Гоголь, которому поэтесса прочитала балладу в Италии. По распоряжению Николая I Ростопчина была удалена из Петербурга. *Я знаю — перед целым светом//Она клянет мой кров и щит...*— Польская революционная эмиграция и французская пресса с негодованием писали о свирепой расправе царя с Польшей и неустанно требовали политической самостоятельности для страны. *Вздувает огнь междоусобья...*— Имеется в виду польское восстание 1830—1831 годов, жестоко подавленное царизмом. *Враги мои на нас глядят...*— Речь идет о французском парламенте и прессе, поднявших шум в связи с обострением польско-русских отношений и выступавших на стороне Польши. *Он говорить мне запрещает//На языке моем родном...*— С 1837 года делопроизводство административных органов в Польше стало вестись на русском языке, а в средних учебных заведениях было введено преподавание на русском языке. *Знаменоваться мне мешает//Моим наследственным гербом...*— Польский государственный герб был упразднен и включен в общий герб Российской империи.

И. ТУРГЕНЕВ

Иван Сергеевич Тургенев (1818—1883) родился в Орле, в старинной и довольно богатой дворянской семье. Первоначальное образование и воспитание получил дома под руководством гувернеров-иностранцев, а затем обучался в частном пансионе в Москве. По выходе из пансиона стал готовиться к вступительным экзаменам в Московский университет и поступил в него в 1833 году. На следующий год был переведен отцом в Петербургский университет, который окончил в 1837 году со степенью кандидата. С 1838 по 1841 год продолжал образование в Берлинском университете. Затем вернулся в Россию и решил заняться научной деятельностью. В 1842 году сдал экзамены на степень магистра философии и определился на службу в канцелярию министра внутренних дел, но вскоре вышел в отставку и целиком отдался литературному творчеству. С середины 50-х годов жил за границей, но почти ежегодно приезжал в Россию. Умер Тургенев в небольшом местечке Буживаль близ Парижа.

Творческий путь Тургенева, автора многочисленных романов, повестей и драм, пользующихся мировой славой, начался с поэтических произведений. Первые печатные стихотворения относятся к 1838 году. За исключением нескольких стихотворений, все основные поэтические произведения Тургенева созданы в 1837—1847 годах. Поэтическое творчество Тургенева подготовило и определило его постепенный переход на реалистические позиции. Ранний Тургенев создает романтические поэмы и стихотворения, не отличавшиеся оригинальностью. Лишь в начале 40-х годов намечается некоторый сдвиг в творческой манере поэта. Тургенев создает цикл любовных стихотворений, в целом еще романтических, но проникнутых уже реалистическими тенденциями. Наибольшее значение приобретают для творческого роста Тургенева пейзажные стихотворения. Поэт создает лирический пейзаж, в котором картины природы тесно переплетены с настроениями лирического героя. Точные и конкретные зарисовки, тонкое совмещение живописных деталей со слуховыми и эмоциональными ощущениями природы — все это придавало пейзажной лирике реалистический характер. Зоркость живописца, колористичность поэтического рисунка в сочетании с широтой гуманистического взгляда делают пейзажные стихотворения Тургенева новым этапом не только в его творчестве, но и в развитии русской реалистической лирики. Продолжением этих реалистических завоеваний были «Записки охотника», с которыми пейзажная лирика непосредственно связана и которым она, несомненно, предшествует.

Кроме лирических стихотворений, Тургенев писал также поэмы, в целом положительно оцененные современной ему критикой.

Стихотворения И. С. Тургенева печатаются по изданию: И. С. Тургенев. Полн. собр. соч. и писем в 28-ми томах. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1960—1968.

Б а л л а д а (стр. 95).— В качестве песни вошла в народный репертуар и послужила текстом для романса А. Г. Рубинштейна.

В е с е н н и й в е ч е р (стр. 96).— Стихотворение положено на музыку А. Г. Рубинштейном.

(В д о р о г е) (стр. 97).— Третье стихотворение из цикла «Вариации».

«К ч е м у т в е р ж у я с т и х у н ы л ы й...» (стр. 98).— Высказано предположение, что относится к Полине Виардо. Тургенев познакомился с нею 1 ноября 1843 года.

«Л ю б л ю я в е ч е р о м к д е р е в н е п о д ъ е з ж а т ь...» (стр. 99).— Первое стихотворение из цикла «Деревня». В цикл вошло всего девять стихотворений.

К р о́ к е т в В и н д з о р е (стр. 100).— Стихотворение написано в один из напряженнейших моментов русско-турецких дипломатических отношений, вызванных подавлением национально-освободительного восстания в Болгарии против турецкого ига. Россия не могла равнодушно следить за тем, как Турция свирепо расправляется с братской славянской страной. Однако Англия проводила политику невмешательства, сдерживая Россию и попустительствуя Турции. Цензура запретила печатать стихотворение, но оно разошлось в многочисленных списках. «*Таймс*» — английская газета консервативного направления. Основана в 1785 году.

Н. О Г А Р Е В

Н и к о л а й П л а т о н о в и ч О г а р е в (1813—1877) — поэт и публицист. Родился в семье богатого пензенского помещика. Учился в Московском университете (1829—1833 гг.). В середине 20-х годов сблизился с А. И. Герценом, и это положило начало их долголетней дружбе и совместной деятельности. С 1833 года за Огаревым был учрежден секретный полицейский надзор, а в 1834 году он был арестован по делу «О лицах, певших пасквильные куплеты» и после восьми месяцев тюремного заключения был выслан в Пензенскую губернию. В 1839 году ему разрешили жить в Москве. Тогда же Огарев отпустил на волю своих крепостных. С осени 1846 года жил в Пензенской губернии, занимаясь организацией фабрик для крестьян. В 1850 году он снова был арестован, а затем находился под полицейским надзором. В 1856 году эмигрировал в Лондон, где вместе с Герценом руководил «Вольной русской типографией», издавал газету «Колокол» и сотрудничал в «Полярной звезде». Огарев был неутомимым пропагандистом революционных идей, участником «Земли и воли». В 1865 году Огарев переехал в Женеву и направлял отсюда деятельность перенесенной из Лондона «Вольной русской типографии». В 1874 году он снова возвратился в Лондон. После смерти Герцена (1870 г.) он жил в нищете и одиночестве. Умер Огарев в небольшом английском городке Гринвиче.

По своим общественно-политическим взглядам был революционным демократом, решительным противником самодержавного строя и крепостни-

чества, суровым обличителем либерального дворянства. Как поэт Огарев сложился в первой половине 40-х годов, хотя начало его творческого пути относится к 30-м годам XIX века. Огарев ощущал себя наследником декабристской поэзии. В поэзии Огарева отразились переживания лучших людей России, обреченных на страдания и внутренние сомнения вследствие разобщенности с народом. Отсюда в ранней лирике возникают ноты протеста и отчаяния, надежд и разочарований. Основным жанром его лирики становится лирический монолог, близкий к элегии, медитации и посланию. Непосредственное участие в революционной борьбе вскоре расширяет диапазон лирики Огарева. Поэт обращается к воспроизведению крестьянского быта, к точным зарисовкам внутреннего мира и окружения крепостных людей. В стихотворениях Огарева нашли выражение мучительные поиски передовым дворянским интеллигентом новой идеологии, новых путей, ведущих к социально-политическому обновлению страны.

В годы эмиграции усиливается агитационно-пропагандистское начало в поэзии Огарева. Поэт пишет также много стихотворений, стилизованных в народном духе.

Сочинения Н. П. Огарева печатаются по тексту издания: Н. П. О г а р е в. Стихотворения и поэмы. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1956.

С т а р ы й д о м (стр. 102).— В стихотворении говорится о доме И. А. Яковлева, где прошло детство А. Герцена и первые годы дружеского общения его с Огаревым. Дом этот находился в Москве, в Б. Власьевском переулке.

Д р у з ь я м (стр. 104).— Этим обращением Огарев открыл первый сборник своих стихотворений.

К а б а к (стр. 106).— Положено на музыку А. А. Алябьевым.

«К п о д ъ е з д у!—С и л ь н о з а з в о н о к...» (стр. 108).—Посвящено М. Наумовой, дальней родственнице поэта, в которую он был влюблен.

М о н о л о г и (стр. 110).— В «Монологах» отразились типичные переживания передовых людей 40-х годов. На это указал Н. Г. Чернышевский: «Лицо, чувства и мысли которого вы узнаете из поэзии г. Огарева, лицо типическое... оно обрисовано перед вами сполна в прекрасной пьесе «Монологи» (Н. Г. Ч е р н ы ш е в с к и й. Полн. собр. соч., т. III. М., 1947, с. 565). Образ «Чаши жизни» в третьем стихотворении цикла восходит к стихотворению Лермонтова «Чаша жизни».

И с к а н д е р у («Я ехал по полю пустому...») (стр. 113).— В 1846 году возникли философские разногласия между Герценом, Огаревым — с одной стороны, и Т. Н. Грановским (1813—1855) — с другой. Этот факт отразился в стихотворении.

У п о в а н и е. Г о д 1 8 4 8 (стр. 114).— Стихотворение написано в связи с известиями, полученными Огаревым от Герцена и А. А. Тучкова, отца второй жены Огарева, о революционных событиях в Германии и в Ита-

лии в 1848 году. Эпиграф имеет в виду холерную эпидемию 1847—1848 годов.

Арестант (стр. 116).— Огарев написал стихотворение, когда был арестован и находился в III Отделении. Как песня вошло в солдатский народный репертуар.

К Н. <А. Тучковой> (стр. 117).—Посвящено Наталье Алексеевне Тучковой, которая в 1853 году стала второй женой Огарева.

Предисловие к «Колоколу» (стр. 118).— Стихотворением открылся первый номер газеты «Колокол». *Тупоумный капрал* — Николай I. *Глас вопиющего в пустыне//Один раздался на чужбине.*— Речь идет об изданиях «Вольной русской типографии» до появления «Колокола».

Михайлову (стр. 124).— О Михайлове см. прим. на с. 685—686 наст. изд. В том же номере «Колокола», где было опубликовано стихотворение Огарева, Герцен извещал читателей и о приговоре суда над Михайловым. Последние четыре строфы стали песней революционного подполья. *Ведь ты из фрачных* — то есть из гражданских, штатских, а не военных. *Наш старший брат из мужиков...*— Огарев имеет в виду расстрелянного в апреле 1861 года крестьянина Антона Петрова. А. Петров внушал крестьянам селения Бездны (Казанская губерния), что манифест о крепостном праве дал крестьянам полную волю, которую помещики скрывают. Следствием этого были крестьянские волнения, жестоко подавленные вооруженной силой.

«Мой русский стих, живое слово...» (стр. 126).— Стихотворение обращено к Мэри Сэтерленд, возлюбленной поэта.

Exil (стр. 127).— Навеяно чтением своих стихотворений, среди которых было послание К*** («Расстались мы — то, может, нужно...»), адресованное первой жене, Марии Львовне Огаревой. *Прощай, на жизнь, быть может, взглянем...* и след. три стиха — автоцитата из указанного стихотворения.

Il giorno di Dante (стр. 128).— Написано в связи с 600-летием со дня рождения Данте. *Готовь умы к концу твоих невзгод...*— Имеется в виду национально-освободительное движение под предводительством Гарибальди.

Студент (стр. 128).— Сергей Иванович Астраков, памяти которого посвящено стихотворение, умер 24 декабря 1866 года. Как установлено, стихотворение Огарева было известно Марксу и Энгельсу.

А. ПЛЕЩЕЕВ

Алексей Николаевич Плещеев (1825—1893) родился в Костроме, в семье губернского чиновника. В 1839 году был отправлен в Петербург и определен в школу гвардейских подпрапорщиков, но не закончил ее. С 1843 года обучался в Петербургском университете, но в 1845 году ушел из него. В 1844 году в печати появились первые стихотворения Плещеева. В это же время Плещеев стал членом кружка М. В. Буташевича-Петрашевского. После разгрома кружка в 1849 году он был приговорен к смертной

казни, которую заменили каторгой и солдатской службой. Около десяти лет Плещеев провел в ссылке. Лишь в 1854 году ему присвоили офицерский чин, что позволило ему выйти в отставку, и только в 1858 году разрешили въезд в обе столицы. Плещеев поселился в Москве, но был отдан под строжайший надзор полиции. Он начал активно сотрудничать в «Современнике» Некрасова. В 1867 году Плещеев принял приглашение Некрасова участвовать в журнале «Отечественные записки», в 1872 году переехал в Петербург и занял должность секретаря редакции, а затем и заведующего стихотворным отделом. В конце 70-х годов он выпустил сборник стихотворений для детей «Подснежник». Плещеев был известен как переводчик и критик. В 70—80-е годы маститый поэт много внимания уделял молодым литераторам. Он открыл дорогу в литературу С. Я. Надсону, горячо поддерживал талант молодого Чехова. Умер Плещеев в Париже. В день его похорон все московские газеты получили предписание, запрещавшее всякое «хвалебное слово покойному поэту».

Общественно-политические взгляды Плещеева отличались большой неопределенностью. Он, без сомнения, был демократом и питал искреннюю ненависть к крепостному праву. Но его оппозиционность самодержавному режиму дальше демократического просветительства не распространялась. Поэтому Плещеев очень часто испытывал колебания в сторону либерализма, хотя во многих стихотворениях и осуждал либеральные иллюзии. Плещеев одним из первых возродил в 40-е годы традиции гражданской лирики декабристов и Лермонтова, преодолев интимную камерность и пессимизм современной ему романтической лирики. Однако звучавшая в его стихах проповедь общего счастья и гуманных идеалов убеждала не конкретностью содержания, а искренностью и патетичностью интонации, силой эмоционального воздействия романтически условных образов.

В 50-е годы Плещеев обратился к реальной жизни, к явлениям социального мира и начал культивировать сатирические жанры. Это привело его к некрасовской поэтической школе. В лирике Плещеева возникли темы, мотивы и даже интонации, введенные в литературу Некрасовым. Много внимания он уделял в эти годы пейзажной лирике, которая органически была связана с общественной проблематикой. Стилистически стихотворения о природе очень просты, им свойствен мягкий, задушевный лиризм, светлое и одновременно грустное настроение. Поэзия Плещеева оказала большое влияние на современников поэта. Ее любили в семье Ульяновых.

Стихотворения А. Н. Плещеева печатаются по тексту издания: А. Н. Плещеев. Избранное. Стихотворения и проза. М., ГИХЛ, 1960.

«Вперед! без страха и сомненья...» (стр. 130).— Одно из самых популярных стихотворений поэта, подлинный гимн кружка петрашевцев. Бывший петрашевец А. П. Милюков, рассказывая о впечатлении, произведенном первою книжкою стихотворений Плещеева, вспоминал: «Особенно обратили наше внимание небольшие пьесы «Поэту» и «Вперед».

И могли ли, по тогдашнему настроению молодежи, не увлекать такие строфы, как, например: «Вперед! без страха и сомненья...» («Петрашевцы», ч. I. М.— Л., 1926, с. 28). Стихотворением открылся сборник 1887 года, подводивший итоги творчества поэта.

«Почувствам братья мы с тобой...» (стр. 131).— Стихотворение было написано на экземпляре сборника 1846 года, подаренном В. А. Милютину (1826—1855), видному экономисту и социологу, тесно связанному с петрашевцами, кружком Белинского и «Современником».

А. МАЙКОВ

Аполлон Николаевич Майков (1821—1897) родился в Москве, в семье художника. В 1841 году окончил юридический факультет Петербургского университета. В 1842 году вышел первый сборник стихотворений. Талант Майкова был отмечен Белинским, который считал сборник «большим приобретением для русской поэзии и важным фактом в истории ее развития». В 1844 году Майков поступил библиотекарем в Румянцевский музей и прослужил в нем до 1852 года. Во второй половине 40-х годов сблизился с Белинским, а затем с петрашевцами. Итогом этого сближения были поэмы «Машенька» и «Две судьбы», высоко оцененные передовой критикой. За связь с петрашевцами Майков подвергся аресту. Однако демократические идеи недолго привлекали Майкова. Некоторое время он находился под влиянием славянофилов, но затем, в 60-е годы, стал открыто защищать идеи официальной народности. С 1852 года он служил в течение сорока четырех лет сначала цензором, а затем председателем петербургского Комитета иностранной цензуры. В 1893 году вышло собрание его произведений. Умер Майков в Петербурге.

Поэтические принципы Майкова сложились в 40-е годы. Искусство воспринималось поэтом лишь как прекрасная форма, а задача художника, по мысли Майкова, состояла в отыскании гармонии. Идея автономности искусства, отстаиваемая Майковым, привела его в конечном итоге к теории «искусства для искусства».

Наибольшие поэтические успехи были достигнуты Майковым в антологическом жанре и в пейзажной лирике. Отличительными признаками антологических стихотворений, то есть стихотворений, написанных в духе древнегреческой лирики, хотя содержание их «может браться из всех сфер жизни», Белинский считал «простоту и единство мысли... простодушие и возвышенность в тоне, пластичность и грацию формы». Все эти признаки характерны и для антологической лирики Майкова. В пейзажной лирике Майков поэтизирует простые картины природы, стремясь к живописности, прозрачности и предметности описаний. Большое место в творчестве Майкова заняла историческая тематика, проникнутая нередко гуманными чувствами. В последний период творчества поэтическая активность заметно падает, в лирике усиливаются религиозные настроения.

Сочинения А. Н. Майкова печатаются по тексту издания: «Полное собрание сочинений А. Н. Майкова», кн. 1—3. СПб., 1893; стихотворения «Рассвет» и «Полдень» — по тексту издания: А. Н. Майков. Избр. произв. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Малая серия), 1957.

Сомнение (стр. 137).— *И на ночь Гелиос не сходит//К Фетиде в пурпурный чертог...*— Согласно представлениям древних, Гелиос — бог солнца, вечером спускался в Океан; у Майкова внесен в античный миф любовный сюжет: Гелиос навещает Фетиду, старшую из морских нимф (греч. миф.).

«На мысе сем диком, увенчанном бедной осокой...» (стр. 138). — Перевод стихотворения Сафо. «Вчитайтесь в эту пьесу,— писал Белинский в статье «Стихотворения Аполлона Майкова»,— вчитайтесь в ее простой, по-видимому чуждый всякого убранства, всякой красоты и всякого содержания язык,— вы ощутите душою и бесконечную красоту, и глубокое содержание. Кажется, тут нет ни начала, ни конца, ни целого, нет ни намерения, ни цели, ни мысли; но оставьте пьесу и вникните, вдумайтесь в собственное ощущение, возбужденное в вас ею, и вы в этом ощущении уловите целое и уразумеете намерение, цель и мысль...» (В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VI. М., Изд-во АН СССР, 1955, с. 15).

Октава (стр. 139).— Белинский считал, что в этом стихотворении высказано «основное начало эстетики автора»: «природа есть наставница и вдохновительница поэта», который «у ней прежде всего начал брать уроки в искусстве слагать сладкие песни». Майков, по мнению Белинского, угадал, что «есть соотношение, есть родственность между звучною октавою, гармоническим гекзаметром — и шептаньем тростников, говором дубрав... Глубоко жизненное, поэтически верное начало!» (там же, с. 13).

«Я в гроте ждал тебя в урочный час...» (стр. 139).— *Любовница Кефала.*— Имеется в виду Эос, богиня зари, влюбленная в Кефала, героя-охотника (греч. миф.).

«Пусть гордится старый дед...» (стр. 140).— Перевод стихотворения Анакреона, древнегреческого поэта, автора любовных стихотворений, прославлявших чувственные страсти и наслаждение жизнью.

Рыбная ловля (стр. 148).— *Н. А. Майков* — отец поэта; *С. С. Дудышкин* — критик; *А. И. Халанский* — сенатор, знакомый семейства Майковых.

Сон в летнюю ночь (стр. 157).— Посвящено А. А. Григорьеву, который перевел комедию Шекспира «Сон в летнюю ночь».

«Она еще едва умеет лепетать...» (стр. 159).— Стихотворение посвящено младшей дочери поэта, умершей в детском возрасте.

Колыбельная песня (стр. 160); «Ласточка примчалась...» (стр. 160); «Я б тебя поцеловала...» (стр. 170).— Стихотворения из цикла «Новогреческие песни».

Тарантелла (стр. 161).— *«Giá la luna è mezz'al mare...»* — начало «Тарантеллы» Дж. Россини.

Приговор (стр. 165).— 6 июля 1415 года Констанцский собор приговорил чешского патриота и реформатора Иогана (Яна) Гуса, обвиненного в ереси, к сожжению. *Ратман* — член городского совета.

Кто он? (стр. 171).— В стихотворении воссоздан образ Петра I. Майков высоко ценил преобразовательную деятельность Петра I. В балладе он следовал пушкинскому восприятию Петра, «вечного работника на троне». Однако у Майкова Петр предстал романтическим героем, не лишенным таинственности. Майков идеализировал и отношение царя к народу, что выразилось в идилличности нарисованной им сцены.

Старый дож (стр. 179).— *...дни Аттилы.*— В 452 году полчища гуннов под предводительством Аттилы совершили ряд опустошительных походов на территорию Италии. *Лев святого Марка...*— Крылатый лев — эмблема святого Марка, считавшегося покровителем Венеции.

А. ФЕТ

Афанасий Афанасьевич Фет (1820—1892) родился в селе Новоселки Мценского уезда, в имении помещика А. Н. Шеншина. В четырнадцатилетнем возрасте был лишен дворянских привилегий и русского подданства, поскольку брак отца и матери по православному обряду официально был оформлен через два года после рождения поэта. По существовавшему положению мальчику присвоили фамилию матери: «Фет». Лишь в 1873 году Фета, «по высочайшему повелению», причислили к роду Шеншиных. В 1838 году Фет поступил на словесное отделение филсофского факультета Московского университета. В университете он подружился с Аполлоном Григорьевым, С. Соловьевым, К. Кавелиным, Я. Полонским и другими. Так составился студенческий кружок. В молодые годы Фет не чужд был демократических настроений. В 1840 году Фет выпустил первый сборник стихотворений, названный им «Лирический пантеон». С тех пор Фет регулярно печатался в периодических изданиях. После окончания университета Фет поступил на военную службу и до 1853 года жил в маленьких городках Херсонской губернии, где был расквартирован кирасирский Орденский полк. В 1853 году он был переведен в уланский полк, размещавшийся вблизи Петербурга. В 1850 году Фет выпустил второй сборник стихотворений. Имя его становится известным в литературе, он входит в круг редакции «Современника», где постоянно печатается с 1854 года. В 1856 году выходит сборник стихотворений Фета, а в следующем, 1857 году Фет женится на сестре критика В. П. Боткина и в 1858 году выходит в отставку. Он покупает землю в Орловской губернии и становится помещиком. В 1863 году он издает собрание стихотворений, но затем надолго замолкает. Лишь в 1883 году появляется новый сборник стихотворений, получивший название «Вечерние огни».

Всего Фет выпустил четыре сборника «Вечерних огней» (1883, 1885, 1888 и 1891). В последние годы, переселившись в Москву, Фет много переводил и писал обширные мемуары. Умер Фет в Москве.

Основные темы лирики Фета — природа и любовь. Тематика Фета, таким образом, целиком замкнута в пределах узкого элегического романтизма. Однако в этом строго очерченном мире Фет достиг исключительной свободы, глубины и полноты выражения эмоций. Предметом лирики Фета становится душевный мир человека. Именно лирическое волнение самого поэта придает смысл явлениям природы, сообщает им жизнь, оживляет посредством лирической эмоции. Для него характерно ощущение внутреннего единства природы и человеческой души. В любовной лирике Фет также сосредоточивает внимание на неуловимых душевных переживаниях, на первых проблесках возникающей любовной привязанности. У Фета нет детально разработанных психологических портретов, индивидуальных характеристик. Фет обогатил русскую поэзию небывалым до него умением психологически точно и взволнованно передавать зыбкие ощущения и чувства, которым не было ни имен, ни названий, но которые реально жили в человеке и окрашивали его эмоциональный мир. Логически невыразимые и рационально трудно определимые тонкие психологические настроения могли быть выражены только посредством метафорического письма и музыкального внушения. Так возникает характерное для Фета стремление к музыкальности речи. Поэт разнообразит интонацию, подчеркивает в слове его звуковую окраску, создает мелодические приемы композиции, обогащает ритмическую и строфическую организацию стиха. Новые средства выразительности способствуют музыкальному воздействию на читателя или слушателя, которым поэт хочет «навеять» то или иное настроение. Смутные, мимолетные состояния души были выражены Фетом с исключительной непосредственностью, живостью и искренностью. В лирике последних лет заметны трагические мотивы и философичность.

Фет обогатил русскую поэзию новыми средствами выражения психологии человека и тем самым расширил сферу действительности, доступную для художественного отражения и познания.

Стихотворения А. А. Фета печатаются по тексту издания: А. А. Фет. Полн. собр. стихотворений. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1959.

«На заре ты ее не буди...» (стр. 185).— Положено на музыку А. Е. Варламовым.

«Не отходи от меня...» (стр. 185).— Музыку на слова этого стихотворения написали А. Е. Варламов и П. И. Чайковский.

Серенада («Тихо вечер догорает... ») (стр. 191).— Известны романсы П. П. Булахова и Н. А. Римского-Корсакова.

«О, долго буду я, в молчанье ночи тайной... » (стр. 193).— На эти слова Фета создан романс С. В. Рахманинова.

«Свеж и душист твой роскошный венок...»

(стр. 196).— На слова стихотворения написан романс Н. А. Римского-Корсакова.

«Я б о л е н, О ф е л и я, м и л ы й м о й д р у г!..» (стр. 200).—Второе стихотворение из цикла «К Офелии». В стихотворении есть отзвуки трагедий Шекспира «Гамлет» (песня Офелии из 5 явл. IV д.) и «Отелло» (песня Дездемоны из 3 явл. IV д.).

Д и а н а (стр. 200).— Стихотворение очень высоко оценивалось современниками. С восторгом писали о нем Некрасов, Тургенев, Дружинин, В. Боткин; Ф. М. Достоевский в статье «Г.— бов и вопрос об искусстве» (1861) писал: «В муках жизни и творчества бывают минуты не то чтоб отчаяния, но беспредельной тоски, какого-то безотчетного позыва, колебания, недоверия и, вместе с тем, умиления перед прошедшими, могущественно и величаво законченными судьбами исчезнувшего человечества. В «этом энтузиазме» (байроническом, как называем мы его) перед идеалами красоты, созданными прошедшим и оставленными нам в вековечное наследство, мы изливаем часто всю тоску о настоящем, и не от бессилия перед нашею собственною жизнью, а, напротив, от пламенной жажды жизни и от тоски по идеалу, которого в муках добиваемся. Мы знаем одно стихотворение, которое можно почесть воплощением этого энтузиазма, страстным зовом, молением перед совершенством прошедшей красоты и скрытой внутренней тоской по такому же совершенству, которого ищет душа, но должна еще долго жить и долго мучиться в муках рождения, чтоб отыскать его. Это стихотворение называется «Диана»...» Далее, приведя все стихотворение Фета, Достоевский продолжал: «Последние две строки стихотворения полны такой страстной жизненности, такой тоски, такого значения, что мы ничего не знаем более сильного, жизненного во всей нашей русской поэзии» («Полн. собр. соч. Ф. М. Достоевского», т. 9. СПб., 1895, с. 78—79).

«О, н е з о в и! С т р а с т е й т в о и х т а к з в о н о к...» (стр. 201).— Сам поэт так комментировал это стихотворение: «...Человек влюбленный говорит не о своих намерениях следовать или не следовать за очаровательницей, а только о ее власти над ним. «О, не зови — это излишне. Я без того, заслышав песнь твою, хотя бы занятую без мысли обо мне, со слезами последую за тобой» (А. Ф е т. Мои воспоминания. 1848—1889, ч. I. М., 1890, с. 128).

«К а к и е - т о н о с я т с я з в у к и...» (стр. 203).— Об обстоятельствах создания этого стихотворения Фет написал в воспоминаниях «Ранние годы моей жизни»: «Я уже говорил о замечательной музыкальной способности Елены (под именем Елены Лариной была выведена Фетом его возлюбленная Мария Лазич.— *В. К.*). Мне отрадно было узнать, что во время пребывания в Елизаветграде Лист умел оценить ее виртуозность и поэтическое настроение. Перед отъездом он написал ей в альбом прощальную музыкальную фразу необыкновенной задушевной красоты. Сколько раз просил я Елену повторить для меня на рояли эту удивительную фразу! Под влиянием последней я написал стихотворение:

Какие-то носятся звуки
И льнут к моему изголовью...»

(А. Фет. Ранние годы моей жизни. М., 1893, с. 432).

«Люди спят; мой друг, пойдем в тенистый сад...» (стр. 203).— На слова стихотворения написан романс С. И. Танеевым.

Буря (стр. 207).— *«Вот я вас!»* — восклицание Нептуна в «Энеиде» Вергилия.

Венера Милосская (стр. 213).— Стихотворение написано под впечатлением от созерцания статуи в Лувре.

«Только станет смеркаться немножко...» (стр. 214).— Стихотворение положено на музыку П. П. Булаховым (романс «Крошка»).

Еще майская ночь (стр. 214).— Стихотворение вызвало восторг Л. Н. Толстого, который писал В. П. Боткину: «Стихотворение Фета прелестно. Не прочтя вашего замечания о неловких 2-х стихах, я сделал то же. Досадно. Зато: «И в воздухе за трелью соловьиной разносится тревога и любовь!»— Прелестно! И откуда у этого добродушного толстого офицера берется такая непонятная лирическая дерзость, свойство великих поэтов?» (Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 60. М., 1949, с. 217).

Певице (стр. 215).— Известен романс П. И. Чайковского, написанный на эти слова.

«Измучен жизнью, коварством надежды...» (стр. 225); «В тиши и мраке таинственной ночи...» (стр. 226).— Стихотворениям предпослан общий эпиграф из сочинения Шопенгауэра «Parerga und Paralipomena», в котором изменено одно слово («Die» вместо «Jene»). Высказано предположение, что второе стихотворение, вероятно, связано с воспоминанием о М. Лазич.

Майская ночь (стр. 227).— Л. Н. Толстой писал Фету из Ясной Поляны 11 мая 1870 года: «Развернув письмо, я — первое — прочел стихотворение, и у меня защипало в носу: я пришел к жене и хотел прочесть; но не мог от слез умиления. Стихотворение одно из тех редких, в которых ни слова прибавить, убавить или изменить нельзя; оно живое *само* и прелестно. Оно так хорошо, что, мне кажется, это не случайное стихотворение, а что это первая струя давно задержанного потока... «Ты нежная», да и все прелестно. Я не знаю у вас лучшего. Прелестно все...

Желаю вам только посещения музы. Вы спрашиваете моего мнения о стихотворении; но ведь я знаю то счастье, которое оно вам дало сознанием того, что оно прекрасно и что оно вылезло-таки из вас, что оно — вы» (там же, т. 61, с. 235—236).

«В дымке-невидимке...» (стр. 228).— Л. Н. Толстой писал Фету 11 мая 1873 года: «Стихотворение ваше крошечное прекрасно. Это новое, никогда не уловленное прежде чувство боли от красоты, выражено прелестно» (там же, т. 62, с. 26). На слова стихотворения С. И. Танеев написал романс.

Графу Л. Н. Толстому (стр. 229).— Стихотворение предваряло в «Русском вестнике» цикл «Песни кавказских горцев», переложенных Фетом в стихи. *Так бросил мне кавказские ты песни...*— Прозаические переводы некоторых песен кавказских горцев были присланы Фету Л. Н. Толстым.

«Спяла ночь. Луной был полон сад. Лежали...» (стр. 230). — Стихотворение навеяно пением Т. А. Кузминской (1846—1925), сестры жены Л. Н. Толстого.

Alter ego (стр. 230).— Высказано предположение, что стихотворение навеяно воспоминаниями о М. Лазич.

«Ты отстрадала, я еще страдаю...» (стр. 231).— Существует предположение, что это стихотворение, как и предыдущее, навеяно воспоминаниями о М. Лазич.

А. Л. Бржеской («Далекий друг, пойми мои рыданья...») (стр. 232).— Л. Н. Толстой писал Фету, имея в виду это стихотворение: «Коли оно когда-нибудь разобьется и засыпется развалинами и найдут только отломанный кусочек: *в нем слишком много слез,* то и этот кусочек поставят в музей и по нем будут учиться...» (Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 62, М., 1953, с. 472—473). А. Л. Бржеская и ее муж, А. Ф. Бржеский, херсонский помещик и поэт-дилетант, были дружны с Фетом.

«Встречу ль яркую в небе зарю...» (стр. 235).— Второе стихотворение из цикла «Romanzero». Romanzero — испанские народные песни. Этим именем назвал цикл своих лирических произведений Г. Гейне.

На книжке стихотворений Тютчева (стр. 237).— *Сырты* — возвышенности между Волгой и Южным Уралом.

«Страницы милые опять персты раскрыли...» (стр. 239); «Солнца луч промеж лип был и жгуч и высок...» (стр. 240).— Существует предположение, что оба стихотворения навеяны воспоминаниями о М. Лазич.

«Я тебе ничего не скажу...» (стр. 241).— На слова этого стихотворения П. И. Чайковский написал романс.

Осенняя роза (стр. 242).— По воспоминаниям А. Б. Гольденвейзера, Л. Н. Толстой, процитировав строфу из стихотворения, сказал: «Как это хорошо: «Дыханьем ночи обожгло!» Это совсем тютчевский прием... Как смело, и в трех словах вся картина!» (А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого. М., ГИХЛ, 1959, с. 319).

А. ГРИГОРЬЕВ

Аполлон Александрович Григорьев (1822—1864) — поэт и критик. Родился в Москве, в семье чиновника. Окончил юридический факультет Московского университета в 1842 году первым кандидатом. В 1846 году выпускает первый — и единственный — сборник стихотворений. Тогда же сближается с кружком Петрашевского. Сильное влияние оказывают на Григорьева идеи Фурье. Мировоззрение Григорьева не было цельным и

устойчивым: он переходил от одних убеждений к другим, пытаясь найти собственную идейную позицию. Испытав влияние славянофильской идеологии, Григорьев с 1851 по 1854 год возглавлял «молодую редакцию» «Москвитянина». Это время — расцвет его критической деятельности. В 1858 году Григорьев редактирует журнал «Русское слово», а затем сближается с Ф. М. Достоевским и становится в 1861 году сотрудником журнала «Время».

Григорьев был исключительно страстной и увлекающейся натурой. Он являл собой живое воплощение напряженного гамлетизма и одновременно идеального, романтически беспомощного донкихотства. Материально он не был обеспечен и временами страшно голодал, не однажды сидел в долговой яме. Измученный физически и нравственно, он скончался от удара в Петербурге.

Как поэт Григорьев сложился в 40-е годы. Его жанровый диапазон достаточно широк: ему принадлежат и большие драмы, и поэмы, и лирические стихотворения. Центральной темой художественного творчества Григорьева был конфликт современного ему человека с прозаическим миром. В начальный период поэтической деятельности Григорьев обращается к гражданской тематике, но решает социальные противоречия в психологическом ключе. Его лирическим героем становится человек города, зараженного меркантильным духом. Город губит романтические иллюзии героя, порождая в нем протест. Душевный мир героя изображен Григорьевым как противоречивый, лишенный цельности, полный внутреннего драматизма. Ранняя лирика окрашена настроениями мрачного отчаяния и горького скептицизма. Трагический характер свойствен лирике Григорьева и в дальнейшем. Однако внутренний конфликт в душе героя постепенно смыкается с изображением прозаической действительности. Достижения Григорьева в области психологического анализа внутреннего мира человека не были забыты в истории русской поэзии.

Стихотворения А. А. Григорьева печатаются по тексту издания: А п о л л о н Г р и г о р ь е в. Избр. произв. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1959.

«Н е т, з а т е б я м о л и т ь с я я н е м о г...» (стр. 249).— Стихотворение обращено к некоей Лизе, «крестовой сестре» (ее инициалы —Е. С. Р.), в которую А. Григорьев был влюблен. Лизу выдали замуж за армейского офицера; Григорьев был шафером на ее свадьбе.

К о м е т а (стр. 249).— В марте 1843 года комету наблюдали в Западной Европе, и русская печать заинтересованно обсуждала это явление. Стихотворение А. Григорьева связано со строками из стихотворения А. С. Пушкина «Портрет»:

Как беззаконная комета
В кругу расчисленных светил.

Кроме того, образ кометы — роковой, «зловещей, но прекрасной», «полной раздора» звезды, «неправильный» полет которой разрушает гармонию звездного мира,— соотносится, как выяснено исследователями, с идеями утопи-

ческого социализма, в частности Фурье. Эти идеи Григорьев воспринимал сквозь преломление, какое они получили в романах Жорж Санд. Фурье считал, что главной особенностью движения в природе и в обществе является «двойственность», определяемая двумя началами — добром и злом. Разрушительное начало царит среди разобщенных небесных тел, а гармоническое — среди упорядоченных (планет). В человеческом обществе существует та же «двойственность»: индивидуальная, природная жизнь человека изначально гармонична, социальная же — дисгармонична, разрушительна. Отсюда делался вывод, что надо заменить существующую экономическую организацию более гармоничной и совершенной, поскольку она будет соответствовать гармонии страстей человеческого существа, изначально приготовленного к гармоническому общежитию. Фурье считал также, что разрушительный период развития человеческого общества нужен для накопления материальных благ, но все духовные ценности этого периода не имеют никакого значения. Григорьев полемизирует с этой теорией. Для Григорьева добро и зло не чуждые, а проникающие друг в друга начала. Победа добра возможна лишь в результате борьбы, творчества, «самосознанья». Так возникает тема плодотворности страдания, духовной борьбы, через которую проходит современный человек.

К Лавинии («Для себя мы не просим покоя...») (стр. 251).— *Лавиния* — героиня одноименного романа Жорж Санд.

Борьба (стр. 252).— Цикл связан, как установлено, с любовью А. Григорьева к Л. Я. Визард. 1. «Я ее не люблю, не люблю...» (стр. 252).— Вольный перевод стихотворения А. Мицкевича «Niepewność» («Сомнение»). 5. «О! кто бы ни был ты, в борьбе ли муж созрелый...» (стр. 256).— Вольный перевод стихотворения В. Гюго из книги «Les Feuilles d'automne» («Осенние листья»). Эпиграф— первая строка из этого стихотворения В. Гюго. 7. «Доброй ночи!.. Пора!..» (стр. 258).— Стихотворение навеяно сонетом А. Мицкевича «Dobranoć» («Доброй ночи»). 9. «Надежду!» — тихим повторили эхом...» (стр. 261).— Перевод отрывка из третьей главы поэмы А. Мицкевича «Конрад Валленрод». 17. «Благословение да будет над тобою...» (стр. 273).—Высказано предположение, что стихотворение написано в связи с вступлением возлюбленной поэта Л. Я. Визард в брак.

Я. ПОЛОНСКИЙ

Яков Петрович Полонский (1819—1898) родился в Рязани, в небогатой дворянской семье. Окончил юридический факультет Московского университета. В 1855 году Полонский издал большой сборник стихотворений, сочувственно встреченный критикой, прежде всего «Современником». После этого сборника имя Полонского становится широко известным в литературных кругах. В 1859 году Полонский стал редактором журнала «Русское слово». Вскоре он отказался от редакторской деятельности. В дальнейшем служил младшим цензором Комитета иностранной цензуры и членом совета Главного управления по делам печати. В 1859 году выпустил новый сборник

стихотворений, на который откликнулся сочувственной рецензией Добролюбов, упрекнувший, однако, автора в том, что он только грустит о господстве зла, но не выходит на борьбу с ним. В 1869—1870 годах Полонский выпустил собрание своих сочинений. Умер Полонский в Петербурге.

Полонский был очень плодовитым автором, но из всего его наследия в памяти потомков остались лишь лирические стихотворения. Лирика Полонского отличается гуманностью: он сочувствует бедному человеку, внимательно следит за его настроениями и переживаниями, умея передать их намеком, через случайные впечатления или отрывочные воспоминания. Полонский обратился к простым человеческим переживаниям, к естественным разговорным интонациям, широко используя городской песенный фольклор, цыганский романс — формы, популярные в разночинной среде.

Сочинения Я. П. Полонского печатаются по тексту издания: Я. П. Полонский. Стихотворения. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1951.

«Пришли и стали тени ночи...» (стр. 277).— Стихотворение было послано, как писал сам Полонский, Белинскому и напечатано критиком в «Отечественных записках».

Затворница (стр. 281).— Стихотворение стало тюремной песней, оно было популярно и среди революционеров.

Татарская песня (стр. 282).—Посвящена писателю Г. П. Данилевскому (1829—1890), с которым Полонский познакомился осенью 1850 года. *Абас-Кули-Хан* (Аббас-Кули Бакиханов, 1794—1847) — азербайджанский историк, поэт и философ; *Ладо-Заблоцкий* Тадеуш (1813—1847) — польский поэт, сосланный рядовым на Кавказ.

Качка в бурю (стр. 284).— О Михайлове, которому посвящено стихотворение, см. с. 685—686 наст. изд. В письме к Л. И. Поливанову («Жизнь», 1922, № 2, с. 148) по поводу строки: «От зари *роскошный* холод// Проникает в сад» — Полонский писал, что на старости лет (письмо написано в 1892 г.) он бы «не решился обмолвиться таким эпитетом — написал бы *вечерний* холод — и было бы хуже».

Песня цыганки (стр. 287).— Песня стала популярным цыганским романсом. Известен также романс П. И. Чайковского.

Из Бурдильёна (стр. 299).— *Бурдильён* — вероятно, F. W. Bourdillon — малоизвестный английский поэт. При первой публикации Полонский снабдил стихотворение следующим примечанием: «Стихотворение это было напечатано в английском журнале «Spectator» 1873 г. № 2365.— В том же журнале вновь перепечатано с переводами, присланными из Франции и Германии.— Затем, без подписи автора, стало появляться в американских изданиях. Я перевел его, как умел».

Узница (стр. 300).— Стихотворение вызвано судебным делом В. И. Засулич (1849—1919), покушавшейся 24 января 1878 года на жизнь петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова и оправданной присяжными.

«Полонский здесь не без привета...» (стр. 302).— Стихотворение было написано летом 1890 года, когда Полонский гостил у Фета.

А. ТОЛСТОЙ

Алексей Константинович Толстой (1817—1875) родился в Петербурге. Первоначальное образование и воспитание получил дома, в черниговских имениях матери, а затем под руководством ее брата, известного прозаика Алексея Перовского, привившего племяннику любовь к литературе и искусству. В 1834 году был зачислен «студентом» в Московский архив министерства иностранных дел. В 1837 году служил в русской миссии в Германии, а затем, в 1840 году, был переведен во II Отделение собственной е. и. в. канцелярии, ведавшей вопросами законодательства. В 1841 году появилось первое печатное произведение — фантастическая повесть «Упырь». В 40-е годы начал роман «Князь Серебряный». В первую половину 50-х годов Толстой выступил как сатирический поэт, став одним из авторов сочинений Козьмы Пруткова. В 1855 году поступил майором в стрелковый полк, но в военных сражениях участия не принимал: в Одессе заболел тифом. В 1861 году вышел в отставку и жил в своих имениях. В 1867 году выпустил единственный прижизненный сборник стихотворений. Умер Толстой в Красном Роге Черниговской губернии.

Общественно-литературная позиция А. К. Толстого была противоречивой. Существенной ее стороной являлась идеализация Древней Руси времен Киева и Новгорода, послужившая основой для аристократической оппозиции поэта самодержавно-бюрократическому режиму.

Самое ценное в поэтическом наследии Толстого составляют его лирические стихи и сатирические произведения. Преимущественные темы лирических стихотворений — природа и любовь. Толстой передает широту и раздолье русской природы, упивается земными радостями. В любовной лирике поэтизирует естественность, благородство и высокую одухотворенность глубокого и нежного чувства к любимой женщине, не лишенного, однако, тревоги и грусти. Отличительными особенностями лирических стихотворений являются точность психологического рисунка, предметность образов, музыкальность стиха и гармонически светлое настроение.

В лучших сатирических произведениях поэт едко издевался над отвратительными порождениями самодержавно-бюрократического режима: над безмерной тупостью бюрократа, гримирующегося под либерала, над III Отделением, которое в его глазах стало символом безудержного произвола, над монархами, беспомощными в государственных делах, над приказчиками, обирающими народ и ненавистными ему.

В жанре баллад и былин Толстой противопоставлял прозаическую современность яркому романтическому и героическому прошлому.

Сочинения А. К. Толстого печатаются по тексту издания: А. К. Толстой. Собр. соч. в 4-х томах, т. 1. М., Гослитиздат, 1963.

«Дождя отшумевшего капли...» (стр. 306).— В стихотворении аллегорически выражена идея панславизма — объединения славянских народов под эгидой России (см. также «Колокольчики мои...»). *Стоги* — славянские народы; *орел* — Россия.

«По гребле неровной и тряской...» (стр. 308).— Положено на музыку Н. А. Римским-Корсаковым и В. И. Ребиковым.

Пустой дом (стр. 310).— *На славу Растреллием строенный дом...*— Какой именно дом имеется в виду, не установлено. Существует предположение, что это один из домов Разумовских; Варфоломей Растрелли (1700—1771) — знаменитый архитектор, автор проектов Зимнего дворца, Смольного монастыря и других зданий.

Василий Шибанов (стр. 313).— Источником стихотворения послужила «История Государства Российского» Карамзина и письмо Курбского Ивану Грозному. Историческая точность не соблюдена: первое письмо Курбского, как и его бегство, относятся ко времени, когда опричнина еще не была учреждена; молебствия Ивана с опричниками происходили в Александровской слободе, а не в Москве. *Царь в смирной одежде* — то есть в траурной. *И с ним всех окольных собранье...*— Окольные — приближенные. *Писанием нам предреченный* — то есть начертанный Священным писанием (Ветхим и Новым заветами). *И аз, иже...*— И я, который... *За тя, аки воду, лиях и лиях...*— За тебя, как воду, проливал и проливал (кровь). *Заплечные входят опять мастера* — палачи.

Князь Михайло Репнин (стр. 316).— Источником баллады послужил рассказ о смерти Репнина в «Истории Иоанна Грозного» А. М. Курбского. Однако Толстой сознательно отступил от рассказа: Иван Грозный убивает Репнина на пиршестве, а не через несколько дней в церкви; кроме того, царь у Толстого раскаивается. *Подать себе личину он кравчему велит...*— Личина — маска; кравчий — приближенный царя, в обязанности которого входил раздел кушаний. *Тиуны* — судьи, управители. *Ма́шкара* — маска.

«Средь шумного бала, случайно...» (стр. 318).— Обращено к С. А. Миллер, будущей жене поэта, с которой он познакомился на маскараде. Положено на музыку П. И. Чайковским.

«Не ветер, вея с высоты...» (стр. 319).— Положено на музыку Н. А. Римским-Корсаковым, А. Г. Рубинштейном и С. И. Танеевым.

«Коль любить, так без рассудку...» (стр. 319).— Положено на музыку Ц. А. Кюи, А. Г. Рубинштейном и другими композиторами.

Колодники (стр. 319).— Стихотворение стало популярной песней политкаторжан и ссыльных. Положено на музыку А. Т. Гречаниновым.

«Край ты мой, родимый край...» (стр. 320).— Положено на музыку А. Т. Гречаниновым и другими композиторами.

«Колышется море; волна за волной...» (стр. 321).— Положено на музыку Н. А. Римским-Корсаковым.

〈Из цикла «Крымские очерки»〉 (стр. 321).—1. «Над

неприступной крутизною...» (стр. 321).— Положено на музыку Ц. А. Кюи и А. Т. Гречаниновым. 4. «Ты помнишь ли вечер, как море шумело...» (стр. 323).— Положено на музыку Ц. А. Кюи и С. В. Рахманиновым. 8. «Обычной полная печали...» (стр. 324); 12. «Солнце жжет; перед грозою...» (стр. 325).— Оба стихотворения положены на музыку Ц. А. Кюи.

«Не верь мне, друг, когда, в избытке горя...» (стр. 327).— Положено на музыку П. И. Чайковским, Н. А. Римским-Корсаковым и С. В. Рахманиновым.

«Острою секирой ранена береза...» (стр. 327).— Положено на музыку А. Т. Гречаниновым и другими композиторами.

«Когда кругом безмолвен лес дремучий...» (стр. 328).— В стихотворении использованы мотивы стихотворения Гете «Nähe des Geliebten» («Близость любимого»).

«Ходит Спесь, надуваючись...» (стр. 329).— Положено на музыку М. П. Мусоргским, А. П. Бородиным и другими композиторами.

«Двух станов не боец, но только гость случайный...» (стр. 332).— Установлено, что стихотворение возникло под влиянием чтения четвертого тома «Истории Англии» Т. Маколея, вышедшего в 1855 году и содержавшего восторженную характеристику английского политического и государственного деятеля Джорджа Галифакса (1633—1695), который «всегда был строг к своим ярым союзникам и всегда был в дружеских отношениях со своими умеренными противниками».

«Звонче жаворонка пенье...» (стр. 332).— Положено на музыку Н. А. Римским-Корсаковым, Ц. А. Кюи и А. Г. Рубинштейном.

«Осень. Обсыпается весь наш бедный сад...» (стр. 333).— Положено на музыку П. И. Чайковским и Ц. А. Кюи.

«Слеза дрожит в твоем ревнивом взоре...» (стр. 334).— Положено на музыку П. И. Чайковским. *Когда Глагола творческая сила...*— Здесь: Глагол — бог.

«Кабы знала я, кабы ведала...» (стр. 336).— Стихотворение восходит к народной песне «Как бы знала, как бы ведала...». Положено на музыку П. И. Чайковским и А. Г. Рубинштейном.

И. С. Аксакову (стр. 336).— Об адресате см. с. 678—679 наст. изд. Стихотворение написано в ответ на критические замечания И. Аксакова о поэмах «Грешница» и «Иоанн Дамаскин». Выделенные курсивом строки — цитата из стихотворения Лермонтова «Родина». *Быть может, строил мой псалтырь...*— Псалтырь — здесь: музыкальный инструмент. В древности под аккомпанемент его струн пелись псалмы — духовные песнопения.

<Серенада Дон-Жуана> («Гаснут дальней Альпухарры...») (стр. 338).— Серенада Дон-Жуана из одноименной драмы А. Толстого. Известен романс П. И. Чайковского.

«На нивы желтые нисходит тишина...» (стр. 338).—

Положено на музыку П. И. Чайковским, Н. А. Римским-Корсаковым, А. Т. Гречаниновым, Ц. А. Кюи, А. С. Аренским и другими.

Коринфская невеста (стр. 339).— Перевод одноименного стихотворения Гете.

История государства Российского от Гостомысла до Тимашева (стр. 344).— Существует предположение, что замысел сатиры, пользовавшейся большой популярностью и разошедшейся в списках, возник под воздействием стихотворений Огарева «Сказка» («Я когда-нибудь сберусь...») и М. А. Дмитриева «Когда наш Новгород великий...», напечатанных в сборнике «Русская потаенная литература XIX столетия» (составлен Н. П. Огаревым). *Гостомысл* — легендарный новгородский посадник, или князь, по совету которого новгородцы пригласили варягов княжить на русской земле. А. Е. *Тимашев* (1818—1893) — сначала управляющий III Отделением, а затем министр внутренних дел. *И сделал нам Иордань*— то есть окрестил; по евангельскому преданию, Иисус Христос крестился в реке Иордань. *Но был ли уговор...*— Имеется в виду утверждение современников, что у Михаила Романова при его вступлении на престол были взяты обязательства, ограничивающие его власть. *...Павел, Мальтийский кавалер.*— Павел I был гроссмейстером духовного ордена мальтийских рыцарей. *С Louis de Désiré* — то есть с Людовиком XVIII (Желанным); это прозвище дали Людовику (1755—1824), возведенному на престол при содействии Александра I, роялисты. *Боюсь monsieur Veillot.*— Речь идет о бароне И. О. Велио (1830—1899), директоре почтового департамента, который перлюстрировал (тайно просматривал) частную корреспонденцию. *Се Норов* — А. С. Норов (1795—1869), министр народного просвещения в 1854—1858 годах. *Се Путятин* — Е. В. Путятин (1803—1883), министр народного просвещения в 1861 году. *Се Панин* — В. Н. Панин (1801—1874), министр юстиции в 1841—1862 годах. *Се Метлин* — Н. Ф. Метлин (1804—1884), управлял в 1857—1860 годах морским министерством. *Се Брок* — П. Ф. Брок (1805—1875), министр финансов в 1852—1858 годах. *Се Замятнин* — Д. Н. Замятнин (1805—1881), министр юстиции в 1862—1867 годах. *Се Корф* — М. А. Корф (1800—1876), с 1864 по 1872 год был председателем департамента законов Государственного совета. *Се Головнин* — А. В. Головнин (1821—1886), министр народного просвещения в 1862—1866 годах.

«То было раннею весной...» (стр. 360).— Стихотворение, вероятно, связано с гетевским стихотворением «Mailied» («Майская песня»). Положено на музыку П. И. Чайковским и Н. А. Римским-Корсаковым.

Илья Муромец (стр. 361).— В стихотворении отразилось отношение Толстого к царскому двору. *Душно в Киеве, что в скрине.*— Скрин — сундук, ларь, короб.

Сон Попова (стр. 363).— Прототипом министра, по всей вероятности, послужил П. А. Валуев (1815—1890), в 1861—1868 годах министр внутренних дел, отличавшийся либеральным краснобайством. Сатира Толстого разошлась в списках и была очень популярной. *Темляк на*

шпаге — тесьма с кистью на эфесе шпаги или сабли. *И спрятался... за экран* — то есть за стеклянный или матерчатый заслон перед камином от жара или на окне от света. *Имярек* — по имени. В официальных бумагах слово это указывало место, где нужно вставить чье-либо имя. *К Цепному мосту привели...* — У Цепного моста помещалось III Отделение. *Ведь искони того еще не бе...* — Не бе — не было. *Лазоревый полковник.* — Жандармы носили голубые мундиры. *Не мудрствуйте, надменный санкюлот.* — Санкюлот — презрительная кличка, которую роялисты дали беднякам и якобинцам во время Французской революции; якобинцы носили длинные брюки, а не короткие штаны до колен (culotte). Слово «санкюлот» стало синонимом слова «вольнодумец». *...гнусный ваш комплот* — то есть заговор (от *франц.* — «complot»). *Такая вышла вскоре ектенья...* — Ектенья — заздравная молитва; здесь употреблено в ироническом смысле.

КОЗЬМА ПРУТКОВ

Козьма Прутков — литературный образ поэта и директора Пробирной палатки, созданный братьями Жемчужниковыми (Алексеем, Александром, Владимиром) и Алексеем Константиновичем Толстым. В начале 50-х годов два молодых талантливых литератора — Алексей Толстой и Алексей Жемчужников — весело шутили над штампами современной им романтической поэзии. Собрав эти стихотворные шутки, они решили их издать под именем, которое носил служивший им камердинер. В 1850 году были написаны первые произведения, а в 1854 году Козьма Прутков впервые появился в некрасовском «Современнике». Постепенно стала вырисовываться фигура вымышленного автора. Он обрел, как это подобает живому лицу, собственную биографию и индивидуальный облик. Читателям стали известны его портрет, его предки и потомки, достопримечательные факты его служебной и литературной деятельности. Так был создан своеобразный тип чиновника-поэта. Тупой, самодовольный и ограниченный чиновник — живое воплощение бюрократической машины монархии — обладал исключительными претензиями на гениальность, на недоступную ему высоту духа, на романтические страсти. Вместе с тем он проповедовал казенную мораль, был благонамерен. Вот эта-то чиновничья поэзия беспощадно высмеивалась в образе Козьмы Пруткова и его сочинениях. Чиновник на службе оставался чиновником и в поэзии. Комический эффект достигался, таким образом, полным совпадением служебной и поэтической биографий и абсолютным несовпадением между вполне заурядной личностью и ее мнением о себе. В многообразном творчестве Козьмы Пруткова разоблачены бессодержательные цветы эпигонов и вульгаризаторов романтизма, реакционные тенденции в публицистике и науке. После 1854 года Козьма Прутков на несколько лет замолчал и выступил в печати только в 60-е годы. В этот период Козьма Прутков осознал себя государственным деятелем.

В 1863 году «Современник» опубликовал «Краткий некролог», в котором читатели извещались о смерти Козьмы Пруткова.

Сочинения Козьмы Пруткова печатаются по тексту издания: «Сочинения Козьмы Пруткова». М., ГИХЛ, 1959.

Незабудки и запятки (стр. 375).— Первое печатное произведение Козьмы Пруткова, появившееся без подписи в статье «Заметки Нового поэта» (И. И. Панаева.— *В. К.*) о русской журналистике вместе с баснями «Кондуктор и тарантул» и «Цапля и беговые дрожки».

Честолюбие (стр. 376).—В качестве образца стихотворной формы использовано стихотворение Лермонтова «Узник» («Отворите мне темницу,// Дайте мне сиянье дня...»). В стихотворении пародируются антологические поэты, эклектически соединявшие в своих произведениях разные культуры — греческую, римскую, восточную (библейскую) и т. д. *Дайте легкие Клеона,// Оглашавшие форум.*— Клеон — афинский оратор, обладавший необыкновенно звучным голосом; комический эффект состоит в том, что он не мог «оглашать форум», являвшийся центром политической жизни не Афин, а Рима. *И Эзопово увечье.*— Греческий баснописец Эзоп, по преданию, был горбат и уродлив. *Сенека* Луций Анней (между 6 и 3 гг. до н. э.— 65 г. н. э.)— римский философ-стоик, писатель и политический деятель. *Ликург* — легендарный законодатель в Спарте (Древняя Греция); Ликург не был поэтом, и потому сравнение «Я бы с мужеством Ликурга...//Потрясал своим стихом» бессмысленно.

Разница вкусов (стр. 377).— В басне сатирически противопоставлены славянофилы западникам.

Письмо из Коринфа (стр. 378).--В основу пародии легло стихотворение Н. Щербины (см. о нем с. 682 наст. изд.) «Письмо», где есть строки:

Красота, красота, красота!
Я одно лишь твержу с умиленьем.

Подзаголовок «Греческое стихотворение» — намек на сборник Н. Щербины «Греческие стихотворения».

Юнкер Шмидт (стр. 378).— Пародия на русских подражателей Гейне. Высказано предположение, что источником послужило стихотворение Е. П. Ростопчиной «Осенний вечер», в котором есть такие строки:

Но когда в борьбе с судьбою
Сердце рано отцветет,
Впредь вторичною весною
Уж оно не оживет!..

Желание быть испанцем (стр. 379).— В стихотворении пародируется увлечение поэтов испанской экзотикой. Существует предположение, что непосредственным поводом послужило стихотворение А. Н. Плещеева «Гидальго». *Альгамбра* — крепость в Гренаде. *Натура* — природа. *Эстремадура* — провинция в Испании. *Сьерра-Морена* — горный хребет в Испании. *Эскурьял* (Эскуриал) — старинный дворец и монастырь недалеко от Мадрида.

О с а д а П а м б ы (стр. 381).— Современники восприняли стихотворение как пародию на «Отрывки из испанских романсов о Сиде» В. А. Жуковского. Есть указание на объект пародии — «Романсы о Сиде» в переводе П. А. Катенина, где есть строки, перекликающиеся с окончанием «романсеро»:

Четверик ему пшеницы
Дать, сказал король, а ты
Обойми его, Химена,
Он изрядно подшутил.

Ниже хлеба — то есть даже хлеба. *Каплан* — капеллан; так в России обычно называли католического священника, служившего в войсках. *Сантуринское* — вино, которое производилось на острове Сантурино, в Греции.

В а л ь б о м к р а с и в о й ч у ж е с т р а н к е (стр. 382).— Пародия на стихотворение А. С. Хомякова «Иностранке» («Вокруг нее очарованье...»), посвященное А. О. Россет (Смирновой). В стихотворении высмеян «патриотизм» славянофилов.

Н е м е ц к а я б а л л а д а (стр. 383).— Пародия на балладу В. А. Жуковского «Рыцарь Тогенбург» (перевод из Шиллера).

Ж е л а н и я п о э т а (стр. 384).— Пародия на стихотворение А. С. Хомякова «Желание» («Хотел бы я разлиться в мире...»).

М о й п о р т р е т (стр. 386).— В стихотворении высмеяны эпигоны Лермонтова и других романтиков. Во втором куплете использованы строки из стихотворений Пушкина «Поэт» и «Поэту».

Б л е с т к и в о т ь м е (стр. 389).— Пародия на стихотворение Фета «В дымке-невидимке...».

П е р е д м о р е м ж и т е й с к и м (стр. 389).— К этому стихотворению в Полном собрании сочинений 1884 года было дано следующее примечание: «Напоминаем, что это стихотворение написано Козьмою Прутковым в момент отчаяния и смущения его от подготовлявшихся правительственных реформ (см. об этом выше, в «Биографических сведениях»)».

И. АКСАКОВ

И в а н С е р г е е в и ч А к с а к о в (1823—1886) — публицист, общественный деятель, поэт, младший сын С. Т. Аксакова. Родился в селе Надеждино Уфимской губернии. В 1842 году окончил Петербургское училище правоведения. Служил в уголовном департаменте правительствующего сената. В 1847 году перешел в министерство внутренних дел. В 1849 году был арестован в связи с репрессиями против славянофилов, но отпущен. Однако за И. Аксаковым был учрежден тайный полицейский надзор. В 1852 году вышел в отставку, которой предшествовал донос ярославского военного губернатора Бутурлина и объяснение с министром Перовским по поводу поэмы «Бродяга». В том же году издал «Московский сборник». Второй том издания, подготовленный к печати, не был пропущен цензурой, а главные участники — Константин Аксаков, Хомяков и И. Киреевский — были подвергнуты поли-

цейскому надзору. Во время Крымской войны вступил в ополчение и совершил поход до Одессы, а затем в Бессарабию. В 1858 году принял на себя неофициально редакторство журнала «Русская беседа». В 1861—1865 годах издавал газету «День». В 1867 году начал выпускать газету «Москва». Принимал живейшее участие в Московском славянском благотворительном комитете. Особенно резко критиковал политику правительства после русско-турецкой войны 1877—1878 годов. После речи Аксакова на заседании комитета правительство прекратило деятельность этой организации, а Аксаков был выслан в село Варварино Владимирской губернии. Умер Аксаков в Москве.

По своим воззрениям Аксаков был славянофилом. Он отрицательно относился к петровским реформам, идеализировал допетровскую, средневековую Русь, выступал за созыв Земского собора, проповедовал идеи панславизма.

Как поэт Аксаков сложился в 40-е годы. Наибольший расцвет его поэтической деятельности приходится на 1844—1853 годы. В это время в его поэзии господствуют гражданские мотивы, не отягченные приверженностью к славянофильским догмам. Поэт возвышает свой голос против существующего порядка и крайних проявлений деспотизма. Вместе с тем эти мотивы всегда окрашены скорбью и сомнением, доходящими порой до тяжелой безысходности. Постоянные колебания между верой и безверием, надеждой и разочарованием, идеалом и прозой жизни влекут Аксакова в конце концов к отказу от решительной борьбы. Лирика Аксакова противостояла унылой романтической поэзии его времени, поскольку поэт воскресил высокие темы, ораторскую, декламационную интонацию и гражданский пафос.

Стихотворения И. С. Аксакова печатаются по тексту издания: И. С. Аксаков. Стихотворения и поэмы. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1960.

<Из поэмы «Бродяга»> (стр. 393).—Замысел поэмы был для своего времени смел: под «бродягой» разумелся человек, в том числе и крепостной крестьянин, покинувший место оседлости «без права и письменного вида». Побеги крестьян, спасавшихся от произвола и нищеты, были распространенным явлением.

«Среди цветов поры осенней...» (стр. 395).— Положено а музыку М. А. Балакиревым.

Л. МЕЙ

Лев Александрович Мей (1822—1862) родился в Москве, в семье обедневшего помещика. В 1841 году окончил Царскосельский лицей и определился на службу в канцелярию московского генерал-губернатора. С 1850 года — инспектор во 2-й московской гимназии. В начале 50-х годов сблизился с Островским, Писемским, А. Григорьевым и вошел в «молодую редакцию» «Москвитянина». С 1853 года почти десять лет сотрудничал в жур-

налах «Библиотека для чтения», «Сын отечества» и других. Умер Мей в Петербурге.

Сочинять Мей начал еще в лицее, но его поэтическая манера сложилась в 40-е годы. Помимо лирических стихотворений, он писал былины, песни, драмы, был известен как переводчик.

В лирике Мей стремился воссоздать психологический облик современного человека, испытывающего сомнения и лишенного цельности. Большое место в лирике заняли античные и библейские мотивы. В произведениях на античные сюжеты Мей поэтизировал живые чувства, наслаждение любовью, искусством, земными радостями. В стихотворениях на библейские темы стремился передать наивность, яркость, искренность плотской любви, воспринимая перелагаемую им «Песнь Песней» как фольклорный памятник. Примерно с середины 50-х годов в лирику Мея проникают социальные мотивы. Поэта волнует судьба задавленных нуждой людей большого города.

Стихотворения Л. А. Мея печатаются по тексту издания: Л. А. Мей. Стихотворения и драмы. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1972.

В е ч е в о й к о л о к о л (стр. 396).— В поэме воспроизведен заключительный момент борьбы Новгорода с Москвой, которая закончилась тем, что в 1478 году вечевой колокол был снят и привезен в Москву. Вечевой колокол для декабристской и последекабристской поэзии был символом вольности. Поэма распространялась в списках, а впервые была напечатана Герценом. Затем неоднократно перепечатывалась в зарубежных революционных изданиях. *Вадимовой площади* — площадь Новгорода, названная по имени Вадима, легендарного защитника новгородской вольности от притязаний Рюрика в 863 году. *Чудь* — собирательное имя для древних финских племен. *Рыцари.*— Имеются в виду ливонские и тевтонские рыцари. *Югория* — страна, населенная финскими племенами и занимавшая пространство на севере Европейской России и Западной Сибири (по обеим сторонам Уральского хребта). *Товары ганзейские* — то есть немецкие; по имени средневековых торговых союзов (Ганза) в Германии, имевших свой флот и вооруженные силы. *Царь Иван.*— Имеется в виду Иван III (1440—1505), который покорил Новгород. *Ярослав* — Ярослав Мудрый (978—1054), киевский князь; в 1014—1018 годах был князем новгородским. *Боголюбский* — Андрей Боголюбский (ок. 1111—1174), великий князь Владимиро-Суздальский, вел неудачную войну с Новгородом. *На Ижору Александра провожал.*— Александр Невский (ок. 1220—1263) в 1240 году разбил шведов и финнов на Неве, при впадении в нее левого притока — Ижоры (Невская битва).

«Н е з н а ю, о т ч е г о т а к г р у с т н о м н е п р и п е й?..» (стр. 398).— Обращено к С. Г. Полянской, будущей жене поэта.

Ф р и н э (стр. 402).— *Фринэ* (Фрина), уроженка г. Мегары — афинская гетера, прославилась умом и красотой, служила моделью многим художникам, в том числе скульптору Праксителю (ок. 390—340 гг. до н. э.). *Гна-*

тена — афинская гетера, современница Фринэ. *Венчанные Крона рукою* — то есть убеленные сединами (Крон, Кронос — одно из главных доолимпийских божеств; по языковому сходству со словом «хронос» — время — считался богом времени в античную эпоху и позднее; греч. миф.). *Ганимед* — прекрасный юноша, похищенный Зевсом и сделанный им виночерпием (греч. миф.). *Пектида* — древнегреческий музыкальный инструмент, сходный с лютней. *Кифера* — одно из имен Афродиты, один из центров культа которой был остров Кифера.

〈Из цикла «Еврейские песни»〉 (стр. 404).— Цикл состоит из тринадцати песен, переложений библейской «Песни Песней». 1. «Поцелуй же меня, выпей душу до дна...» (стр. 404).— *Мирра* — ароматная смола некоторых южных деревьев; используется как благовоние. *Ложница* — спальня. 2. «Хороша я и смугла...» (стр. 404).— *Шалим* — Иерусалим. *Энгадда* — местность в Палестине, знаменитая своими пальмовыми деревьями.

Запевка (стр. 408).— Положено на музыку А. П. Бородиным.

Ты печальна. Кому-то (стр. 408).— Обращено к княгине В. А. Кропоткиной, ставшей позднее женой двоюродного брата поэта — Петра Петровича Мея.

Галатея (стр. 409).— В основу стихотворения положен миф о Пигмалионе. *Рынок паросский.* — Остров Парос славился своим мрамором. *Феб утомленный закинул свой щит златокованый за море.*— Речь идет о солнечном закате; древние греки изображали этого бога с диском солнца в руках. *Агора* (греч.)— городская площадь. *Двести дней Гелиос с неба спускал колесницу.*— Метафорическое описание восхода и захода солнца.

Полежаевской фараонке (стр. 411).— Стихотворение продолжает тему стихотворения А. И. Полежаева «Цыганка». *Фараонка* — цыганка.

«Хотел бы в единое слово...» (стр. 411).— Перевод стихотворения Г. Гейне «Ich wollt' meine Schmerzen ergossen». Положено на музыку М. П. Мусоргским и П. И. Чайковским.

Плясунья (стр. 412).— Стихотворение входит в цикл «Фрески». Тема его связана с настенными изображениями, обнаруженными в результате раскопок Помпеи.

Кесарь Октавий Август и Юлия (стр. 413).— Второе стихотворение из цикла «Камеи», в котором каждое стихотворение посвящено описанию античных резных камней (камей). *Октавий Август* (63 г. до н. э.— 14 г. н. э.) — римский император. *Юлия.*— В этом образе смешаны Меем вслед за Пушкиным («Замечания на Анналы Тацита») и некоторыми другими историками две Юлии: Юлия Старшая (39 г. до н. э.— 14 г. н. э.) — дочь Августа, жена Агриппы и Тиберия, известная своей красотой и распущенностью, и ее дочь от брака с Веспасианом Агриппой — Юлия Младшая (между 17 и 12 гг. до н. э.— 28 г. н. э.), высланная Августом за разврат на один из

островов Адриатики. *Требония* (точнее Скрибония) — мать Юлии Старшей, первая жена Августа. *Ливия* — вторая жена Августа. *Лидия* — вымышленное Меем лицо. *Назона Овидия...*— Публий Овидий Назон (43 г. до н. э.— 16 г. н. э.) был выслан Августом в 8 г. н. э. в город Томы (устье Дуная).

Н. ЩЕРБИНА

Николай Федорович Щербина (1821—1869) родился близ Таганрога, в семье обедневшего донского помещика. Учился в Таганрогской гимназии. В 1838 году впервые выступил в печати. В 1839 году Щербина, не кончив гимназического курса, приехал в Москву, но поступить в университет ему не удалось. Тогда же он переехал в Харьков, где держал экзамен на звание домашнего учителя. В течение десяти лет поэт разъезжал по Украине, обучал детей помещиков, преподавал в женских пансионах. В 1850 году Щербина издал в Одессе сборник своих стихотворений. Сборник имел шумный успех. Щербина переехал в Москву и поступил на службу помощником редактора газеты «Московские губернские ведомости». В 1855 году в Петербурге он определился на должность чиновника особых поручений при товарище министра народного просвещения, которым был тогда П. А. Вяземский. Умер Щербина в Петербурге.

Щербина вошел в историю литературы как антологический и сатирический поэт. Античный мир был воспринят Щербиной в духе романтических представлений о гармоническом и гуманном человеческом обществе, в котором нет противоречий между человеком и природой, человеком и обществом. Цельность и гармония античного человека явно противостояли в лирике Щербины рефлектированному сознанию людей 40-х годов. Обращение к прошлому в антологических стихах связано у Щербины с отрывом от современной ему действительности. Однако в период общественного подъема на рубеже 50—60-х годов поэт испытал интерес к гражданской тематике.

В сатирических произведениях, часто остроумных и желчных, Щербина крайне непоследователен. Он высмеивает и правительство, и славянофилов, и либералов, иронизирует и над нигилистами.

Стихотворения Н. Ф. Щербины печатаются по тексту издания: Н. Ф. Щербина. Избр. произв. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1970.

Фессалийская идиллия (стр. 414).— *Фессалия* — область северо-восточной Греции. *У вершины Ахелоя* — то есть в верховье реки Ахелой, протекающей в Греции.

Сила песни (стр. 415).— Вошло в цикл «Новогреческие мелодии». Положено на музыку А. Л. Гурилевым.

Скрываемая страсть (стр. 415).— *Тетрахорд* — звуковой ряд из четырех нот; здесь — музыкальный инструмент.

В портике (стр. 416).— *Портик* — крытая галерея с колоннадой. *...гермесов ряд бесконечный.*— Культ Гермеса выражался, в частности, в том, что в честь его ставились колонны (простые столбы) с изображением его головы.

Пир (стр. 419).— *Ионийские песни* —то есть песни, возникшие на островах Ионийского архипелага. *Милетские сказки.*— Милет — древнегреческий город в Малой Азии. *Цитерский малютка* — Эрос (Эрот), бог любви; одним из центров его культа был остров Цитера в Эгейском море, самый южный из Ионийских островов. *Гиматий* — большой плащ, дважды обертывавшийся вокруг левого плеча. *Навзикая* (Навсикая) — дочь царя феаков Алкиноя, нашедшая Одиссея после кораблекрушения (греч. миф.). Миф о Навзикае изложен в «Одиссее» Гомера.

«Ложе из лилий и роз приготовил тебе я...» (стр. 420).— *Цитера* — сосуд из дерева для хранения воды. *Персепольских сандалий.*— Персеполь — одна из столиц Древней Персии, с которой греки торговали. *Тирских запястий.*— Тир, рабовладельческий город-государство в Финикии. *Лидийские песни* — песни, возникшие в рабовладельческом государстве Лидия, расположенном в Малой Азии. *Хиосский старец* — Гомер; за право называться родиной Гомера спорили семь городов, в том числе и Хиос.

Моя богиня (стр. 422).— *Иль ты не знаешь, что я поклоняюся новой богине...*— В письме к А. Н. Майкову Щербина пояснял: «...десятая моя муза — умеренность, соразмерность, равновесие, воздержность, логическая стройность и т. п. в произведении искусства, словом, муза Софросина, которую я желал бы потребовать от поэта, по возможности» (Н. Ф. Щербина. Избр. произв. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1970, с. 534).

Девушка у Харона (стр. 424).— Вошло в цикл «Новогреческие мелодии». Посвящено Анастасии (Настасии) Ивановне Толстой (1825—1889), жене вице-президента Академии художеств Ф. П. Толстого, с семьей которого Щербина находился в дружеских отношениях. *Паликар* — удалец, богатырь; так называли себя греческие повстанцы, которых турки нарекли клефтами, то есть разбойниками.

А. РАЗОРЕНОВ

Алексей Ермилович Разоренов (1819—1891) родился в селе Малое Уварово Коломенского уезда Московской губернии, в крестьянской семье. За свою жизнь служил и статистом в провинциальной труппе, и лакеем, и разносчиком, и приказчиком. Последние четверть века провел в Москве, держа овощную лавку. Печатался во многих периодических изданиях. Умер в Москве.

Песня А. Е. Разоренова «Не брани меня, родная...» печатается по тексту издания: «Песни и романсы русских поэтов». М.— Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1965.

И. НИКИТИН

Иван Саввич Никитин (1824—1861) родился в довольно богатой мещанской семье, в Воронеже. Учился в духовной семинарии, которую, однако, не кончил. Разорение отца заставило Никитина держать постоялый двор. За два года до смерти открыл в Воронеже книжный магазин. Все эти годы Никитин вел отчаянную борьбу с нуждой. Писать стихи начал рано, еще в семинарии, но печататься долгое время не решался. Лишь в 1853 году опубликовал в газете «Воронежские губернские ведомости» стихотворение «Русь». С той поры произведения Никитина стали часто появляться в столичных журналах. Умер Никитин в Воронеже.

Никитин был поэтом-самородком. Он обратился к реальной жизни крестьян и сумел показать безмерность народных страданий, беспросветную нужду крепостных людей. Вместе с ними в лирику Никитина вошли образы городских бедняков. Никитину удалось воплотить в своих произведениях не только горькую долю народа, но и его горячую мечту о счастье и свободе. Нередко в стихотворениях Никитина содержится мужественный призыв к борьбе и прямо выражается социальный протест.

Стихотворения И. С. Никитина печатаются по тексту издания: И. С. Никитин. Полн. собр. стихотворений. М.— Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1965.

«Вырыта заступом яма глубокая...» (стр. 447).— Стихотворение включено Никитиным в повесть «Дневник семинариста», которая им и заканчивается.

Н. ДОБРОЛЮБОВ

Николай Александрович Добролюбов (1836—1861)— критик, публицист и поэт — родился в Нижнем Новгороде, в семье священника. В 1848—1853 годах учился в Нижегородской духовной семинарии. В 1853 году был принят студентом на историко-филологический факультет Петербургского главного педагогического института. В 1856 году Добролюбов начал печататься в «Современнике» и сблизился с Чернышевским. С 1857 года стал одним из основных сотрудников этого журнала, заведуя всей литературно-критической его частью. Вскоре задумал и осуществил издание «Свистка» — сатирического приложения к «Современнику». В 1860 году уехал лечиться за границу и побывал в Германии, Швейцарии, Франции и Италии. Летом 1861 года вернулся в Россию. Здоровье его резко ухудшилось. Скончался Добролюбов в Петербурге.

Добролюбов известен прежде всего как литературный критик и публицист. Однако его многогранный художественный талант раскрылся и в области поэтического творчества. Добролюбов рано начал писать стихи. Его поэзия развивалась в русле некрасовского направления.

Лирика Добролюбова автобиографична и представляет собой поэтическую исповедь революционного разночинца, проделавшего сложный путь

внутреннего развития от религиозно настроенного юноши до убежденного демократа. В исповедальной лирике Добролюбова нет разлада между жизнью частной и общественным служением. В ней возникает образ юного борца за народное благо, не нашедшего, однако, личного счастья и сраженного смертельной болезнью. Но, предчувствуя личную гибель, поэт обращается к молодому поколению с призывом оставаться верным революционным идеалам.

Особое место в поэтическом творчестве Добролюбова занимают его сатирические стихотворения. Поэт создал сатирические маски Конрада Лилиеншвагера, Якова Хама, Аполлона Капелькина, от лица которых он разоблачал пустую либеральную болтовню, реакционно-шовинистическую печать, отрешенное от общественных проблем искусство. Основной сатирический метод — пародия.

Стихотворения Н. А. Добролюбова печатаются по тексту издания: Н. А. Добролюбов. Стихотворения. М.— Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1969.

Моему ближнему (стр. 450).— Второе стихотворение цикла «Мотивы современной русской поэзии». Эпиграф — из сатиры Кантемира «К музе своей» (ст. 35); в нем содержится намек на безымянность адресатов в стихотворениях либерального поэта М. П. Розенгейма (1820—1887) и других «обличителей», над чем Добролюбов постоянно издевался.

Мысли помощника винного пристава (стр. 451).— Пятое стихотворение цикла «Мотивы современной русской поэзии».

«О, подожди еще, желанная, святая!..» (стр. 452).— В стихотворении речь идет о революции.

«Бурного моря сердитые волны...» (стр. 453).— Стихотворение навеяно итальянскими впечатлениями.

М. МИХАЙЛОВ

Михаил Ларионович (Илларионович) Михайлов (1829—1865) родился в Оренбурге, в семье губернского казначея. Первоначальное образование получил дома под руководством политических ссыльных. В 1846 году стал вольнослушателем Петербургского университета, но в 1848 году оставил университет. В 1852 году Михайлов вошел в круг «Современника», а в 1853 году сблизился с Чернышевским. В 1858 году уехал за границу, в 1859 году встретился с Герценом. С 1860 года вошел в редакцию «Современника» и возглавил там отдел иностранной литературы. Под воздействием Чернышевского в 1859—1861 годах принимает участие в подпольной революционной деятельности. В 1861 году вместе с Шелгуновым написал прокламацию «К молодому поколению», отпечатал ее в Лондоне, в типографии Герцена, и привез в Петербург. По доносу провокатора в 1861 году был арестован и осужден на шесть лет каторжных работ и пожизненное поселение в Сибири. Вначале поселился на Казаковском приске, затем отбывал каторгу

на Кадаинском прииске, где с 1864 года находился и Чернышевский. Каторга подорвала здоровье Михайлова. Умер он в Кадае.

Стихи Михайлов начал писать рано, но оригинальные поэтические принципы выработались в начале 50-х годов. Михайлов развивает традиции русской гражданской лирики. Основная тема — пробуждение революционного сознания и политической активности народа, воспитание в нем стойкости, мужества. Отсюда возникло обращение к героике исторического прошлого. Михайлов сочетает ораторскую интонацию с демократичностью, простотой языка. Он известен также как поэт-сатирик и переводчик.

Стихотворения М. Л. Михайлова печатаются по тексту издания: М. Михайлов. Собр. стихотворений. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1969.

Гренадеры (стр. 454).— Перевод одноименного стихотворения Гейне.

«Когда ж минует испытанье?..» (стр. 455).— *И неподвижный столб Мемнона//Гудел под солнечным лучом.* — Статуя египетского царя Аменхотепа III близ Фив при восходе солнца издавала звук, наподобие лопнувшей струны.

«Джон Андерсон, сердечный друг!..» (стр. 456).— Перевод стихотворения Р. Бернса «Jon Anderson, my Jo».

«О сердце скорбное народа!..» (стр. 457).— Стихотворение связано с реформой 1861 года, которую Михайлов считал «ловушкой и обманом». В перекликающихся с этим стихотворением статьях и воззваниях революционных демократов народ призывался к активной борьбе.

Памяти Добролюбова (стр. 458).— Эпиграф — из стихотворения А. Шамиссо «Der alte Müller» («Старый мельник»). Стихотворение написано в Петропавловской крепости. Распространилось в рукописи, стало популярной песней революционного студенчества.

«Крепко, дружно вас в объятья...» (стр. 459).— Написано в Петропавловской крепости в ответ на послание студентов, заключенных в крепости, «Узнику» (автор — И. А. Рождественский или Н. И. Утин).

Пятеро (стр. 460).— Стихотворение посвящено казненным декабристам. *Близ места вашей казни.*— Декабристы были казнены в Петропавловской крепости; в ее соборе находятся гробницы русских царей начиная с Петра I.

«Как долгой ночью ждет утра...» (стр. 462).— Стихотворение обращено к Л. П. Шелгуновой (1832—1901).

«Вышел срок тюремный...» (стр. 463).— В 1862 году Михайлов жил у своего брата П. Л. Михайлова на Казаковском золотом прииске, хотя официально числился каторжником.

«Зарею обновленья...» (стр. 463).— Стихотворение обращено к Л. П. Шелгуновой.

В. КУРОЧКИН

Василий Степанович Курочкин (1831—1875) родился в Петербурге, в семье чиновника. Учился сначала в первом Кадетском корпусе, а затем в Дворянском полку, после окончания которого в 1849 году служил прапорщиком гренадерского полка. Тогда же началась его литературная деятельность. В 1853 году оставил военную службу и определился в министерство путей сообщения. С 1854 года Курочкин связал свою судьбу с журналом «Современник». Вскоре он оставил чиновничью службу. В 1858 году выпустил сборник переводов из Беранже, имевший огромный успех. С 1859 года вместе с художником Н. А. Степановым стал издавать сатирический журнал «Искра», занявший под его руководством революционно-демократические позиции. «Искра» была превращена Курочкиным в орган боевой политической сатиры, откликавшийся на злободневные вопросы и тесно связанный с жизнью. В 60-х годах включился в революционную деятельность, входил в состав «Земли и воли», поддерживал связи с лондонскими эмигрантами Герценом и Огаревым. В 1866 году был арестован, два месяца провел в Петропавловской крепости, но затем был освобожден. Умер в Петербурге.

Курочкин вошел в русскую поэзию как поэт-сатирик и переводчик. Объект сатиры Курочкина — самодержавно-крепостническая система. В дореформенном творчестве подвергается осмеянию жизнь крепостников, реакционная деятельность правительства. В пореформенных произведениях острие сатиры направлено на разоблачение реформы 1861 года.

В революционных стихах, написанных в духе агитационных песен декабристов, содержались прямые призывы к крестьянской революции. Для Курочкина характерно наполнение «легких жанров», например, куплета, острым социальным содержанием. Он широко пользовался жанрами пародии, эпиграммы, перепева, был мастером стихотворного газетного фельетона.

Курочкин был замечательным переводчиком. Его переводы из Беранже выполнены с исключительным поэтическим мастерством и до сих пор непревзойденны.

Стихотворения В. С. Курочкина печатаются по тексту издания: «Поэты «Искры», т. I. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1955.

Старый капрал (стр. 467). — Перевод одноименного стихотворения Беранже. Положено на музыку А. С. Даргомыжским.

Знатный приятель (стр. 469).— Перевод стихотворения Беранже «Le sénateur» («Сенатор»). Положено на музыку А. С. Даргомыжским.

Двуглавый орел (стр. 471). — *Двуглавый орел* — герб Российской империи. *Что у нас каждый штоф за печатью // Заклеймен двуголовым орлом.*— На бутылках с водкой вследствие государственной монополии стояла печать с изображением двуглавого орла. *На обоих бортах вицмундира// По шести двуголовых орлят.*— На форменных пуговицах изображался дву-

главый орел. *Пред зерцалом* — то есть перед эмблемой законности в виде пирамиды с двуглавым орлом и тремя указами Петра I.

Господин Искариотов (стр. 477).— Перевод стихотворения Беранже «Monsieur Judas» («Господин Иуда»). Стихотворение, в котором современники увидели типичный образ царского шпиона, пользовалось исключительной популярностью.

Семейная встреча 1862 года (стр. 479). — *В четвертый раз.*— 1862 год был четвертым годом издания «Искры»; в первом номере каждого года обязательно появлялось стихотворение В. Курочкина. *Российского весь блеск тысячелетья.* — В 1862 году праздновалось тысячелетие России, которое носило пышный, но казенный и официозный характер; Курочкин, как и другие демократы, отнесся к нему иронически. *Химик Жданов.*— Инженер-технолог Н. И. Жданов изобрел средство от зловония («ждановская жидкость»). Последние два стиха — перефразировка слов Фамусова из комедии «Горе от ума» («Подписано, так с плеч долой!»).

«Юмористическим чутьем...» (стр. 482).— Объектом эпиграммы является профессор государственного права Московского университета Б. Н. Чичерин (1828—1904), либерал, склонявшийся к реакции. *Нагайку чуем казака...*— В начале 60-х годов возникла полемика на историческую тему между С. М. Соловьевым и Н. И. Костомаровым, писавшим о южнорусском казачестве. Б. Н. Чичерин, включившись в полемику (конец 1861— начало 1862 г.), объявил «умственным и литературным казачеством» революционное свободомыслие, то есть перевел полемику в план современный. Курочкин охотно стал называть себя «казаком», то есть выразителем народного протеста, но одновременно представил казаком с нагайкой, то есть в качестве душителя свободы, самого Чичерина. *Хоть видим в выпушках, петличках...*— Реминисценция из комедии Грибоедова «Горе от ума» («А форменные есть отлички:// В мундирах выпушки, погончики, петлички»).

Тик-так! Тик-так! (стр. 482).— *Чертог твой вижу изукрашен...*— Пародийное использование так называемого эксапостилария страстной седмицы: «Чертог твой вижду, спасе мой, украшенный...» «*Глагол времен, металла звон*» — цитата из оды Державина «На смерть князя Мещерского».

«Нет, положительно, роман...» (стр. 486).— Стихотворение направлено против реакционного публициста Ростислава (Ф. М. Толстого), поместившего в «Северной пчеле» статью «Лжемудрость героев г. Чернышевского». Полная клеветнически обывательских и злобных выпадов, статья эта вызвала негодование Курочкина. *Ни дев, танцующих канкан, // Алис и Ригольбош.*— С 1862 года в Петербурге стали открываться танцклассы с обучением канкану; среди специалистов по части канкана была известна некая Ригольбош.

Погребальные дроги (стр. 489).— *Гуффе* Арман (1775—1845) — французский поэт-песенник и водевилист.

Д. МИНАЕВ

Дмитрий Дмитриевич Минаев (1835—1889) — поэт-сатирик, драматург, переводчик. Родился в Симбирске, в небогатой дворянской семье. Печататься начал с 1857 года, сначала во второстепенных петербургских журналах. С 1861 по 1864 год Минаев был одним из основных сотрудников «Русского слова». С 1860 года Минаев — активный участник «Искры». Его произведения печатались также в «Современнике», «Будильнике» и других изданиях. С 1868 года Минаев печатался в «Отечественных записках». Умер в Симбирске.

Сатира Минаева многообразна по темам и формам. В лучших произведениях сатирика высмеяны типичные явления современности: крепостное право, либерализм, славянофильство, бюрократия, либеральные реформы, реакционная пресса. Часто Минаев вел повествование от лица какой-либо маски, которая саморазоблачала себя. Самой значительной фигурой был тупой солдафон Михаил Бурбонов. Минаев был мастером каламбура, звучной и неожиданной рифмы, развивал жанры эпиграммы, пародии, стихотворного фельетона.

Лучшие произведения Минаева интересны своей социальной направленностью, меткой и отточенной сатирой, блестящими поэтическими находками.

Стихотворения Д. Д. Минаева печатаются по тексту издания: «Поэты «Искры», т. II. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1955.

Кумушки (стр. 491).— Стихотворение является откликом на студенческие волнения в Петербурге осенью 1861 года. *Гнать, и гнать, и гнать его.*— Каламбур: «гнать и гнать Игнатьева». П. Н. Игнатьев (1797—1879) — петербургский военный губернатор, жестоко расправлявшийся со студентами. *Лупят под лопатку ли.*— Каламбур: «Лупят подло Паткули». А. В. Паткуль (1817—1877) — обер-полицмейстер Петербурга, прославился варварским усмирением студенчества.

Сказка о восточных послах (стр. 492).— Написано в связи с пребыванием в Петербурге летом 1862 года японского посольства, которому был устроен пышный прием и показаны достопримечательности столицы.

Юмористам (стр. 493). — *Над ездой в телеге тряской// Средь больших дорог...*— Намек на стихотворение П. А. Вяземского «Русский бог».

Совет (стр. 494). — *И. Павлов* — Н. Ф. Павлов (1805—1864), издававший в 1860—1863 годах реакционную газету «Наше время», которая субсидировалась правительством.

«Холод, грязные селенья...» (стр. 494).— Третье стихотворение цикла «Лирические песни с гражданским отливом». Пародируя фетовское стихотворение «Шепот, робкое дыханье...», Минаев высмеивал прежде всего статьи Фета «Из деревни», напечатанные в «Русском вестнике» в 1863 го-

ду. В своих статьях Фет утверждал, что интересы помещиков менее защищены, чем интересы крестьян, которых обвинял в грубости и лени. *И работника Семена // Плутовство и лень.*— Фет рассказал в главе «Равенство перед законом» о том, что за нерадивость ему пришлось уволить работника Семена и что задаток в одиннадцать рублей, полученный батраком, Фет вернул с большим трудом. *На полях чужие гуси...*— В главе «Гуси с гусенятами» Фет, касаясь вопроса о потравах, рассказал о крестьянских гусях, которых он поймал на своем поле; и хотя гуси не причинили вреда, Фет принудил владельца гусей к выплате штрафа.

«Чудная картина!..» (стр. 495).— Установлено, что, кроме стихотворения «Чудная картина», Минаев пародийно использует мотивы других произведений Фета: «Знакомке с юга», «Георгины», «У камина», «Грезы», «Певице».

«Жизнь наша вроде плац-парада...» (стр. 495).— Пародия на стихотворение «Не вспоминай о бурном прежде...» М. П. Розенгейма.

Мотивы русских поэтов (стр. 496). — Цикл состоит из пяти стихотворений. 1. Мотив мрачно-обличительный.— Пародия на либеральное обличительство, характерное для Розенгейма и отдельных стихотворений Бенедиктова. *«Ночной зефир струит эфир»* — первая строка стихотворения Пушкина (1824). 5. Мотив бешено-московский.— Пародия на стихотворение В. Бенедиктова «К отечеству и врагам его» и на поэтические приемы Бенедиктова.

Насущный вопрос (стр. 502).— В стихотворении сказалось влияние стихотворения Добролюбова «Чернь». *Земский совет.*— Земские собрания были учреждены в 1864 году. Основную роль в них играли дворяне, а крестьянские представители не имели голоса. Либералы, однако, идеализировали земские советы, за что и были высмеяны Минаевым.

Ренегат (стр. 503). — *Оффенбах* — Жак Оффенбах (1819—1880), французский композитор. *«Говоруны»* — пьеса И. А. Манна, шедшая на сцене Александринского театра, в которой в злобно-карикатурном виде были изображены нигилисты.

«Когда-то, милые друзья...» (стр. 505).— *«Вперед без страха и сомненья!»* — строка из стихотворения А. Н. Плещеева (см. наст. изд.).

«Поэт понимает, как плачут цветы...» (стр. 505).— Пародия на стихотворение Я. П. Полонского «Жалобы музы».

Журналу, переменившему редактора (стр. 506).— Поводом к эпиграмме послужила происшедшая в 1877 году смена редакторов либерального юмористического журнала «Маляр» (сначала его редактировал С. А. Любовников, а затем И. П. Карамышев).

Китейская нерархия (стр. 506).— Образы стихотворения восходят к русской сатирической традиции: «Что сходит с рук ворам, за то воришек бьют...» (Крылов, «Вороненок»). «Бичуя маленьких воришек // Для удовольствия больших» (Некрасов, «Поэт и гражданин»).

Либерал от «Порядка» (стр. 507). — *«Порядок»* — русская либеральная газета, издававшаяся в 1881 году М.М. Стасюлевичем, редактором журнала «Вестник Европы»; объявление о подписке на нее появилось в 1880 году. *Гистасп Дарий* — Дарий I Гистасп (550—486 гг. до н. э.), персидский царь.

М. Н. К<атко>ву (стр. 508).— *М. Н. Катков* (1818—1887) — в молодости член кружка Белинского, затем издатель и редактор либерального журнала «Русский вестник», а после Польского восстания 1863 года идеолог реакционного дворянства и ревностный защитник самодержавия. Вел ожесточенную борьбу с демократическим лагерем. Идейная эволюция Каткова служила предметом частых насмешек демократических писателей. *С успехом заменил Катков // В России Третье отделенье.*— В 1880 году III Отделение было упразднено, а функции его перешли к министерству внутренних дел.

«Понемножку назад да назад...» (стр. 508).— *Ташкент.*— Употреблено вслед за Щедриным не в качестве географического понятия, а как обобщение самых темных сторон самодержавной России, которые с наибольшей остротой проявились в политике царизма в Средней Азии.

Две смерти (стр. 508).— В стихотворении описаны похороны Ф. М. Достоевского. *Курдюк* — имя действительного статского советника; возникло, вероятно, по аналогии с именем мадам Курдюковой, героини поэмы И. П. Мятлева (см. с. 78 наст. изд.). *Волково* — Волково кладбище в Петербурге.

NN («Он знает, где зимуют раки...») (стр. 514).— *Пришел, увидел и украл* — ироническое использование знаменитого афоризма Цезаря: «Veni, vidi, vici» («Пришел, увидел, победил»).

<В. П. Буренину> («По Невскому бежит собака...») (стр. 514).— *В. П. Буренин* (1841—1926) — поэт и журналист, примыкавший сначала к демократическому лагерю, а затем переметнувшийся в стан реакции.

В. БОГДАНОВ

Василий Иванович Богданов (1837—1886) родился в г. Лихвине Калужской губернии, в семье священника. В 1861 году окончил медицинский факультет Московского университета. Служил в Петербурге врачом.

Творчество Богданова с начала 60-х годов теснейшим образом связано с журналом «Искра» и с другими сатирическими изданиями. Главной темой творчества поэта была жизнь бедняков — трудового люда, разночинной интеллигенции. Поэт пишет об угнетении народных масс и о пробуждении их к революционной борьбе. Богданов разоблачает пороки самодержавного режима в форме ораторского обличения и в сатирических образах. Он был мастером фельетона-обозрения. Поэт широко использовал пародию, перепев, песню.

Стихотворение В. И. Богданова «Дубинушка» печатается по тексту издания: «Поэты «Искры», т. II. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1955.

Дубинушка (стр. 515).— Слова Богданова в позднейшей обработке А. Ольхина стали популярной народной песней. Припев — переделка припева песни бурлаков. *Чтоб дружней прорубалось в Европу окно...*— Ироническое переосмысление крылатой фразы Пушкина в «Медном всаднике».

П. ВЕЙНБЕРГ

Петр Исаевич Вейнберг (1831—1908) — поэт и переводчик — родился в Николаеве, в семье нотариуса. В 1854 году окончил историко-филологический факультет Харьковского университета. С 1858 года он начал сотрудничать в петербургских журналах. В 1861 году издавал журнал «Век», не имевший, однако, успеха. До 1866 года писал в «Искре», а затем стал заведовать литературным отделом «Будильника». В 1868—1874 годах преподавал литературу в Варшавской главной школе, ставшей впоследствии университетом. После возвращения в Петербург преподавал литературу на высших женских курсах, а позднее состоял приват-доцентом Петербургского университета. В 1905 году избран академиком. Умер Вейнберг в Петербурге.

Вейнберг примыкал к умеренному крылу «искровцев», его мировоззрение не отличалось последовательностью. Однако его пародии и сатиры не лишены обличительной силы. Главный предмет его сатиры — высмеивание злободневных для русской жизни явлений: взяточничества, мракобесия и произвола. Свои произведения Вейнберг печатал под псевдонимом «Гейне из Тамбова». Много потрудился поэт над переводами, составляющими значительную часть его литературного наследия.

Стихотворение П. И. Вейнберга «Он был титулярный советник...» печатается по тексту издания: «Поэты «Искры», т. II. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1955.

«Он был титулярный советник...» (стр. 517). — Стихотворение положено на музыку А. С. Даргомыжским.

Л. ПАЛЬМИН

Лиодор (Илиодор) Иванович Пальмин (1841—1891) родился в дворянской семье, в имении в Ярославской губернии. Поступил на юридический факультет Петербургского университета, но в 1861 году был арестован за участие в студенческих волнениях и исключен из университета. Выступал в печати с 1859 года. С 1863 года он стал активно сотрудничать в «Искре» и в других журналах. Многим в своем творчестве Пальмин был обязан В. С. Курочкину. В 80-е годы он сотрудничал в «Осколках», «Стрекозе»

и других юмористических органах. Тогда же познакомился с А. П. Чеховым, который любил Пальмина и его стихи. Умер Пальмин в Москве.

Мировоззрение Пальмина не было четким и последовательным, но оно, безусловно, отличалось искренним демократизмом. Творчество Пальмина делится на сатиру и высокую гражданскую лирику. В некоторых произведениях поэт достигал подлинно трагической силы. Пальмин известен и как переводчик.

Стихотворение Л. И. Пальмина «Requiem» печатается по тексту издания: «Поэты «Искры», т. II. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1955.

Requiem (стр. 518).— Стихотворение стало популярной революционной песней.

А. ЖЕМЧУЖНИКОВ

Алексей Михайлович Жемчужников (1821—1908) родился в местечке Почеп Черниговской губернии, в старинной дворянской семье. В 1841 году окончил Училище правоведения в Петербурге. Служил чиновником до 1858 года. Вместе с младшими братьями — Александром и Владимиром Жемчужниковыми — и А. Толстым Жемчужников создает в начале 50-х годов сатирический портрет Козьмы Пруткова. В 50-х — начале 60-х годов он сближается с кругом «Современника», печатается в «Искре». В конце 60-х годов Жемчужников начал активно сотрудничать в «Отечественных записках». Умер Жемчужников в Тамбове.

В творческом наследии Жемчужникова преобладают сатирические и гражданские стихотворения. Сатирическая линия, начавшаяся с активного участия в создании образа Козьмы Пруткова, продолжалась и в пореформенные годы: в эпиграммах и памфлетах, в жанре высокой сатиры Жемчужников обличал реакционные тенденции в политике самодержавия и в русской общественной жизни.

Другая линия в творчестве Жемчужникова связана с гражданскими мотивами, проникающими в его философскую, пейзажную и любовную лирику. Поэт призывает сохранить мужество, гражданский дух перед лицом реакции. Жемчужникову не были чужды ни либеральные иллюзии, ни религиозные настроения, ни мотивы грусти и покаяния, но в целом его поэзия была проникнута демократическим пафосом протеста и мыслью о гражданском служении.

Стихотворения А. М. Жемчужникова печатаются по тексту издания: А. М. Жемчужников. Избр. произв. М.— Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1963.

Нашему прогрессу (стр. 519).— Второе стихотворение из цикла «Эпитафии».

Нашей цензуре (стр. 520).— Третье стихотворение из цикла «Эпитафии». *Тебя уж нет!..*— В 1865 году были введены «Временные правила», которыми отменялась предварительная цензура периодической печати. Однако редакторы журналов и газет не освобождались от судебной и административной ответственности (предостережения, приостановка издания и прекращение его).

Забытые слова (стр. 522).— Стихотворение посвящено памяти М. Е. Салтыкова-Щедрина, скончавшегося 28 апреля 1889 года. Жемчужников был хорошо знаком с М. Е. Салтыковым-Щедриным. «Забытые слова» — название начатого перед смертью нового произведения Салтыкова-Щедрина. В редакционной заметке, сопровождавшей публикацию стихотворения Жемчужникова в журнале «Вестник Европы» (1889, № 6, с. 846), было сказано: «Помещаемое нами ниже стихотворение А. М. Жемчужникова довольно верно изобразило вероятную тему последнего литературного замысла покойного».

Конь Калигулы (стр. 522). — Эпиграф — из стихотворения Г. Р. Державина «Вельможа». *Калигула* Гай Цезарь (12—41) — римский император.

А. АММОСОВ

Александр Николаевич Аммосов (1823—1866) родился в семье офицера. Образование получил в Петербургском университете. Затем он поступил на военную службу. В последние годы жизни занимал пост управляющего палатой государственных имуществ Волынской губернии.

В литературном творчестве Аммосова выделяется несколько стихотворений, написанных в жанрах песни, романса и положенных на музыку М. П. Мусоргским, К. Н. Лядовым и другими композиторами.

Стихотворение А. Н. Аммосова «Элегия» печатается по тексту издания: «Песни и романсы русских поэтов». Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1965.

Элегия (стр. 525).— Стихотворение стало популярной песней. *Ямман-Су* — река на Кавказе.

А. НАВРОЦКИЙ

Александр Александрович Навроцкий (1839—1914) родился в Петербурге. С 1857 до 1867 года служил офицером. Затем окончил Военно-юридическую академию и служил по военно-судебному ведомству. В 1891 году вышел в отставку в чине генерал-лейтенанта.

Литературная деятельность Навроцкого началась с участия в либеральных журналах, но закончилась в консервативных. Он писал стихотворения и драмы на темы русской истории, стилизировал свои стихи под строй народных песен и романтических баллад.

Стихотворение А. А. Навроцкого «Утес Стеньки Разина» печатается по тексту издания: «Песни и романсы русских поэтов». Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1965.

Утес Стеньки Разина (стр. 528).— Стихотворение вошло в песенный репертуар и использовалось народниками в революционной пропаганде. Оно было особенно любимо А. И. Ульяновым. *То теперь решено.*— Вероятно, имеется в виду отмена крепостного права.

П. ЛАВРОВ

Петр Лаврович Лавров (1823—1900) родился в селе Мелехово Великолукского уезда Псковской губернии, в довольно богатой помещичьей семье. Окончил Петербургское артиллерийское училище. В 1852—1866 годах — профессор математики в Артиллерийской академии. Публицистическую деятельность начал в 1857 году. В 1866 году был арестован и предан суду за появившиеся в герценовских изданиях революционные стихотворения и за близость к Чернышевскому, Михайлову, а также за пропаганду вольнолюбивых идей. Суд приговорил Лаврова к ссылке на Север (Тотьма, Вологда, Кадников). В 1870 году он бежал за границу. В том же году стал членом I Интернационала, оказывал помощь парижским коммунарам, познакомился с К. Марксом и Ф. Энгельсом. С 1872 года в Цюрихе издавал обозрение «Вперед!». Не порывал связи с русским движением (он печатался в России под различными псевдонимами, был членом «Народной воли»). В последние годы сосредоточился на теоретической деятельности. Умер в Париже.

Основные мотивы лирики Лаврова — труд, свобода, братство и вера в конечную победу над ложью. Поэзия Лаврова носит пропагандистский характер. Она одушевлена революционным пафосом и пробуждает веру в торжество революционной идеи.

Стихотворение П. Л. Лаврова «Новая песня» печатается по тексту издания: «Поэты-демократы 1870—1880-х годов». Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1968.

Новая песня («Отречемся от старого мира!..») (стр. 530).— Одна из самых популярных песен, русская «марсельеза». Была специально написана для исполнения на мотив «Марсельезы». По образцу «Новой песни» создавались студенческие, крестьянские и солдатские «марсельезы».

И. ФЕДОРОВ (ОМУЛЕВСКИЙ)

Иннокентий Васильевич Федоров (псевдоним: Омулевский; 1836—1883) родился в Петропавловске-на-Камчатке, в семье исправника. В 1856—1858 годах — вольнослушатель на юридическом факультете Петербургского университета. Тогда же он целиком отдается литера-

турной деятельности, включается в революционную работу. В 1870 году к Омулевскому пришел большой успех в связи с романом «Шаг за шагом». Новые его произведения были запрещены цензурой. В 1873 году был арестован, но в том же году выпущен на свободу. Последние годы были омрачены тяжелой болезнью и крайней бедностью. Умер Омулевский в Петербурге.

Преимущественные мотивы лирики Омулевского — призывы к революционной борьбе. В гражданской поэзии отразилось влияние лирики Добролюбова, а в сатирических стихотворениях — Некрасова.

Стихотворение И. В. Федорова (Омулевского) «Светает, товарищ!..» печатается по тексту издания: «Поэты-демократы 1870—1880-х годов». Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта», Большая серия), 1968.

«С в е т а е т, т о в а р и щ!..» (стр. 532).— Стихотворение вошло в песенный репертуар революционной молодежи.

Л. Т Р Е Ф О Л Е В

Л е о н и д Н и к о л а е в и ч Т р е ф о л е в (1839—1905) родился в г. Любиме Ярославской губернии, в небогатой помещичьей семье. Окончил Ярославскую гимназию. В 1857—1864 годах служил помощником редактора «Ярославских губернских ведомостей». Там же были опубликованы первые его стихотворения. С 1872 года в продолжение более двадцати пяти лет редактировал «Вестник ярославского земства». В 70-е годы сочинения Трефолева начали печатать ведущие столичные журналы. В последние годы Трефолев почти совсем отошел от литературной деятельности и не выступал в печати. Умер он в Ярославле.

Трефолев был поэтом некрасовской школы. В его творчестве ощутим интерес к жизни крестьянства. Ему близки страдания бедняков, их печаль и горе, но вместе с тем и те нехитрые радости, которые выпадают на долю трудового народа. Среди революционной молодежи были популярны его песни и сатирические стихотворения. Трефолев известен и как переводчик, познакомивший русского читателя с произведениями славянской культуры.

Стихотворение Л. Н. Трефолева «Песня о камаринском мужике» печатается по тексту издания: Л. Н. Т р е ф о л е в. Избр. произв. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1951.

П е с н я о к а м а р и н с к о м м у ж и к е (стр. 533).— Стихотворение стало популярной песней и широко использовалось в целях революционной пропаганды. *И дешевкою подмочена...*— Дешевка — дешевая водка. *В день последний спят Касьяны на земле.*— Именины Касьяна бывают раз в четыре года, так как они выпадают на 29 февраля, то есть на високосный год. *Алтынник*— мелкий торгаш; так называли и канцеляриста-взяточника.

И. СУРИКОВ

Иван Захарович Суриков (1841—1880) родился в деревне Новоселово Угличского уезда Ярославской губернии, в крестьянской семье. Грамоте Сурикова научили соседи. В 1862 году Суриков познакомился с Плещеевым, который способствовал появлению его стихотворений в печати. В 1871 году Суриков издал свой первый поэтический сборник. Поэт объединяет вокруг себя крестьянских самоучек и издает сборник «Рассвет» (1872). В 1875 году вышел второй сборник стихотворений. В это время поэт был уже тяжело болен чахоткой. Умер Суриков в Москве.

Суриков по преимуществу крестьянский поэт: главная тема его стихотворений — жизнь бедного деревенского люда, задавленного нуждой. Правдиво изображая бедствия народа, поэт поднимается до скорбного и гневного протеста против обнищания деревни. Поэтическая система Сурикова сложилась под воздействием некрасовской лирики и устного народного творчества.

Стихотворения И. З. Сурикова печатаются по тексту издания: «И. З. Суриков и поэты-суриковцы». М.— Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1966.

Казнь Стеньки Разина (стр. 545).— Стихотворение было запрещено цензурой.

С. ДРОЖЖИН

Спиридон Дмитриевич Дрожжин (1848—1930) родился в деревне Низовка Тверской губернии. В 1858 году был отдан в школу к деревенскому дьячку, но в 1860 году вынужден уехать из родной деревни на заработки. Дрожжин много читал, но мечты об образовании не осуществились. До середины 90-х годов в поисках заработка скитался по России и переменил множество профессий и занятий. В 1889 году выпустил книгу стихотворений. С 1896 года снова занимается крестьянским трудом. В 1903 году получает пенсию от Академии наук. В Низовке в 1914—1915 годах открываются народная школа и народная библиотека-читальня его имени. После Октября активно участвует в жизни села и заботится о росте грамотности. В советское время издает несколько книг стихотворений. В 1928 году его приветствовали Академия наук СССР и М. Горький в связи с восьмидесятилетием со дня рождения. Умер Дрожжин в Низовке.

Первые произведения Дрожжина появились во второй половине 60-х годов. Поэзия Дрожжина почти целиком посвящена крестьянству. Он писал о нужде, бедности, тяжком труде, пьянстве. В крестьянскую тематику его стихотворений проникли общественно-гражданские мотивы. Как поэт Дрожжин следовал художественным принципам Некрасова и Сурикова.

Стихотворения С. Д. Дрожжина печатаются по тексту издания: С. Д. Дрожжин. Избранное. М., Гослитиздат, 1948.

Песня швей (стр. 549).— Эпиграф — из стихотворения английского поэта Томаса Гуда (1799—1845) «Песня о рубашке».

Д. САДОВНИКОВ

Дмитрий Николаевич Садовников (1847—1883) родился в Симбирске, в небогатой дворянской семье. Учился в Симбирской гимназии, которую, однако, не закончил. В конце 60-х годов в «Иллюстрированной газете» появилось первое печатное стихотворение Садовникова. В 70-е годы занялся собиранием и изучением фольклора и выпустил несколько трудов, в том числе «Загадки русского народа» (1876). Умер в Петербурге.

Творчество Садовникова неразрывно связано с русским фольклором, особенно волжским, собирателем и исследователем которого он был. В стихотворениях поэта нарисованы образы простых русских людей, широких по натуре, мужественных и сильных духом.

Стихотворение Д. Н. Садовникова «Из-за острова на стрежень...» печатается по изданию: «Песни и романсы русских поэтов». М.— Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1965.

«Из-за острова на стрежень...» (стр. 553). — Входит в цикл «Песни о Стеньке Разине» (первоначально — «Из волжских песен»).

А. БОРОВИКОВСКИЙ

Александр Львович Боровиковский (1844—1905) родился в семье украинского писателя Л. И. Боровиковского. Окончил юридический факультет Петербургского университета. Боровиковский был одним из защитников на процессах 50-ти и 193-х. Печатался он в демократических изданиях, большей частью в «Отечественных записках», а после их закрытия прекратил поэтическую деятельность. Умер Боровиковский в Петербурге.

Поэт сочувствовал народничеству и разделял его взгляды. В стихотворениях Боровиковского оживает пафос революционной деятельности, горячая вера в конечную победу над реакцией. Однако даже в лучших его стихотворениях есть налет христианской морали и религиозности, снижающий подчас трагически-гражданское звучание стихов.

Стихотворение А. Л. Боровиковского «К судьям» печатается по тексту издания: «Вольная русская поэзия второй половины XIX века». Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1959.

К судьям (стр. 555).—Стихотворение было впервые напечатано в журнале П. Л. Лаврова «Вперед!». Оно посвящено Лидии Николаевне Фигнер (1853—1920), проходившей по делу 50-ти в качестве обвиняемой. Стихотворение пользовалось исключительной популярностью в революционной среде.

П. ЯКУБОВИЧ

Петр Филиппович Якубович (1860—1911) — революционер-народник, поэт, критик и переводчик, писавший под псевдонимами П. Я., Л. Мельшин, П. Ф. Гриневич, Матвей Рамшев и другими. Родился в селе Исаеве Валдайского уезда Новгородской губернии, в обедневшей дворянской семье. В 1882 году окончил филологический факультет Петербургского университета. Студентом включился в революционную деятельность. В университетские годы печатался в журналах «Дело», «Слово», «Живописное обозрение», а с 1881 года в журналах «Отечественные записки» и «Русское богатство». В 1882 году вступил в тайную организацию «Народная воля», в печатных органах которой опубликовал несколько стихотворений. В ноябре 1884 года был арестован и заключен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. После почти трехлетнего заключения Петербургский военно-окружной суд приговорил Якубовича к смертной казни, замененной восемнадцатью годами каторги. В 1895 году вышел на поселение. В 1897 году появился сборник стихотворений Якубовича за подписью «П. Я.». В 1904 году он вошел в состав редакции журнала «Русское богатство» и стал заведовать вместе с В. Г. Короленко беллетристическим отделом. В 1905—1907 годах принял активное участие в русской революции. В 1905 году был вновь арестован и заключен в Крестах, откуда вышел совершенно больным. Умер в Петербурге.

Гражданская поэзия Якубовича развивала традиции Н. А. Некрасова. В лирике Якубовича, не лишенной мотивов тоски, настроения мрачного отчаяния преодолеваются светлой надеждой на конечную победу революционных идеалов. Лирика Якубовича поднимает важные проблемы общественной жизни. Центральной темой его поэзии становится тема подвига ради освобождения народа, а также тема справедливого возмездия за гибель товарищей по революционной борьбе. Якубович поэтизирует индивидуальный подвиг революционера, его порыв в будущее царство свободы. В стихотворениях, написанных после каторги, поэт пришел к идее народной революции, совершаемой самими народными массами. Так в лирику проникают мотивы народных страданий, борьбы народа за свое освобождение.

Стихотворения П. Ф. Якубовича печатаются по тексту издания: П. Ф. Якубович. Стихотворения. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1960.

Падаль (стр. 557).— Перевод одноименного стихотворения Бодлера. Якубович опустил третью строфу, форма которой, по его собственному признанию, «ему плохо давалась». Приводим ее в переводе В. Левика:

И солнце эту гниль палило с небосвода,
Чтобы останки сжечь дотла,
Чтоб слитое в одном великая Природа
Разъединенным приняла.

Якубович перевел сто стихотворений из ста пятидесяти одного, входящего в состав «Цветов зла» французского поэта Шарля Бодлера (1821—1867).

Альбатрос (стр. 559).— Перевод одноименного стихотворения Ш. Бодлера.

«Ты целый мир вместить могла бы в свой альков...» (стр. 561). — Перевод одноименного стихотворения Ш. Бодлера.

В. ФИГНЕР

Вера Николаевна Фигнер (1852—1942) родилась в Мамадышском уезде Казанской губернии, в дворянской семье. Окончила Казанский институт в 1869 году. В 1872—1875 годах продолжила образование в Цюрихе, на медицинском факультете университета. В 1876 году вошла в кружок «сепаратистов», примыкавший к Северной революционно-народнической группе (с 1878 г.— «Земля и воля»). В 1877 — 1879 годах вела агитационную работу в Самарской и Саратовской губерниях, где одновременно работала фельдшерицей. После раздела «Земли и воли» стала членом Исполнительного комитета партии «Народная воля». Фигнер была сторонницей террористических методов борьбы и активно участвовала в подготовке цареубийства. В 1883 году была арестована, а в 1884 приговорена к смертной казни, замененной пожизненной каторгой. Двадцать лет томилась в Шлиссельбургской крепости в одиночном заключении. С 1906 года по 1915 год жила за границей, в эмиграции. После Октябрьской революции активно занималась литературно-издательской деятельностью.

Стихотворения В. Н. Фигнер написаны в 1887—1897 годах в крепости, и только некоторые из них просочились на волю. Они были собраны в 1906 году в изданном в Петербурге сборнике. Преобладающий мотив творчества Фигнер — дума политзаключенного, оторванного от революционного дела. Фигнер скорбит о разгроме народовольческого движения и одновременно сохраняет верность народническим идеалам.

Стихотворения В. Н. Фигнер печатаются по тексту издания: «Поэты-демократы 1870—1880-х годов». Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1968.

Лопатину (стр. 563).— *Г. А. Лопатин* (1845—1918) — народоволец. Восемнадцать лет провел в Шлиссельбургской тюрьме. Первое стихотворение, написанное Фигнер в тюрьме. В своей книге «Запечатленный труд» Фигнер вспоминала: «Через несколько дружеских инстанций Лопатин, посредством стука, передал мне свое стихотворение:

Да будет проклят день, когда
Впервой узрел я эти своды
И распростился навсегда
С последним проблеском свободы!

Да будет проклят день, когда
На муку мать меня родила
И в глупой нежности тогда
Меня сейчас же не убила.

Теми же проклятиями начинались и остальные пять или шесть строф. Мое собственное настроение и, как оказалось, настроение большинства товарищей было так далеко от этих неистовых укоров, что я была крайне изумлена. На свободе я никогда не писала стихов, а тут вздумала, через те же дружеские инстанции, ответить в стихотворной форме... Ответ был одобрен всеми товарищами, а Лопатин передал, что тронут до слез» (т. 2, М., 1964, с. 46—47).

Матери (стр. 563).— Стихотворение стало популярным в революционной среде. Было переправлено на волю с одним из увозимых из крепости.

А. БАРЫКОВА

Анна Павловна Барыкова (1839—1893) родилась в Петербурге, в дворянской семье. Окончила в 1856 году Екатерининский институт. Печаталась с 1874 года, в основном в «Отечественных записках». В 70—80-е годы была тесно связана с демократическими кружками, в частности, с народовольцами и оказывала им денежную помощь. Во второй половине 80-х годов сотрудничает в толстовском издании «Посредник» и занимается пропагандой учения Толстого. Умерла Барыкова в Ростове-на-Дону.

Поэтическое творчество Барыковой развивалось под несомненным влиянием Некрасова и движения революционного народничества. Барыкова писала гражданские, сатирические стихотворения и сказки.

Стихотворение А. П. Барыковой «У кабака» печатается по тексту издания: «Поэты-демократы 1870—1880-х годов». Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1968.

А. АПУХТИН

Алексей Николаевич Апухтин (1840—1893) родился в г. Болхове Орловской губернии, в старинной, но небогатой дворянской семье. В 1859 году Апухтин окончил Петербургское училище правоведения. После 1862 года Апухтин надолго прекратил свою литературную деятельность. До 80-х годов Апухтин ничего не печатал. В 1886 году он издал сборник стихотворений, принесший ему большой успех. Умер Апухтин в Петербурге.

Ранняя лирика Апухтина близка реалистической поэзии Некрасова и поэтов его школы. В дальнейшем Апухтин отошел от демократических позиций. Основной жанровой формой в поэзии Апухтина становится элегия, но развиваются и другие жанры — романс, историческая баллада. В лирике

Апухтина запечатлен человек эпохи «безвременья», растерявший былые убеждения и способность к сопротивлению мрачным силам, которые внутренне подчинили его, обескрылили и лишили надежды на возрождение. Человек в лирике Апухтина мечтает о смерти, потому что не может жить в душной атмосфере пошлости и лицемерия. Образ этого человека нарисован Апухтиным психологически конкретно, лирически взволнованно и вместе с тем просто, безыскусственно, что безусловно придало лирике поэта подлинный драматизм.

Стихотворения Апухтина печатаются по тексту издания: А. Н. Апухтин. Стихотворения. Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1961.

«Ни отзыва, ни слова, ни привета...» (стр. 567).— Положено на музыку П. И. Чайковским и Ц. А. Кюи.

«Сухие, редкие, нечаянные встречи...» (стр. 569).— Стихотворение было посвящено А. А. Валуеву (1849—1904), правоведу, однокурснику М. И. Чайковского, брата композитора, и приятелю Апухтина.

«В убогом рубище, недвижна и мертва...» (стр. 570).— Посвящено В. А. Жедринскому (1851—1892), ближайшему другу поэта; Жедринский вел записи стихов Апухтина (поэт из-за болезни не мог записывать их сам).

«Ночи безумные, ночи бессонные...» (стр. 575).— Положено на музыку П. И. Чайковским и другими композиторами.

Пара гнедых (стр. 576).— Переделка текста романса С. Н. Донаурова (1838—1897), поэта, переводчика и композитора-любителя. Им написана музыка на некоторые стихотворения Апухтина.

К. СЛУЧЕВСКИЙ

Константин Константинович Случевский (1837—1904) родился в Петербурге, в семье сенатора. Окончил первый Кадетский корпус в 1855 году. Служил офицером. В 1859 году поступил в Академию Генерального штаба, но в 1860 году вышел в отставку и уехал учиться за границу. Слушал лекции в Париже, Берлине, Лейпциге и Гейдельберге. В Гейдельберге стал доктором философии. В 1866 году вернулся в Россию и служил в Главном управлении по делам печати, а затем — в министерстве государственных имуществ. Занимал ряд крупных постов. В 1891—1902 годах редактировал «Правительственный вестник». Умер Случевский в Петербурге.

Литературная деятельность Случевского началась в 1857 году. В 1860 году стихотворения Случевского были напечатаны в «Современнике» благодаря содействию И. С. Тургенева. Стихотворения Случевского вызвали острую полемику. Под влиянием неблагоприятных критических отзывов

поэт перестал публиковать стихи до начала 70-х годов. В 80—90-е годы выходят его «Стихотворения» в четырех книгах, а в 1898 году он выпускает собрание сочинений. В 1902 году появляется сборник Случевского «Песни из «Уголка».

Творчество Случевского разнообразно по жанрам, но известность доставили поэту лирические стихотворения. В лирике Случевского отразилось его неприятие чиновничье-полицейского государства с присущими ему пошлостью и внутренней пустотой, мертвящей косностью и всеобщим лицемерием. Однако поэт убежден в невозможности изменить существующий порядок, и поэтому конфликт между личностью и окружающей ее действительностью, оставаясь напряженно трагичным, окрашивается в его лирике в пессимистические и мистические тона.

Стихотворения К. К. Случевского печатаются по тексту издания: К. К. Случевский. Стихотворения и поэмы. М.— Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1962.

Приди! (стр. 582). — Из цикла «Женщина и дети». *Демон сам с Тамарою...*— Образы поэмы Лермонтова «Демон». *Паризина* — героиня одноименной поэмы Байрона.

Новгородское предание (стр. 586). — В основу стихотворения легло предание, о котором Случевский рассказал в своих книгах «По северу России» и «По северо-западу России»: «Существует нечто вроде легенды о происхождении знаменитых валдайских колокольчиков, пользующихся всероссийскою почетною известностью. Толкуют, будто царь Иван, сняв в Новгороде вечевой колокол, велел нести или везти его в Москву. Государева рать дошла до Валдая, и тяжесть ли колокола, трудность ли пути, или просто желание царево, но колокол был разбит. Ушло царское войско, а черепки колокола остались лежать, и их-то подобрали валдайцы и стали лить свои колокольчики и льют их преемственно до сих пор» (К. К. Случевский. По северу России, т. 1. СПб., 1886, с. 141). К. Случевский нарушил историческую хронологию: вечевой колокол Новгорода был снят не Иваном IV, а Иваном III. В стихотворении же упоминаются события («Да, были казни над народом...»), происшедшие в 1569—1570 годах, когда по доносу об измене Иван Грозный жестоко расправился с жителями Новгорода. *Концы.*— Новгородский посад разделялся на пять частей (концов). В последней строфе использованы образы стихотворения Ф. Н. Глинки «Сон русского на чужбине».

После казни в Женеве (стр. 588).— «*Коль славен наш господь*»...— Начальная строка вольного стихотворного переложения псалма 47, сделанного М. М. Херасковым, которое исполнялось в торжественных случаях и долгое время было государственным гимном (музыку написал Д. С. Бортнянский). В стихотворении прослеживается влияние идей Ф. М. Достоевского.

«Устал в полях, засну солидно...» (стр. 591).— Из цикла «Черноземная полоса». *Но крикнул петел!//Иль я отрекся от себя?* —

Имеется в виду евангельская легенда об апостоле Петре, ученике Иисуса Христа, трижды из страха отрекшемся от бога, прежде чем пропел петух. Троекратное отречение Петра было предсказано Христом («прежде чем пропоет петух, трижды отречешься от меня»). Петел (у с т а р.) — петух.

«Б у д т о в л ю л ь к е н а с к а ч а е т...» (стр. 592).— Этим стихотворением открывался цикл «Мурманские отголоски».

«В о с п о м и н а н ь я в ы у б и т ь х о т и т е?!» (стр. 596).— Из сборника «Песни из «Уголка». *И тенью Банко сядет за столом.*— Имеется в виду эпизод из трагедии В. Шекспира «Макбет» (акт III, сцена 4) — появление на пиру призрака Банко, умерщвленного по приказу Макбета.

«Ч а с т о с т о б о ю м ы с п о р и л и...» (стр. 597).— Из сборника «Песни из «Уголка». *Ты победил, Галилеянин!* — Слова, приписываемые императору Юлиану (IV в.), который отрекся от христианства и возродил культ античных богов; перед смертью (363 г.), пораженный в бою вражеской стрелой, он и произнес эту фразу. Галилеянин — Иисус Христос.

Н. МИНСКИЙ

Н и к о л а й М а к с и м о в и ч М и н с к и й (наст. фамилия Виленкин, 1855—1937) родился в селе Глубокое Виленской губернии, в небогатой еврейской семье. В 1879 году окончил юридический факультет Петербургского университета. С середины 80-х годов — присяжный поверенный округа Санкт-Петербургской судебной палаты. В 1905 году издавал газету «Новая жизнь» (на ее страницах была опубликована статья В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература»). В конце 1905 года газета была закрыта, а Минский арестован, но выпущен под залог. Вскоре он уехал за границу и прожил там до конца дней. После Октябрьской революции до 1927 года служил в Лондоне в советском посольстве. Умер в Париже.

Литературная деятельность Минского началась во второй половине 70-х годов. Поэт, близкий в то время к народникам, выступал с гражданскими стихотворениями. В 1884 году во взглядах Минского происходит перелом. Он отказывается от гражданской тематики, разочаровывается в прежних идеалах и становится апологетом «нового искусства», провозглашая принципы декадентской поэзии. С наступлением первой русской революции во взглядах Минского происходит новый крутой поворот. Он пишет о революционерах, гибнущих за народное счастье. Но как только волна революции схлынула, Минский вновь стал певцом индивидуализма и пессимизма. Поэзия Минского отличается рассудочностью и холодностью. Наиболее ценными в художественном отношении являются произведения начального периода творчества поэта.

Стихотворения Н. М. Минского печатаются по изданию: «Поэты 1880—1890-х годов». Л.,«Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия),

1972. Стихотворения «Любовь к ближнему», «Утешение» и «О, этот бред сердечный и вечера...» печатаются по тексту издания: «Поэты 1880—1890-х годов», М.—Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Малая серия), 1964. Стихотворение «Она, как полдень, хороша...» печатается по тексту издания: Н. М. Минский. Полн. собр. стихотворений, тт. 1—4, СПб., 1907.

Наше горе (стр. 598).— *Родная муза сберегла* — муза Некрасова.

Серенада (стр. 600).— Положено на музыку А. Г. Рубинштейном и другими композиторами.

Над могилой В. Гаршина (стр. 601).— *В. М. Гаршин* (1855—1888) — один из интереснейших писателей второй половины XIX века. Гаршин, заболевший тяжелым психическим расстройством, кончил жизнь самоубийством, бросившись в пролет лестницы с четвертого этажа. Стихотворение было прочитано Минским на кладбище во время погребения тела писателя и помещено в сборнике, посвященном его памяти. *Грустный вымысел.*— Имеется в виду рассказ В. Гаршина «Красный цветок», в котором описан помещенный в дом умалишенных сумасшедший, задумавший уничтожить мировое зло. *...как тот певец больной...*— Речь идет о С. Я. Надсоне.

Любовь к ближнему (стр. 602).— В стихотворении чувствуется влияние идей Ф. М. Достоевского.

Посвящение (стр. 604).— Эпиграф взят из «Божественной Комедии» Данте.

В. СОЛОВЬЕВ

Владимир Сергеевич Соловьев (1853—1900) — философ-идеалист, поэт, критик и публицист — родился в семье известного историка С. М. Соловьева. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. В 1874 году занял штатную должность доцента кафедры философии в Московском университете. В 1880 году защитил диссертацию «Критика отвлеченных начал» на степень доктора философии, но надежды на ученую карьеру рухнули в 1881 году, когда Соловьев выступил с публичной лекцией в защиту народовольцев, покушавшихся на Александра II. Умер Соловьев в подмосковном местечке Узкое.

По своим философским взглядам Соловьев был идеалистом. Его идеализм носил религиозный и мистический характер. Философские взгляды поэта оказали влияние на его политические и эстетические воззрения. В области эстетики Соловьев являлся приверженцем теории «чистого искусства», причем красота и нравственность, по его мнению, связаны с верой и религией. Как поэт Соловьев объективно был предшественником русских символистов, хотя символизм не принял и высмеял.

Стихотворения В. С. Соловьева печатаются по тексту издания: «Поэты 1880—1890-х годов». М.-Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Малая серия), 1964.

«У царицы моей есть высокий дворец...» (стр. 605).— В стихотворении развивается характерная для лирики В. Соловьева идея «вечной женственности», олицетворенная в образе «царицы», «подруги». Эта идея восходит к романтическому мотиву «двойственности» бытия, заключающейся в противоречивом сочетании небесного, «потустороннего», и земного начал.

Посвящение к неизданной комедии (стр. 606).— Комедия, которую имеет в виду В. Соловьев,— «Белая лилия, или Сон в ночь на Покрова. Мистерия-шутка в 3-х действиях» (появилась в печати в 1893 г.).

Сайма в бурю (стр. 609).— *Сайма* — озеро в Финляндии.

С. НАДСОН

Семен Яковлевич Надсон (1862—1887) родился в Петербурге, в небогатой чиновничьей семье. Окончил Павловское военное училище в 1882 году. Служил подпоручиком в Каспийском полку, расположенном в Кронштадте. Через два года получил отставку и всецело посвятил себя литературной работе. Некоторое время был секретарем редакции «Недели». Тяжело больной туберкулезом, Надсон лечился в Германии, Швейцарии и на юге Франции, но лечение не помогло. Умер в Ялте.

Надсон начал печататься с 1878 года. В 1882 году Плещеев ввел его в круг «Отечественных записок». Расцвет поэтической деятельности относится к 80-м годам. Надсон выступил в эпоху «безвременья» как гражданский поэт. Однако гуманистические идеалы у него всегда слиты с нотами отчаяния, безнадежности, усталости от борьбы. Он воплощал в поэзии кризис демократических идеалов, переживаемый передовой русской интеллигенцией 80-х годов в пору реакции. Поскольку исповедь лирического героя и пафос выражения гуманистических идеалов рассчитаны на широкую аудиторию, то обе тенденции приводят Надсона к ярким, броским поэтическим образам, к высокой патетической интонации, к афористическому письму, к резким антитезам. Надсон не избежал ни романтических штампов, ни однообразия интонации, ни излишней красивости, ни вульгарной эффектности. Однако его гражданской лирике присущи искренность и драматизм, и это сближает лирику Надсона с поэзией Некрасова и его школы.

Стихотворения С. Я. Надсона печатаются по тексту издания: С. Я. Надсон. Полн. собр. стихотворений. М.—Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1962.

«Одни не поймут, не услышат другие...» (стр. 613).— Стихотворение не было пропущено цензурой и впервые появилось в печати в советское время.

«Довольно я кипел безумной суетою...» (стр. 617).— Стихотворение связано с впечатлениями от поездки Надсона на ст. Сиверскую под Петербургом. Надсон жил на даче в семье А. Н. Плещеева.

«По смутным признакам, доступным для немногих...» (стр. 620).— Отрывок (первая часть) стихотворения. *Я разгадал тебя...*— Речь идет о В. Н. Фигнер, процесс которой закончился в сентябре 1884 года (см. с. 700 наст. изд.).

Мать (стр. 621).— Детские годы Надсона прошли тяжело и безрадостно: он рано лишился отца, десяти лет от роду потерял мать, воспитывался в семье дяди, затем отчимом, душевно больным человеком.

К. ФОФАНОВ

Константин Михайлович Фофанов (1862—1911) родился в Петербурге, в небогатой купеческой семье. Учился в частных пансионах, но ни один из них не закончил. Образование пополнял чтением книг. В 1885 году поэт порвал с семьей. Став профессиональным литератором, он печатался в разных журналах и завязал множество знакомств. Его поддерживали Вейнберг, Полонский, с ним дружил Репин. В 1890 году Фофанов заболел тяжелым психическим расстройством, однако продолжал писать. Скончался в Петербурге.

Стихи Фофанов начал писать очень рано, напечатался впервые в 1881 году. Расцвет творчества Фофанова приходится на конец 80-х — первую половину 90-х годов. Эпоха политической реакции определила стремление Фофанова уйти от реальной действительности в мир мечты, вымысла, искусства и фантазии, который противопоставлен в его лирике прозаическим будням. Его пейзажные и любовные стихотворения большей частью грустны, полны тоски по утраченному или недостижимому счастью. В 90-е годы в лирике Фофанова усиливаются пессимистические и мистические настроения, что приводит к возникновению декадентских мотивов. Символисты (В. Я. Брюсов и другие) считали Фофанова своим предшественником и привлекали его к участию в издаваемых ими журналах. В некоторых произведениях Фофанов пытался преодолеть узость своего миросозерцания, обращался к реальной действительности. Поэтическое мастерство Фофанова ценил М. Горький.

Стихотворения К. М. Фофанова печатаются по тексту издания: К. М. Фофанов. Стихотворения и поэмы. М.—Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1962.

«Потуши свечу, занавесь окно...» (стр. 624).— Обращено к другу поэта, студенту А. Ф. Корнгольду, высланному в Вятскую губернию.

«Мы при свечах болтали долго...» (стр. 625).— Обращено к А. Ф. Корнгольду.

«Неправда ль, все дышало прозой...» (стр. 626).—Обращено к жене поэта, Л. К. Фофановой (1867—1918).

Два мира (стр. 627).— *Кумирня* — языческая молельня.

М. ЛОХВИЦКАЯ

Мирра (Мария) Александровна Лохвицкая (1869—1905) родилась в семье петербургского адвоката. В 1888 году окончила Московский Александровский институт. Печататься начала с 1889 года и за короткую литературную жизнь выпустила пятитомное собрание стихотворений. В 1896 году сборник стихотворений Лохвицкой был отмечен Пушкинской премией Академии наук. Умерла Лохвицкая в Петербурге от туберкулеза легких.

Лирика Лохвицкой замкнута в узком мире интимных переживаний. Однако ей не чужд драматизм в изображении любовной страсти, всегда необычайно яркой и восторженной, противостоящей «сухой» прозе жизни.

Стихотворения М. А. Лохвицкой печатаются по тексту издания: «Поэты 1880—1890-х годов». Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Большая серия), 1972. Стихотворение «И ветра стон, и шепот мрачных дум...» печатается по тексту издания: М. А. Лохвицкая. Стихотворения, тт. I—V, СПб., 1900—1904. Стихотворения «Я хочу быть любимой тобой...» и «Я хочу умереть молодой...» печатаются по тексту издания: «Художественно-историческая хрестоматия «Русская муза», 1904.

«Если б счастье мое было вольным орлом...» (стр. 634).— Псложено на музыку многими композиторами.

Саламандры (стр. 637).— *Саламандры* — согласно средневековым поверьям и магиям, духи, олицетворяющие стихию огня и будто бы живущие в огне.

Л. РАДИН

Леонид Петрович Радин (1861—1900) — профессиональный революционер, поэт и ученый-естественник. В 80-е годы он под влиянием народнической идеологии ушел в народ, учительствовал и занимался революционной пропагандой среди крестьян. К концу 80-х годов порывает с народничеством и становится активным пропагандистом марксистских идей, печатая на сконструированном им станке агитационную литературу. В 1896 году был арестован, заключен в тюрьму, а затем сослан в Вятку. Умер от туберкулеза в Крыму.

Как поэт Радин был представителем ранней пролетарской поэзии. В его стихотворениях звучат призывы к борьбе, к революционному подвигу. Лирика Радина проникнута горячей верой в близкую победу революции.

Стихотворения Л. П. Радина печатаются по тексту издания: «Революционная поэзия 1890—1917 годов». Л., «Советский писатель» («Библиотека поэта». Малая серия), 1959.

С м е л о, т о в а р и щ и, в н о г у... (стр. 641).— Написано в одиночной камере Таганской тюрьмы.

С м е л е й, д р у з ь я, и д е м в п е р е д... (стр. 642).— Обращено к товарищам по вятской ссылке. Написанное незадолго до смерти, стихотворение является поэтическим завещанием Радина.

В. К о р о в и н

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Второй том «Русской поэзии XIX века» иллюстрирован малоизвестными рисунками русских художников второй половины XIX столетия, главным образом из собрания Государственной Третьяковской галереи.

Книжная иллюстрация представлена двумя сатирическими сюжетами. Литография с рисунка Н. А. Степанова (1807—1877) была выполнена для «Иллюстрированного альманаха», издаваемого в 1848 году И. И. Панаевым и Н. А. Некрасовым. Под рисунком — текст: «Смолоду я был хорош собой, ловко танцевал мазурку и нравился женщинам... Из моих воспоминаний». Эта композиция — карикатура на Ф. Булгарина, реакционного писателя, агента III Отделения. Сатирические листы Степанова и других художников, участвовавших в этом альманахе, вызвали недовольство царской цензуры, и альманах был запрещен.

Вторая книжная иллюстрация — портрет Козьмы Пруткова, поэта, не существующего в жизни, являющегося плодом художественного вымысла. Портрет этот предназначался для издания сочинений Козьмы Пруткова начала 50-х годов, но издание осуществлено в ту пору не было, и портрет был опубликован лишь при собрании сочинений 1884 года.

В томе представлен и жанровый рисунок, который по своему стилю близок демократической поэзии второй половины XIX века. Даны работы В. М. Васнецова (1848—1926), Е. К. Макарова (1842—1884), В. Е. Маковского (1846—1920), В. М. Максимова (1844—1911), К. А. Савицкого (1844—1905), И. С. Щедровского (1815—1870), И. Е. Репина (1844—1930). Некоторые из них — эскизы, незавершенные рисунки, сделанные подчас в процессе подготовки будущего большого полотна, например, эскиз Репина к картине «Арест пропагандиста».

В иллюстрациях ко второму тому «Русской поэзии XIX века» широко представлена тема русской природы. Это работы А. К. Саврасова (1830—1897), Ф. А. Васильева (1850—1873), А. А. Киселева (1838—1911), И. И. Шишкина (1832—1898). Большой интерес представляют офорты Шишкина, изданные в 70—80-х годах в нескольких альбомах. В настоящем томе даны офорты, в которых в качестве материала использована не бумага, а шелк, что придает им особую теплоту тона.

Не являясь прямыми иллюстрациями к русской поэзии XIX века, рисунки эти своим подлинным реализмом оказались очень близки образам русской поэзии той поры.

Н. Нечаева

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ XIX ВЕКА

Ф. ТЮТЧЕВ

Проблеск 5
Весенняя гроза 6
Летний вечер 6
Видение 7
Бессонница 7
Утро в горах 8
Снежные горы 8
Последний катаклизм 9
«Еще шумел веселый день...» 9
Вечер 10
Полдень 10
Лебедь 10
«Ты зрел его в кругу большого света...» 11
«В толпе людей, в нескромном шуме дня...» 11
«Как океан объемлет шар земной...» 11
«За нашим веком мы идем...» 12
Конь морской 12
«Здесь, где так вяло свод небесный...» 13
Успокоение 13
Безумие 13
Цицерон 14
«Через ливонские я проезжал поля...» 14
«Песок сыпучий по колени...» 15
Осенний вечер 15
Mal'aria 16
Весенние воды 16

Silentium! 17
«Как над горячею золой...» 17
«На древе человечества высоком...» 18
Probleme 18
Сон на море 18
«Я лютеран люблю богослуженье...» 19
«Я помню время золотое...» 19
«О чем ты воешь, ветр ночной?..» 20
«Поток сгустился и тускнеет...» 21
«В душном воздуха молчанье...» 21
«Что ты клонишь над водами...» 22
«Вечер мглистый и ненастный...» 22
«И гроб опущен уж в могилу...» 22
«Как птичка, раннею зарей...» 23
«Душа моя — Элизиум теней...» 24
«Над виноградными холмами...» 24
«Зима недаром злится...» 24
«Нет, моего к тебе пристрастья...» 25
«Как сладко дремлет сад темно-зеленый...» 25
«Тени сизые смесились...» 26
«С поляны коршун поднялся...» 26
Фонтан 27
«Душа хотела б быть звездой...» 27
«Не то, что мните вы, природа...» 28
«Еще земли печален вид...» 29
«И чувства нет в твоих очах...» 29
«Люблю глаза твои, мой друг...» 29
29-ое января 1837 30
Весна 30
День и ночь 32
Колумб 32
Море и утес 33
«Еще томлюсь тоской желаний...» 34
«Неохотно и несмело...» 34
«Итак, опять увиделся я с вами...» 35
«Тихой ночью, поздним летом...» 35
«Когда в кругу убийственных забот...» 35
«По равнине вод лазурной...» 36
«Вновь твои я вижу очи...» 36
«Слезы людские, о слезы людские...» 37
«Как дымный столп светлеет в вышине!..» 37
Русской женщине 38
«Святая ночь на небосклон взошла...» 38
Поэзия 38

Рим ночью 39
«Кончен пир, умолкли хоры...» 39
«Пошли, господь, свою отраду...» 40
«Как ни дышит полдень знойный...» 40
«Обвеян вещею дремотой...» 41
Два голоса 41
«Смотри, как на речном просторе...» 42
«О, как убийственно мы любим...» 42
Первый лист 44
Волна и дума 44
«Не остывшая от зною...» 44
«В разлуке есть высокое значенье...» 45
«Как весел грохот летних бурь...» 45
«День вечерест, ночь близка...» 45
Предопределение 46
«О, не тревожь меня укорой справедливой!..» 46
«Чему молилась ты с любовью...» 47
«Ты, волна моя морская...» 47
«Сияет солнце, воды блещут...» 48
«Чародейкою-Зимою...» 48
Последняя любовь 49
«Так, в жизни есть мгновения...» 49
«Эти бедные селенья...» 50
«О вещая душа моя!..» 50
«Не богу ты служил и не России...» 50
«Над этой темною толпой...» 51
«Есть в осени первоначальной...» 51
«Смотри, как роща зеленеет...» 51
«Она сидела на полу...» 52
«Осенней позднею порою...» 52
«Хоть я и свил гнездо в долине...» 53
«Иным достался от природы...» 53
«Утихла биза... Легче дышит...» 54
«Как неразгаданная тайна...» 54
«О, этот юг, о, эта Ницца!..» 55
«Весь день она лежала в забытьи...» 55
«Как хорошо ты, о море ночное...» 55
«Певучесть есть в морских волнах...» 56
Другу моему Я. П. Полонскому 56
«Молчит сомнительно Восток...» 57
«Как неожиданно и ярко...» 57
«Ночное небо так угрюмо...» 58
«Умом Россию не понять...» 58
«Как ни тяжел последний час...» 58

«Опять стою я над Невой...» 59
«В небе тают облака...» 59
«Нам не дано предугадать...» 59
«Природа — сфинкс. И тем она верней...» 60
К. Б. («Я встретил вас — и все былое...») 60
«От жизни той, что бушевала здесь...» 60

К. ПАВЛОВА

Да иль нет 62
Мотылек 63
Н. М. Языкову. *Ответ* 63
10 ноября 1840 64
Дума («Когда в раздор с самим собою...») 65
«Преподаватель христианский...» 66
Думы («Я снова здесь, под сенью крова...») 66
«Среди событий ежечасных...» 67
«К ужасающей пустыне...» 68
«Воет ветр в степи огромной...» 68
Серенада 68
«Не раз в душе познавши смело...» 69
«Ты, уцелевший в сердце нищем...» 70
К*** («Когда шучу я наудачу...») 70
«О былом, о погибшем, о старом...» 71
«Прошло сполна все то, что было...» 72
«Снова над бездной, опять на просторе...» 72
«Умолк шум улиц,— поздно...» 73

Е. ГРЕБЕНКА

Песня («Молода еще девица я была...») 74

И. МЯТЛЕВ

Розы 75
Ветка 76
Сельское хозяйство 76
Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею — дан л'этранже. *Глава первая.* Отъезд 78
Фонарики 86

Э. ГУБЕР

Новгород 89

Е. РОСТОПЧИНА

К страдальцам 91
Насильный брак 92

И. ТУРГЕНЕВ

Баллада 95
Осень 96
Весенний вечер 96
(В дороге) 97
Федя 97
«К чему твержу я стих унылый...» 98
«Брожу над озером... туманны...» 98
«Люблю я вечером к деревне подъезжать...» 99
Крóкет в Виндзоре 100

Н. ОГАРЕВ

Другу Герцену 102
Старый дом 102
Деревенский сторож 103
«Там на улице холодом веет...» 104
Друзьям 104
Путник 105
Дорога 105
Кабак 106
Изба 106
Обыкновенная повесть 107
«К подъезду! — Сильно за звонок рванул я...» 108
Хандра 109
«Еще любви безумно сердце просит...» 109
Монологи 1—4 110
Искандеру 113
Упование. Год 1848 114
«В пирах безумно молодость проходит...» 116
Арестант 116
К Н. <А. Тучковой> («На наш союз святой и вольный...») . . . 117
«Опять знакомый дом, опять знакомый сад...» 117
Die Geschichte 118
Предисловие к «Колоколу» 118
Осенью 119
Свобода (1858 года) 120
«Сторона моя родимая...» 121

«Свисти ты, о ветер, с бессонною силой...» 121
Памяти Рылеева 122
«Среди сухого повторенья...» 123
«С какой тревогой ожиданья...» 124
Михайлову 124
«Мой русский стих, живое слово...» 126
Exil 127
Il giorno di Dante 128
Студент 128

А. ПЛЕЩЕЕВ

«Вперед! без страха и сомненья...» 130
«По чувствам братья мы с тобой...» 131
«Скучная картина!..» 131
«Отдохну-ка, сяду у лесной опушки...» 132
Родное 133
«Теплый день весенний...» 133
Старик 135

А. МАЙКОВ

Сон 137
Сомнение 137
«На мысе сем диком, увенчанном бедной осокой...» 138
Свирель 138
Октава 139
«Я в гроте ждал тебя в урочный час...» 139
Вакханка 139
Барельеф 140
«Пусть гордится старый дед...» 140
Campagna di Roma 141
«Ах, чудное небо, ей-богу, над этим классическим Римом!..» . . 142
«На дальнем севере моем...» 143
Amoroso 143
Fortunata 144
«Еще я полн, о друг мой милый...» 145
Пейзаж 145
«Весна! выставляется первая рама...» 146
«Боже мой! вчера — ненастье...» 146
Журавли 147
Мечтания 147
Рыбная ловля 148
Болото 152

Под дождем 153
Летний дождь 154
Сенокос 154
Ласточки 155
Осень 155
Розы 157
Сон в летнюю ночь 157
Весна («Голубенький, чистый...») 158
«Всё вокруг меня как прежде...» 158
«Поле зыблется цветами...» 159
«Она еще едва умеет лепетать...» 159
Колыбельная песня 160
«Ласточка примчалась...» 160
Тарантелла 161
«Душно! иль опять сирокко?..» 163
Альпийские ледники 163
Приданое 164
Мадонна 164
Приговор *(Легенда о Констанцском соборе)* 165
«Я б тебя поцеловала...» 170
Рассвет 170
Полдень 170
«Осенние листья по ветру кружат...» 171
Кто он? 171
«Возвышенная мысль достойной хочет брони...» 173
Емшан 173
Из Гафиза 175
Весна («Уходи, Зима седая!..») 176
Перечитывая Пушкина 177
«Мысль поэтическая,— нет!..» 177
Гроза 177
«Уж побелели неба своды...» 178
Олимпийские игры 178
Старый дож 179
«Вчера — и в самый миг разлуки...» 181

А. ФЕТ

«Печальная береза...» 182
«Кот поет, глаза прищуря...» 182
«Чудная картина...» 183
«Стихом моим незвучным и упорным...» 183
«Зеркало в зеркало, с трепетным лепетом...» 183
Ave Maria 184

«Как много, боже мой, за то б я отдал дней...» 184
«На заре ты ее не буди...» 185
«Не отходи от меня...» 185
«Тихая, звездная ночь...» 186
«Буря на нéбе вечернем...» 186
«Теплым ветром потянуло...» 187
«Право, от полной души я благодарен соседу...» 187
«Скучно мне вечно болтать о том, что высоко, прекрасно...» 188
«Я жду... Соловьиное эхо...» 188
«Шумела полночная вьюга...» 188
Вакханка («Под тенью сладостной полуденного сада...») 189
«Облаком волнистым...» 189
Узник 189
«Я долго стоял неподвижно...» 190
«Я пришел к тебе с приветом...» 190
«Не ворчи, мой кот-мурлыка...» 191
Серенада («Тихо вечер догорает....») 191
«Уж верба вся пушистая...» 192
«Как мошки зарею...» 192
«О, долго буду я, в молчанье ночи тайной...» 193
«Когда мои мечты за гранью прошлых дней...» 193
«Ночь светла, мороз сияет....» 193
«На двойном стекле узоры...» 194
Фантазия 194
«Спи — еще зарею...» 195
«Свеж и душист твой роскошный венок...» 196
«Как отрок зарею...» 196
«Летний вечер тих и ясен...» 197
Змей 197
«Когда мечтательно я предан тишине...» 197
«Постой! здесь хорошо! зубчатой и широкой...» 198
«Ее не знает свет,— она еще ребенок...» 199
«Тебе в молчании я простираю руку...» 199
«Я болен, Офелия, милый мой друг!..» 200
Диана 200
«Уснуло озеро; безмолвен черный лес...» 200
«Поделись живыми снами...» 201
«Полно спать: тебе две розы...» 201
«О, не зови! Страстей твоих так звонок...» 201
Весенние мысли 202
«Шепот, робкое дыханье...» 202
«Какие-то носятся звуки...» 203
«Люди спят; мой друг, пойдем в тенистый сад...» 203
«Растут, растут причудливые тени...» 204

Степь вечером 204
Лес 205
«Какое счастие: и ночь, и мы одни!..» 205
Пчелы 206
Ива 206
«Еще весны душистой нега...» 207
Буря 207
Первый ландыш 208
«Жди ясного на завтра дня...» 208
«Как здесь свежо под липою густою...» 209
«Над озером лебедь в тростник протянул...» 209
«Ласточки пропали...» 210
Сосны 210
Весна на дворе 211
Вечер («Прозвучало над ясной рекою...») 211
«Заревая вьюга...» 211
Приметы 212
«В темноте, на треножнике ярком...» 212
Венера Милосская 213
У камина 213
«Только станет смеркаться немножко...» 214
Еще майская ночь 214
Певице 215
«На стоге сена ночью южной...» 215
Бал 216
«Какая ночь! Как воздух чист...» 216
Весенний дождь 217
«Морская даль во мгле туманной...» 217
«Нет, не жди ты песни страстной...» 218
Цветы 218
«Заря прощается с землею...» 219
«Скрип шагов вдоль улиц белых...» 219
«Ярким солнцем в лесу пламенеет костер...» 220
«Опять незримые усилья...» 220
«Как ярко полная луна...» 221
«Зреет рожь над жаркой нивой...» 221
«Влачась в бездействии ленивом...» 222
«Какая грусть! Конец аллеи...» 222
«Чем тоске, и не знаю, помочь...» 223
«Не избегай; я не молю...» 223
«Не первый год у этих мест...» 224
«Жизнь пронеслась без явного следа...» 224
«Измучен жизнью, коварством надежды...» 225
«Кому венец: богине ль красоты...» 226

«Истрепалися сосен мохнатые ветви от бури...» 226
Майская ночь 227
Осенью 227
«Всю ночь гремел овраг соседний...» 227
«В дымке-невидимке...» 228
«Только встречу улыбку твою...» 228
Графу Л. Н. Толстому («Как ястребу, который просидел...») . . 229
Среди звезд 229
«Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали...» 230
Alter ego 230
«Ты отстрадала, я еще страдаю...» 231
Смерть 231
А. Л. Бржеской («Далекий друг, поймн мои рыданья...») 232
Никогда 232
«Глубь небес опять ясна...». 233
«Не тем, господь, могуч, непостижим...» 234
«Это утро, радость эта...» 234
Музе («Пришла и села. Счастлив и тревожен...») 235
«Встречу ль яркую в небе зарю...» 235
Теперь 236
«Только в мире и есть что тенистый...» 236
Осень 236
На книжке стихотворений Тютчева 237
«Учись у них — у дуба, у березы...» 237
Ласточки 238
Бабочка 238
«Сад весь в цвету...» 239
«Страницы милые опять персты раскрыли...» 239
«Еще одно забывчивое слово...» 239
«Солнца луч промеж лип был и жгуч и высок...» 240
«Есть ночи зимней блеск и сила...» 240
«Я тебе ничего не скажу...» 241
В лунном сиянии 241
На рассвете 242
«Из дебрей туманы несмело...» 242
Осенняя роза 242
«Жду я, тревогой объят...» 243
«Когда читала ты мучительные строки...» 243
«Что за звук в полумраке вечернем? Бог весть...» 244
«Как беден наш язык! Хочу и не могу...» 244
«Одним толчком согнать ладью живую...» 244
«Не нужно, не нужно мне проблесков счастья...» 245
«Прости! во мгле воспоминанья...» 245
«На кресле отвалясь, гляжу на потолок...» 246

«Опять осенний блеск денницы...» 246
«Ель рукавом мне тропинку завесила...» 247
«Не отнеси к холодному бесстрастью...» 247
«Не могу я слышать этой птички...» 248

А. ГРИГОРЬЕВ

«Нет, за тебя молиться я не мог...» 249
Комета 249
«О, сжалься надо мной!.. Значенья слов моих...» 250
«Над тобою мне тайная сила дана...» 250
К Лавинии 251
Борьба
1. «Я ее не люблю, не люблю...» 252
2. «Я измучен, истерзан тоскою...» 252
3. «Я вас люблю... что делать — виноват!..» 253
4. «Опять, как бывало, бессонная ночь!..» 254
5. «О! кто бы ни был ты, в борьбе ли муж созрелый...» . . . 256
6. «Прости меня, мой светлый серафим...» 258
7. «Доброй ночи!.. Пора!..» 258
8. «Вечер душен, ветер воет...» 259
9. «Надежду!» — тихим повторили эхом...» 261
10. «Прощай, прощай! О, если б знала ты...» 262
11. «Ничем, ничем в душе моей...» 263
12. «Мой ангел света! Пусть перед тобою...» 265
13. «О, говори хоть ты со мной...» 266
14. Цыганская венгерка 267
15. «Будь счастлива... Забудь о том, что было...» 271
16. «В час томительного бденья...» 272
17. «Благословение да будет над тобою...» 273
18. «О, если правда то, что помыслов заветных...» 274

Я. ПОЛОНСКИЙ

Жницы 276
Дорога 276
«Пришли и стали тени ночи...» 277
Тишь 278
Зимний путь 278
В гостиной 279
«Уже над ельником из-за вершин колючих...» 279
Вызов 280
«Развалину башни, жилище орла...» 281
Затворница 281

Татарская песня 282
Нищий 283
Не жди 284
Качка в бурю 284
Ночь на восточном берегу Черного моря 286
«Не мои ли страсти...» 286
Весна 287
Песня цыганки 287
Колокольчик 288
У Аспазии 289
«Моя судьба, старуха, нянька злая...» 290
«Мое сердце — родник, моя песня — волна...» 291
«Подойди ко мне, старушка...» 291
На Женевском озере 292
«Признаться сказать, я забыл, господа...» 293
Беглый 294
Поцелуй 295
«Чтобы песня моя разлилась, как поток...» 295
Последний вздох 296
«Заплетя свои темные косы венцом...» 296
«И в праздности горе, и горе в труде...» 297
Муза («В туман и холод, внемля стуку...») 297
В альбом К. Ш... 298
«Когда октава за октавой...» 298
Из Бурдильёна 299
«В дни, когда над сонным морем...» 299
Узница 300
(Гипотеза) 300
Лебедь 301
В хвойном лесу 302
«Полонский здесь не без привета...» 302
«Если б смерть была мне мать родная...» 303

А. ТОЛСТОЙ

«Колокольчики мои...» 304
«Дождя отшумевшего капли...» 306
«Ой, стоги́, стоги́...» 307
«По гребле неровной и тряской...» 308
Пустой дом 310
«Где гнутся над омутом лозы...» 311
Курган 311
Василий Шибанов 313
Князь Михайло Репнин 316

«Средь шумного бала, случайно...» 318
«Не ветер, вея с высоты...» 319
«Коль любить, так без рассудку...» 319
Колодники 319
«В колокол, мирно дремавший, с налета тяжелая бомба...» . . . 320
«Край ты мой, родимый край...» 320
«Колышется море; волна за волной...» 321
«О, не пытайся дух унять тревожный...» 321
〈Из цикла «Крымские очерки»〉
1. «Над неприступной крутизною...» 321
3. «Всесильной волею аллаха...» 322
4. «Ты помнишь ли вечер, как море шумело...» 323
6. «Туман встает на дне стремнин...» 323
8. «Обычной полная печали...» 324
9. «Приветствую тебя, опустошенный дом...» 324
12. «Солнце жжет; перед грозою...» 325
14. «Привал. Дымятся, огонек...» 326
«Как здесь хорошо и приятно...» 327
«Не верь мне, друг, когда, в избытке горя...» 327
«Острою секирой ранена береза...» 327
«Когда кругом безмолвен лес дремучий...» 328
«Сердце, сильней разгораясь от году до году...» 328
«Тщетно, художник, ты мнишь, что творений своих ты создатель!..» 328
«Ходит Спесь, надуваючись...» 329
«Ой, каб Волга-матушка да вспять побежала!..» 330
«Порой, среди забот и жизненного шума...» 330
«Он водил по струнам; упадали...» 330
«У приказных ворот собирался народ...» 331
«Двух станов не боец, но только гость случайный...» 332
«Звонче жаворонка пенье...» 332
«Осень. Обсыпается весь наш бедный сад...» 333
«Источник за вишневым садом...» 333
«Когда природа вся трепещет и сияет...» 333
«Слеза дрожит в твоем ревнивом взоре...» 334
Мадонна Рафаэля 335
«Ты клонишь лик, о нем упоминая...» 335
«Кабы знала я, кабы ведала...» 336
И. С. Аксакову 336
〈Серенада Дон-Жуана〉 («Гаснут дальней Альпухарры...») . . . 338
«На нивы желтые нисходит тишина...» 338
Коринфская невеста 339
История государства Российского от Гостомысла до Тимашева 344

«Сидит под балдахином...» 358
На тяге 359
«То было раннею весной...» 360
Илья Муромец 361
Сон Попова 363
«Прозрачных облаков спокойное движенье...» 374

КОЗЬМА ПРУТКОВ

Незабудки и запятки. *Басня* 375
Кондуктор и тарантул. *Басня* 375
Стан и голос. *Басня* 376
Честолюбие 376
Разница вкусов. *Басня* 377
Письмо из Коринфа. *Древнее греческое* 378
Юнкер Шмидт 378
Желание быть испанцем 379
Эпиграмма № III («Пия душистый сок цветочка...») 381
Осада Памбы. *Романсеро, с испанского* 381
В альбом красивой чужестранке. *Написано в Москве* 382
Немецкая баллада 383
Древний пластический грек 383
Доблестные студиозусы. *Как будто из Гейне* 384
Желания поэта 384
Помещик и садовник. *Басня* 385
Мой портрет 386
Пастух, молоко и читатель. *Басня* 386
«На мягкой кровати...» *Романс* 386
Новогреческая песнь 387
Осень. *С персидского, из Ибн-Фета* 388
Блестки во тьме 389
Перед морем житейским 389

И. АКСАКОВ

«С преступной гордостью обидных...» 391
Русскому поэту 392
«Странным чувством объята душа...» 392
〈Из поэмы «Бродяга»〉
«Жар свалил. Повеяла прохлада...» 393
«Прямая дорога, большая дорога!..» 393
«Пусть гибнет все, к чему суровь...» 394
«Среди цветов поры осенней...» 395

Л. МЕЙ

Вечевой колокол 396
«Не знаю, отчего так грустно мне при ней?..» 398
Сосна 398
Хозяин 399
Баркарола 400
Песня 401
Фрина 402
«О господи, пошли долготерпенье!..» 403
⟨Из цикла «Еврейские песни»⟩
1. «Поцелуй же меня, выпей душу до дна...» 404
2. «Хороша я и смугла...» 404
5. «Сплю, но сердце чуткое не спит...» 405
10. «Отчего же ты не спишь?..» 406
11. «Все шестьдесят моих цариц...» 407
13. «Ты Сиона звезда, ты денница денниц...» 407
Запевка 408
Ты печальна. Кому-то 408
Галатея 409
Сумерки 410
Полежаевской фараонке 411
«Хотел бы в единое слово...» 411
Плясунья 412
Кесарь Октавий Август и Юлия 413

Н. ЩЕРБИНА

Фессалийская идиллия 414
Сила песни 415
Скрываемая страсть 415
Свиданье 416
Стих 416
В портике 416
Стыдливость 417
Купанье 417
Ваятель и натурщица 418
Просьба художника 419
Пир 419
«Ложе из лилий и роз приготовил тебе я...» 420
Моя богиня 422
Вакханка 423
Девушка у Харона 424

А. РАЗОРЕНОВ

«Не брани меня, родная...» 426

И. НИКИТИН

Русь 427
Зимняя ночь в деревне 430
Жена ямщика 432
Бурлак 437
Утро 439
Внезапное горе 440
Гнездо ласточки 441
Нищий 442
Ночлег в деревне 442
Дедушка 443
«Ярко звезд мерцанье...» 444
«Ехал из ярмарки ухарь-купец...» 445
Песня бобыля 446
«Вырыта заступом яма глубокая...» 447

Н. ДОБРОЛЮБОВ

«Когда среди зимы холодной...» 449
Сила слова 450
Моему ближнему *(Обличительное стихотворение)* 450
Мысли помощника винного пристава 451
«Еще работы в жизни много...» 452
«О, подожди еще, желанная, святая!..» 452
«Бурного моря сердитые волны...» 453
«Милый друг, я умираю...» 453

М. МИХАЙЛОВ

Гренадеры 454
На пути («Предо мной лежит...») 455
«Когда ж минует испытанье?..» 455
Перепутье 456
«Джон Андерсон, сердечный друг!..» 456
На пути («За туманами потух...») 457
«О сердце скорбное народа!..» 457
Памяти Добролюбова 458
«Крепко, дружно вас в объятья...» 459
«Те же всё унылые картины...» 460

Пятеро 460
«Как долгой ночью ждет утра...» 462
«Снова дней весенних...» 463
«Вышел срок тюремный...» 463
«Зарею обновленья...» 463
Конституционист 464
Недоразумение 464
Преданность 464
«Только помыслишь о воле порой...» 465
«Вечером душным, под черными тучами нас похоронят...» . . . 465
«Зимние вьюги завыли...» 465

В. КУРОЧКИН

Старый капрал 467
Знатный приятель 469
Двуглавый орел 471
«Я не поэт — и, не связанный узами...» 472
Знаки препинания 474
Человек с душой *(Идиллия)* 475
Идеальная ревизия 476
Весенняя сказка 477
Господин Искариотов 477
Семейная встреча 1862 года 479
«Юмористическим чутьем...» 482
Тик-так! Тик-так! 482
Природа, вино и любовь *(Из былых времен)* 484
«Нет, положительно, роман...» 486
Завещание 487
Погребальные дроги 489
На могиле Д. И. Писарева (Братьям писателям) 490

Д. МИНАЕВ

Кумушки 491
Сказка о восточных послах 492
Юмористам 493
Совет 494
«Холод, грязные селенья...» 494
«Чудная картина!..» 495
«Жизнь наша вроде плац-парада...» 495
Мотивы русских поэтов
1. Мотив мрачно-обличительный 496
2. Мотив слезно-гражданский 497

3. Мотив ясно-лирический 497
4. Юбилейный мотив *(Кому угодно)* 498
5. Мотив бешено-московский 498
Аналогия стихотворца 499
Шут 499
У входа в прессу 501
Безыменному журналисту 501
Насущный вопрос 502
Ренегат 503
«В стихах и в прозе, меньший брат...» 504
«Когда-то, милые друзья...» 505
Клевета 505
«Нельзя довериться надежде...» 505
«Поэт понимает, как плачут цветы...» 505
В Финляндии 506
Журналу, переменившему редактора 506
Житейская иерархия 506
Хлеб и соль 507
Либерал от «Порядка» 507
Отголоски о цензуре 507
М. Н. К⟨атко⟩ву 508
«Понемножку назад да назад...» 508
Две смерти *(Баллада)* 508
Король и шут 513
NN («Он знает, где зимуют раки...») 514
⟨В. П. Буренину⟩ («По Невскому бежит собака...») 514

В. БОГДАНОВ

Дубинушка 515

П. ВЕЙНБЕРГ

«Он был титулярный советник...» 517

Л. ПАЛЬМИН

Requiem 518

А. ЖЕМЧУЖНИКОВ

«О, скоро ль минет это время...» 519
Нашему прогрессу 519
Нашей цензуре 520
Осенние журавли 520

Моей музе 520
Первый снег 521
Забытые слова 522
Конь Калигулы 522
Завещание 523

А. АММОСОВ

Элегия 525

А. НАВРОЦКИЙ

Утес Стеньки Разина 528

П. ЛАВРОВ

Новая песня («Отречемся от старого мира!..») 530

И. ФЕДОРОВ (ОМУЛЕВСКИЙ)

«Светает, товарищ!..» 532

Л. ТРЕФОЛЕВ

Песня о камаринском мужике 533

И. СУРИКОВ

Рябина 537
В степи 538
Детство 540
«Где ты, моя юность?..» 542
«Сиротой я росла...» 543
«Не проси от меня...» 544
На берегу 544
Казнь Стеньки Разина 545
«Не корите, други...» 547

С. ДРОЖЖИН

Песня швей 549
Моя муза 550
«Честным порывам дай волю свободную...» 551
«Жар весенних лучей...» 551

«Я для песни задушевной...» 551
«Ценою жгучих слез и муки...» 552

Д. САДОВНИКОВ

«Из-за острова на стрежень...» 553

А. БОРОВИКОВСКИЙ

К судьям 555

П. ЯКУБОВИЧ

Падаль 557
«Я пою для тех, чьи души юны...» 558
«Не за каждым всплеском моря...» 558
Альбатрос 559
Облако 559
«Ни о чем не жалею я в прошлом, друзья...» 561
«Ты целый мир вместить могла бы в свой альков...» 561

В. ФИГНЕР

Лопатину («Нам выпало счастье — все лучшие силы...») 563
Матери 563
«Пали все лучшие... В землю зарытые...» 564

А. БАРЫКОВА

У кабака 565

А. АПУХТИН

«Гремела музыка, горели ярко свечи...» 566
«О, боже, как хорош прохладный вечер лета!..» 566
Астрам 567
«Ни отзыва, ни слова, ни привета...» 567
Осенние листья 568
«Сухие, редкие, нечаянные встречи...» 569
«Опять в моей душе тревоги и мечты...» 570
«В убогом рубище, недвижна и мертва...» 570
Мухи 571
Памяти Ф. И. Тютчева 571
С курьерским поездом 572

«Ночи безумные, ночи бессонные...» 575
«Я ее победил, роковую любовь...» 575
Пара гнедых *(Перевод из Донаурова)* 576
«Мне не жаль, что тобою я не был любим...» 577
Памяти прошлого 577
Сумасшедший 578
«Все, чем я жил, в чем ждал отрады...» 580

К. СЛУЧЕВСКИЙ

Приди! 582
«Я видел свое погребенье...» 583
«Ночь. Темно. Глаза открыты...» 583
Невеста 584
«Каждою весною, в тот же самый час...» 584
«За то, что вы всегда от колыбели лгали...» 584
Камаринская 585
«Мне грезились сны золотые!..» 585
Утро 586
Новгородское предание 586
Преступник 587
После казни в Женеве 588
«Что, камни не живут? Не может быть! Смотри...» 588
«Не стонет справа от меня больной...» 589
«Да, я устал, устал, и сердце стеснено!..» 589
«Свобода торговли, опека торговли...» 589
«В костюме светлом Коломбины...» 590
«По крутым по бокам вороного...» 590
«Полдневный час. Жара гнетет дыханье...» 590
«Устал в полях, засну солидно...» 591
«В душе шел светлый пир. В одеждах золотых...» 591
«Будто в люльке нас качает...» 592
«Из твоего глубокого паденья...» 592
«Какие здесь всему великие размеры!..» 592
«Скажите дереву: ты перестань расти...» 593
«Нет, жалко бросить мне на сцену...» 593
«Где только есть земля, в которой нас зароют...» 595
«Ты не гонись за рифмой своенравной...» 595
«Воспоминанья вы убить хотите?!» 596
«Мне ее подарили во сне...» 596
«Часто с тобою мы спорили...» 597
«О, будь в сознанье правды смел...» 597
«Упала молния в ручей...» 597

Н. МИНСКИЙ

Наше горе 598
Пред зарею 599
В деревне 599
Серенада 600
«Она, как полдень, хороша...» 600
Над могилой В. Гаршина 601
На корабле 601
Любовь к ближнему 602
Волна 602
Утешение 603
Посвящение 604
«О, этот бред сердечный и вечера...» 604

В. СОЛОВЬЕВ

«Хоть мы навек незримыми цепями...» 605
«У царицы моей есть высокий дворец...» 605
Посвящение к неизданной комедии 606
«Под чуждой властью знойной вьюги...» 607
«Бескрылый дух, землею полоненный...» 607
В Альпах 608
Осеннею дорогою 608
«Бедный друг! истомил тебя путь...» 608
Сайма в бурю 609
На Сайме зимой 609
«Милый друг, иль ты не видишь...» 610

С. НАДСОН

«Друг мой, брат мой, усталый, страдающий брат...» 611
«Я плакал тяжкими слезами...» 612
«Милый друг, я знаю, я глубоко знаю...» 612
«Одни не поймут, не услышат другие...» 613
«...И крики оргии, и гимны ликованья...» 613
«Неужели сейчас только бархатный луг...» 614
«Не вини меня, друг мой,— я сын наших дней...» 615
«Быть может, их мечты — безумный, смутный бред...» 615
«Как каторжник влачит оковы за собой...» 616
«Наше поколенье юности не знает...» 616
«Довольно я кипел безумной суетою...» 617
«Есть у свободы враг опаснее цепей...» 618
«Жалко стройных кипарисов...» 618

«Умерла моя муза!.. Недолго она...» 618
«Закралась в угол мой тайком...» 619
«Это не песни — это намеки...» 620
«По смутным признакам, доступным для немногих...» 620
Мать 621
Жизнь 622
«Не говорите мне «он умер». Он живет!..» 623

К. ФОФАНОВ

«Потуши свечу, занавесь окно...» 624
«У поэта два царства: одно из лучей...» 624
«Мы при свечах болтали долго...» 625
«Столица бредила в чаду своей тоски...» 625
«Не правда ль, все дышало прозой...» 626
«Звезды ясные, звезды прекрасные...» 626
Два мира 627
«Под напев молитв пасхальных...» 627
«Шумят леса тенистые...» 628
«Была ль то песнь, рожденная мечтою...» 629
После грозы 629
«На волне колокольного звона...» 630
«Как стучит уныло маятник...» 630
«В ее душе разлад...» 631
«Пел соловей, цветы благоухали...» 632
Стансы 632
Под музыку осеннего дождя 633

М. ЛОХВИЦКАЯ

«Если б счастье мое было вольным орлом...» 634
Элегия («Я умереть хочу весной...») 634
«И ветра стон, и шепот мрачных дум...» 635
«Быть грозе! Я вижу это...» 635
Спящий лебедь 635
«Моя душа, как лотос чистый...» 636
«Я люблю тебя, как море любит солнечный восход...» 636
Заклинание 637
Саламандры 637
Не убивайте голубей 638
«Я хочу быть любимой тобой...» 639
«Я хочу умереть молодой...» 640

Смело, товарищи, в ногу... 641
Смелей, друзья, идем вперед... 642

Примечания *В. Коровина* 645

Н. Нечаева. К иллюстрациям 709

На суперобложке:

«После проливного дождя». Акварель Ф. А. Васильева. 1870 г. Государственная Третьяковская галерея.

«Сельский пейзаж». Акварель А. А. Киселева. 1894 г. Государственная Третьяковская галерея.

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
СЕРИЯ ВТОРАЯ
Том 106

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ XIX в.
Том 2

*

Редакторы
С. Чулков и И. Щербакова
Оформление «Библиотеки»
Д. Бисти
Художественный редактор
Л. Калитовская
Технический редактор
В. Иващенко
Корректор Г. Асланянц

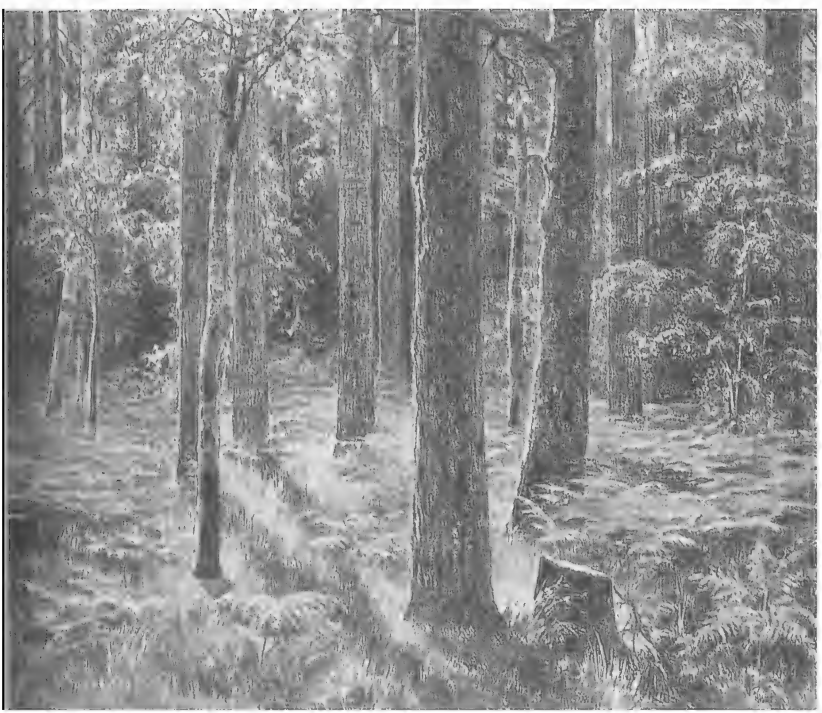
*

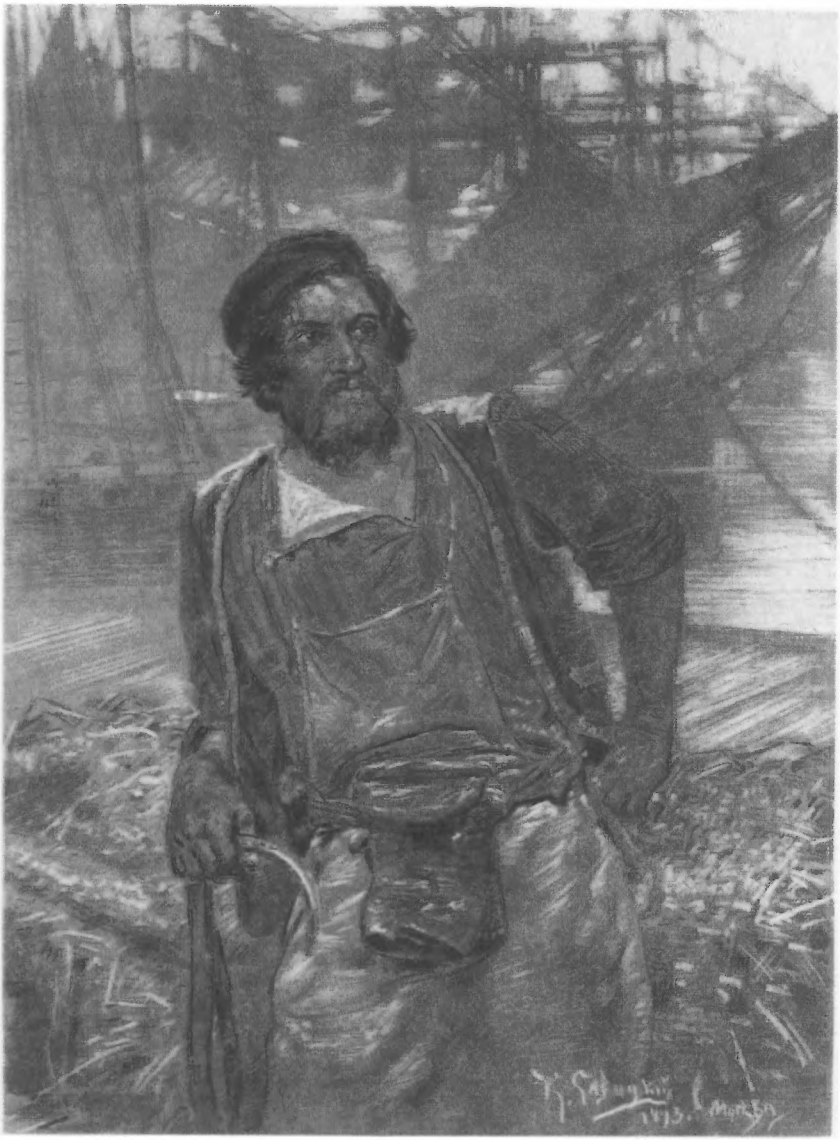
Сдано в набор 21/VIII 1973 г. Подписано к печати 24/XII 1973 г. Бумага типограф. № 1, форм. 60×84¹/₁₆—46 печ. л., 42,918 усл. печ. л., 35,973+8 нак.=36,808 уч.-изд. л. Тираж 303 000 экз. Заказ 615. Цена 2 р. 01 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

*

Ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
Москва, М-54, Валовая, 28





B. Barnes
1870